

Ф.Д. Джеймс — Филлис Дороти
научно-приключенческий

Филлис Дороти

ДЖЕЙМС

Черная башня

Суперпопулярный автор английского детектива!
Самый популярный писатель — 60 миллионов экземпляров!

Annotation

Смерть провинциального престарелого священника Бэддли выглядит вполне естественно... но опытный детектив Адам Дэлглиш, давний приятель покойного, подозревает, что а действительности это – УБИЙСТВО.

Ведь незадолго до гибели Бэддли НАСТОЙЧИВО просил Адама о встрече и намекал, что нуждается в его ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ помощи...

Однако КОМУ и ЗАЧЕМ понадобилось лишать жизни скромного пожилого человека?

Дэлглиш начинает расследование – и вскоре приходит к шокирующему выводу: убийство его друга – лишь ЗВЕНО в цепи ЗАГАДОЧНЫХ СМЕРТЕЙ, к которым причастен неуловимый безжалостный убийца...

- [Филлис Дороти Джеймс](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [I](#)
 - [II](#)

- [III](#)
 - [IV](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-
-

Филлис Дороти Джеймс
Черная башня

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИГОВОРЕН К ЖИЗНИ

Это был последний визит великого светила, и Дэлглиш подозревал, что ни один из них – ни врач, ни пациент – об этом не сожалел. Высокомерие и снисходительность с одной стороны и слабость, признательность и зависимость с другой никак не могут, пусть даже и на краткий срок, стать основой взаимоприятных отношений между взрослыми людьми.

Доктор торжественно вступил в крошечную больничную палату: впереди – медсестра, сзади – свита ассистентов и студентов-медиков, а сам он уже одет к модной свадьбе, которую намеревался почтить своим присутствием чуть позже. Врач как две капли воды походил на жениха, только вместо традиционной гвоздики у него в петлице красовалась алая роза. И цветок, и его обладатель буквально лучились искусственным, невероятным, немислимым совершенством – словно завернутые в подарочную фольгу, неподвластные случайным ветрам, морозами неделикатным пальцам, которые, чего доброго, загубили бы совершенство более незащищенное. В качестве последнего, завершающего штриха и врач, и цветок в петлице были чуть сбрызнуты одинаковым (и, судя по всему, очень дорогим) лосьоном после бритья. Дэлглиш различал этот сильный и утонченный аромат даже сквозь больничные запахи эфира и вареной капусты, к которым за последние несколько недель настолько привык, что теперь фактически их не замечал. Студенты с ассистентами столпились вокруг койки. Длинноволосые, в коротких белых халатах, они походили на стайку чуть подгулявших подружек невесты.

Умелые и безразличные руки сестры проворно раздели Дэлглиша для очередного обследования. По груди и спине скользнул холодный диск стетоскопа. Нынешний, последний, осмотр был чистейшей формальностью, однако врач, как всегда, провел его с тщательностью – он никогда не позволял себе небрежности. И если в данном случае все же ошибся в первоначальном диагнозе, то это никоим образом не уронило его самооценки. Необходимости извиняться доктор не ощущал – ну разве что чисто формально.

Закончив прослушивание, он выпрямился.

– Мы получили результаты последних анализов и, думаю, теперь можем не сомневаться, что истолковали их правильно. Цитология, конечно,

всегда дело темное, да к тому же постановка диагноза осложнилась из-за пневмонии. Но у вас не острая лейкемия, у вас вообще не лейкемия. Болезнь, от которой вы сейчас, к счастью, выздоравливаете, оказалась атипичным мононуклеозом. Поздравляю вас, командер. Заставили вы нас поволноваться.

– Я показался вам интересным пациентом, а вот вы меня как раз заставили поволноваться. Когда меня выпишут?

Великий человек засмеялся и улыбнулся свите, приглашая остальных столь же благодушно, как и он, отнестись к еще одному примеру неблагодарности выздоравливающих. Дэлглиш быстро добавил:

– Полагаю, вам нужны койки.

– Нам всегда требуется больше коек, чем у нас есть. Но не стоит спешить. До полного выздоровления еще очень и очень далеко. Так что посмотрим.

Когда все ушли, Дэлглиш лег на спину, блуждая взглядом по двум кубическим футам палаты, будто видел ее впервые. Раковина для умывания с локтевым краном; аккуратная и очень функциональная тумбочка у кровати, на ней – закупоренный графин с водой; два виниловых кресла для посетителей, наушники в изголовье; на окне занавески с гнусным узором в цветочек – настоящий символ безвкусицы. Вся эта скудная больничная обстановка была последним, что ожидал Дэлглиш лицезреть в жизни. Жалкое, безликое место, только и годное, чтобы здесь умереть. Совсем как номер в гостинице: все здесь предназначено для постоянной смены жильцов. Как бы ни покидали здешние постояльцы эту палату – на своих двоих или под простыней на каталке морга, – после них не оставалось ровным счетом ничего, даже памяти об их страхах, страданиях и надеждах.

Смертный приговор – надо полагать, как все подобные приговоры – был вынесен посредством озабоченных взглядов, явственно-фальшивой сердечности, перешептываний приглашенных консультантов, обилия анализов и нежелания до последнего, пока Дэлглиш не потребовал прямого ответа, обсуждать диагнозы и прогнозы. Приговор к жизни, изложенный куда менее изощренным способом, когда худшие дни болезни уже миновали, явился для больного чуть ли не оскорблением. Дэлглишу казалось: со стороны врачей крайне неосмотрительно, чтобы не сказать халатно, с такой тщательностью обречь его на смерть, а потом вдруг взять да передумать. Теперь он со стыдом и неловкостью вспоминал, как легко, почти без сожалений, отказался от былых радостей и занятий. Глобальность предстоящей утраты показала их истинный масштаб: в лучшем случае – просто развлечение, в худшем – напрасная трата времени

и сил. Теперь приходилось снова браться за них, снова заставлять себя поверить, будто они имеют какой-то смысл и значимость хотя бы для него самого. Дэлглиш сомневался, что сумеет поверить в их значение для других людей. Хотя, конечно, когда вернутся силы, все встанет на места. Только дайте срок, физическая жизнь заявит о своих правах. Он примирится с жизнью – ведь альтернативы-то нет, а нынешний приступ омерзения и безнадежной апатии – которые так удобно списать на банальную слабость – перейдет в убеждение, что ему крупно повезло. Коллеги, избавленные от неловкости, бросят его поздравлять. Теперь, когда смерть подменила собой секс в качестве табуированной темы для разговоров, она обрела и некую собственную стыдливость; умереть раньше, чем ты превратишься в обузу, прежде, чем твои друзья смогут с чистой совестью изречь ритуальное «отмучился», – дурной тон.

Но сейчас Дэлглиш не был уверен, что сможет снова вернуться к работе. Успев свыкнуться с ролью простого зрителя – а в недалекой перспективе и того меньше, – он чувствовал, что не готов выйти на шумную игровую площадку мира. Или если уж придется выходить, то сделать это нужно в наименее шумном местечке. За время, прошедшее после оглашения вердикта, он не успел обдумать эту мысль глубоко и тщательно – да и времени-то прошло совсем мало. Она возникла скорее на уровне ощущений, а не сознательного решения. Настал момент сменить курс. Судебные уставы, трупное окоченение, дознания и допросы, созерцание изувеченной плоти и переломанных костей, все, из чего состоит охота на людей, – с этим он покончил. На свете полно и других занятий. Дэлглиш, правда, еще не знал точно, каких именно, однако не сомневался: что-нибудь да подвернется. Впереди еще две недели отпуска – надо принять решение, обдумать его, оправдать в собственных глазах и, самое трудное, подобрать слова, чтобы обосновать подобный поступок в глазах комиссара. Сейчас неподходящее время, чтобы бросать Скотланд-Ярд; сослуживцы сочтут такой поступок дезертирством. С другой стороны, время никогда не бывает подходящим.

Он и сам не знал, объясняется ли разочарование в работе исключительно перенесенной болезнью, полезным напоминанием о неизбежной смерти или же это симптом недуга более фундаментального, свойственного «среднему возрасту», с его периодическими приступами хандры и неуверенности. В такой ситуации вдруг понимаешь, что надежды, отложенные «до лучших времен», уже не осуществятся, что порты, где ты бывал когда-то, никогда не увидишь вновь, а само твое путешествие – сплошная ошибка и доверять картам и компасам просто опасно.

Более того, прежняя работа теперь казалась Дэлглишу тривиальной, перестала его удовлетворять. Лежа без сна в унылой, безличной палате, как, должно быть, лежало немало пациентов до него, и следя за светом фар проезжающих мимо машин, вслушиваясь в тайные, приглушенные звуки ночной жизни больницы, Дэлглиш мысленно подводил итоги жизни, и эти итоги не радовали. Скорбь по погибшей жене, в свое время такая искренняя, душераздирающая, превратилась в предлог, чтобы более не вкладывать в любовные отношения душу. Все его романы – в том числе и тот, который сейчас периодически отнимал малую толику его времени и чуть большую толику энергии, – были цивилизованными, малоэмоциональными, взаимовыгодными и необременительными. В этих романах по умолчанию подразумевалось, что если располагать своим временем Дэлглиш не совсем может, то уж сердце-то его свободно целиком и полностью. Подруги его все как одна являлись женщинами эмансипированными. У каждой были интересная работа и уютная квартира, каждая руководствовалась принципом «Довольствуйся тем, что можешь получить». И уж конечно, все они были освобождены от тех запутанных, затягивающих, разрушительных эмоций, что отягощали жизнь прочих женщин.

Порой Дэлглиш задумывался: а имеют ли, собственно, эти тщательно продуманные романы, участники которых, точно пара ластящихся кошек, стремились исключительно к удовольствию, хоть какое-то отношение к настоящей любви – с неубранными постелями и немытой посудой, пеленками, тесной и теплой клаустрофобией семейной жизни и взаимными обязательствами? Перенесенная утрата, работа, стихи – все это он пускал в ход, чтобы оправдать свою самодостаточность. А еще его женщины покорно уступали Дэлглиша стихам – даже легче, чем покойной жене. Они ни в грош не ставили сантименты, зато питали непомерное почтение к искусству. А что было хуже —или, возможно, лучше, —так это то, что он ничего не мог изменить, даже если бы и захотел. И что все это уже не имело ровным счетом никакого значения. Ни малейшего. За последние пятнадцать лет он ни разу никого не обидел, никого не заставил страдать – во всяком случае, намеренно. И только сейчас в голову ему пришло, что ничего более убийственного представить невозможно.

Что ж, если всего этого изменить нельзя, то работу поменять – запросто. Хотя прежде всего предстояло выполнить одно личное обязательство —то самое, от которого он, как ни извращенно это звучит, рад был бы увильнуть под предлогом смерти. Теперь убежать не удастся.

Приподнявшись на локте, Дэлглиш дотянулся до тумбочки, вытащил

оттуда письмо отца Бэддли и первый раз прочел его по-настоящему внимательно и вдумчиво. Старику, верно, под восемьдесят – он давно немолод. Тридцать лет минуло с тех пор, как он приехал в норфолкскую деревушку младшим священником к отцу Дэлглиша – робкий, бестолковый, вмешивающийся во все на свете, кроме самого важного, упрямый и абсолютно бескомпромиссный. Это письмо было третьим из тех, что Дэлглиш получил от Бэддли за тридцать лет. Датированное одиннадцатым сентября, оно гласило:

Дорогой Адам!

Понимаю, что ты, как всегда, очень занят, но мне бы очень хотелось, чтобы ты выкроил время и навестил меня, потому что я очень нуждаюсь в твоём профессиональном совете по одному вопросу. Дело не очень срочное, только вот сердце у меня что-то начинает изнашиваться быстрее всего прочего, так что уверенно думать о завтрашнем дне я не могу. Бываю здесь каждый день, но, наверное, выходные тебе подойдут больше. Должен тебя предупредить, что я теперь служу священником в Тойнтон-Грэйндж, частном приюте для молодых инвалидов, а живу, милостью директора, Уилфреда Энсти, в коттедже «Надежда», расположенном на территории лечебницы. Днём и вечером я обычно питаюсь в Грэйндж, но тебе, наверное, это будет неудобно, да и времени нам на общение тогда останется меньше, поэтому я воспользуюсь следующей же поездкой в Уорхэм, чтобы закупить провизию. У меня тут есть небольшая свободная комнатка, куда я смогу переехать, чтобы освободить для тебя спальню.

Не мог бы ты послать открытку, чтобы дать мне знать, когда приедешь? Машины у меня нет, но контора Уильяма Дики на по найму автомобилей и вызову такси расположена в пяти минутах ходьбы от станции (спроси на станции, тебе покажут, куда идти) и весьма недорога и надёжна. Автобусы от Уорхэма ходят редко, да и то лишь до деревни Тойнтон, а оттуда шагать ещё полторы мили – очень приятная прогулка в хорошую погоду, но после такого долгого путешествия тебе, верно, не захочется идти пешком. На случай если ты все же решишь прогуляться, я нарисую карту на обороте письма.

Карта сбила бы с толку любого, кто привык ориентироваться по классическим публикациям в атласах, а не по картам начала семнадцатого века. Волнистые линии, судя по всему, символизировали море. Не хватало разве что кита с фонтанчиком над спиной. Автобусная остановка в

Тойнтоне была обозначена достаточно четко, но далее дрожащая линия неуверенно петляла по пестрому разнообразию полей, ворот, пабов и зарослей треугольных зубчатых елочек. Время от времени, когда отец Бэддли понимал, что, образно выражаясь, сбился с пути, линия возвращалась вспять. Крохотный фаллический символ на побережье, выделенный в качестве ориентира, хотя вообще-то нужная тропинка туда и близко не подходила, был подписан как «черная башня».

Карта растрогала Дэлглиша почти так же, как трогает снисходительного отца первый рисунок ненаглядного дитя. И до каких же глубин слабости и апатии должен был он докатиться, чтобы не внять этому жалостному зову! Порывшись в ящичке, Дэлглиш отыскал открытку и коротко написал, что прибудет на машине около полудня в понедельник, первого октября. Так у него будет еще уйма времени на то, чтобы выбраться из госпиталя и посидеть у себя на квартире, в Куините, первые несколько дней после выписки. Дэлглиш подписал открытку одними инициалами, наклеил марки и прислонил к графину с водой, чтобы не забыть попросить кого-нибудь из медсестер отправить ее с утра первым классом.

Осталось у него и еще одно небольшое обязательство, исполнить которое было потруднее. Правда, с этим, решил Дэлглиш, можно и подождать. Надо повидаться с Корделией Грэй – или хотя бы позвонить ей – и поблагодарить за цветы. Дэлглиш понятия не имел, откуда она узнала, что он болен, – разве что кто-то из друзей в полиции сказал. Руководящая должность в детективном агентстве Берни Прайда (если оно, конечно, еще не вылетело в трубу, как должно было давным-давно вылететь по всем законам справедливости и экономики), вероятно, подразумевала, что у Корделии есть пара-другая знакомых полисменов. Кроме того, Дэлглишу казалось, что о его болезни вроде бы упоминали какие-то вечерние газеты, комментируя недавние потери в высших эшелонах Ярда.

Этот маленький, тщательно подобранный и персонально составленный букетик, индивидуальный, как сама Корделия, вступал в очаровательный контраст с прочими передачами из оранжерейных роз, хризантем-переростков, похожих на метелки для пыли, неестественных первоцветов и гладиолусов, розовых пластмассовых цветов, закоченевших на твердых стеблях и даже пахнущих анестетиками. Должно быть, Корделия недавно ездила в какой-нибудь сад за городом – Дэлглиш гадал, куда именно. Он даже задумался: а зарабатывает ли она своим трудом себе хотя бы на жизнь, однако немедленно прогнал глупую мысль. В букетик (Дэлглиш помнил как сейчас) входили серебряные диски лунника, три веточки зимнего вереска,

четыре розочки – не изможденные тугие зимние бутоны, а пышные желто-оранжевые свертки, нежные, как первые цветы лета, а еще – тонкие побеги садовых хризантем, красно-оранжевые ягодки, а в центре – точно сверкающий драгоценный камень – яркий георгин. Весь букет окружали мелкие сероватые листочки, которые в детстве называли «кроличьими ушками». Вышло очень трогательно – юный, душещипательный поступок, более зрелая и умудренная женщина ни за что бы так не поступила. К букету прилагалась только коротенькая записка – мол, услышала, что ты болен, посылаю цветы, желаю скорейшего выздоровления. Надо бы встретиться с Корделией или хотя бы написать, поблагодарить лично. Того, что медсестра по его просьбе звонила в агентство, недостаточно.

Впрочем, с этим, как и с более фундаментальными решениями, можно и подождать. Сначала надо увидаться с отцом Бэддли. И не просто из чувства религиозного или даже сыновнего долга. Дэлглиш поймал себя на том, что, несмотря на вполне предвидимые затруднения и неловкость, которые сулила эта встреча, он с удовольствием предвкушает возможность снова встретиться со старым священником. Правда, командер не собирался позволить отцу Бэддли, пусть и ненамеренно, вернуть его к прежней работе. Если (в чем Дэлглиш глубоко сомневался) упоминаемая священником проблема действительно принадлежит к числу тех, что должна решать полиция, пусть ею занимается дорсетский констебль. И все же, пока нынешняя ранняя осень и дальше будет такой же солнечной, Дорсет – самое подходящее место для выздоравливающего.

Однако голый белый прямоугольник, прислоненный к графину с водой, казался до странности навязчивым. Взгляд Дэлглиша вновь и вновь возвращался к нему, точно к какому-то могущественному символу, письменно удостоверяющему вердикт: жить. Он обрадовался, когда в палату заглянула сдающая смену дежурная медсестра и унесла открытку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СМЕРТЬ СВЯЩЕННИКА

Через одиннадцать дней, все еще слабый и по-больничному бледный, зато преисполненный эйфории от свойственного выздоравливающим обманчивого ощущения здоровья, Дэлглиш с первыми лучами солнца покинул свою квартиру над Темзой в Куините и, сев в машину, выехал из Лондона на юго-запад. За два месяца до внезапной болезни он с болью и неохотой расстался со своим стареньким «купер-бристолем» и теперь сидел за рулем «дженсен-хилл», радуясь тому, что машина уже обкатана, а сам он в душе почти смирился с переменой. Символически начинать новую жизнь на совершенно новой машине было бы чересчур банально. С собой Дэлглиш прихватил всего один саквояж и кое-какие принадлежности для пикников, в том числе штопор в багажнике, а в карман сунул томик стихов Гарди «Возвращение на родину» и путеводитель Ньюмэна и Ревзнера по Дорсету. Поездка задумывалась как классические каникулы выздоравливающего: знакомые книги; короткий визит к старому другу как предлог для всего путешествия в целом; возможность в любой день свернуть в любую сторону, в зависимости от того, что придет в голову, причем в краю одновременно и новом, и знакомом. У Дэлглиша был даже полезный стимул в виде проблемы, которую позарез требуется разрешить и которой можно хотя бы в собственных глазах оправдать безделье.

Последний раз оглядывая квартиру перед выходом, он смутился, поймав себя на том, что по привычке тянется за набором для осмотра места преступления. Коммандер не помнил, когда последний раз куда-нибудь ездил без него, даже в отпуск. Однако теперь оставить набор в квартире значило подтвердить решение, над которым предстояло хорошенько подумать ближайшую пару недель, но которое, как Дэлглиш в глубине сердца знал, уже принято.

В Винчестер он добрался к позднему завтраку, коим разжился в отеле в тени собора, а следующие два часа провел, заново открывая для себя этот город перед тем, как двинуться в Дорсет. Теперь Дэлглиш вдруг ощутил, что вовсе не стремится поскорее попасть в конечный пункт путешествия. Неторопливо, почти бесцельно петляя по проселочным дорогам, он доехал до Блэндфорда, где купил бутылку вина, рогалики с маслом, сыр и фрукты себе на перекус, а также пару бутылок амонтильядо для отца Бэддли. Затем так же неторопливо коммандер повернул к юго-востоку, минуя винтербурнские деревушки, и далее – через Уорхэм к замку Корф.

Величественные камни, символы мужества, жестокости и предательства, часовыми стояли в ущелье на гребне Парбек-Хилл, где несли стражу уже тысячу лет. Вкушая свой одинокий завтрак, Дэлглиш заметил, что постоянно возвращается взглядом к зубчатым стенам из тесаных валунов, что темным силуэтом вырисовывались на фоне неба. Точно не желая проезжать в тени замка и ища предлог, чтобы хоть немного затянуть одиночество мирного и ненапряженного дня, он провел некоторое время в безуспешных попытках отыскать на каменистых склонах горечавку и лишь потом сел за руль, дабы преодолеть последние пять миль пути.

Деревня Тойнтон. Вереница домиков с верандами; волнистые крыши из серого камня поблескивают на солнце; не слишком-то живописный паб на окраине; меж домов проглядывает ничем не примечательная церквушка. Дорога, с обеих сторон огражденная невысокими каменными оградами, плавно шла в гору между молодыми елочками, и Дэлглиш начал узнавать приметы, указанные на схеме отца Бэддли. Скоро дорога разделится, одно узкое ответвление свернет на запад, огибая холмы, второе пойдет через ворота в Тойнтон-Грэйндж, а оттуда к морю. И вот перед ним появились тяжелые железные ворота, вделанные в стену из плоских, не скрепленных цементом камней. Стена была добрых три фута толщиной, камни искусно пригнаны друг к другу, сцеплены мхом и лишайником, увенчаны колышущимися травами. Они образовывали барьер столь же надежный и прочный, как мыс, из которого выростали. По обеим сторонам от ворот висели деревянные доски с выведенными краской предупредительными надписями.

Левая гласила: «Надеемся, что вы проявите уважение к нашему уединению».

Правая звучала более строго. Буквы выцвели, зато написаны они были профессиональнее.

НЕ ВХОДИТЬ.

СУГУБО ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ.

ОПАСНЫЕ УТЕСЫ БЕЗ ДОСТУПА К ПЛЯЖУ.

**ПРИПАРКОВАННЫЕ МАШИНЫ И ФУРГОНЫ БУДУТ
ЭВАКУИРОВАНЫ**

Под этим объявлением висел большой почтовый ящик.

Дэлглишу пришло в голову, что любой водитель, не внявший сей тщательно выверенной смеси просьбы, предупреждения и угрозы, чуть позже сам призадумается: стоит ли подвергать рессоры машины такому риску? Сразу же за воротами дорога резко портилась, и контраст между относительной ровностью «до» и каменистыми ухабами «после» казался

почти символическим. Ворота, хоть и не запертые на ключ, были снабжены тяжелым засовом замысловатой конструкции, манипуляции с которым давали незваному гостю время пожалеть о своей опрометчивости. Дэлглишу, еще слабому после болезни, потребовалось немало потрудиться, чтобы открыть створки. Наконец, проехав в ворота и закрыв их за собой, он почувствовал, что ввязался в сомнительное предприятие – сколь туманное, столь и неблагоразумное. Скорее всего проблема окажется не связанной с его профессиональными навыками, и лишь не знающий жизни старый священник (бедняга, вероятно, потихоньку выживает из ума) мог подумать, будто тут необходимо вмешательство полиции. Но по крайней мере сейчас у Дэлглиша была непосредственная цель. Коммандер, пусть и неохотно, возвращался в мир, где люди решают свои проблемы, работают, любят, ненавидят, рассчитывают на счастье и – поскольку работа, с которой он намерен уйти, все равно никуда не денется – убивают или становятся жертвами убийц.

Снова садясь в машину, он наткнулся взглядом на кустик каких-то неизвестных цветов. Бледные розовато-белые головки поднимались над мшистой подушкой на вершине стены и деликатно подрагивали на слабом ветру. Подойдя поближе, Дэлглиш остановился перед цветами, молча любуясь их непритязательной красотой. Только теперь он уловил чистый, почти иллюзорный, привкус соли в воздухе. Теплый воздух ласково обвевал кожу. Дэлглиша внезапно охватило острое ощущение счастья, и он, как всегда в подобные редкие и мимолетные мгновения, поразился чисто физической природе этой радости. Она растекалась по венам, легонько пенилась и бурлила, словно пузырьки шампанского. Если анализировать это ощущение, оно мгновенно исчезнет. Дэлглиш отчетливо понял, что это такое, – он получил первый со времен болезни явственный знак: жить хорошо!

Машина, слегка подпрыгивая на ухабах, двинулась по рискованной дороге. Через пару сотен ярдов она достигла гребня, за которым Дэлглиш ожидал увидеть расстилающуюся до самого горизонта, мерцающую на солнце синь Английского канала. Вместо этого коммандер вновь пережил памятное по многочисленным школьным каникулам разочарование, когда после очередного прилива ложной надежды за холмом все еще не было видно долгожданного моря. За гребнем оказалась неглубокая каменистая долина, пересеченная множеством разбитых дорожек и троп, а справа виднелось то, в чем Дэлглиш безошибочно узнал Тойнтон-Грэйндж.

Квадратное массивное здание датировалось, должно быть, первой половиной восемнадцатого века. Однако владельцу не повезло с

архитектором – дом вышел просто чудовищным пятном на добром имени георгианского стиля. Он был повернут от моря на северо-запад, нагло бросая вызов типичному и загадочному правилу хорошего тона в архитектуре, которое, насколько себе представлял Дэлглиш, гласило: дом на взморье обязан стоять лицом к воде. Над крыльцом тянулись два ряда окон: первый – с большими каменными арками, второй – гораздо менее парадный, да и сами окна в нем были куда меньше. Казалось, их с трудом втиснули под главную достопримечательность дома – огромный ионический фронтон, увенчанный статуей – неуклюжей и с такого расстояния неузнаваемой каменной глыбой. В центре зияло круглое окно – единственный глаз циклопа, блестящий на солнце. Это архитектурное излишество уродовало весь фасад, придавало ему вид хмурый и нескладный. Дэлглиш подумал, что такой фронтон можно было бы еще с грехом пополам уравновесить удлиненными нишами, но то ли архитектору не хватило фантазии, то ли владельцу – денег, однако ныне дом выглядел до смешного незаконченным. К тому же за этим угрожающим фронтоном не виднелось и следа жизни. Наверное, обитатели – если это слово подходило – жили на задней половине. Правда, было уже половина пятого – как Дэлглиш помнил по больничному укладу, самый мертвый час. Вероятно, все сейчас отдыхали.

Неподалеку виднелись три коттеджа: пара в сотне ярдов от Грэйндж, а третий чуть выше по склону. Со стороны моря вроде бы проглядывала четвертая крыша, но на таком расстоянии точно разобрать не удавалось – быть может, просто выступ скалы. Поскольку командер не знал, какой именно из них называется «Надежда», он решил наведаться к двум ближайшим. Обдумывая, каклучше поступить, Дэлглиш выключил мотор и только теперь услышал море: негромкий ритмичный и неумолчный гул – один из самых ностальгических и навевающих воспоминания звуков.

Пока еще, судя по всему, чужака никто не заметил. Взморье молчало, даже птицы не пели. В безмолвии чудилось что-то странное, почти зловещее, и рассеять это впечатление не могло даже солнечное сияние чудесного дня.

Когда Дэлглиш подъехал к коттеджам, в окне не показалось лица, на крыльцо не вышла фигура в сутане. Коттеджи представляли собой старые одноэтажные постройки из известняка. На типичных для Дорсета тяжелых каменных крышах красовались яркие подушки изумрудного мха. Справа стояла «Надежда», слева – «Вера», названия были написаны относительно недавно. По всей видимости, третий коттедж, располагавшийся в отдалении, носил имя «Любовь», однако Дэлглиш сомневался, что к этой

символике приложил руку сам отец Бэддли. Старого священника отличало полнейшее пренебрежение внешней стороной и деталями быта, которое как-то не увязывалось с ситцевыми занавесочками, привешенными над дверьми коттеджа «Вера» вазонами с фуксией, а также стоящими по бокам от крыльца двумя ярко-желтыми кадками, где росли цветы. У ворот расположились два бетонных грибочка, этакий ширпотреб. Грибки были настолько лукаво-деревенские, что становилось странно, почему на них нет гномиков. Коттедж «Надежда», напротив, выглядел до мрачности аскетично. Крепкая дубовая скамья под окном, где можно погреться на солнце, на крыльце – коллекция тростей для ходьбы и старый зонтик. Тускло-красные шторы из тяжелой и плотной ткани задернуты.

Никто не ответил на стук. Дэлглиш и не ждал ответа. Было совершенно очевидно: оба коттеджа пусты. Дверь была закрыта на простую задвижку. Чуть поколебавшись, Дэлглиш отворил ее и вошел в сумрак прихожей, пропитанной теплым книжным и слегка пыльным запахом, который мгновенно перенес его на тридцать лет назад. Дэлглиш раздернул занавески, впуская в помещение свет. Глаза выхватывали очертания знакомых предметов: посередине комнаты – круглый столик из красного дерева на одной ножке, покрытый слоем пыли; у стены – бюро с выдвигной крышкой; кресло-качалка с высокой спинкой и крылатыми ручками, такое старое, что из ветхой материи лезла набивка, а сиденье и вовсе протерлось до дерева. Неужели то самое кресло? Не может быть! Наверное, этот внезапный приступ воспоминаний – всего лишь ностальгический самообман. Но рядом находилась еще одна вещь, столь же старая, сколь и знакомая. За дверью висел черный плащ отца Бэддли, а сверху – поношенный, потерявший форму берет.

Именно при виде этого плаща Дэлглишу впервые в голову пришла мысль, что в коттедже что-то не так. Странно, конечно, что хозяина не оказалось дома, но этому можно придумать множество объяснений. Например, открытка Дэлглиша не дошла по назначению, или отца Бэддли срочно вызвали в Грэйндж, или он отправился в лавку в Уорхэм и опоздал на обратный автобус. Возможно даже, он напрочь забыл, что ждет гостя. Но если он куда-то вышел, почему не надел плащ? Зимой ли, летом ли, а представить старого священника в другом одеянии было просто невозможно.

Тогда-то Дэлглиш и обратил внимание на то, что, должно быть, уже заметил, однако пропустил без внимания, – маленькую стопочку листов с изображением черного креста. Взяв с бюро один из них, командер поднес его к окну, словно надеясь при более ярком свете разглядеть, что

ошибается. Разумеется, никакой ошибки не было. Он прочел:
МАЙКЛ ФРЭНСИС БЭДДЛИ, СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ.
РОДИЛСЯ 29 ОКТЯБРЯ 1896.
СКОНЧАЛСЯ 21, СЕНТЯБРЯ 1974. ПОКОЙСЯ В МИРЕ.
ПОХОРОНЕН ПРИ ЦЕРКВИ СВЯТОГО МИХАИЛА И ВСЕХ
АНГЕЛОВ, ТОЙНТОН, ДОРСЕТ.
26 СЕНТЯБРЯ 1974 Г.

Умер одиннадцать дней назад, похоронен – пять. Впрочем, и так было понятно, что отец Бэддли скончался совсем недавно – чем еще объяснить витающее над коттеджем ощущение его присутствия? Будто он совсем рядом – позови только, и его рука ляжет на задвижку двери... Глядя на знакомый старый плащ с тяжелыми застежками – неужели старик и правда совсем не изменился за тридцать лет? – Дэлглиш ощутил прилив сожаления, даже горя, и сам удивился остроте своего чувства. Старик мертв. Должно быть, это естественная смерть – ведь его похоронили так быстро. Ни о смерти, ни о похоронах газеты не писали. И все же Бэддли что-то тяготило, а он скончался, так и не облегчив душу. Внезапно Дэлглишу стало крайне важно убедиться, что посланная им открытка дошла по назначению, что отец Бэддли умер, зная: его просьба о помощи не осталась без ответа.

Самым напрашивающимся местом для поисков было викторианское бюро, принадлежавшее еще матери отца Бэддли. Помнится, старый священник всегда запирал его на ключ. Майкла никоим образом нельзя было назвать скрытным, но тьобому священнику просто необходимхотя бы один ящик или шкафчик, куда не заглянут пытливые глаза уборщицы или не в меру любопытного прихожанина. Дэлглиш помнил, как отец Бэддли, бывало, рылся в глубоких карманах плаща, нашаривая маленький старинный ключик, для простоты обращения привязанный бечевкой к столь же старомодной бельевой прицепке. Должно быть, он все еще в кармане плаща.

С чувством, будто он обкрадывает мертвого, командер почередно обшарил оба кармана. Ключа не оказалось. Тогда Дэлглиш снова подошел к бюро и попробовал выдвинуть крышку. Она поддалась без труда. Нагнувшись, он осмотрел замок, потом принес из машины фонарик и оглядел все заново. Так и есть, замок взломан. Довольно аккуратная работа, да и несложная: замок был практически декоративным, предназначенным уберегать от простого любопытства, а не от решительного и злонамеренного посягательства. Вор вставил стамеску или нож – да хоть лезвие перочинного ножики – в щель между столом и крышкой и сильно

нажал. Повреждений осталось на диво мало, однако царапины и сам замок без всяких слов свидетельствовали о взломе.

Ладно, дело не в том, кто взломал. Возможно, сам отец Бэддли. Потеряй он ключ, найти такой же было бы негде, да и отыщешь разве в такой дыре хорошего слесаря? Конечно, странно было бы ожидать, что пожилой священник вдруг силой взламывает крышку, но опять-таки: почему бы и нет? Или это сделали уже после смерти отца Бэддли? Не нашли ключ, а кому-нибудь в Грэйндж, возможно, требовалось хоть как-то открыть бюро. Там могли храниться необходимые документы или бумаги – страховка, имена друзей, которых надо уведомить о кончине священника, завещание...

Дэлглиш решительно взял себя в руки – хватит строить догадки! – и разозлился, обнаружив, что всерьез раздумывает: не надеть ли перчатки перед тем, как осматриваться дальше?

Он наскоро проглядел содержимое ящиков стола. Там не оказалось ничего интересного. По всей видимости, отношения отца Бэддли с внешним миром были сведены к минимуму. Однако одна деталь мгновенно привлекла внимание Дэлглиша. Аккуратно сложенная стопка детских тетрадок форматом ин-кварто в светло-зеленых обложках. Он знал: это дневник отца Бэддли. Так, значит, они еще не исчезли из продажи, эти вездесущие бледно-зеленые тетрадочки с таблицей умножения на задней обложке, такие же неотъемлемые принадлежности младших классов, как и запачканная чернилами линейка или ластик. Отец Бэддли всегда покупал себе такие для дневников: по одной на каждые три месяца. И теперь, когда старый черный плащ бесформенно висел у двери, источая характерный для одежд священнослужителей запах пыли, Дэлглиш вдруг живо вспомнил один давнишний разговор. Так живо, будто ему всего лишь десять, а отец Бэддли, еще не старый, но уже казавшийся вечным, сидит здесь же, за письменным столом.

– Отец, так, выходит, это самый обычный дневник? А вовсе не изложение вашей духовной жизни?

– Это и есть духовная жизнь: самые обычные вещи, которые делаешь день ото дня, час от часу.

Адам с присущим юности эгоизмом спросил:

– Тут все, что делаете вы сами? А обо мне ничего?

– Ничего. Только то, что делаю я. Не помнишь, в какое время сегодня началась встреча «Союза матерей»? На этой неделе они собирались у твоей матушки. Кажется, сегодня время чуть изменили.

– В два сорок пять вместо обычных трех часов, отец. Архидиакон хотел уйти чуть пораньше. А нам обязательно соблюдать такую точность?

Прежде чем ответить, отец Бэддли немного подумал – несколько секунд, но очень серьезно, словно вопрос показался ему новым и неожиданно интересным.

– Думаю, да. Иначе это потеряло бы всякий смысл. Юный Дэлглиш, для которого смысл беседы был уже и так безнадежно утерян, закончил разговор и убрел куда-то по другим, куда более насущным и важным делам. «Духовная жизнь». Это выражение мальчик частенько слышал из уст наиболее ревностных прихожан отца, хотя никогда – от самого каноника. Время от времени Адам пытался мысленно представить себе, что же таит этот незнакомый, чужой опыт. Протекает ли духовная жизнь одновременно с обычной, повседневной – подъем, завтрак, школа, каникулы – или же является сущностью совсем иного уровня, куда нет доступа ни ему, Адаму, ни иным непосвященным, но куда отец Бэддли может попасть в любую минуту, только пожелай? Однако в любом случае едва ли эта жизнь имела хоть какое-то отношение к столь тщательному отображению в дневнике ежедневной рутины.

Взяв с полки последнюю тетрадку, Дэлглиш наскоро просмотрел ее. Система отца Бэддли не изменилась. Все то же – по два дня на страницу, день ото дня отделен аккуратной чертой. Точное время, за которое автор дневника читал утреннюю и вечернюю молитвы; куда ходил на прогулку и сколько эта прогулка длилась; ежемесячная автобусная поездка в Дорчестер, еженедельная – в Уорхэм; часы, проведенные на службах в Тойнтон-Грэйндж; всякие нерегулярные мелочи; методичный отчет обо всем, чем пожилой священник заполнял каждый час на протяжении череды ничем не примечательных лет – и каждое событие записано с педантичностью и дотошностью счетовода. «Это и есть духовная жизнь: самые обычные вещи, которые делаешь день ото дня, час от часу». Неужели все и правда настолько просто?

Но где же нынешний дневник, тетрадь за третий квартал семьдесят четвертого? Обычно отец Бэддли хранил под рукой дневники за последние три года. Тетрадочек должно было быть пятнадцать, однако Дэлглиш насчитал лишь четырнадцать. Дневник обрывался на конце июня. Дэлглиш почти лихорадочно перерыл ящички бюро. Дневника там не оказалось, зато кое-что командер все же нашел. Под тремя счетами – за уголь, керосин и электричество – лежал листок тонкой дешевенькой бумаги с неумело и косо оттиснутым логотипом Тойнтон-Грэйндж. Снизу кто-то подпечатал:

«Старый святоша, почему бы тебе не убраться отсюда и не освободить коттедж для кого-нибудь, от кого будет побольше толку? Думаешь, мы не знаем, чем это вы занимались с Грейс Уиллисон, когда ты якобы ее

исповедовал? Небось жалеешь, что на деле уже ничего не можешь? А как насчет того парнишки из хора? Не воображай, будто мы не в курсе».

Первой реакцией Дэлглиша было скорее раздражение на глупость этой записки, чем гнев на злобу, которую она источала. Детская, беспричинная гадость, лишенная даже сомнительного достоинства правдоподобия. Бедный семидесятилетний отец Бэддли, обвиненный одновременно в прелюбодеянии, содомии и импотенции! Неужели хоть один здравомыслящий человек мог отнестись к этой жалкой чуши достаточно серьезно, чтобы хотя бы обидеться? За свою профессиональную карьеру Дэлглиш насмотрелся на подобные анонимки, и это был еще сравнительно безобидный экземпляр. Видимо, и писали его без настоящей злости и запала. «Небось жалеешь, что на деле уже ничего не можешь?» Большинство авторов подметных писем нашли бы куда более выразительные образы для описания предполагаемых занятий отца Бэддли. А намек на парнишку из хора? Ни имени, ни точного времени. Никакой конкретики. Неужели отец Бэддли и правда принял эту вздорную выходку настолько близко к сердцу, что обратился за помощью к профессиональному детективу, которого и не видел-то уже добрых тридцать лет? Возможно. А возможно, это не единственное письмо. Если подобная зараза охватила весь Тойнтон-Грэйндж, дело куда серьезнее. В тесном и замкнутом кружке людей любитель анонимок может причинить немало вреда, а то и стать настоящим убийцей. Если отец Бэддли заподозрил, что такие письма получает не он один, то вполне мог обратиться за профессиональной помощью. Или – что еще интереснее – кто-нибудь хочет, чтобы Дэлглиш именно так и подумал? Странно, что после смерти отца Бэддли никто не нашел и не уничтожил это письмо. Наверняка ведь кто-то из Тойнтон-Грэйндж просматривал бумаги старого священника. Едва ли подобное послание оставили бы лежать просто так, п ящике, где на него может наткнуться кто угодно.

Дэлглиш спрятал листок в бумажник и продолжил осматривать коттедж. Спальня отца Бэддли оказалась именно такой, как он ожидал. Маленькое оконце с выцветшими кретоновыми занавесочками. Узкая кровать все еще застелена, стеганое покрывало туго натянуто на комковатую подушку. По двум стенам – книжные полки до потолка; крохотный прикроватный столик с дешевой лампой; Библия; тяжелая и кричаще-яркая фарфоровая пепельница с рекламой пива. Там все еще лежала трубка отца Бэддли, а рядом Дэлглиш заметил наполовину использованный пакетик картонных отрывных спичек, какие дают в ресторанах и барах. На этом красовалась реклама «Старого Тюдоровского

амбара», трактира где-то под Уорхэмом. В пепельнице лежала и одна использованная спичка, разорванная на тонкие полосочки до самого обгорелого кончика. Дэлглиш улыбнулся – эта привычка тоже пережила минувшие тридцать лет. Он живо помнил, как маленькие беличьи пальцы отца Бэддли проворно терзали кусочки картона, точно пытаясь побить предыдущий личный рекорд. Он взял спичку и снова улыбнулся – шесть полосочек. Отец Бэддли превзошел сам себя.

Дэлглиш зашел на кухню – маленькую, скудно обставленную и уютную, хоть и не блестящую чистотой. Небольшая газовая плита запросто украсила бы любой музей народного быта. К каменной раковине под окном с одной стороны была приделана давно потерявшая товарный вид деревянная сушка, от которой пахло прогорклым жиром и мылом. За раздернутыми выцветшими кретоновыми занавесками, на которых, попирая все законы природы, переплетались махровые розы и нарциссы, открывался вид на далекие холмы. По небу, растворяясь в безбрежном синем просторе, плыли тонкие, как струйки дыма, облачка, а белые овцы, нежащиеся на пастбище, напоминали белых слизняков.

Дэлглиш исследовал кладовую. Здесь по крайней мере обнаружили доказательства, что его визита ждали. Отец Бэддли и правда прикупил еды. Запас консервов служил обескураживающим напоминанием о взглядах пожилого священника на адекватный рацион. Сразу было видно, что он запасался на двоих едоков, из которых у одного аппетит лучше, чем у другого: банки побольше трогательно соседствовали с банками поменьше, по одной каждого вида – тушеные бобы, тунец, ирландское рагу, спагетти, рисовый пудинг.

Адам вернулся в гостиную. Усталость уже начала сказываться – должно быть, дорога утомила его сильнее, чем он думал. Тяжелые часы в дубовом футляре, солидно тикавшие на каминной полке, не показывали еще и четырех, но все тело инспектора протестующе твердило, что день выдался длинный и утомительный. Мучительно хотелось чаю. В кладовке стояла банка с чаем, но молока не нашлось. Интересно, включен ли еще газ?

Тогда-то Дэлглиш и услышал шаги на крыльце и лязг защелки. Послеполуденные лучи обрисовали в дверном проеме женский силуэт. Серьезный, однако, несомненно, женский голос со слабым, едва различимым ирландским акцентом воскликнул:

– Силы небесные! Тут кто-то есть! Да еще мужчина! Что вы здесь делаете?

Незнакомка вошла в комнату, оставив дверь нараспашку. Теперь

Дэлглиш сумел хорошо разглядеть нежданную гостью. Лет тридцати пяти, крепкая, тонконогая, с гривой желтых волос до плеч. Заметно, что у корней волосы более темного оттенка. Широкое, почти квадратное лицо, узкие глаза под тяжелыми веками, большой рот. Одета незнакомка была в коричневые мешковатые тренировочные штаны, грязные парусиновые туфли – некогда белые, а теперь все в пятнах травы – и хлопчатобумажную блузку без рукавов с открытым вырезом, под которым открывался треугольник загорелой, усыпанной веснушками кожи. Тяжелая грудь, не удерживаемая лифчиком, свободно болталась под тонкой тканью. С левого запястья незнакомки свисали три деревянных браслета. В результате складывалось общее впечатление вульгарной, но отнюдь не лишенной определенного шарма сексуальности, яркой и сильной. Хотя незнакомка не пользовалась духами, но внесла в комнату собственный, женский и индивидуальный, запах.

– Меня зовут Адам Дэлглиш. Я приехал повидаться с отцом Бэддли. Впрочем, кажется, это уже невозможно.

– Да, точнее не скажешь. Опоздали ровно на одиннадцать дней. На одиннадцать – чтобы увидеть его, и на пять – чтобы поспеть на похороны. А вы кто – его приятель? Мы и не знали, что у него есть друзья. Впрочем, мы о нашем преподобном Майкле вообще много чего не знали – скрытный был старичок. Уж о вас он точно никому не рассказывал.

– Мы почти не встречались с тех пор, как я был мальчишкой. Я и написал-то ему, что приеду, всего за день до его смерти.

– Адам. Хорошее имя. Мне нравится. Теперь так многие детишек называют. Снова входит в моду. Хотя в школьные годы вам оно, верно, казалось страх каким занудным. Но вам подходит. Сама не знаю почему. Слегка витаєте в облаках, да? А! Ну теперь-то я все про вас знаю. Вы приехали забрать книги.

– А надо?

– Те, что Майкл оставил вам по завещанию. «Адаму Дэлглишу, единственному сыну покойного каноника Александра Дэлглиша, все мои книги с тем, чтобы он оставил их себе или распорядился иначе по своему разумению». Я еще запомнила, потому что имена сразу показались какими-то необычными. А вы, выходит, времени даром не теряете. Странно, что адвокаты вам вообще написать успели. Обычно Боб Лоудер не так проворен. Впрочем, на вашем месте я бы не ждала ничего особенного. Лично мне эти книжки ценными никогда не казались. Груда старых пыльных томов по теологии. Кстати, вы ведь не ждали, что получите еще и деньги? Если ждали, у меня для вас дурные новости.

– Я вообще не знал, что у отца Бэддли есть какие-то деньги.

– Вот и мы не знали. Еще одна его маленькая тайна. Он оставил девятнадцать тысяч фунтов. Не бог весть какое состояние, но небесполезное. Он все завещал Уилфреду в пользу Тойнтон-Грэйндж, и, насколько я слышала, денежки придутся как раз вовремя. Кроме него, в наследниках еще только Грейс Уиллисон. Ей досталось это старое бюро. По крайней мере достанется, когда Уилфред позаботится вышвырнуть его отсюда.

Незнакомка устроилась в кресле у камелька, вытянув обе ноги. Волосы ее разметались по высокому подголовнику. Дэлглиш придвинул себе одно из кресел-качалок и сел напротив нее.

– Вы хорошо знали отца Бэддли?

– Да мы здесь все друг друга хорошо знаем, от этого и половина бед. А что, думаете тут подзадержаться?

– В этих краях, возможно, на день-другой. Но здесь-то уже не останешься...

– Не понимаю, а почему бы нет? Если, конечно, хотите. Дом пустует, во всяком случае, пока Уилфред не найдет новую «жертву». В смысле, арендатора. И не думаю, что он будет иметь что-нибудь против. Кроме того, вам ведь надо разобраться с книжками, правда? Уилфред наверняка захочет, чтобы их убрали к появлению нового священника.

– Значит, коттедж принадлежит Уилфреду Энсти?

– Он хозяин Тойнтон-Грэйндж и всех коттеджей, кроме коттеджа Джулиуса Корта – этот находится чуть дальше, ближе к берегу, из него одного вид на море открывается. Все остальное в имении целиком принадлежит Уилфреду – и мы тоже, с потрохами. – Она окинула Дэлглиша оценивающим взглядом. – У вас ведь нет никаких особо ценных умений? В смысле, вы ведь не физиотерапевт, не брат милосердия, не врач и не ассистент врача? Судя по виду – едва ли. А если иначе, то вот вам мой совет: уберите подобру-поздорову, пока Уилфред не решил, что вы слишком полезны, чтобы вас отпустить.

– Не думаю, что мои умения покажутся ему такими уж ценными и полезными.

– Тогда я бы на вашем месте осталась, если, конечно, это вас устраивает. Впрочем, лучше сразу ввести вас в курс дела. Глядишь, передумаете.

– Начните с себя, – предложил Дэлглиш. – Вы еще даже не представились.

– Боже праведный, и впрямь не сказала! Прошу прощения. Я Мэгги

Хьюсон. Мой муж – местный врач. Практикует здесь, в Тойнтон-Грэйндж, с проживанием. То есть проживает-то он со мной в коттедже, предоставленном нам Уилфредом и весьма уместно названном «Любовь», однако большую часть времени проводит в Тойнтон-Грэйндж. Учитывая, что пациентов нынче только пять, прямо-таки задумаешься, чем он там занимается. Вот вы, Адам Дэлглиш, как думаете, что он поделывает?

– А отца Бэддли ваш муж лечил?

– Называйте его Майклом, мы все его так звали, кроме Грейс Уиллисон. Да, Эрик лечил преподобного, пока он был жив, и подписал свидетельство о смерти, когда он умер. Полгода назад он бы этого не сделал, но теперь его имя снова внесли в медицинский реестр. Так что теперь мой супруг снова может ставить подпись, удостоверяющую, что ты умер вполне законным и приличным образом. Господи, ну и привилегия!

Она расхохоталась, а затем, порывшись в карманах, вытащила пачку сигарет и закурила. После протянула пачку Дэлглишу. Коммандер покачал головой. Мэгги пожала плечами и выдула в его сторону кольцо дыма.

– От чего скончался отец Бэддли? – спросил Адам.

– Сердце остановилось. Нет-нет, я и не думаю шутить. Он же был старый, сердце слабое, вот и перестало биться двадцать первого сентября. Острый инфаркт миокарда, осложненный вялотекущим диабетом, если вам так нужен медицинский жаргон.

– Он был один?

– Думаю, да. Скончался ночью. По крайней мере последней его видела Грейс Уиллисон в семь сорок пять, когда он ее исповедовал. Должно быть, бедняга умер со скуки. Нет-нет, понимаю, не следовало мне так говорить. Дурной тон, Мэгги. Грейс заявила, что вид у него был совсем обычный, только, конечно, усталый – ну так он же тем утром из больницы выписался. А на следующий день я пришла часов в девять спросить, не надо ли чего из Уорхэма – собиралась на одиннадцатичасовой автобус, Уилфред не разрешает здесь держать личные автомобили, – а он лежит мертвый.

– В постели?

– Нет, в этом вот кресле, в котором вы сейчас сидите, – откинулся назад, рот открыт, глаза закрыты. В сутане, с этой своей лентой на шее. Все чин чинком. Только что мертвый.

– Выходит, первой тело обнаружили именно вы?

– Ну, может, Миллисента, она живет в соседнем коттедже, потихоньку пробралась сюда с утра пораньше, но испугалась и убралась обратно. Она вдовья сестра Уилфреда, если вам интересно. На самом деле странно, что она не зашла к преподобному, зная, что он один и болен.

– Должно быть, вы очень испугались.

– Да нет, не слишком. До замужества я ведь работала медсестрой. Столько мертвецов видела – и счет потеряла. А он-то был совсем старым. Молодые, особенно дети, вот кто в тоску вгоняет. Господи, как же я рада, что покончила с этой тягомотиной!

– А вы покончили? Значит, не работаете в Тойнтон-Грэйндж?

Прежде чем ответить, Мэгги поднялась с кресла и подошла к камину. Выдула прямо в зеркало над каминной полкой струю дыма, приблизила к нему лицо, словно вглядываясь в отражение.

– Не работаю – когда могу отвертеться. И, видит Бог, стараюсь отвертеться. Впрочем, сами все узнаете. Я в местном сообществе паршивая овца, отбросы общества, еретичка. Не сею, не жну. Неуязвима перед чарами нашего дорогого Уилфреда. Глуха к стонам страждущих. Не преклоняю колена пред алтарем.

Она снова повернулась к Дэлглишу с видом одновременно и вызывающим, и расчетливым. Командер подумал, что этот взрыв эмоций носил отнюдь не спонтанный характер, а протест звучал прежде – и не раз. Тирана выглядела таким ритуальным самооправданием, и Адам подозревал, что кто-то помог Мэгги написать сценарий.

– Расскажите мне про Уилфреда Энсти, – попросил командер.

– А Майкл вас не предупреждал? Нет, думаю, он не стал бы. Что ж, история довольно-таки странная, но постараюсь изложить ее покороче. Прадед Уилфреда выстроил Тойнтон-Грэйндж. Дед в завещании оставил поместье пополам Уилфреду и его сестре Миллисенте. Уилфред выкупил ее долю, когда основал приют. Восемь лет назад у Уилфреда развился множественный склероз. Прогрессировал очень быстро – через три месяца бедняга уже был прикован к инвалидной коляске. Тогда он отправился в паломничество в Лурд – и исцелился. Судя по всему, заключил с Богом сделку. Ты меня исцеляешь, а я посвящаю Тойнтон-Грэйндж и деньги инвалидам. Бог согласился, и теперь Уилфред исполняет свою часть договора. Полагаю, боится, что, если пойдет на попятный, болезнь вернется. В общем, я ничего против Уилфреда не имею. Наверное, я и сама такая. Мы все в душе страшно суеверные, особенно когда дело касается болезней.

– А его подмывает пойти на попятный?

– Ой, не думаю. Заведение дает ему ощущение власти и силы. Он окружен благодарными пациентами, его полусуеверно и благоговейно почитают женщины, а Дот Моксон, так называемая старшая сестра, хлопчет над ним, точно наседка над яйцами. Уилфред вполне счастлив.

– И когда же произошло это чудо? – спросил Дэлглиш.

– Он утверждает – когда его окунули в заводь. Говорит, испытал сперва шок от жгучего холода, который немедленно сменился покалывающим теплом, разлившимся по всему телу. А после ощутил величайшее Счастье и покой. Со мной такое бывает после третьего стаканчика виски. И если Уилфред может это испытывать от полоскания в ледяной воде, где какие только микробы не плавают, одно скажу – везет человеку. Вернувшись в хоспис, он впервые за шесть месяцев встал на ноги. А три недели спустя скакал как молоденький козлик. Даже не удосужился вернуться в больницу Христа Спасителя в Лондоне, где его лечили, чтобы они могли засвидетельствовать чудо. А ведь была бы знатная шуточка! – Она помолчала, словно собираясь сказать еще что-то, но добавила лишь одно: – Разве не трогательно?

– Очень интересно. А где он взял деньги, чтобы исполнить свою часть договора?

– Пациенты платят, кто сколько сможет, а некоторых местные власти присылают сюда по контракту. Ну и потом, конечно, он пустил в дело и свои капиталы. Правда, сейчас все довольно погано – во всяком случае, по его словам. Так что наследство отца Бэддли пришлось кстати. И конечно, персонал Уилфред получил по дешевке. Он ведь даже не платит Эрику по обычным расценкам. Филби, работник, он со странностями, да и вообще бывший заключенный, он бы себе нигде больше работы не нашел. Дот Моксон тоже бы больше никуда не взяли после обвинений в жестоком обращении с пациентами. Ей следует быть благодарной Уилфреду за то, что он ее приютил. Да и вообще мы все страшно, страшно признательны милому Уилфреду.

– Наверное, мне стоит самому пойти в Грэйндж и представиться, – заметил Дэлглиш. – Вы говорите, сейчас осталось пять пациентов?

– Их не положено называть пациентами, хотя ума не приложу, как еще, по мнению Уилфреда, их называть. «Обитатели» звучит как-то потюремному, хотя, видит Бог, словечко очень подходит. Да, осталось только пятеро. Он не берет никого из списка очередников, пока не определится насчет будущего приюта. Учреждение жаждет заполучить «Риджуэл траст», и Уилфред раздумывает: не передать ли им все чохом и бесплатно. Собственно-то говоря, еще две недели назад в Тойнтон-Грэйндж было шесть пациентов – до тех пор, пока Виктор Холройд не бросился с утеса и не разбился о камни.

– Вы имеете в виду, он покончил с собой?

– Ну, Холройд находился в коляске за десять футов от обрыва –

выходит, либо сам снял коляску с тормозов и скатился, либо Деннис Лернер, медбрат, его столкнул. А поскольку Деннису не хватит пороха убить и цыпленка, общее мнение состоит в том, что Виктор сделал это сам. Но поскольку такая версия слишком травмирует чувства нашего дорогого Уилфреда, мы так же дружно делаем вид, будто это несчастный случай. Мне не хватает Виктора, и он мне нравился. Практически единственный, с кем можно было поговорить. А вот остальные его ненавидели. Теперь, разумеется, терзаются угрызениями совести: не обходились ли они с ним несправедливо? Смерть – лучший способ поставить других в неловкое положение. Я вот что имею в виду – если кто-нибудь твердит, будто жить не стоит, ты просто думаешь, что он произносит банальные истины. Но если он подкрепит свои слова действием, невольно призадуматься – не было ли в нем чего-то, что ты не замечал?

От необходимости отвечать Дэлглиша избавил шум мотора. Мэгги, обладавшая, по всей видимости, столь же острым слухом, что и он, вскочила с кресла и выбежала на крыльцо. К развилке подъезжал длинный черный автомобиль.

– Джулиус! – бросила Мэгги через плечо короткое объяснение и яростно замахала руками.

Машина остановилась, а потом свернула в сторону «Надежды». Дэлглиш увидел, что это черный «мерседес». Мэгги опрометью, как назойливая школьница, побежала рядом, припадая к открытому окну с какими-то объяснениями. Автомобиль затормозил, и оттуда легко выпрыгнул Джулиус Корт.

Он оказался высоким и гибким молодым человеком в брюках и зеленом свитере с декоративными нашлепками на локтях и плечах. Коротко подстриженные светло-каштановые волосы облегли голову, точно бледно сверкающий шлем. Лицо властное и уверенное, заметные мешки под настороженными глазами говорили, что Корт склонен потакать своим прихотям и не отказывает себе во всевозможных радостях жизни. Маленький рот в сочетании с тяжелым подбородком выглядел капризно и упрямо. В среднем возрасте Джулиусу, судя по всему, предстояло приобрести солидную, даже увесистую комплекцию. Однако покамест он казался весьма привлекательным юношей, причем белый треугольный шрам над правым веком лишь усиливал, а не портил это впечатление.

– Как жаль, что вы опоздали на похороны, – протягивая руку, произнес Корт. В его устах это звучало так, точно Дэлглиш опоздал на поезд. Мэгги чуть не взвыла.

– Дорогой, вы не понимаете! Он приехал вовсе не на похороны.

Мистер Дэлглиш вообще не знал, что старичок помер.

Корт взглянул на Дэлглиша с проблеском интереса.

– О, прошу прощения. Наверное, вам стоит отправиться в Грэйндж. Уилфред Энсти сможет рассказать об отце Бэддли больше, чем я. Когда старик умер, я был у себя в Лондоне, поэтому не могу даже выступить с захватывающим репортажем с места событий. Ладно, запрыгивайте, вы оба.

Судя по всему, Мэгги Хьюсон вдруг почувствовала, что не представила мужчин друг другу должным образом, и произнесла с опозданием:

– Джулиус Корт, Адам Дэлглиш. Едва ли вы уже встречались в Лондоне. Джулиус раньше был дипломатом.

Когда командер усаживался в машину, Корт небрежно сказал:

– Учитывая относительно низкий уровень, которого я достиг, ко мне это торжественное определение не подходит. Впрочем, не волнуйся, Мэгги. Я, как та проницательная дама из телеигры, кажется, догадываюсь, чем мистер Дэлглиш зарабатывает на жизнь.

Он с утонченной и подчеркнутой любезностью закрыл дверцу. «Мерседес» медленно двинулся к Тойнтон-Грэйндж.

II

Джорджи Аллан лежал на узкой лазаретной койке. Рот его начал гротескно подергиваться, мышцы шеи напряглись. Он попытался оторвать голову от подушки.

– Я ведь гожусь для паломничества в Лурд, правда? Как вы думаете, меня не оставят здесь?

Слова вырывались с хриплым воющим стоном. Хелен Рейнер приподняла край матраса, ловко на больничным манер заправила простыню и бодро произнесла:

– Ну конечно же, никто вас не оставит. Вы станете главным участником паломничества. А теперь перестаньте нервничать, будьте хорошим мальчиком и попытайтесь отдохнуть перед чаем.

Она улыбнулась ему безличной, профессионально-ободряющей улыбкой хорошо вышколенной сиделки, а потом повела бровью в сторону Эрика Хьюсона. Медики вместе отошли к окну.

– Сколько мы еще сможем за ним ухаживать? – тихо спросила Хелен.

– Месяц, может быть, два, – так же тихо ответил Хьюсон. – Он испереживался от необходимости покинуть приют. Уилфред тоже. Но через несколько месяцев им обоим придется признать неизбежное. Кроме того, Аллан так уповаet на эту поездку в Лурд... Хотя едва ли ко времени нашей следующей поездки он еще будет жив. И уж точно обитать будет не здесь.

– Но его уже сейчас по-хорошему надо отправить в больницу. Мы же не зарегистрированы как частная лечебница – всего лишь приют для молодых инвалидов и людей с хроническими заболеваниями. Наш контракт заключен с местными властями, а не с государственной системой здравоохранения. Мы же не претендуем на предоставление всех медицинских услуг – от нас этого никто и не ждет. Пора бы уж Уилфреду определиться, чего именно он хочет.

– Знаю.

Он и в самом деле знал, оба они все прекрасно знали. Проблема была отнюдь не нова. И почему, гадал Эрик, их разговоры последнее время сплошь да рядом выглядят как прискучившее повторение очевидного – одних и тех же прописных истин, произносимых высоким нравоучительным голосом Хелен?

Они вместе посмотрели вниз, на маленький мощеный внутренний дворик, окаймленный двумя новыми одноэтажными пристройками, где

находились спальни и гостиные. Маленькая группка оставшихся пациентов собралась там, чтобы перед чаем погреться в последних лучах солнца. Четыре инвалидных кресла стояли чуть поодаль друг от друга, развернутые от дома. Двое наблюдателей видели лишь затылки пациентов. Все четверо сидели недвижно, пристально глядя на мыс. Грейс Уиллисон – лохматые седые космы колышутся под легким ветерком; Дженни Пеграм – шея вдавлена в плечи, поток золотистых волос струится по спинке коляски, словно выцвел на солнце; Урсула Холлис – маленький круглый пучок на тонкой шейке, высокий и неподвижный, как голова казненного на шесте; Генри Каруардин – темная голова на кривой шее свесилась набок, точно у сломанной марионетки.

В сущности – все они марионетки. На краткий безумный миг доктор Хьюсон представил себе, как выбегает во дворик и заставляет четыре головы кивать и покачиваться. Он дергает за выходящие из затылков невидимые нити, пока воздух не наполняется нестройным и хриплым хором.

– Что это с ними? – спросил Хьюсон. – С этим домом что-то не так.

– Больше, чем обычно?

– Да. А разве вы не заметили?

– Должно быть, скучают по Майклу. Бог весть почему. Он ведь почти ничего и не делал. Если Уилфред надумает продолжать, ему бы надо найти для «Надежды» лучшее применение. Строго говоря, я хотела предложить, чтобы он пустил туда меня. Так нам было бы легче.

Мысль эта ужаснула Эрика. Так вот что она задумала! На плечи свинцовой тяжестью легло привычное уныние. Две самоуверенные неудовлетворенные женщины, и обе хотят чего-то, что он не может им дать. Эрик попытался скрыть панику в голосе.

– Ничего не выйдет. Ты нужна здесь. А я не смогу приходить к тебе в «Надежду», когда Миллисента живет рядом.

– Она как включит телевизор, уже ничего и не слышит. Мы же знаем. А если тебе понадобится быстро уйти, есть черный ход. Это лучше, чем ничего.

– Мэгги что-нибудь заподозрит.

– Она уже подозревает. И рано или поздно все узнает.

– Давай поговорим об этом потом. Сейчас неподходящий момент, чтобы тревожить Уилфреда. После смерти Виктора мы все просто на грани срыва.

Смерть Виктора. Эрик сам удивился, какой извращенный мазохизм заставил его упомянуть Виктора. Ему вспомнились первые дни своего

студенчества, когда, вскрыв гноящуюся рану, он испытывал облегчение, потому что вид крови, воспаленной ткани и гноя был менее пугающим, чем то, что воображение рисовало под тонкой марлей. Да, он привык к крови. Привык к смерти. Быть может, привыкнет даже лечить.

Они вместе перешли в маленький врачебный кабинет в передней части здания. Подойдя к раковине, Эрик принялся методично мыть руки, будто простой осмотр юного Джорджа был сложной хирургической операцией, после которой требовалось хорошенько очиститься. За спиной раздавалось звяканье инструментов. Хелен без всякой необходимости снова наводила порядок. Эрик с упавшим сердцем осознал, что предстоит разговор. Но не сейчас. Еще не сейчас. И он прекрасно знал все, что она скажет. Он уже слышал это прежде – старые настойчивые аргументы, произносимые уверенным учительским голосом.

«Ты зря тратишь тут время. Ты врач, а не аптекарь. Ты должен вырваться на свободу, освободиться от Мэгги и Уилфреда. Нельзя, чтобы твоя преданность Уилфреду шла вразрез с твоим призванием». Призванием! Любимое слово его матери. Слыша его, Эрик всякий раз с трудом сдерживал приступ истерического хохота.

Он включил кран на полную мощь. Вода хлынула сильнее, заплескалась, вращаясь в раковине, заполняя уши гулом, похожим на шум прилива. Интересно, что ощутил Виктор, совершив прыжок в забвение? Тяжелое, неуклюжее инвалидное кресло – как оно падало? Плыло ли по воздуху ровно и плавно, как хитроумные летающие приспособления в фильмах о Джеймсе Бонде, готовые в любой момент выпустить крылья и парашют? Или кувыркалось и переворачивалось, ударяясь о скалы, пока крики Виктора, связанного брезентом и металлом, смешивались с воплями чаек? А что царило у него в мозгу? Экзальтация или отчаяние, ужас или благословенная пустота? И сумели ли чистый воздух и море смыть и унести прочь боль, горечь, злобу?

Только после смерти Виктора обнаружилась вся степень его озлобленности – в специальной приписке к завещанию. Он потратил немало трудов на то, чтобы довести до сведения остальных пациентов, что у него есть деньги, что он сам заплатил полную, пусть и весьма скромную стоимость пребывания в Тойнтон-Грэйндж и в отличие от прочих (кроме Генри Каруардина) не зависит от милости местных властей. Источника своего состояния он никому не открыл – Виктор был простым школьным учителем, а им навряд ли особо много платят, – и об этом так никто ничего и не знал. Возможно, Мэгги он и сказал – Виктор так много всего говорил Мэгги. Однако на этот счет она хранила нехарактерное молчание.

Эрик Хьюсон не верил, что Мэгги заинтересовалась Виктором исключительно из-за денег. В конце концов, у них двоих было много общего. Оба не скрывали, что ненавидят Тойнтон-Грэйндж, находятся здесь по необходимости, а не по доброй воле, и презирают своих товарищей. Вполне вероятно, Мэгги пришлось по вкусу ядовитая злоба Виктора. Они проводили много времени вместе, и Уилфред вроде бы ничего и не имел против. Наоборот, он их почти поощрял – как будто считая, что Мэгги наконец-то нашла в Тойнтон-Грэйндж свое место. Она по очереди с Деннисом возила тяжелое кресло Виктора по его излюбленным маршрутам. Холройд любил смотреть на море – обретал в этом зрелище определенный душевный покой. Мэгги проводила с ним долгие часы, вне видимости от дома, высоко на краю утеса. Однако Эрика это ничуть не беспокоило. Он как никто другой знал: Мэгги ни за что не полюбит человека, не способного удовлетворить ее физически. Он даже приветствовал эту дружбу: по крайней мере она давала Мэгги хоть чем-то занять время, хоть как-то ее утихомиривала.

Эрик уже и не мог вспомнить, когда именно она начала мечтать о деньгах. Должно быть, Виктор что-то такое сказал. Мэгги перевернулась буквально за ночь, сделалась куда более оживленной, почти веселой. А потом Виктор внезапно потребовал, чтобы его отвезли в Лондон – на обследование в больницу, а также для консультации с поверенным. Тогда-то Мэгг и намекнула мужу насчет завещания. Ему отчасти передалось ее возбуждение. Теперь он сам удивлялся: и на что, собственно, они надеялись? Видела ли она в этих деньгах средство избавиться от Тойнтон-Грэйндж или же еще и от него, Эрика? Впрочем, в любом случае это решало бы большую часть проблем для них обоих. Да и сама идея казалась совсем неабсурдной. Все знали, что у Виктора нет родственников, кроме сестры в Новой Зеландии, которой он никогда не писал. Нет, думал Эрик, беря полотенце с крючка и начиная вытирать руки, мечта была отнюдь не безумной: по крайней мере менее безумной, чем реальность.

Он вспомнил ту обратную поездку из Лондона: теплый замкнутый мирок «мерседеса»; молчащий Джулиус; его руки, легко покоящиеся на руле; серебряная лента дороги с бесконечно скользящими под колесами отражениями звезд; выпрыгивающие из темноты дорожные знаки на фоне темно-синего неба; мелкие зверьки, на краткий миг выхватываемые светом фар, – словно окаменевшие, замершие, шерсть дыбом; золотистые края шоссе. Виктор сидел с Мэгги на заднем сиденье, кутаясь в клетчатый плащ из шотландки, и улыбался, все время улыбался. А в сгустившемся воздухе висели секреты и тайны.

Виктор и в самом деле изменил завещание. К основной части, в которой он отказывал все состояние сестре, прибавил небольшое дополнение, окончательное подтверждение своей мелочной злобы: Грейс Уиллисон – кусок туалетного мыла; Генри Каруардину – флакон полоскания для рта; Урсуле Холлис – дезодорант; Дженни Пеграм – зубочистку.

Эрик подумал, что Мэгги перенесла случившееся хорошо. Действительно хорошо – если можно так сказать о приступе дикого, неудержимого и звенящего хохота. Он вспомнил, как она, пошатываясь, бродила по их маленькой гостиной, совсем обессилив от истерики, запрокинув голову и смеясь хриплым, лающим смехом. Хохот отражался от стен, точно гвалт бродячего зверинца, и раскатывался по всему берегу, так что Эрик всерьез боялся, не услышат ли этот звук в самом Тойнтон-Грэйндж.

Хелен смотрела в окно.

– У «Надежды» стоит какая-то машина, – резко произнесла она.

Эрик подошел к ней, встал рядом, выглянул. Глаза их медленно встретились. Хелен взяла его за руку. Голос ее был тих и нежен – голос, который он впервые услышал после того, как они стали любовниками:

– Тебе не о чем тревожиться, дорогой. Ты ведь знаешь, правда? Решительно не о чем.

III

Урсула Холлис захлопнула библиотечную книгу, прикрыла глаза, чтобы не слепило послеполуденное солнце, и погрузилась в сокровенные мечты наяву. Заниматься этим сейчас, в краткую пятнадцатиминутную паузу перед чаем, несомненно, было чистейшим потаканием своим слабостям. Поэтому молодая женщина, как всегда, преисполнилась чувством вины за столь несвоевременное удовольствие, опасаясь при этом, что ничего не получится. Обычно Урсула дожидалась, пока не ляжет спать, более того – пока хриплое дыхание Грейс Уиллисон, отлично слышное сквозь тонкую перегородку, не станет совсем тихим и сонным. И лишь потом Холлис позволяла себе думать о Стиве и квартирке на Белл-стрит. Ритуал превратился для нее в усилие воли. Она лежала, едва смея дышать, потому что видения, даже самые ясные и четкие, были так мимолетны, так легко распадались и исчезали. Однако теперь все вышло наилучшим образом. Она сосредоточилась и увидела, как аморфные формы и расплывчатые пятна света сливаются в единую картинку, четкую, точно проявившаяся фотография. В ушах зазвучали милые сердцу звуки.

Мысленному взору Урсулы предстала кирпичная стена дома напротив – утреннее солнце высвечивало тусклый фасад девятнадцатого века, так что можно было разглядеть каждый кирпич. Тесная двухкомнатная квартирка над кулинарией мистера Полански, улица под окнами, шумная разнообразная жизнь той части Лондона между Эдгвар-роуд и станцией «Марилебон» поглотила, заколдовала ее. Урсула снова была там, снова шла со Стивом по рынку на Черч-стрит воскресным утром, в самый счастливый день недели. Видела, как местные торговки в цветочных комбинезонах и войлочных шлепанцах – на расплывшихся лицах сверкают яркие глаза, в распухшие натруженные пальцы врезаются массивные обручальные кольца – сидят, сплетничая, возле прилавков с поношенной одеждой; празднично одетая молодежь примостилась на бордюриках за лотками со всякими старинными безделушками; туристы, то беззаботно-веселые, то настороженные и проникательные, совещаются друг с другом, держа в руках доллары, или хвастаются приобретенными сокровищами. На улице витал запах фруктов, цветов и специй, потных тел, дешевого вина и старых книг. Урсула видела, как чернокожие женщины с выпирающими ягодицами и высокими, по-варварски переливчатыми голосами толпятся вокруг тележки с грудой незрелых бананов и здоровенных манго размером с

добрый футбольный мяч, слышала раскаты внезапного горлового смеха. В мечтах Урсула шагала по улице, переплетя пальцы с пальцами Стива, как незримый призрак, идущий знакомой тропой.

Восемнадцать месяцев ее брака стали временем острого, но хрупкого счастья – хрупкого потому, что она никогда не ощущала, чтобы это счастье стояло на чем-то реальном и прочном. Это было все равно что сделаться другим человеком. До тех пор Урсула приучила себя довольствоваться жизнью и звала это довольство счастьем. После осознавала, что ей открылся мир опыта, переживаний и даже раздумий, к которым ничто за предыдущие двадцать лет в пригороде Мидлсбро и два с половиной года работы в лондонской гостинице для молодежи не могло ее подготовить. И только одно омрачало неземное счастье тех восемнадцати месяцев: Урсула не могла подавить смутное чувство, будто все это происходит не с ней, будто на этом празднике жизни она самозванка.

Она просто представить не могла, что же в ней привлекло прихотливое внимание Стива в тот первый раз, когда он заглянул в справочное бюро спросить насчет цен. Быть может, та единственная ее черта, которая всегда казалась самой Урсуле уродством, – то, что один глазу нее был голубым, а второй карим? Вероятно, эта особенность заинтриговала и позабавила его, придала ей, как она теперь понимала, в глазах Стива дополнительную ценность. Он изменил ее внешность – заставил отпустить волосы до плеч, приносил ей длинные индийские юбки, которые отыскивал на развалах под открытым небом или в лавчонках в переплетении улиц за Эдгвар-роуд. Порой, краем глаза замечая в зеркальных витринах себя, столь чудесно преобразившуюся, Урсула снова гадала: по какой непонятной причуде он выбрал именно ее, что за черты, незамеченные никем другим, неизвестные даже ей самой, он в ней увидел? Какое-то ее качество зацепило эксцентричную фантазию Стива – как, бывало, цепляла какая-нибудь стран-ненькая вещица на антикварных лотках Белл-стрит. Диковинка, не замеченная и не оцененная другими прохожими, вдруг привлекала его внимание, и он, очарованный, вертел ее так и сяк, поворачивая к свету. Урсула робко возражала:

– Послушай, милый, это же гадость...

– Нет, что ты! Ужасно забавная штукавина. И Моггу наверняка понравится. Давай купим ее для Могга.

Могг, лучший и, как Урсула порой думала, единственный друг Стива, при крещении получил имя Морган Эванс. Однако теперь он предпочитал прозвище Могг, считая его более подходящим для поэта, воспевающего классовую борьбу. Не то чтобы сам он активно боролся, хотя Урсула не

встречала никого, кто бы столь энергично ел и пил за чужой счет. Сдавленные боевые возгласы во славу анархии он издавал преимущественно в пабах, где обросшие и грустноглазые слушатели внимали ему молча или время от времени стучали пивными кружками по столам, одобрительно ворча. Однако проза Могга была куда более внятной. Урсула только раз прочла его письмо прежде, чем сунуть обратно в карман джинсов Стива, и все же теперь могла бы повторить каждое слово. Подчас она гадала: уж не хотел ли сам Стив, чтобы она обнаружила это письмо, так ли случайно он забыл очистить карманы джинсов вечером, когда Урсула относила накопившуюся грязную одежду в стирку? Это произошло через три недели после того, как врачи подтвердили окончательный диагноз.

«Не реши я на этой неделе раз и навсегда отказаться от штампов, то сказал бы, что я это говорил. Я предрекал катастрофу—хоть и не настолько полную. Бедный мой Стив, чертяка! Разве ты совсем никак не можешь получить развод? Наверняка у нее уже были какие-то симптомы еще до свадьбы. Ты ведь можешь – или мог бы – получить развод при наличии каких-нибудь венерических заболеваний на момент свадьбы. А ведь что такое старый добрый трипак по сравнению с этим? Меня просто изумляет безответственность так называемых установлений насчет брака. Балаболят о святости брачных уз, что, мол, брак – это основа общества, а потом позволяют человеку взвалить себе жену на плечи, не проверив ее даже так, как изучают подержанную машину. Ты ведь понимаешь, что должен вырваться на свободу? Иначе тебе конец. И не пытайся прикрыться трусостью „сострадания“. Ты можешь реально представить себе, как возишь ее инвалидную коляску или подтираешь ей задницу? Да, знаю, некоторые мужчины на такое способны. Но ты-то никогда не страдал тягой к мазохизму, а? Кроме того, подобные мужья кое-что смыслят в любви, а ты, дорогой мой Стив, на это даже не претендуешь. Кстати, а разве она не католичка? Поскольку вы просто зарегистрировались, а не обвенчались в церкви, сомневаюсь, что она сама считает, будто должным образом вышла замуж. Возможно, это и есть подходящая лазейка для тебя. Во всяком случае, увидимся в „Гербе каменщика“, в среду в восемь. Я отмечу твое несчастье новой поэмой и пинтой пива».

Урсула вовсе не рассчитывала, что Стив будет возить ее инвалидное кресло. Не хотела, чтобы он оказывал ей простейшие, наименее интимные услуги физического характера. Еще в самом начале семейной жизни она накрепко усвоила: любая болезнь, даже мимолетная простуда или дурнота, пугала Стива, вызывала у него отвращение. Но она надеялась, что болезнь будет развиваться медленно, что она сможет обслуживать себя сама еще

несколько драгоценных лет. Она даже планировала, как все это лучше осуществить. Будет вставать пораньше, чтобы не оскорблять его своей медлительностью и неловкостью. Передвинет мебель – совсем чуть-чуть, на несколько дюймов, он даже скорее всего ничего и не заметит, а ей будет на что опереться потихоньку, так что не придется слишком быстро переходить на трости и костыли. Возможно, удастся найти и квартиру поудобнее, на первом этаже. Если на крыльце будет пандус, она сможет днем ходить за покупками. И ведь еще останутся ночи – ночи вдвоем. Ведь этого-то уж точно ничто не изменит!

Однако скоро стало ясно, что недуг, неумолимый хищник, крадущийся по ее нервам, придерживается своей скорости, а не ее. Планы, которые строила Урсула, неподвижно лежа рядом со Стивом на огромной двуспальной кровати, отодвинувшись от мужа на безопасное расстояние, чтобы случайно не потревожить его мышечным спазмом, стали нереализуемы. Глядя на патетически-жалостные старания жены, Стив пытался проявлять доброту и участие. Ничем не упрекнул ее – только все отдалялся и отдалялся. Ничем не усугубил ее нарастающую слабость – лишь продемонстрировал собственное бессилие. По ночам, в кошмарах, она тонула: задыхаясь, барахталась в безбрежном море, цеплялась за плывущий мимо сук и чувствовала, как дерево тоже начинает тонуть, прогнившее, распадающееся в руках. Урсула с убийственной ясностью понимала, что приобретает смиренно-жеманный, убогий вид инвалида. Трудно было вести себя с мужем естественно, еще труднее – говорить. Она помнила, как Стив, бывало, лежал, вытянувшись во весь рост на софе, глядя, как она читает или шьет, – она, существо, им выбранное и им созданное, одетое в эксцентричную одежду, которую он сам ей приносил. Теперь же она боялась встретиться с ним взглядом.

Она помнила, как Стив преподнес ей новость: он, мол, разговаривал с медицинским социальным работником в больнице. В Тойнтон-Грэйндж, возможно, скоро появится вакансия. – Совсем рядом с морем, дорогая. Ты ведь всегда любила море. Крошечная община, не то что эти огромные безликие институты. Тип, который там заправляет, – весьма уважаемая персона, да и все в приюте поставлено на религиозной основе. Сам Энсти не католик, но пациенты регулярно ездят в Лурд. Это тебе понравится... Ты ведь всегда интересовалась религией. Это как раз единственное, в чем мы с тобой не сходились. Наверное, я проявлял к этой теме слишком мало внимания.

Теперь Стив мог снисходительно относиться к этой маленькой слабости жены. Он напрочь забыл, что сам же и приучил ее обходиться без

Господа. Вера принадлежала к разряду того, чего Стив – небрежно, не думая и не вдумываясь – лишил Урсулу. Впрочем, религиозные чувства и не были по-настоящему важны для нее – эти утешающие заменители секса и любви. Она не могла даже перед собой притворяться, будто особо сражалась за эти милые иллюзии, подхваченные в начальной школе Святого Матфея или впитанные за задернутыми териленовыми занавесками гостиной ее тети на Алма-террас, Мидлсбро, где на стенах висели картинки на библейские сюжеты, фотография папы Иоанна, а в специальной рамочке – его благословение на брак тети и дяди. Все это было составляющими сиротского, безсобытийного, хоть и не несчастного детства, которое теперь казалось таким же далеким, как какой-нибудь чужой берег, где ты и был-то всего один раз. Урсула не могла вернуться – она больше не знала пути туда.

В конце концов, она приветствовала мысль о Тойнтон-Грэйндж как об убежище. В воображении Урсула рисовала, как греется на солнышке с группой таких же товарищей по несчастью и смотрит на море – море, постоянно меняющееся, но вечное, успокаивающее и в то же время пугающее, говорящее ей своим беспрестанным ритмичным боем, который на самом деле ничего не значит, что людские горести так мелки, что все в свое время пройдет и прекратится. И ведь это не навсегда. Стив собирался при помощи местной социальной службы переехать в новую, более удобную квартиру – так что это лишь временная разлука.

Однако разлука тянулась вот уже восемь месяцев, восемь месяцев, на протяжении которых Урсула чувствовала себя все несчастнее и несчастнее. Она пыталась это скрывать: ведь ощущать себя несчастным в Тойнтон-Грэйндж значило грешить против Святого Духа и против Уилфреда. И по большей части Урсуле казалось, что ей удастся держать себя в руках. С остальными пациентами у нее было мало общего. Грейс Уиллисон – скучная набожная тетка средних лет. Восемнадцатилетний, вопиюще вульгарный мальчишка Джорджи Аллан, – насколько же легче стало, когда болезнь уже не позволяла ему вставать с постели, Генри Каруардин – отчужденный саркастичный сноб, обращающийся с ней как с каким-то мелким служащим. Дженни Пеграм, вечно возящаяся со своими волосами и улыбающаяся глупой лукавой улыбочкой, И Виктор Холройд, этот ужасный Виктор, который ненавидел Урсулу так же сильно, как и всех остальных в Тойнтон-Грэйндж. Виктор, который не считал, что таить горе про себя – добродетель, и частенько заявлял, что коли уж люди решили посвятить себя благотворительности, так им только на руку, когда есть кого облагодетельствовать.

Она всегда считала само собой разумеющимся, что анонимку написал именно Виктор. Письмо это в некотором смысле ранило ее также сильно, как и найденное послание от Могга. Урсула нащупала его у себя глубоко в боковом кармане юбки. Оно все еще лежало там – сложенный листок дешевой бумаги, засаленный от постоянного ощупывания. Ей и не требовалось его читать. Она знала его наизусть, даже первый абзац, который прочла только раз, а потом завернула край бумаги так, чтобы не было видно слов. Стоило ей только подумать о них, у нее начинали гореть щеки. Откуда он (наверняка же это был мужчина?) знал, как они со Стивом занимались любовью, что они делали именно это и именно так? Как вообще это стало известно? Быть может, она говорила во сне, стонала от желания и тоски? Но даже и тогда слышать могла лишь Грейс Уиллисон в соседней спальне – а как ей было понять, что происходит?

Урсула вспомнила, что где-то читала, будто непристойные письма обычно пишут женщины, особенно старые девы. Наверное, все же это не Виктор Холройд. Грейс Уиллисон – скучная, подавленная, набожная Грейс. Только как она догадалась о том, в чем Урсула не признавалась даже самой себе?

«Да ты же понимала, что больна, когда выходила замуж. Как насчет дрожи, слабости в ногах, неуклюжести по утрам? Ведь ты понимала все, верно? Ты обманула его. Неудивительно, что он так редко пишет и никогда не навещает тебя. Знаешь, он ведь живет не один. Ты ведь не ждала, что он станет хранить тебе верность, правда?»

На этом письмо обрывалось. Почему-то Урсула чувствовала, что его не дописали, что под конец задумывалось еще какое-нибудь драматическое разоблачение. Но похоже, автору – ему или ей – помешали: кто-то неожиданно вошел в офис. Напечатано оно было на тойнтон-грэйнжской бумаге, дешевой и впитывающей, как промокашка, на стареньком «Ремингтоне». Почти все пациенты и члены персонала время от времени что-нибудь печатали. Напрягая память, Урсула вспоминала, что видела практически каждого за «Ремингтоном». Разумеется, на самом деле машинка принадлежала Грейс и изначально считалась ее собственностью; мисс Уиллисон, бывало, печатала там письма для ежеквартальной рассылки и частенько работала в офисе одна, когда остальные пациенты считали, что рабочий день закончился. И было так нетрудно принять меры, чтобы послание достигло конкретного адресата.

Сунуть в библиотечную книгу – самый надежный способ. Все здесь знали, что именно читают остальные, – а как иначе? Книги лежали на столах, на креслах, и взять их мог кто угодно. Весь персонал и пациенты,

наверное, видели, что Урсула читает Айрис Мердок. И самое странное: анонимка была заложена ровно на той странице, до которой она добралась.

Сначала Урсула не сомневалась в том, что это просто очередной пример умения Виктора причинять другим людям боль, унижать их. Только после его гибели она начала сомневаться и подозрительно вглядываться в лица товарищей по несчастью, гадать и бояться. Ну разве не глупо? Она терзает себя понапрасну. Наверняка это Виктор, а раз это он, никаких писем больше не будет. Только откуда ему было известно про нее и Стива – если не считать того, что Виктор вообще таинственным образом знал то, чего знать никак не мог. Ей вспомнился один эпизод. Она и Грейс Уиллисон сидели с Виктором во дворике для пациентов. Грейс подняла лицо к солнцу и, нацепив свою дурацкую улыбочку, принялась толковать о том, как счастлива, и о следующем паломничестве в Лурд. Виктор грубо прервал ее:

– Вы так радуетесь, потому что у вас эйфория. Это характерный признак вашего заболевания, многие больные со склерозом отличаются этим ни на чем не основанным ощущением счастья и надежды. Почитайте учебники. Хорошо известный и описанный симптом. С вашей стороны это никакая не добродетель, а нас всех такие штучки чертовски раздражают. Урсула вспомнила, что голос Грейс задрожал от обиды.

– Я и не претендую на то, что счастье – это добродетель. И даже если это всего лишь симптом, я благодарна ему – это своеобразная милость Господня.

– Если не ждете, что все остальные к вам присоединятся, благодарите сколько угодно. Славьте Господа за то, что не нужны никому, даже себе самой. И коли на то пошло, возблагодарите его и за остальные «милости» – за миллионы людей, что тяжким трудом зарабатывают себе на жизнь, пытаюсь выжить на голой, лишь кровью орошенной земле; за всех несчастных, унесенных потопом или сгоревших заживо; за распухших от голода детей; за пытаемых пленников; за всю эту гнусную, кровавую и никчемную суету.

Грейс Уиллисон тихонько запротестовала сквозь подступившие слезы:

– Виктор, как вы можете говорить такие вещи? Страдание – это еще не вся жизнь; не можете же вы всерьез верить, будто Господу все равно. И вы же едете с нами в Лурд!

– Ну разумеется, еду! Это единственный шанс хоть ненадолго вырваться из нашей постылой психушки строгого режима. Я люблю движение, люблю путешествовать, люблю видеть солнце над Пиренеями, наслаждаться игрой красок. Я даже получаю некоторое удовлетворение от нескрываемой коммерциализации этого предприятия, от зрелища тысяч

таких же, как я, но еще тешащих себя какими-то иллюзиями.

– Это богохульство!

– В самом деле? Что ж, тогда мне это особенно нравится.

– Если бы вы только поговорили с отцом Бэддли, Виктор! – стояла на своем Грейс. – Уверена, он мог бы помочь вам. Или с Уилфредом. Правда, почему бы вам не поговорить с Уилфредом?

Виктор разразился пронзительным хохотом, в котором насмешка странным и пугающим образом смешалась с искренним весельем.

– Поговорить с Уилфредом! Боже праведный, я бы мог вам рассказать про нашего святого Уилфреда кое-что очень забавное. И в один прекрасный день, когда он разозлит меня, обязательно расскажу. Поговорить с Уилфредом!

Урсуле казалось, будто она еще слышит далекое эхо того надрывного хохота.

«Я бы мог рассказать вам про нашего Уилфреда кое-что забавное!» Да только он не рассказал – а теперь уж и не расскажет. Она подумала о смерти Виктора. Что за внезапный порыв заставил его свести счеты с судьбой именно тогда? Ну конечно же, это был внезапный порыв – обычно по средам Виктор не выезжал к морю, и Деннис не хотел его везти. Она ясно помнила сцену во двореке. Виктор, настойчивый, упрямый, пускающий в ход все средства, лишь бы добиться своего. Деннис, красный, надутый, как строптивое дитя, – он хоть и уступил, но продолжал дуться. И так они отправились вместе на ту роковую прогулку, и она никогда больше не видела Виктора. Что он думал, когда снял кресло с тормоза и заскользил навстречу гибели? Нет, наверняка это был внезапный порыв. Никто по доброй воле не выбрал бы такую жуткую смерть, когда вполне доступны средства помягче. А ведь средства есть – подчас Урсула ловила себя на мыслях о них, вспоминая про эти две недавние смерти – Виктора и отца Бэддли. Отец Бэддли, кроткий неудачник, ушел, будто его никогда и не было, его имя теперь почти не упоминалось. А вот горький, беспокойный дух Виктора задержался в Тойнтон-Грэйдж. Иногда, особенно в сумерках, Урсула боялась смотреть на соседей – вдруг она увидит тяжелую фигуру Виктора, кутающегося в теплый клетчатый плащ, с натянутой, закоченелой улыбкой на смуглом сардоническом лице. Внезапно, несмотря на теплое послеполуденное солнце, Урсула вздрогнула. И, сняв кресло с тормоза, повернулась и поехала к дому.

IV

Парадная дверь Тойнтон-Грэйндж была открыта, и Джулиус Корт провел гостя в просторный холл с высоким потолком, дубовыми панелями на стенах и мраморным полом в черно-белую клетку. В доме оказалось на удивление тепло – входящий словно прорывался сквозь незримую завесу горячего воздуха. А вот пахло как-то странно: не обычным для медицинских заведений запахом людских тел, еды, полировки для мебели, заглушаемой резкой вонью антисептиков, а как-то иначе, сладко и экзотично, точно здесь кто-то жег ароматические благовония. В холле царил полумрак, словно в церкви. Это впечатление усиливали два витража в стиле прерафаэлитов по обеим сторонам от двери. На левом изображалось изгнание из рая, на правом – жертвоприношение Исаака. Дэлглиш подивился эксцентричной фантазии, породившей изображение женоподобного ангела с копной золотых кудрей под увенчанным плюмажем шлемом. Или создавшей ангельский меч, разукрашенный ромбами рубинового, ярко-синего и оранжевого цветов. Этим оружием херувим не слишком эффективно отгораживал двух преступников от яблоневых садов Эдема. Алам и Ева – розовые тела тактично, хотя и неправдоподобно обвиты лавром, на лицах выражение напускной одухотворенности и упрямого раскаяния. Справа тот же самый ангел этаким Бэтменом завис над распростертым Исааком. За ними из чащи наблюдал чрезмерно кудрявый агнец, морда которого отражала вполне понятные в данных обстоятельствах опасения.

В холле стояло три кресла – нестандартные и грубые изделия из крашеного дерева с виниловыми сиденьями, ужасно уродливые сами по себе: одно необычно высокое, два других, напротив, крайне низкие. У дальней стены приютилось сложенное инвалидное кресло; в стенах на уровне пояса был вделан деревянный поручень. Справа, сквозь открытую дверь, виднелась не то контора, не то раздевалка. Дэлглиш разглядел складки висящего клетчатого плаща, доску с ключами и краешек массивного стола. Слева от двери расположился резной столик для писем и визиток с медным подносом и огромным пожарным колоколом.

Джулиус прошел через дверь в противоположном конце холла и оказался в центральном вестибюле, откуда поднималась тяжелая лестница. Добрую половину лестничных перил пришлось убрать, чтобы освободить место для металлической клетки большого современного лифта. Наконец

посетители оказались перед третьей дверью. Джулиус театрально распахнул ее и объявил:

– Гость, прибывший по приглашению покойного. Адам Дэлглиш.

Все трое вошли в комнату. Дэлглиш, идущий посередине, вдруг почувствовал себя непривычно и как-то неуютно: точно под конвоем. После полумрака холла и центрального вестибюля в столовой было так светло, что командер зажмурился. Узкие стрельчатые окна пропускали не так уж много света, однако комнату заливало яркое, режущее глаз сияние от двух длинных флуоресцентных ламп, которые казались особенно неуместными под высоким сводчатым потолком. В глазах у Адама все расплылось, потом раздвоилось, и только потом он сумел разглядеть обитателей Тойнтон-Грэйндж, словно изобразивших вокруг длинного монастырского стола застывшую «живую картинку».

Похоже, появление нежданного гостя поразило всех до полного онемения. Четверо из присутствующих сидели в инвалидных креслах – три женщины и один мужчина. Еще две женщины явно принадлежали к числу персонала. Одна была одета как старшая медицинская сестра, разве что без обязательной шапочки, символа этого положения, поэтому казалось, будто ей чего-то не хватает. Вторая, светловолосая молодая женщина, носила черные брюки и строгую белую блузу. Но даже в столь ортодоксальном костюме служительница умудрялась производить самое что ни на есть внушительное, даже слегка устрашающее впечатление. Трое здоровых мужчин были в темно-коричневых сутанах. После секундного замешательства человек, сидевший во главе стола, поднялся и с церемонной медлительностью направился навстречу вошедшим, простирая руки:

– Добро пожаловать в Тойнтон-Грэйндж, Адам Дэлглиш. Меня зовут Уилфред Энсти.

Первой мыслью Дэлглиша было: ну до чего же он смахивает на актера, который заезженно играет роль аскетичного епископа. Коричневое облачение так шло Уилфреду, что казалось невыносимым представить его в любой другой одежде. Он был высок и худ, а торчащие из-под спадающих рукавов смуглые запястья казались хрупкими и ломкими, как сухие ветки осенью. Коротко стриженные, седые, хотя и густые еще волосы повторяли очертания черепа. Длинное худое лицо Энсти было испещрено пятнышками, точно от неровно сошедшего летнего загара; два ярко-белых пятна на левом виске имели нездоровый вид. Возраст Уилфреда определить было трудно – должно быть, около пятидесяти. Кроткие вопрошающие глаза, словно привыкшие кротко сносить чужие страдания, выглядели

молодо – с ярко-голубой радужкой и молочно-белыми белками. Улыбался Энсти чуть кривобокой, зато подчеркнуто сладкой улыбкой, которую слегка портили неровные потемневшие зубы. Дэлглиш подивился: и почему это филантропы так часто пренебрегают регулярными визитами к дантисту?

Адам протянул руку и почувствовал, как она попала в плен обеих ладоней Энсти. Ему потребовалось немалое усилие воли, чтобы не содрогнуться при соприкосновении с влажной липкой кожей.

– Я надеялся несколько дней погостить у отца Бэддли. Мы с ним старые друзья. Я и не знал, что он мертв.

– Мертв и кремирован. В прошлую среду его прах был похоронен на церковном дворе тойнтонской церкви Святого Михаила. Мы знали, что он хотел бы упокоиться на этой освященной земле. Мы не давали объявления о его смерти в газетах, потому что не думали, что у преподобного есть друзья.

– Кроме нас.

Это прибавила кротко, но решительно одна из пациенток. Она была старше остальных, седая и вся какая-то угловатая, как деревянная кукла. Сидя в инвалидном кресле, женщина неотрывно и с искренним интересом разглядывала Дэлглиша.

– Ну разумеется, – согласился Уилфред Энсти. – Кроме нас. Полагаю, Грейс была отцу Майклу ближе всех – и именно она находилась с ним в тот вечер, когда он скончался.

– А по словам миссис Хьюсон, он умер один, – удивился Дэлглиш.

– К сожалению, да. И ведь именно так в конечном итоге умираем мы все. Надеюсь, вы выпьете с нами чаю? Джулиус, и вы с Мэгги, разумеется, тоже. Так вы сказали, что надеялись погостить у Майкла? В таком случае вы должны переночевать здесь. – Энсти повернулся к экономке: – Думаю, в комнате Виктора, Дот. Будьте добры после чая приготовить ее для нашего гостя.

– Весьма любезно с вашей стороны, – возразил Дэлглиш, – но, право же, я бы не хотел никого стеснять. А не могу ли я, если у вас нет возражений, провести несколько дней в коттедже отца Бэддли? Миссис Хьюсон сказала, будто он завещал мне свою библиотеку. Хотелось бы разобрать и упаковать книги, раз уж я здесь.

Показалось ли ему, что это предложение не слишком обрадовало хозяина имения? Однако Энсти колебался лишь несколько секунд.

– Ну разумеется, если вам так удобнее. Только сперва позвольте представить вас нашей семье.

Дэлглиш вежливо позволил Энсти провести маловразумительную

церемонию официального представления и пожал вереницу протянутых рук – холодных, сухих, влажных, вялых или твердо пожимающих его ладонь. Грейс Уиллисон – пожилая старая дева, этюд в серых тонах: серая кожа, седые волосы, серое платье, серые чулки, причем все какое-то тускловатое, а сама она походила на старомодную куклу, заброшенную за ненадобностью в пыльный чулан. Урсула Холлис, высокая прыщеватая девушка в длинной индийской хлопчатобумажной юбке, удостоила Адама робкой улыбкой и быстрым, неохотным рукопожатием. Левая ее рука неподвижно лежала на коленях, словно придавленная к ним тяжестью толстого обручального кольца. Нечто в ее внешности сразу показалось Дэлглишу странным, однако, уже отвернувшись, он понял, что именно: разные глаза – один голубой, а другой карий. Дженни Пеграм – самая молодая из пациентов, но, должно быть, старше, чем выглядит: бледное острое личико и кроткие лемурии глаза. Шея у нее была такая короткая, что казалось, будто девушка втянула ее в плечи, скрючившись в инвалидном кресле. Расчесанные на прямой пробор золотистые волосы волнистым покрывалом висели вокруг карликового тельца. Она словно сжалась от прикосновения гостя и, улыбнувшись слабой, болезненной улыбочкой, прошелестела «здравствуйте». Генри Каруардин: красивое властное лицо прорезано глубокими морщинами, крючковатый нос и длинный рот. Недуг скрючил ему шею так, что голова была склонена набок, как у надменной хищной птицы. Протянутую Дэлглишем руку он не удостоил вниманием, произнес обычные слова приветствия с равнодушием на грани невежливости. Дороти Моксон, экономка: мрачная, крепко сбитая особа с угрюмыми глазами под черной челкой. Хелен Рейнер: огромные, чуть навывкате, глаза под тонкими, как виноградная кожица, веками; соблазнительная фигурка, которую не в силах скрыть даже свободная блуза. Она могла бы, подумал Дэлглиш, даже показаться красивой, если бы не дряблые, чуть обвисшие щеки. Медсестра обменялась с гостем твердым рукопожатием и бросила на него слегка угрожающий взгляд – точно знакомилась с новым пациентом, от которого ждала неприятностей. Доктор Эрик Хьюсон: светловолосый привлекательный молодой человек с по-мальчишески ранимым лицом и карими глазами в обрамлении потрясающе длинных ресниц. Деннис Лернер: тощее, вялое лицо, нервно помаргивающие глаза за толстыми стеклами очков в стальной оправе, рука влажная. Энсти, словно чувствуя, что присутствие Денниса надо специально объяснить, заметил, что Лернер – брат милосердия.

– С двумя оставшимися членами нашей небольшой семьи, Албертом Филби, рабочим, и моей сестрой Миллисентой Хэммит, вы, надеюсь,

успеете познакомиться чуть позже. И разумеется, нельзя забывать о Джеффри.

При звуках своего имени кот, до того момента спавший на подоконнике, встал, увесисто шмякнулся на пол и, задрвав хвост, направился к столу.

– Его назвали в честь кота из стихотворения Кристофера Смарта, – пояснил Энсти. – Полагаю, вы его помните:

Ибо рассмотрим кота моего Джеффри.
Ибо он слуга Бога живого, служащий ему
верно и неустанно.
Ибо он противостоит силам тьмы своей
электрической шкуркой и сверкающими глазами.
Ибо он противостоит Дьяволу, сиречь смерти,
своей живостью и проворством^{[note\[1\]](#)}.

Дэлглиш сказал, что да, он знает это стихотворение. А еще командер мог бы добавить, что ежели Энсти пожелал назначить кота на жреческую роль, то ошибся в выборе кандидата. Судя по виду, Джеффри, обычный полосатый котище с пушистым лисьим хвостом, посвятил жизнь не столько службе Создателю, сколько мирским радостям плоти. На Энсти кот бросил недовольный взгляд, исполненный муки и отвращения, после чего легко запрыгнул на колени Каруардина. Там, впрочем, котяра не получил теплого приема, но тем не менее замурлыкал, улегся и довольно зажмурился.

Джулиус Корт и Мэгги Хьюсон устроились на дальнем краю стола. Неожиданно Джулиус во всеуслышание объявил:

– Кстати, когда будете разговаривать с мистером Дэлглишем, поаккуратнее выбирайте слова. Все, что бы вы ни сказали, может быть использовано против вас. Он предпочел путешествовать инкогнито, однако на самом деле это командер Адам Дэлглиш из Нью-Скотланд-Ярда. Ловит убийц.

Чашка Генри Каруардина взволнованно задребезжала по блюдечку. Он попытался левой рукой придержать ее, но без особого успеха. Никто даже не посмотрел в его сторону. Дженни Пеграм ахнула, а потом самодовольно оглядела присутствующих, как будто сказала что-то очень умное. Хелен Рейнер резко спросила:

– Откуда вы знаете?

– Дорогая моя, я живу в этом мире и время от времени читаю газеты. В прошлом году был один шумный процесс, во время которого командер привлек к себе внимание общественности.

Корт повернулся к Дэлглишу:

– После ужина мы с Генри будем пить вино и слушать музыку. Если пожелаете, присоединяйтесь к нам. Кстати, можете прикатить Генри ко мне. Уверен, Уилфред вас простит.

Приглашение звучало не слишком-то учтиво – ведь оно касалось лишь двоих из всех присутствующих. Корт словно претендовал на то, чтобы целиком и полностью завладеть гостем практически без спросу хозяина. Впрочем, кажется, никто не обиделся. Должно быть, Генри с Джулиусом часто пили вместе, когда Корт приезжал в имение. В конце-то концов, пациенты вовсе не обязаны дружить с одними и теми же людьми, а друзья не обязаны приглашать сразу всех. Кроме того, Дэлглиша, по всей очевидности, позвали, чтобы он помог Каруардину. Адам коротко поблагодарил и занял место между Урсулой Холлис и Генри Каруардином.

Угощение было простым и незамысловатым, как в школе. На неровном, щербатом дубовом столе, не покрытом даже скатертью, стояли два больших чайника, которыми заведовала Дороти Моксон; две тарелки с толстыми ломтями ржаного хлеба, тонко-тонко намазанными чем-то, что весьма напоминало Дэлглишу маргарин; вазочка с медом; вазочка с «Мармайтом» и блюдо домашних булочек, из которых торчали закаменевшие ягодки черной смородины. Еще здесь была миска с яблоками, судя по виду – паданцами. Все пили из коричневых глиняных кружек. Хелен Рейнер вынула из вделанного под подоконник буфета еще три таких же кружки и блюдца для гостей.

Странное вышло чаепитие. Каруардин подвинул гостю тарелку с бутербродами, после чего полностью его игнорировал, да и с Урсулой Холлис спервоначалу беседа никак не налаживалась. Бледное напряженное личико девушки было постоянно обращено к Дэлглишу, два разных глаза молча ловили его взор. У командера возникло неуютное ощущение, будто Урсула чего-то ждет, отчаянно пытается пробудить в нем интерес, а быть может, даже дружеское расположение. Понять эту просьбу Адам не мог, а уж удовлетворить и подавно. Однако потом, по какой-то счастливой случайности, гость упомянул Лондон. Лицо молодой женщины тут же прояснилось, и она спросила, знает ли он «Марилебон» и рынок на Белл-стрит. Дэлглиш оказался втянут в живое и страстное обсуждение уличных рынков Лондона. Урсула покраснелась, сделалась почти хорошенькой, и, как ни странно, этот разговор вроде бы принес ей некоторое облегчение.

Внезапно Дженни Пеграм перегнулась через стол и с гримаской напускного отвращения сказала:

– Хорошенькая же у вас работка: ловить убийц и отправлять их на

виселицу. Ума не приложу, что вы в ней находите такого привлекательного...

– Мы не считаем ее привлекательной. Кроме того, в наши дни никого не вешают.

– Ну, тогда отправляют в пожизненное заключение. По-моему, это еще хуже. И готова держать пари, кое-кого из тех, кого вы поймали в молодости, повесили.

Дэлглиш распознал в ее глазах предвкушающий, почти сладострастный блеск. Это было ему не в новинку.

– Пятерых, – тихо ответил он. – Интересно, почему все обычно хотят послушать именно о них?

Энсти улыбнулся своей кроткой улыбкой и с видом человека, решившегося взглянуть на предмет беспристрастно, произнес:

– Дженни, дело ведь не только в наказании, верно? За этим кроется необходимость устроить негодяев, подчеркнуть, что общество не приемлет насилия, кроме того – надежда перевоспитать и исправить преступников, ну и, разумеется, добиться, чтобы они не повторяли злодеяний.

Уилфред Энсти напомнил Дэлглишу одного особенно нелюбимого школьного учителя, который любил затевать откровенное обсуждение общественных проблем, но всегда с покровительственным видом носителя высшего разума. Он позволял высказывать неортодоксальные взгляды – однако лишь до известной степени и при условии, что в результате класс целиком и полностью убедится в верности и правильности его, учителя, взглядов. Теперь Дэлглиш не поддался на старую уловку и не имел никакого желания подыгрывать. Простодушную реплику Дженни («Ну, если их вешать, они уж точно ничего не повторят!») командер прервал словами:

– Я понимаю, что это крайне интересная и важная тема. И все же прошу простить, если лично меня она не привлекает. Я в отпуске – выздоравливаю и не хочу сейчас думать о работе.

– Вы болели? – Каруардин старательно и сосредоточенно, как неуверенный в своих силах ребенок, потянулся за медом. – Надеюсь, ваш визит сюда не вызван, пусть и подсознательно, личными мотивами? Вы не подыскиваете приют на будущее? Не страдаете от прогрессирующего неизлечимого заболевания?

Снова вмешался Энсти:

– Все мы страдаем от прогрессирующего неизлечимого заболевания. Мы называем его жизнью.

Каруардин улыбнулся, точно поздравлял сам себя с выигрышем в какой-то своей, неизвестной остальным игре. Дэлглиш, которому начинало казаться, будто он попал на Безумное Чаепитие, не мог понять: претендует ли высказывание Уилфреда на какую-то глубину мысли или же это сказано просто по глупости? Зато он был уверен в другом: Энсти не раз произносил эту фразу прежде. Наступила короткая неловкая пауза, а потом Уилфред сказал:

– Майкл не говорил нам, что ждет вас. – В его устах это прозвучало кротким упреком.

– Возможно, не получил мою открытку. Она должна была прийти утром в день его смерти. И я не нашел ее у него в бюро.

Энсти чистил яблоко и не отрывал глаз от вьющейся из пальцев полоски желтой кожицы.

– Его привезли из больницы на карете «скорой помощи». В то утро я никак не мог сам забрать Майкла. Насколько я понял, они останавливались у почтового ящика забрать письма – наверное, по его просьбе. Потом он отдал одно письмо мне, а одно – моей сестре, так что и вашу открытку должен был получить. Но я совершенно точно не находил ничего подобного в бюро, когда рылся там в поисках завещания или каких-либо еще письменных инструкций, которые он мог оставить. Это было утром после его смерти. Хотя, конечно, я мог и пропустить ненароком...

– В таком случае она так и лежала бы там, – непринужденно заметил Дэлглиш. – Наверное, отец Бэддли ее выкинул. Жаль, что вам пришлось взламывать бюро.

– Взламывать? – Голос Энсти выражал лишь вежливое удивление.

– Замок был взломан.

– Да-да, верно. Сдается мне, Майкл потерял ключ и от крайней нужды пошел на столь крайние меры. Простите за невольный каламбур. Когда я стал искать, то обнаружил, что бюро открыто. Мне и в голову не пришло осмотреть замок. А это важно?

– Для мисс Уиллисон – да. Насколько я понимаю, бюро теперь принадлежит ей.

– Разумеется, сломанный замок делает его менее ценным. Однако вы и сами обнаружите, сколь мало мы в Тойнтон-Грэйндж придаем значения материальной собственности.

Энсти снова улыбнулся, словно прося прощения за подобное легкомыслие, и повернулся к Дороти Моксон. Мисс Уиллисон сидела, уставившись в тарелку, и не поднимала глаз.

– Наверное, глупо с моей стороны, – промолвил Дэлглиш, – но мне бы

все же хотелось удостовериться в том, что отец Бэддли знал о моих намерениях. Я подумал, может, он засунул открытку в дневник, но на столе последней тетрадки не оказалось.

На этот раз Энсти посмотрел на командера. Голубые глаза встретились с темно-кариыми – невинные, вежливые, без тени тревоги.

– Да, я заметил. Он перестал вести дневник примерно в конце июня. Удивительно ведь не то, что бросил, а то, что Майкл вообще его вел. В конце концов, всякому надоедает самовлюбленно записывать всякие мелочи, будто это невесть какие вечные ценности.

– И все же странно – после стольких лет вдруг взять и бросить посреди года...

– Он только что вернулся из больницы после серьезной болезни, и особых сомнений в прогнозе быть не могло. Зная, что смерть не за горами, Майкл вполне мог решить уничтожить дневники.

– Начиная с последней тетради?

– Уничтожать дневники – все равно что уничтожать память. Начинаешь с того куска, чью потерю легче пережить. Старые воспоминания самые цепкие. Вот он и сжег раньше всего последнюю тетрадь.

И снова Грейс Уиллисон кротко, но решительно поправила Энсти:

– Только не сжег, Уилфред. После возвращения из больницы отец Бэддли пользовался электрическим обогревателем. На каминной решетке стоит кувшин с букетом сухих трав.

Дэлглиш представил себе гостиную коттеджа «Надежда». Грейс и в самом деле была права. Он вспомнил старомодный каменный кувшинчик, ссохшийся пучок листьев и травы, что заполнял почти весь узкий камин, так и норовя просунуть пыльные, испачканные сажей стебельки меж прутьев решетки. Букет, похоже, не трогали с прошлого года.

Оживленный разговор, шедший на другом краю стола, замер, сменившись выжидательным молчанием. Так бывает, когда все присутствующие вдруг начинают подозревать, что сейчас скажут нечто интересное, нечто, что им не хотелось бы пропустить мимо ушей.

Мэгги Хьюсон сидела столь близко к Джулиусу Карту, что Дэлглиш только диву давался, как это ему вообще хватает места чашку ко рту поднести. Мэгги самым немилосердным образом флиртвала с Кортом, хотя и трудно сказать почему – то ли он ей и в самом деле нравился, или же она стремилась позлить мужа. Когда Эрик Хьюсон поглядывал на жену, на его лице снова появлялось виноватое выражение, как у пристыженного школьника. Корт же чувствовал себя непринужденно и распределял свое

внимание меж всеми присутствующими дамами, за исключением Грейс. Теперь же Мэгги посмотрела ему прямо в глаза и резко спросила:

– В чем дело? Что она сказала? Никто не ответил.

Неожиданное и необъяснимое замешательство все же прервал Джулиус:

– Кстати, вам вдвойне повезло с гостем. Таланты командера не ограничиваются поимкой убийц, он еще пишет стихи. Он – поэт Адам Дэлглиш.

Это заявление было встречено смущенно-поздравительным бормотанием, из которого ухо Дэлглиша выхватило реплику Дженни – «Очень мило!» – как самую неуместную. Уилфред поощрительно улыбнулся:

– Ну разумеется. Нам и впрямь повезло. И Адам Дэлглиш прибыл к нам в удачное время. В четверг состоится очередное ежемесячное собрание. Мы можем надеяться, что наш гость порадует нас, прочитав вслух что-нибудь из своих сочинений?

На этот вопрос существовало множество самых разных ответов, однако в присутствующей компании убогих все они казались либо слишком злобными, либо неуместными.

– Прошу прощения, но я не взял в поездку своих книг, – только и произнес Дэлглиш.

Энсти улыбнулся:

– Вот уж не проблема. У Генри есть два ваших последних тома. Уверен, он с охотой одолжит их ради такого случая.

Каруардин отозвался, не поднимая глаз от тарелки:

– Учитывая полное отсутствие здесь какого бы то ни было понятия о приватности, я не сомневаюсь, что вы можете процитировать весь каталог моей библиотеки. Но поскольку до сих пор вы ни малейшего интереса к трудам Дэлглиша не проявляли, я не собираюсь одалживать мои книги для того, чтобы вы могли заставить гостя выделяться перед вами, точно дрессированная обезьянка.

Уилфред слегка покраснел и уткнулся в тарелку.

Больше сказать на эту тему было нечего. Через несколько секунд разговор за столом возобновился – безвредный и бессодержательный. Ни отца Бэддли, ни его дневник более никто не упоминал.

Когда после чая Дэлглиш выразил желание поговорить с мисс Уиллисон наедине, Энсти это ничуть не встревожило. Возможно, просьба показалась ему всего лишь благочестивой данью уважения к памяти мертвого. Он ответил, что в обязанности Грейс входит по вечерам кормить несущек и собирать яйца. Вероятно, в этом случае Адам ей поможет? Каждое из двух больших колес инвалидного кресла было соединено со вторым, внутренним, хромовым колесом так, чтобы больной мог самостоятельно продвигаться вперед. Мисс Уиллисон медленно поехала по асфальтовой дорожке. От каждого рывка ее хрупкое тело дергалось как марионетка. Дэлглиш заметил, что левая рука у нее деформирована и гораздо слабее правой, из-за чего кресло вихлялось и двигалось неровно. Идя с левой стороны от кресла, он словно невзначай положил руку на спинку и тихонько подталкивал его вперед, надеясь, что выбрал правильную тактику. А вдруг подобное проявление такта оскорбит мисс Уиллисон, словно непрощенная жалость? Ему показалось, что она ощутила его неловкость и решила не усугублять ее благодарностью, выраженной хотя бы молчаливой улыбкой.

Идя по дорожке рядом с Уиллисон, Дэлглиш с необычайной отчетливостью осознавал ее присутствие на чисто физическом уровне – как будто она была молода и прекрасна, а он по уши влюблен. Смотрел, как ритмично дергаются под серым хлопчатобумажным платьем острые плечи, как проступают лиловые шнуры вен на почти прозрачной левой руке, такой маленькой и тонкой по сравнению с правой. Да и сжимавшая колесо правая рука, компенсирующая слабость левой, тоже казалась уродливой – слишком сильной и мускулистой, почти как мужская. Ноги Грейс в сморщенных вязаных чулках были тонкими как спички, а ступни в простеньких сандалиях выглядели слишком большими для столь неадекватной опоры. Они покоились на подножке кресла, точно приклеенные к металлу. Седые, усыпанные хлопьями перхоти волосы были забраны наверх и заплетены в одну косу, держащуюся на голове при помощи не слишком-то чистого белого гребня. Шея сзади была какой-то грязной – то ли из-за выцветающего загара, то ли из-за того, что Грейс плохо умылась. Глядя вниз, Дэлглиш видел, как морщины у нее на лбу становятся еще глубже из-за усилий, которые приходится прилагать, чтобы двигать кресло, как помаргивают глаза за стеклами очков в тонкой оправе.

Курятник представлял собой ветхую клетку, огороженную провисающей проволокой и покосившимися столбиками. Сразу было видно, что строился он в расчете на инвалидов. Вход состоял из двух дверей, одна за другой, так что мисс Уиллисон могла запереть за собой первую, прежде чем открывать вторую, ведущую в основное помещение. Вдоль стен мимо коробок для несушек шла ровная асфальтовая дорожка шириной с инвалидное кресло. В маленькой «прихожей» на уровне талии была прибита неоструганная доска, на которой размещались тазик с уже готовым кормом, пластиковая канистра с водой и длинная, деревянная ложка – видимо, для сбора яиц. Мисс Уиллисон не без труда переместила все это себе на колени и наклонилась вперед, чтобы открыть внутреннюю дверь. Куры, сгрудившиеся в дальнем углу, точно нервные девы, разом подняли круглые злые головки, захлопали и бросились к ней, словно толпа пернатых фанатиков, решившихся на массовое самоубийство. Мисс Уиллисон чуть отъехала назад и принялась горстями швырять корм с видом неопитки, умиротворяющей фурий. Куры возбужденно клевали и глотали. Доскребая остатки корма из тазика, мисс Уиллисон проговорила:

– Жаль, что я не могу их полюбить – как и они меня. Тогда обеим сторонам было бы поприятнее. Я почему-то считала, что животные привыкают к руке, которая их кормит, но, похоже, к несушкам это не относится. Да и с какой, собственно, стати? Мы их используем от и до. Сперва забираем у них яйца, а потом, когда они прекращают нестись, сворачиваем бедняжкам шею и отправляем в кастрюлю.

– Надеюсь, вам не приходилось никому ничего сворачивать.

– О нет, эта неприятная задача возложена на Алберта Филби, хотя не думаю, что он находит ее такой уж неприятной. А я лишь исправно съедаю свою порцию вареной курятины.

– Вполне разделяю ваши чувства, – произнес Дэлглиш. – Я рос в доме сельского священника в Норфолке, и моя мать держала кур. Она-то их любила, да и они ее тоже, а вот мы с отцом считали возню с курицами сплошной доуккой. Однако свежие яйца очень любили.

– Знаете, стыдно сказать, и все же я не вижу решительно никакой разницы между этими яйцами и покупными. Уилфред решил, что мы будем питаться только натуральными продуктами. Он презирает большие промышленные фермы, и, конечно, прав. Он бы вообще предпочел ввести в Тойнтон-Грэйндж вегетарианство, но это усложнило бы подбор продуктов для стола. Джулиус тут провел кое-какие расчеты и показал Уилфреду, что эти яйца обходятся нам в два с половиной раза дороже магазинных, даже если не учитывать мой труд. Вышло довольно-таки обескураживающе.

– Значит, Джулиус Корт ведет у вас бухгалтерию? – поинтересовался Дэлглиш.

– О нет! Он не занимается настоящими счетами вроде годового отчета. На это у Уилфреда есть профессиональный бухгалтер. Джулиус просто ловко обращается с цифрами, и, я знаю, Уилфред часто с ним советуется. Впрочем, обычно это не слишком ободряющие советы – мы балансируем на волоске. Наследство отца Бэддли стало настоящим даром небес. Джулиус вообще очень добрый. В прошлом году фургон, на котором мы ехали из порта по возвращении из Лурда, попал в аварию. Нас всех изрядно потрянуло. Кресла стояли в задней части фургона, и два из них сломались. Сюда послали паническую телефонограмму, хотя на самом деле все оказалось не так уж страшно, как подумал Уилфред в первый момент. Джулиус же сразу поехал в больницу, куда нас отвезли на осмотр, нанял другой фургон и позаботился абсолютно обо всем. А потом купил нам специально оборудованный автобус, так что теперь мы полностью независимы. Деннис с Уидфредом вдвоем могут везти нас до самого Лурда. Джулиус, разумеется, с нами никогда не ездит, зато устраивает настоящий праздник, когда мы возвращаемся из паломничества.

Подобная бескорыстная доброта до странности противоречила тому впечатлению, что успело сложиться у Дэлглиша о КORTE даже за столь краткое знакомство. Заинтригованный, он осторожно спросил:

– Прошу прощения, если мои слова покажутся грубыми, а что Джулиус Корт получает от всего этого, ну, из интереса к Тойнтону?

– Знаете, иногда я сама себя об этом спрашиваю. И этот вопрос не кажется невежливым, когда подумаешь о том, сколько всего Тойнтон-Грэйндж от него получает. Он приезжает из Лондона, принося дыхание большого мира. Он нас всех веселит... Однако вы-то хотите поговорить о вашем друге. Давайте соберем яйца и найдем какое-нибудь тихое место.

«О вашем друге». Эти слова, произнесенные тихим голосом, устыдили Дэлглиша. Они с мисс Уиллисон вместе наполнили поилки и собрали яйца. Уиллисон подгробала их деревянной ложкой с ловкостью, порожденной долгой практикой. Правда, удалось найти только восемь штук. Вся процедура, которую здоровый человек мог выполнить за десять минут, оказалась утомительной, долгой и малопродуктивной. Дэлглиш не видел никакого достоинства в работе во имя работы и гадал про себя: что его спутница на самом деле думает по поводу занятия, выдуманного лишь ради того, чтобы подарить ей иллюзию хоть какой-то значимости?

Они вместе вернулись в маленький дворик за домом. Там сидел один Генри Каруардин – книга на коленях, глаза устремлены в сторону

невидимого отсюда моря. Мисс Уиллисон бросила на него быстрый обеспокоенный взгляд и словно бы собралась что-то сказать. Однако ничего не произнесла до тех пор, пока они не устроились ярдах в тридцати от безмолвной фигуры: Дэлглиш – на краешке одной из деревянных скамей, а мисс Уиллисон – в своем кресле рядом. Затем она произнесла:

– Никак не привыкну к тому, что живу так близко от моря и не вижу его. Иногда море так отчетливо слышно – вот как сейчас. Мы чуть ли не окружены им, порой даже чувствуем его запах, однако с тем же успехом могли бы обитать за сотни миль от него.

Она говорила тоскливо и вместе с тем без жалобы. Несколько секунд оба молчали. Теперь Дэлглиш и в самом деле отчетливо различал в ветре шум моря, протяжные вздохи прибоя на каменистом пляже. У обитателей Тойнтон-Грэйнджэтот вечный рокот наверняка пробуждал томление по дразняще-близкому, но недоступному бескрайнему синему горизонту, мчащимся по ветру облакам, белым крыльям, пронизывающим мятущийся воздух. Он вполне понимал, как стремление увидеть море могло перерасти в навязчивую идею. И сказал совершенно сознательно:

– Мистер Холройд устраивал так, чтобы его везли туда, откуда видно море.

Было очень важно заметить реакцию Грейс, и Адам мгновенно понял: для нее это замечание прозвучало хуже, чем случайная бестактность. Она была глубоко потрясена и шокирована. По лицу женщины густой некрасивой волной разлился румянец, быстро сменившийся мертвенной бледностью. На миг Дэлглиш почти пожалел о своих словах. Однако сожаление ушло также быстро, как и появилось. Вот он возвращается, сардонически подумал Дэлглиш, этот профессиональный зуд, стремление докопаться до фактов. А их редко удается добыть просто так, ничем не расплачиваясь, и сколь бы важными или ничего не значащими ни оказывались они в конечном счете, платить обычно приходилось не ему. Мисс Уиллисон снова заговорила, но так тихо, что командеру пришлось нагнуться, чтобы разобрать слова.

– Виктору было особенно необходимо выбираться отсюда. Мы это понимали.

– А ведь, должно быть, тяжело толкать даже такое легкое кресло по неровной земле, а потом еще вверх к обрыву.

– У него было собственное кресло, больше и крепче. Кроме того, Виктора вовсе не требовалось толкать наверх. Там есть тропинка, которая, насколько понимаю, ведет по эту сторону утеса к узкой расщелине. По ней можно выбраться на обрыв. Впрочем, все равно Деннису Лериеру было

очень тяжело возить кресло. Дорога занимала около получаса. Но вы же хотели поговорить об отце Бэддли...

– Если вам не слишком трудно. Судя по всему, вы последняя, кто видел его живым. Наверное, он умер почти сразу же, как вы ушли, потому что на следующее утро, когда миссис Хьюсон нашла преподобного, он был еще в облачении. А ведь, полагаю, отец Бэддли снял бы его, приняв исповедь.

Настала короткая пауза – мисс Уиллисон, должно быть, что-то обдумывала.

– Он снял его, как обычно, после того, как дал мне отпущение грехов. Сложил и повесил на ручку кресла.

И снова Дэлглиша охватило ощущение, которое он и не думал испытать вновь, много долгих тоскливых дней томясь в больнице: будоражащий холодок в крови, первое осознание того, что наконец-то сказано нечто по-настоящему важное. И что хотя противник еще не показался на глаза и даже следов его еще не различить, становится ясно: враг есть, он где-то неподалеку. Дэлглиш попытался не выказывать этого внезапного и неуместного сейчас напряжения, однако оно было столь же рефлекторно и непреодолимо, как легкий укол страха.

– Так это значит, – произнес он, – что отец Бэддли снова надел облачение после вашего ухода. Зачем?

Или кто-то еще надел на него епитрахиль... Ладно, эту мысль лучше оставить невысказанной, эта версия может подождать.

Мисс Уиллисон так же тихо промолвила:

– Полагаю, к нему пришел новый кающийся – самое очевидное объяснение.

– А он не надевал облачение для вечерней молитвы?

Дэлглиш попытался припомнить, как поступал в подобных случаях его отец в те редкие дни, когда не служил службу в церкви. Увы, в памяти всплыла лишь детская картинка: они с отцом, загнанные непогодой в хижину на Каирнгорме. Адам наполовину скучающим, наполовину замороженным взглядом наблюдает, как вьется и вихрится снег за окном, а отец – в походных штанах, анорাকে и вязаной шапке – тихонько читает маленький черный молитвенник. В тот раз отец точно обошелся без епитрахили.

– О нет! – ответила мисс Уиллисон. – Он носил его, только отправляя святые таинства. Кроме того, отец Бэддли уже отслужил вечерню. Он как раз заканчивал, когда я появилась. Я присоединилась к нему в последней молитве.

– Так если кто-то приходил после вас, значит, вы не последняя, кто

видел его живым. Вы кому-нибудь об этом говорили, разговаривали о смерти преподобного?

– А надо было? Не думаю. Если тот, кто приходил, ничего не говорит, не мое дело строить догадки. И разумеется, если бы кому-нибудь, кроме вас, пришла мысль о важности этого облачения, догадок и домыслов избежать бы не удалось. Только никто ничего не заметил. Или ничего не сказал. Мы и так слишком много сплетничаем тут, в Тойнтон-Грэйндж, мистер Дэлглиш. Наверное, это неизбежно, однако же не... не слишком морально. Если в тот вечер на исповедь приходил кто-то, кроме меня, это никого не касается – только того человека и отца Бэддли.

– Но на следующее утро отец Бэддли был все в том же облачении, – заметил Дэлглиш. – А это позволяет предположить, что он умер, пока его гость еще не ушел. В таком случае стоило бы позвать врача, сколь бы личным ни был визит посетителя.

– Возможно, гость не сомневался, что отец Бэддли мертв и ему уже ничем не поможешь. Тогда он вполне мог оставить его мирно сидеть в кресле, а сам предпочел бы ускользнуть. Не думаю, что отец Бэддли назвал бы это грехом, и не думаю, что вы назовете это преступлением. Да, на первый взгляд это чудовищно. Хотя кто знает, как это было? Вероятно, это может свидетельствовать о неуважении к приличиям – и не более того.

Или же, подумал Дэлглиш, это может свидетельствовать о том, что неурочный гость был врачом или медсестрой. Не на это ли намекает мисс Уиллисон? Первой реакцией при виде упавшего без чувств человека должно быть желание позвать на помощь. Или на худой конец попытка убедиться, что тот и правда мертв. Если, конечно, и без того не знаешь причины, по которой отец Бэддли должен умереть. Такая мрачная возможность, судя по всему, в голову мисс Уиллисон не приходила. Да и с какой бы, собственно, стати? Отец Бэддли был стар, тяжело болен, вполне можно было ожидать, что преподобный умрет, – и он умер. Зачем усматривать какую-то подоплеку в том, что естественно и неизбежно? Дэлглиш промямлил, что важно определить время смерти, и выслушал тихий непоколебимый ответ:

– Полагаю, в вашей работе точное время смерти всегда очень важно и вы привыкли придавать этому факту большое значение. Но так ли это необходимо в обычной жизни? Важно знать, пребывал ли он в мире с Господом на момент смерти.

Дэлглишу явилось мгновенное и нечестивое видение о том, как его сержант пытается выяснить и надлежащим образом отразить в официальном полицейском протоколе столь насущную и необходимую

информацию о жертве преступления. Упомянутое мисс Уиллисон различие между работой следователя и обычной жизнью стало весьма уместным напоминанием о том, как люди смотрят на его работу. Адам прямо-таки предвкушал, как будет рассказывать об этом комиссару. А потом вдруг вспомнил, что в предстоящем официальном и неизбежно не слишком веселом разговоре, который ознаменует конец его профессиональной карьеры, им с комиссаром будет не до приятной болтовни.

К своему прискорбию, командер распознал в мисс Уиллисон тот тип необычайно честного свидетеля, с которым всегда трудно иметь дело. Парадоксально, однако с этой старомодной правдивостью и чувствительной совестью справляться куда сложнее, чем с увертками, недомолвками и откровенным враньем – нормальной частью любого расследования. Ему хотелось спросить ее о том, кто из Тойнтон-Грэйндж мог бы навестить отца Бэддли, чтобы исповедаться. И тем не менее Дэлглиш понимал: подобный вопрос лишь нарушит то хрупкое доверие, что мисс Уиллисон испытывала к нему, а ответа он в любом случае не получит. Впрочем, этот гость должен быть не из инвалидов – человек в коляске просто не мог бы прийти и уйти тайком, если, конечно, у него не было сообщника, который привез бы его сюда или своими силами, или на машине. Однако такую возможность Дэлглиш пока что склонен был не принимать в расчет: скорее всего на какой-нибудь стадии путешествия их все же заметили бы.

Стараясь, чтобы беседа не совсем уж походила на полицейский допрос, командер поинтересовался:

– Так что преподобный делал, когда вы его оставили?

– Сидел в кресле перед камином. Я не позволила ему встать, чтобы проводить меня. Уилфред отвез меня в коттедж в маленьком фургончике. Он сказал, что пока навестит свою сестру в коттедже «Вера» и через полчаса будет ждать на улице, если я не постучу в стенку раньше.

– Значит, из одного коттеджа слышно, что происходит в другом? Мне только сейчас пришло в голову, что если отец Бэддли после вашего ухода почувствовал себя плохо, он мог бы постучать в стенку миссис Хэммит.

– Она говорит, что он не стучал. Хотя она могла и не услышать, потому что у нее громко работал телевизор. Вообще-то коттеджи сложены очень качественно, но иногда через общую стенку какие-то звуки все же доносятся. Особенно когда говорят на повышенных тонах.

– Вы имеете в виду, что слышали, как мистер Энсти разговаривает с сестрой?

Похоже, мисс Уиллисон уже пожалела, что сказала лишнего.

– Время от времени, – быстро проговорила она. – Помнится, мне еще пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отвлекаться. Я еще подумала: говорили бы уж потише, а потом мне стало стыдно, что я слишком легко отвлекаюсь. Со стороны Уилфреда было так мило отвезти меня в коттедж. В обычных обстоятельствах отец Бэддли, разумеется, сам бы пришел ко мне, и мы бы могли уединиться в комнатке, которую у нас зовут «тихой» – она рядом с чуланом у входа. Но ведь преподобный в то утро только выписался из больницы, так что ему не стоило выходить. Я бы отложила визит до тех пор, пока он слегка не окрепнет, однако он написал мне из больницы, чтобы я приходила в назначенное время. Он знал, как это для меня важно.

– А его можно было вообще оставлять одного? Мне почему-то кажется, что нет.

– Эрик и Дот, то есть сестра Моксон, хотели, чтобы он приехал из больницы в большой дом и провел там хотя бы первую ночь. Да вот преподобный настоял, чтобы его отвезли сразу в коттедж. Тогда Уилфред предложил, чтобы кто-нибудь переночевал у него в запасной спальне – на случай если ему ночью понадобится помощь. Но отец Бэддли и на это не согласился. Стоял на своем как камень – что должен остаться на ночь один. Знаете, он ведь умел быть ужасно властным. Потом-то я думала, что Уилфред, верно, корит себя за то, что не проявил больше твердости. Только что он мог сделать? Не тащить же отца Бэддли сюда силком.

Верно, всем заинтересованным лицам было бы проще, если бы отец Бэддли согласился провести хотя бы первую ночь после больницы в Тойнтон-Грэйндж. И это так нетипично для него – столь решительно противиться разумному предложению. Уж не ждал ли он еще одного посетителя? Быть может, преподобный очень хотел повидаться еще с кем-то – причем обязательно наедине? И написал он этому «кому-то», назначив точное время встречи, совсем как мисс Уиллисон? И если так, этот неизвестный – каковы бы ни были причины его визита – вполне мог прийти сюда пешком. Дэлглиш спросил Грейс; а не разговаривал ли отец Бэддли с Уилфредом перед тем, как она покинула коттедж?

– Нет. Через тридцать минут после того, как я вошла к отцу Бэддли, Уилфред постучал в стену кочергой, а через несколько минут посигналил с улицы. Я подкатила кресло к двери, как раз когда Уилфред ее открывал. Отец Бэддли сидел на прежнем месте. Уилфред пожелал ему спокойной ночи, хотя, кажется, преподобный не ответил. Судя по всему, Уилфред очень торопился поскорее вернуться домой. Миллисента тоже вышла на крыльцо и помогла закатить мое кресло в фургон.

Выходит, ни Уилфред, ни его сестра не говорили с Майклом в тот вечер и даже толком его не видели. Глянув на мускулистую правую руку мисс Уиллисон, Дэлглиш пару мгновений поиграл с мыслью о том, что священник был уже мертв, когда гостя уехала. Однако, даже помимо психологического неправдоподобия, эта версия никуда не годилась. Мисс Уиллисон не могла полагаться на то, что Уилфред не заглянет в коттедж. И коли на то пошло, даже странно, что он этого не сделал. Ведь Майкл только утром вернулся из больницы. Почему же не зайти и не справиться, как он себя чувствует, не провести с ним хоть пару минут? Весьма интересно, отчего это Уилфред Энсти так спешил уехать и почему никто не признался, что видел отца Бэддли после семи сорока пяти.

Дэлглиш задал новый вопрос:

– А какое освещение было в коттедже, когда вы уходили? Если его собеседница удивилась, то не подала виду.

– Горела только маленькая настольная лампа на бюро. Я еще поразились, как он различает слова вечерни. Хотя, конечно, преподобный ведь и так знал все молитвы.

– А утром она была уже выключена?

– О да. Мэгги сказала, что в коттедже было темно.

– Как-то странно, на мой взгляд, – заметил Дэлглиш, – что никто не заглянул туда вечером, чтобы узнать, как там отец Бэддли, или помочь ему улечься.

– Эрик Хьюсон думал, что Миллисента зайдет, – быстро произнесла мисс Уиллисон, – а у Миллисенты почему-то сложилось впечатление, что Эрик и Хелен – ну, сестра Рейнер – согласились зайти сами. На следующий день они все себя винули. Правда, как говорит Эрик, с медицинской точки зрения это было бессмысленно. Отец Бэддли скончался тихо и мирно вскоре после моего ухода.

С минуту они сидели молча. Дэлглиш гадал: подходящий ли сейчас момент, чтобы спрашивать мисс Уиллисон об анонимках? Она так ужаснулась его замечанию о Викторе Холройде – не хотелось бы пугать и смущать ее еще сильнее. Но вопрос крайне важен. Покосившись на худое лицо, на котором застыло выражение упрямой безмятежности, он начал:

– Оказавшись в коттедже отца Бэддли, я ознакомился с содержимым его бюро, просто на всякий случай – вдруг там окажется неотправленное письмо ко мне. И под какими-то старыми рецептами нашел другую записку, анонимную, крайне неприятного свойства. И хочу знать: рассказывал ли он кому-нибудь об этом и не получал ли еще кто-нибудь в Тойн-тон-Грэйндж таких писем?

Вопрос подействовал на мисс Уиллисон хуже, чем Дэлглиш опасался. На миг она словно утратила дар речи. Адам терпеливо ждал, пока наконец не услышал ее голос. Справившись с собой, она ответила:

– Я получила одно такое письмо за четыре дня до смерти Виктора. Оно было совершенно... непристойным. Я разорвала его на мелкие кусочки и выкинула в туалет.

– Туда ему и дорога, – с напускной бодростью заверил Дэлглиш. – Однако мне, как полицейскому, всегда жаль, когда уничтожают улики.

– Улики?

– Видите ли, рассылка подобных писем может считаться правонарушением. Они же могут причинить людям много горя. Наверное, в таких случаях лучше всего сообщать в полицию, чтобы там выявили виновника.

– В полицию! О нет! Как можно? Это не те проблемы, с которыми нам может помочь полиция.

– Мы не такие уж бесчувственные чурбаны, какими нас иногда считают. Вовсе не обязательно, чтобы виновник понес строгое наказание. Важно другое – остановить его, а полиция справится с этой задачей лучше всех. Полицейские могут послать анонимку в лабораторию к опытным криминалистам, на исследование почерка.

– Так ведь им понадобится документ. А я не показала бы это письмо никому на свете.

Значит, все было настолько плохо. Дэлглиш осторожно спросил:

– А вы не могли бы сказать мне, каким оно было? Написано от руки или на пишущей машинке? И на какой бумаге?

– Письмо было напечатано на бумаге Тойнтон-Грэйндж, через два интервала, на нашем старом «Империале». У нас здесь почти все умеют печатать – так мы стараемся хоть немного заработать на жизнь. С пунктуацией и грамматикой все было в порядке, без ошибок. Больше вроде бы никаких особых примет. Не знаю, кто его напечатал, хотя, думаю, автор был достаточно опытен в сексуальном смысле.

Выходит, несмотря на расстройство, она успела все хорошенько обдумать.

– Доступ к машинке имеет весьма ограниченное число людей, – заметил Адам. – Полиция без труда разобралась бы в этом деле.

В тихом голосе мисс Уиллисон звучало упорство.

– К нам уже приезжала полиция – после гибели Виктора. О, полицейские вели себя очень тактично и деликатно. Только все это было просто ужасно. И для Уилфреда, и для нас. Не думаю, чтобы мы вынесли

подобное во второй раз. Уж Уилфред точно не вынес бы. Как бы ни были милы полицейские, им пришлось бы задавать всякие вопросы, пока они не сумеют решить проблему, правда? Нельзя же вызывать их и при этом рассчитывать, что человеческие чувства будут им важнее работы.

Что верно, то верно, тут не поспоришь. Дэлглиш спросил: приняла ли мисс Уиллисон какие-то меры помимо того, что выбросила анонимку в туалет?

– Я рассказала Дороти Моксон. Мне показалось, так будет разумнее всего. Не могла же я разговаривать об этом с мужчиной. Дороти сказала, что мне не следовало уничтожать письмо, потому что без доказательств ничего не сделаешь. Правда, затем она согласилась, что пока лучше никому ничего не говорить. Уилфред тогда очень переживал из-за денег, и ей не хотелось взваливать на него очередную проблему. Кроме того, мне кажется, она подозревала, кто это написал. И если она не ошиблась, то больше таких писем не будет.

Значит, Дороти Моксон считала или делала вид, что считает, будто виновником был Виктор Холройд. И если автору хватит здравого смысла и силы воли остановиться, это окажется удобной теорией, которую никто не сумеет опровергнуть ввиду полного отсутствия улик.

Дэлглиш спросил, получал ли еще кто-нибудь анонимные письма. Насколько мисс Уиллисон знала – никто. Во всяком случае, к Дороти Моксон больше никто не обращался. Вопрос снова расстроил мисс Уиллисон, и Дэлглиш понял, что она считала анонимку единичной злобной выходкой, направленной непосредственно против нее одной. Мысль о том, что отец Бэддли тоже получил грязное послание, потрясла ее почти как первое письмо. Слишком хорошо зная из собственного опыта, какого сорта это послание должно быть, Дэлглиш тихо произнес:

– Я бы не стал чересчур убиваться из-за письма отцу Бэддли. Не думаю, что оно его очень огорчило. На самом деле оно было довольно-таки безобидным. Просто злобствующая записка, что, мол, от него было не слишком много толку и ему следует уступить коттедж кому-нибудь более полезному. У отца Бэддли было слишком много смирения и здравого смысла, чтобы обижаться на такую ерунду. Сдается мне, он и письмо-то сохранил лишь затем, чтобы проконсультироваться со мной – на случай если окажется не единственной жертвой. Здравомыслящие люди просто выбрасывают такие писульки в сортир. Впрочем, подчас и у них благоразумие отказывает. Кстати, если вы вдруг получите еще анонимку, вы ведь покажете ее мне, хорошо?

Мисс Уиллисон еле заметно качнула головой и промолчала. Однако

Дэлглишу показалось, будто на душе у нее стало чуть легче. Приподняв иссохшую левую руку, она на мгновение накрыла ею ладонь Адама и легонько пожалала. Ощущение было не из приятных – рука у нее была сухой и холодной, а кости словно бы болтались под кожей. Однако сам жест был исполнен одновременно смирения и достоинства.

Темнело. На дворе начало холодать. Генри Каруардинуже ушел в дом. Мисс Уиллисон пора было тоже идти. Быстро подумав, что еще надо сказать, Дэлглиш повернулся к собеседнице:

– Это все не важно, и, ради Бога, не думайте, что я занимаюсь сейчас своими служебными делами. Хотя если вы еще что-нибудь вспомните о том, как отец Бэддли провел последнюю неделю перед больницей, я бы очень хотел это услышать. Не спрашивайте больше никого. Просто расскажите мне, чем он занимался, по вашим воспоминаниям, когда приходил в Тойптон-Грэйндж, где еще мог проводить время. Мне бы хотелось мысленно воссоздать последние десять дней его жизни.

– В среду перед болезнью он ездил в Уорхэм, сказал, ему надо кое-что купить и с кем-то повидаться по делу. Я запомнила, потому что во вторник он сказал, что на следующее утро не придет в Грэйндж, как обычно.

Так вот когда, подумал Дэлглиш, он купил запас еды, уверенный, что его письмо не останется без ответа. Значит, у отца Бэддли были основания для этой уверенности.

Еще с минуту оба сидели молча. Дэлглиш гадал, что мисс Уиллисон подумала о столь странной просьбе. Вроде бы и не удивилась. Должно быть, ей показалось вполне естественным желание восстановить последние десять дней жизни старого друга. Однако внезапно на Адама накатили опасения. Может, следовало подчеркнуть, что это сугубо конфиденциальная просьба? Нет, явно нет. Он ведь и так просил ее не говорить никому другому. Настаивать дальше – означало бы возбудить подозрения. Да и чего опасаться? На что он вообще может опереться? Взломанный ящик бюро, пропавший дневник, снова надетое, точно для исповеди, облачение. Никаких серьезных улик. Усилием воли Дэлглиш подавил дурное предчувствие, сильное, точно предостережение свыше. Это самым неприятным образом напомнило ему о тех долгих больничных ночах, когда он в беспокойном полусне боролся с иррациональными страхами и непонятными тревогами. Вот и сейчас охватившее его чувство было совершенно алогичным – смехотворная уверенность в том, что простая, почти небрежная и ничего не значащая просьба равносильна смертному приговору.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
НЕЗНАКОМЕЦ – ГОСТЬ НОЧНОЙ

Перед ужином Энсти предложил, чтобы Деннис Лернер показал Дэлглишу дом. Уилфред извинился за то, что не провожает гостя сам, сославшись на необходимость написать срочное письмо. Почту, сказал он, доставляют каждое утро в начале десятого, помещая в ящик у ворот поместья. Если Адам хочет отправить какие-нибудь письма, ему надо просто оставить их на столике в холле, а Алберт Филби отвезет их к ящику вместе с остальной тойнтонской корреспонденцией. Дэлглиш поблагодарил хозяина. Ему и правда надо было отправить одно срочное письмо – Биллу Мориарти в Ярд, но он собирался отослать его сам днем из Уорхэма. Что-то не хотелось оставлять такой текст на виду у всех любопытствующих.

Предложение осмотреть дом по сути равнялось приказу. Хелен Рейнер помогала пациентам умыться перед ужином, а Дот Моксон исчезла с Энсти, так что водили гостя только Деннис Лернер и Джулиус Корт. Дэлглиш от души желал, чтобы экскурсия поскорее завершилась, а еще лучше – чтобы от нее можно было вообще отказаться, никого не обидев. Он с нелегким сердцем вспоминал, как в детстве вместе с отцом был в гериатрической клинике под Рождество: вежливость, с которой пациенты принимали очередное вторжение в выставленную напоказ личную жизнь; душераздирающую готовность, с которой персонал демонстрировал маленькие победы и достижения. Теперь же, как и тогда, командер оказался болезненно уязвим к малейшим следам отвращения в своем голосе и – ему казалось, что это еще оскорбительнее – ноткам покровительственной сердечности. Деннис Лернер вроде бы ни того, ни другого не замечал, да и Джулиус беззаботно вышагивал рядом, с живейшим любопытством оглядываясь по сторонам, словно и ему здесь все было в новинку. Дэлглиш гадал: за кем же Корт приглядывает – за Лернером или за самим гостем?

По мере того как они переходили из комнаты в комнату, Лернер помаленьку утратил первоначальную угрюмую стеснительность и сделался самоуверенным, почти громогласным. Было что-то милое и трогательное в его наивной гордости достижениями Энсти. Хозяин усадьбы явно пускал деньги в ход не без воображения. Само здание – с высокими просторными комнатами, холодным мраморным полом, мрачными дубовыми панелями на стенах и сводчатыми готическими окнами – было прямо-таки удручающе непригодно для инвалидов. За исключением столовой и

гостиной в глубине первого этажа, где стоял телевизор, Энсти приспособил дом для собственных нужд и потребностей персонала. Зато с задней части здания было пристроено двухэтажное каменное крыло с десятью отдельными спальнями для пациентов на первом этаже и медицинским кабинетом и запасными спальнями – на втором. Это крыло соединялось со старой конюшней, которая подходила к нему под прямым углом, так что получался огражденный внутренний дворик для инвалидных колясок. Конюшню переделали под гараж, обычную мастерскую и мастерскую для пациентов, которые могли работать по дереву и заниматься моделированием. Здесь же происходила расфасовка крема для рук и талька, производившихся приютом на продажу. Стол, за которым этим занимались, был отгорожен прозрачной пластиковой ширмой – по всей видимости, символизировавшей стремление к лабораторной чистоте. Дэлглиш различил очертания белых халатов, висящих за ширмой.

– Виктор Холройд был учителем химии, – пояснил Деннис Лернер. – Он-то и снабдил нас рецептом крема для рук и талька. В состав крема входит только ланолин, миндальное масло и глицерин, но он очень эффективен и, судя по всему, нравится покупателям. Идет нарасхват. А этот вот угол у нас отведен под лепку.

Дэлглиш уже практически истощил запас одобрительных возгласов. Однако сейчас он и в самом деле оказался весьма впечатлен. Посередине рабочего верстака на низкой деревянной подставке стояла глиняная голова Уилфреда Энсти. Длинная жилистая шея по-черепашьи торчала из складок капюшона, голова тянулась вперед, чуть-чуть склоняясь вправо. Почти пародия – и тем не менее скульптура просто поражала силой и мастерством. Дэлглиш диву давался, как это скульптор сумел передать всю приторность и упрямство неповторимой улыбочки Уилфреда; отразить сочувствие, но в то же время сгладить его до самообмана; запечатлеть смирение, рядящееся в монашеский наряд, и вместе с тем с удивительной точностью ухватить основное, всеподавляющее впечатление – могущество зла. Какие-то свертки и пласты глины, беспорядочно разбросанные по верстаку, только подчеркивали мастерство и технику этого законченного творения.

– Голову вылепил Генри, – сообщил Лернер. – Только, по-моему, рот не очень удался. Уилфред вроде бы ничего не говорит, однако остальным кажется, что вышло не слишком похоже.

Джулиус склонил голову набок и поджал губы, изображая придиричивого критика.

– О, не скажите, не скажите. А как на ваш взгляд, Дэлглиш?

– По-моему, потрясающе. А Каруардин много занимался лепкой до того, как приехал сюда?

Ответил ему Деннис Лернер:

– Кажется, вообще не занимался. До болезни он находился на государственной службе. Вылепил эту вот голову месяца два назад – а ведь Уилфред ему даже не позировал. Неплохо для первой попытки, правда?

– А вот меня интересует, – встрял Джулиус, – сделал ли он это нарочно – тогда он слишком талантлив, чтобы прозябать здесь, – или же его пальцы просто повиновались подсознанию? Если так, можно строить любопытные гипотезы относительно природы творчества. И еще более любопытные – относительно подсознания Генри.

– По-моему, у него просто так вышло, – бесхитростно заметил Деннис Лернер, глядя на голову с почтением, однако чуть недоуменно – он явно не видел, чему тут удивиться или что нужно объяснить.

Вскоре маленькая процессия вошла в одну из комнаток в самом конце крыла. Здесь было устроено нечто вроде делового кабинета – стояли два письменных стола, все в пятнах чернил, их, вероятно, списали из какого-нибудь правительственного офиса. За одним Грейс Уиллисон печатала имена и адреса на перфорированной ленте из самоклеящихся ярлычков. Дэлглиш не без удивления обнаружил, что Генри Каруардин работает за второй машинке – наверное, составляет личное письмо. Обе пишущие машинки были совсем старыми. Генри сидел за «Империадом», Грейс – за «Ремингтоном». Остановившись рядом с ней, Дэлглиш взглянул на список рассылки – похоже, бюллетень распространялся не только по всей округе: помимо адресов местных приходских священников и заведений для хронических больных, там было несколько лондонских адресов, два в Соединенных Штатах, а один – даже где-то под Марселем. Смущенная интересом командера, Грейс неловко дернула локтем – и блокнот, с которого она перепечатывала, полетел на пол. Однако Дэлглиш видел достаточно: стоящая чуть особняком маленькая «е», нечеткое «о», слабое, почти неразличимое заглавное «В». Без сомнения, именно на этой машинке и было отпечатано письмо к отцу Бэддли. Дэлглиш поднял блокнот и протянул мисс Уиллисон, однако она, не оглядываясь, покачала головой:

– Спасибо. На самом деле я могу туда и не смотреть. Я помню все шестьдесят восемь адресов наизусть. Видите ли, я так долго этим занимаюсь, что порой представляю себе этих людей – по их именам и тому, какие названия они придумывают для своих домов. Н я всегда хорошо запоминала имена и адреса. Очень полезно было, когда я работала в одной благотворительной организации, помогающей досрочно освобожденным

заклученным, – там были такие длинные списки! Этот-то, конечно, куда короче. Хотите, добавлю вас, чтобы вы могли получать наш ежеквартальный журнал? Всего десять пенсов. Боюсь, что из-за почтовой дороговизны мы вынуждены просить больше, чем нам хотелось бы.

Генри Каруардин оторвал взгляд от своего письма:

– По-моему, в этом квартале мы публикуем стихотворение Дженни Пеграм, которое начинается так:

Осень мне любимая пора,
Я люблю сиянье ее красок.

На вашем месте, Дэлглиш, я бы не пожалел десяти пенсов, чтобы узнать, как она справляется с проблемой рифмы. Грейс Уиллисон безмятежно улыбнулась:

– Конечно, это всего лишь любительское издание, однако «Лига друзей» узнает оттуда, что здесь у нас происходит. Ну, и наши личные друзья его тоже читают...

– Только не мои, – уточнил Генри. – Они, разумеется, в курсе, что руки и ноги мне отказали. Не хочу, чтобы они решили, будто и мозги у меня тоже отнялись. В лучшем случае бюллетени достигают литературного уровня приходского журнала, а в худшем – то есть в трех случаях из четырех – это вообще удивительный вздор.

Грейс Уиллисон покраснела, губы у нее задрожали. Дэлглиш поспешил сказать:

– Пожалуйста, добавьте и меня. Быть может, проще сразу заплатить за год вперед?

– Как это мило с вашей стороны! Наверное, все же пока лучше за шесть месяцев. Если Уилфред решит передать принот «Риджуэл траст», возможно, у них будут другие планы относительно бюллетеня. Боюсь, что наше будущее слишком неясно. Пожалуйста, напишите ваш адрес пот здесь. Куинит. Это возле реки, да? Как вам повезло. Полагаю, вы не захотите приобрести крем для рук или тальк – хотя среди наших клиентов есть и несколько джентльменов. Впрочем, это уже обязанность Денниса. Он следит за доставкой и почти все сам расфасовывает. У нас, увы, слишком трясутся руки. Но уверена, он мог бы выделить вам немножко талька.

Звон гонга избавил Дэлглиша от необходимости отвечать.

– Первый звонок, – произнес Джулиус. – Еще один удар – и ужин на столе. Поеду к себе – посмотрю, что там моя незаменимая миссис Рейнольде оставила. Кстати, господа, вы предупредили командера, что

ужинать в Тойнтон-Грэйндж принято по-траппистски, в молчании? Мы же не хотим, чтобы он невзначай нарушил правила, осведомившись, к примеру, о завещании Майкла или о том, почему пациент, живущий в сей обители любви, вдруг бросился с утеса в море.

И он исчез с такой скоростью, точно боялся: задержишься чуть дольше – и его пригласят к ужину.

Грейс Уиллисон явно обрадовалась уходу Корта и отважно улыбнулась Дэлглишу.

– Да, у нас такое правило – за вечерней трапезой никто не разговаривает. Надеюсь, вас это не слишком удручит. Мы по очереди читаем что-нибудь. Сегодня очередь Уилфреда, так что нас ждет какая-нибудь из проповедей Донна. Они, конечно замечательные, и отец Бэддли очень их любил, но лично для меня эти тексты слегка сложноваты. И не думаю, что они так уж подходят к вареной баранине.

II

Генри Каруардин закатил кресло в кабинку лифта, с усилием потянул на себя стальную решетку, запер засов и нажал на кнопку второго этажа. Он настоял на том, чтобы жить в большом доме, наотрез отказавшись от жалких комнатенок в пристройке, и Уилфред, невзирая на почти параноидальный, на взгляд Генри, страх, что тот может погибнуть при пожаре, был вынужден неохотно согласиться. Каруардин подтвердил свой уход от мира в Тойнтон-Грэйндж тем, что перевез туда кое-какую любимую мебель из вестминстерской квартиры и практически все книги. Отведенная для него комната была просторной и высокой, приятных пропорций, а из двух окон открывался вид на юго-западную часть мыса. Рядом располагались туалет и душ, которые Генри делил лишь с тем пациентом, который временно находился в комнате для больных. Каруардин без тени вины сознавал, что завладел самой удобной комнатой в доме. Он все чаще и чаще удалялся в этот уютный и обособленный мирок, закрывая тяжелые двери и тем предотвращая любую возможность чужого вторжения. Он подкупал Филби, чтобы тот приносил ему отдельную еду на подносе и покупал особые дорчестерские сыры, вина, паштеты и фрукты вместо тех безвкусных трапез, что по очереди готовили члены персонала Грэйндж. Уилфреду хватало благоразумия не заострять внимание на этих незначительных погрешностях против субординации, на этих проступках против законов общежития.

Сейчас Каруардин сам гадал, что толкнуло его на злобную выходку против безобидной и жалкой Грейс Уиллисон. Уже не в первый раз после гибели Холройда он ловил себя на том, что говорит голосом Виктора. Сей феномен весьма интересовал Генри, потому что это вновь побуждало задуматься о другой жизни. О жизни, от которой он столь преждевременно и, решительно отказался. Он уже замечал, что члены одного сообщества придерживаются тех или иных выбранных ролей, точно специально договариваются, кому какая будет отведена: хищный ястреб, кроткая голубка, всеобщий примиритель, важный старейшина, инакомыслящий и непредсказуемый нарушитель спокойствия. И если убрать одного из них, как быстро остальные перенимают его взгляды, даже начинают говорить его голосом, чтобы заткнуть образовавшуюся брешь. Вот и он, по всей видимости, невольно примеряет на себя мантию Холройда. Мысль эта, пусть и полная иронии, не слишком огорчала Генри. А почему бы и нет?

Кто в Тойнтон-Грэйндж лучше его годится на такую непривлекательную и бескомпромиссную роль?

Когда-то он был одним из самых младших помощников министра, которых когда-либо назначали на этот пост. Ему прочили будущность главы министерства, и он сам разделял это мнение. А потом началась болезнь, затрагивающая нервы и мышцы. Мало-помалу она подточила основы блаженной уверенности в завтрашнем дне, на корню сгубила все тщательно обдуманые планы. Диктовки секретарю превратились в сплошную пытку из-за смущения, которого оба страшились и старались всеми силами избегать. Каждый разговор по телефону стал испытанием – при звуках первого тревожно дребезжащего звонка у Генри начинали дрожать руки. Заседания, которые он всегда так любил и на которых председательствовал с таким тихим самодовольным спокойствием, превратились в непредсказуемые схватки разума и непослушного тела. Он утратил уверенность там, где чувствовал себя в своей стихии.

Генри не был одинок в своих несчастьях. Он видел других таких же, как он, иных даже в своем же министерстве: тех, кому помогали пересестись из громоздких и некрасивых машин для инвалидов в инвалидные коляски, кого переводили на менее важную и более легкую работу, приписывали к отделам, которые могли позволить себе «лишнего» человека. Министерство балансировало между требованиями целесообразности и общественного интереса, приправленного толикой сочувствия. Каруардина не уволили бы еще долго после того, как он напрочь утратил бы способность приносить хоть какую-нибудь пользу обществу. Он вполне мог бы умереть – как умирали другие у него на глазах, – впрягшись в официальную упряжь – облегченную и приспособленную к его хрупким плечам, но все же упряжь. Генри понимал, что это было бы даже своеобразным мужеством. Да только не для него.

Окончательно все решило рабочее совещание с другим министерством. Председательствовал на нем сам Генри. Он до сих пор не мог вспоминать тот день без ужаса и стыда. Генри снова видел себя – беспомощные ватные ноги, трость выбивает дробь на полу, когда он пытается с трудом шагнуть к председательскому креслу; струйки слюны заливают бумаги его соседа, когда он открывает рот, чтобы произнести приветственную речь. И глаза тех, кто сидел за столом, – звериные, настороженные, хищные, смущенные. Никто не смел встретиться с ним взглядом. Никто, кроме одного мальчика, молодого и смазливового сотрудника казначейства. Парень пристально глядел на председателя, не без жалости, но почти с клиническим интересом, отмечая для будущей

статьи особенности поведения человека в момент сильного стресса. Конечно, в результате Каруардин сумел заговорить. Сумел кое-как провести встречу. И все же для него это был конец.

О Тойнтон-Грэйндж он услышал в ситуации, в какой обычно и слышишь о подобных заведениях: о нем упомянул коллега, жена которого занималась благотворительностью и получала рассылку приюта. Казалось, вот оно, решение всех проблем. Он холостяк, без семьи, не может надеяться, что сумеет и впредь сам себя обслуживать или что пенсии по инвалидности хватит на оплату постоянной сиделки. И еще ему отчаянно требовалось уехать из Лондона. Раз уж не сумел преуспеть в карьере, то лучше совсем удалиться от мира, скрыться от неловкой жалости коллег, шума и загрязненного воздуха, от сутолоки и неразберихи мира, столь агрессивно приспособленного исключительно для здоровых и физически полноценных людей. Уйдя в отставку, он будет писать книгу о том, как в правительстве принимают те или иные решения, усовершенствует свой греческий, перечтет всего Гарди. И коли уж не сможет возделывать свой сад, то, по всяком случае, отвратит придирчивый взгляд от сорняков в чужих владениях.

Первые шесть месяцев вроде бы все так и происходило. Нашлись, конечно, и свои неприятные стороны, о которых, как ни странно, он совсем не подумал заранее: безделье, однообразная и не слишком вкусная еда, необходимость общаться с неприятными ему людьми, задержки с доставкой книг и вина, отсутствие интересных собеседников, повышенное внимание других пациентов к своим болезням, их самоуглубленное прислушивание к мельчайшим оттенкам самочувствия, вечные разговоры о телесных функциях, жуткая ребячливость и натужное веселье казенной жизни. Впрочем, это было хоть как-то выносимо, и Генри отказывался признать поражение, поскольку прочие альтернативы казались еще хуже. А потом появился Питер.

Он приехал в Тойнтон-Грэйндж год назад. Семнадцати лет отроду, жертва полиомиелита, единственный сын вдовы подрядчика из индустриального центра Англии, которая добрых три раза приезжала в Грэйндж с официальным визитом, прежде чем решила отправить сюда наследника. Генри подозревал, что, впад за первые месяцы вдовства в панику от одиночества и резко упавшего социального статуса, женщина уже искала себе второго мужа. Она, видимо, начала осознавать, что семнадцатилетний сын, прикованный к инвалидному креслу, – немалое препятствие в глазах потенциальных претендентов на денежки покойного мужа, подкрепленные ее поздней и отчаянной сексуальностью.

Выслушивая излияния вдовы на крайне интимные женские темы, включая подробности родов, Генри в очередной раз осознал, что к инвалидам относятся как к другому биологическому виду. Ведь они не являют собой угрозы – ни сексуальной, ни какой еще – и в качестве собеседников приравниваются к домашним животным; им можно без смущения рассказать что угодно.

Итак, Долорес Боннингтон наконец решила, что увиденное ее устраивает, и Питер приехал. Сначала мальчик не произвел на Генри особого впечатления. Лишь постепенно Кауардин начал замечать, что тот крайне умен. За Питером ухаживали сиделки, а когда здоровье мальчика позволяло, его возили в местную среднюю школу. Там ему не повезло. Никто — а уж меньше всех его мать – не осознавал, какой у парня острый ум. Генри Каруардин вообще сомневался в том, что она способна распознать чей-то ум. Еще менее он склонен был оправдывать школу. Даже учитывая проблемы с нехваткой персонала и переполненностью классов, неизбежные в городской школе, уж кто-нибудь из персонала этого сверхоснащенного и плохо выдрессированного зверинца, с гневом думал Генри, мог бы выделить хорошего ученика. Однако только ему, Генри, пришла в голову мысль дать Питеру образование, которого тот недобрал, чтобы мальчик мог со временем поступить в университет и сам себя обеспечивать.

К немалому изумлению Генри, задача подготовить Питера к поступлению сплотила всех обитателей Тойнтон-Грэйндж, заставила их проникнуться общностью целей куда успешнее и надежнее, нежели это удавалось в ходе всех экспериментов Уилфреда. Даже Виктор Холройд не остался в стороне.

– Похоже, парень не дурак. Правда, не знает ни черта. Учителя, бедолаги, вероятно, слишком заняты, обучая детей расовой терпимости, технике секса и прочим новомодным добавкам к программе да еще следя за тем, чтобы малолетние варвары не разнесли школу. Где уж тут уделять время мальчишке с мозгами!

– К экзаменам ему надо выучить математику и хотя бы одну научную дисциплину, Виктор. Если бы вы могли помочь...

– Без лаборатории?

– У нас есть медицинский кабинет, там можно что-нибудь устроить. Ему ведь не требуется обязательно брать какую-то естественнонаучную дисциплину в качестве главного предмета?

– Ну разумеется, нет. Я прекрасно понимаю, что мой предмет включен в программу лишь ради иллюзии академической широты охвата. Хотя

мальчика следует научить мыслить научно. Конечно, я знаю, что требуется. Думаю, смогу что-нибудь устроить.

– Само собой, я заплачу.

– Естественно. Я и сам бы мог себе это позволить, однако придерживаюсь глубокого убеждения, что каждый должен оплачивать свои маленькие причуды самостоятельно.

– Может, и Дженни с Урсулой тоже будет интересно. Генри сам изумился тому, что предложил это. Симпатия – он еще не называл ее любовью – сделала его добрее.

– Упаси Господь! Не хватало еще детский сад разводить! И все же подготовить парня по математике и основам естественных наук я возьмусь.

Холройд давал три урока в неделю – по часу каждый – и бдительно следил за временем. Однако в качестве его преподавания сомневаться не приходилось.

Отца Бэддли приставили к делу, заставив учить с Питером латынь. Сам Генри взял на себя английскую литературу и историю, а также общее руководство. Например, он выяснил, что Грейс Уиллисон лучше всех в Тойнтон-Грэйндж говорит по-французски, и после некоторого сопротивления она согласилась дважды в неделю заниматься с мальчиком языком.

Уилфред снисходительно следил за этой деятельностью – не принимая участия, но и не выдвигая возражений. Внезапно все оказались очень заняты и довольны жизнью.

Сам Питер отличался скорее уступчивостью, чем рвением, однако работал на диво упорно. Общий энтузиазм немного смешил его, и тем не менее мальчик проявил способность сосредотачиваться, которая и отличает настоящего ученого. Оказалось, что перегрузить его практически невозможно. Он был благодарен, послушен – и отстранен. Порой, глядя на спокойное, почти девичье, лицо Питера, Генри ловил себя на пугающей мысли, что их единственный ученик уже несет все бремя печального цинизма зрелости.

Генри знал, что никогда не забудет тот миг, когда с радостью понял, что полюбил. Стоял теплый и ясный день ранней весны – неужели это было всего лишь полгода назад? Они с Питером расположились бок о бок на том самом месте, где сидел он сегодня днем, открыв на коленях книги к очередному уроку истории, который должен был начаться в половине третьего. Питер был в рубашке с коротким рукавом, а сам Генри обнажил руки, чтобы ощутить, как ласковые лучи солнца щекоют и покалывают волосы на коже. Оба молчали – как он молчал и сейчас. А потом, даже не

повернувшись, Питер положил мягкую, нежную ладонь на локоть Генри, прижался к его руке и медленно, неторопливо, будто каждое движение входило в установленный ритуал, безмолвное подтверждение близости, переплел пальцы с пальцами Каруардина так, что их ладони оказались прижаты друг к другу, плоть к плоти. Этот миг накрепко, навеки впечатался в память Генри, проник в его плоть и кровь, в нервы, в каждую частицу его существа. Шок восторга, внезапное ликование, прилив острого, ничем не омраченного счастья, которое, несмотря на всю силу и неистовство, основывалось на ощущении мира и полного удовлетворения. В этот миг Генри почудилось, будто все случившееся в его жизни до сих пор – работа, болезнь, поезд в Тойнтон-Грэйндж — неизбежно вело именно сюда, к этой любви. Все — успех, неудачи, боль, разочарование — влекло к этому и было этим оправдано. Никогда он не воспринимал чужое тело столь остро: биение пульса на тонком запястье, лабиринт голубых вен, прижатых к его венам, ток крови, текущей в лад его крови, нежную, невероятно мягкую плоть предплечья, косточки детских пальцев, так уверенно втиснувшихся меж его пальцев. По сравнению с интимностью этого первого прикосновения прежние плотские приключения, выпавшие на долю Генри, были грубой подделкой. Итак, молча держась за руки, они – учитель и ученик — сидели неизмеримо долго, прежде чем повернулись, чтобы сначала серьезно, а потом и с улыбкой заглянуть друг другу в глаза.

Теперь Генри гадал: как же он мог так недооценивать Уилфреда? Купаясь в безмятежном счастье осознанной и взаимной любви, он с презрительной жалостью выслушивал намеки и увещевания главы их маленькой общины – в тех случаях, когда они вообще достигали его сознания. Генри видел в них не более реальной угрозы, чем в кудахтанье безобидного учителя, предостерегающего своих невинных отроков от противоестественного порока.

– Очень великодушно с вашей стороны уделять столько внимания Питеру, однако нельзя забывать, что мы все в Тойнтон-Грэйндж—одна семья. Другие будут рады приобщиться к вашим увлечениям. Мне кажется, не слишком-то хорошо и мудро столь явно выказывать предпочтение кому-то одному. Сдается мне, Урсула, Дженни и даже бедный Джорджи порой, чувствуют себя совсем заброшенными.

Генри почти не слушал – и, уж конечно, не удосуживался отвечать.

– Генри, Дот говорит, вы запираете дверь, когда даете уроки Питеру. Я бы предпочел, чтобы вы этого не делали. Ведь одно из наших правил гласит, что нельзя закрывать двери. Если кому-нибудь из вас вдруг понадобится срочная медицинская помощь, это может оказаться крайне

опасным.

Генри продолжал запира́ть дверь, а ключи всегда носил с собой. Казалось, они с Питером остались в Тойнтон-Грэйндж одни. Лежа в постели по ночам, он начал планировать и мечтать – первое время робко, а потом в эйфории надежды. Он рано опустил руки, рано сдался. У него еще есть будущее. Мать мальчика почти не навещает его и редко пишет. Почему бы им вдвоем не покинуть приют и не поселиться вместе? У него ведь есть пенсия и небольшое состояние. Можно купить маленький домик где-нибудь в Оксфорде или Кембридже и приспособить его под нужды двух инвалидов. Когда Питер поступит в университет, ему будет нужен дом. Генри провел необходимые расчеты, написал своему поверенному, хорошенько прикинул, как бы организовать дело, чтобы план можно было представить Питеру во всей красе и безусловной разумности. Конечно, он знал, что тут тоже таятся свои опасности. Ему будет становиться хуже, а Питер, если повезет, окрепнет. Нельзя становиться для мальчика обузой. Отец Бэддли лишь раз заговорил с Генри прямо о Питере. Преподобный принес в Тойнтон-Грэйндж книгу, которую мальчик собирался законспектировать, а уходя, тихо сказал, по своему обыкновению, не обходя правду молчанием:

– Ваша болезнь прогрессирует, болезнь Питера – нет. Настанет день, когда он сможет обходиться без вас. Помните это, мой сын.

«Ну что ж, – сказал себе Генри, – я запомню».

В начале августа миссис Боннингтон забрала Питера на две недели домой. По ее выражению, устроила ему каникулы. На прощание Генри сказал юноше:

– Не пиши. Я не привык ждать от писем добра. Увижу тебя через две недели.

Питер не вернулся. Вечером накануне его предполагаемого приезда Уилфред за ужином объявил, старательно избегая встречаться с Генри глазами:

– Думаю, вы все порадуетесь за Питера. Миссис Боннингтон подыскала ему место поближе к дому, так что к нам он не вернется. Она собирается в самом скором времени снова выйти замуж, и они с мужем хотят почаще навещать мальчика и иногда забирать его домой на выходные. В новом приюте непременно позаботятся о том, чтобы Питер продолжал образование. Ведь вы приложили к этому столько усилий. Уверен, вам будет приятно слышать, что ваши труды не пропали даром.

Надо отдать Уилфреду должное – все было спланировано на славу, умно и хитро. Наверняка не обошлось без звонков и писем матери

мальчика, переговоров с другим приютом. Наверное, Питер уже довольно долго находился в списке очередников – несколько недель, возможно, даже месяцев. Генри прекрасно представлял себе, как это преподносилось: «Нездоровый интерес... противоестественная привязанность... слишком давит на мальчика... умственная и психологическая перегрузка».

В Тойнтон-Грэйндж практически не обсуждали с Каруардином этот перевод. Все словно боялись прикоснуться к его горю. Грейс Уиллисон пролепетала, съезживаясь под яростным взглядом Генри:

– Мы будем скучать по нему, но она ведь его родная мать... Естественно, что она хочет, чтобы он жил поближе...

– Ну разумеется. Ни за что на свете нельзя посягать на святые права матери.

За первую же неделю все благополучно забыли Питера и вернулись к прежним занятиям и забавам – так ребенок бездумно отбрасывает новую и не понравившуюся ему игрушку, подаренную на Рождество. Холройд разобрал свои аппараты и спрятал детали по коробкам.

– Впредь вам урок, мой дорогой Генри. Не доверяйте смазливому мальчишкам. Едва ли его уволокли в новый приют силком.

– Вполне могли.

– Ой, да полно вам! Парень практически совершеннолетний. С головой и речью у него все в порядке. Ручку держать в руках умеет. Надо признать горькую истину: наше общество значило для него отнюдь не так много, как нам казалось. Питер просто очень послушен. Не возражал, когда его упрятали сюда, и, не сомневаюсь, точно так же согласился, когда его отсюда выволокли.

Повинуясь внезапному порыву, Генри схватил за руку проходящего мимо отца Бэддли.

– Вы участвовали в этом сговоре во имя торжества нравственности и материнской любви?

Отец Бэддли коротко качнул головой – слабо и еле заметно. Казалось, он собирался еще что-то сказать, и все-таки лишь пожал плечо Генри и пошел дальше, будто не находя слов утешения. Однако сердце Генри содрогнулось от гнева и яростного негодования, как ни на кого другого в Тойнтон-Грэйндж. Майкл, не утративший ни голоса, ни способности ходить! Майкл, не превращенный гнусным недугом в трясущегося, слюнявого шута! Майкл, который мог бы предотвратить эту подлость, если бы его не остановили природная кротость, страх и отвращение ко всему плотскому. Майкл, который и в Тойнтон-Грэйндж должен был бы помогать любви.

Письмо от Питера не пришло. Генри пал до того, что подкупал Филби,

чтобы тот забирал почту. Паранойя его достигла той стадии, когда он вполне верил, что Уилфред мог перехватывать корреспонденцию. Сам он не писал тоже, хотя и раздумывал, не отправить ли письмо, практически двадцать четыре часа в сутки. Однако не прошло и шести недель, как миссис Боннингтон уведомила Уилфреда, что Питер умер от воспаления легких. Конечно, Генри понимал – это могло бы случиться когда угодно и где угодно. Вовсе не обязательно уход и забота в новом приюте оказались хуже, чем в Тойнтон-Грэйндж. Питер всегда относился к группе риска. Однако в глубине души Генри знал: он бы уберег Питера. Добившись перевода мальчика, Уилфред все равно что убил его.

А убийца Питера продолжал заниматься своими делами. Улыбаться снисходительной кривой улыбочкой, церемонно запахиваться в монашеский плащ, дабы не заразиться обычными человеческими чувствами и эмоциями, самодовольно озирать увечные объекты своей благотворительности. Было ли то игрой воображения, спрашивал себя Генри, или Уилфред и правда стал бояться его? Теперь они редко разговаривали. Нелюдимый от природы, после смерти Питера Генри сделался и вовсе отшельником. Почти все время, кроме совместных трапез, он проводил у себя в комнате, часами просиживая у окна и глядя на скалистый край, не читая, не работая, во власти беспредельной тоски. Он скорее понимал, что ненавидит, чем испытывал настоящую ненависть. Любовь, радость, гнев, даже само горе – эти эмоции были слишком сильны и ярки для его опустошенной души. Он ощущал лишь их слабые тени. Однако ненависть была подобна скрытой лихорадке, растекающейся в крови, и в один прекрасный миг она могла вспыхнуть внезапным пожаром. Как раз в один из таких приступов Холройд и прошептал Каруардину ту странную тайну.

Виктор подъехал к Генри через весь дворик на своем инвалидном кресле. Губы Холройда, розовые и изящные, как у девушки, будто аккуратная кровоточащая рана на тяжеловесном синеватом подбородке, раздались, извергая таящийся в ране яд. В ноздри Генри ударило кислое дыхание.

– А я тут узнал про нашего милого Уилфреда кое-что интересное. И непременно поделюсь с вами своим открытием в должное время. Только пока не обижайтесь, что я еще посмакую его в одиночестве. Время терпит. Чтобы поразить врага, надо выбрать самый драматичный момент.

Скука и ненависть заставили их сплотиться, вместе строить тайные планы и вынашивать планы мелочной мести и предательства.

Генри посмотрел из высокого сводчатого окна на запад, где высились

скалы. Смеркалось. Где-то вдали билось о берег невидимое море, навеки смывая с камней кровь Виктора Холройда. Ни следа – даже клочка одежды не осталось на этих зазубренных рифах. Мертвые руки Холройда неуклюжими водорослями колыхались в волнах прилива, забитые песком глаза глядели вверх, на носящихся над морем чаек. Как там говорится в том стихотворении Уолта Уитмена, которое Холройд читал за ужином накануне дня своей смерти:

Могучая спасительница, ближе!
Всех, кого ты унесла, я пою, радостно
пою мертвецов,
Утонувших в любовном твоём океане,
Омытых потоком твоего блаженства, о смерть!
От меня тебе серенады веселья.
Пусть танцами отпразднуют тебя,
пусть наряжаются, пируют,
Тебе подобают открытые дали, высокое небо,
И жизнь, и поля, и громадная многодумная ночь.
Тихая ночь под обильными звездами,
Берег океана и волны – я знаю их хриплый голос,
И душа, обращенная к тебе, о просторная
смерть под густым покрывалом,
И тело, льнущее к тебе благодарно [note\[2\]](#).

Отчего-то эти строки, во всей их сентиментальной покорности судьбе, были одновременно и враждебны воинственному духу Холройда, и столь пророчески уместны. Не говорил ли он им, своим товарищам по несчастью, что знает о грядущем, что рад этому и этого ждет? Питер и Холройд. Холройд и Бэддли. А теперь еще этот вот полицейский, друг Бэддли вдруг вынырнул из прошлого как чертик из табакерки. Почему и зачем? Может, ему, Генри, удастся что-то выяснить вечером, когда они будут вместе пить у Джулиуса. Но и Дэлглиш, конечно же, может что-то выяснить. «Не существует искусства читать чужие мысли по лицу». Дункан ошибался. Искусство есть, еще какое искусство, причем из тех, в котором командер столичной полиции напрактиковался куда лучше простых смертных. Что ж, если он затем и приехал, пусть начинает после ужина. Ужинать Генри сегодня будет у себя в комнате. Филби принесет ему поднос и грубо шваркнет его на стол. Купить вежливость Филби невозможно ни за какие деньги, однако, с мрачным торжеством подумал Генри, у него можно купить практически все, кроме вежливости.

III

«Тело – мое узилище, и, покорствуя Закону, не стану я ломать стен темницы; не ускорю свою кончину, изнуряя тело свое или моря его голодом. Но если тюрьма моя сгорит от затяжной лихорадки или рухнет, подточенная неизбывной тоской, ужели человеку должно так любить землю, на которой узилище это стояло, чтобы всеми силами оставаться там, а не воротиться домой?»

Да уж, подумал Дэлглиш, не столько Донн не подходит к тушеной баранине, сколько баранина не подходит к домашней наливке. Само по себе и то, и другое было вполне съедобно, даже приятно. Баранина, приготовленная с картошкой, луком и морковкой, приправленная пряными травами, оказалась неожиданно вкусной, хотя и чуть жирноватой. Самбуковое вино вызывало ностальгические воспоминания о неизбежных визитах вместе с отцом к прихожанам, которые по болезни не могли сами прийти до церкви. А вот сочетание баранины и вина действовало убийственно. И Дэлглиш потянулся к графину с водой.

Напротив него сидела Миллисента Хэммит. Ее каменное квадратное лицо казалось мягче и женственнее при свете свечей, и едкий запах лака исходил от жестких, неровных волн седеющих волос. За столом присутствовали все, кроме четы Хьюсонов, должно быть, ужинавших у себя в коттедже, и Генри Каруардина. На дальнем конце стола, чуть особняком от остальных, склонялся над едой Алберт Филби, этакий монашествующий Калибан в коричневой сутане. Ел он шумно, хлеб отрывал прямо руками и энергично вытирал им тарелку. Всем пациентам помогали ужинать. Презирая себя за привередливость, Дэлглиш старался абстрагироваться от сдавленных звуков глотания, рассыпчатой дробы ложек по тарелкам, внезапной, деликатно подавляемой отрыжки.

«Если сумеете вы в мире покинуть сию трапезу, то и земную юдоль нашу сумеете покинуть в мире. И мир трапезы этой сменится покоем вечным...»

Уилфред стоял за возвышением во главе стола, по бокам от него в металлических подсвечниках высились две свечи. Кот Джеффри, раздувшийся от съеденного, церемонно свернулся у его ног. Уилфред обладал звучным и выразительным голосом – и отлично умел им пользоваться. Несостоявшийся актер? Или актер, нашедший свою сцену и счастливо играющий на ней, не замечающий, что публики в зале

становится все меньше и меньше, что мечты его скованы параличом? Неврастеник, движимый навязчивой идеей? Или человек, который находится в мире с самим собой?

Внезапно четыре свечи, стоявшие на столе, вспыхнули ярче и зашипели. До слуха Дэлглиша донеслись слабое поскрипывание колес, еле слышный стук дерева о металл. Дверь медленно открылась. Голос Уилфреда дрогнул и оборвался. Звякнула, ударившись о тарелку, ложка. Из тени выехала инвалидная коляска, ее хозяин кутался в толстый клетчатый плащ. Мисс Уиллисон глухо застонала и неверной рукой прочертила по платью на груди крест. Урсула Холлис сдавленно ахнула. Все молчали. Затем Дженни Пеграм завизжала – тоненько и протяжно, точно оловянный свисток. Звук этот казался настолько неестественным, что Дот Моксон завертела головой, пытаясь понять, откуда он доносится. Визг оборвался истеричным смешком. Девушка зажала рот рукой, а потом произнесла:

– Я решила, будто это Виктор! Ведь это же плащ Виктора... Никто не заговорил и не шевельнулся. Обведя взглядом стол, Дэлглиш остановил глаза на Деннисе Лернере. Лицо мед-брата напоминало маску ужаса, быстро сменившегося облегчением; оно словно обмякло, утратило очертания, как расплывшаяся картинка. Каруардин подъехал к столу. Слова давались ему с трудом. Шарик вязкой слюны на подбородке при свете свечей блестел, как желтая жемчужина. Наконец Генри произнес высоким ломающимся голосом:

– Решил выпить кофе со всеми вместе. А то как-то невежливо прятаться от гостя в первый же вечер.

Голос Дот Моксон прозвучал резко и зло:

– Обязательно было надевать этот плащ? Каруардин обернулся к ней:

– Он висел в конторе, а мне стало холодно. У нас ведь почти все общее. С какой стати делать исключение для мертвого?

Уилфред наконец подал голос: «Мы помним правило?» Все, точно послушные дети, повернулись к нему. Он выждал, пока пациенты снова примутся за еду. Руки, сжимавшие края возвышения, не дрожали, голос звучал ровно и уверенно.

«Засим поднимая якорь и отправляясь в плавание, удлинит ли Господь твое странствие, прибавив тебе лет жизни, или же направит тебя в скорости в гавань дыханием бездыханной смерти, куда бы ни плыл ты, на Запад или же на Восток, плыви с миром...»

IV

Только около половины девятого Дэлглиш вышел из дому, чтобы отвезти Генри Каруардина в коттедж Джулиуса Корта. Для человека, совсем недавно вышедшего из больницы, подобная задача оказалась весьма нелегкой. Несмотря на худобу, Каруардин был на удивление тяжел, а усыпанная камнями тропа неуклонно вела наверх. Дэлглиш не предложил подвезти Генри на машине, поскольку необходимость протискиваться в узкую дверь могла бы оказаться для инвалида унижительнее и болезненнее путешествия в привычной коляске. Когда они уже уходили, через холл прошел Энсти. Он придержал дверь и помог свезти кресло по пандусу. Однако тем Уилфред и ограничился, не предложив воспользоваться автобусом для пациентов. Дэлглиш гадал: померещилось ли ему, или он и правда различил в прощальной реплике Энсти нотку неодобрения.

Первую половину пути оба молчали. Зажав между коленями тяжелый фонарик, Каруардин пытался направить трясущийся луч на тропу. Круг света, прыгающий и дергающийся при каждом рывке кресла, с ослепительной ясностью выхватывал тайный ночной мир зелени и суетливой жизни. Дэлглиш, у которого от усталости чуть кружилась голова, чувствовал какую-то отстраненность от своего физического окружения. Две толстые, обитые резиной ручки, неприятно скользкие на ощупь, болтались и проворачивались в ладонях и словно бы не имели никакого отношения к самому креслу. Тропе впереди придавали реальность лишь то и дело попадавшие под колеса камни и выбоины. Вечер был не по-осеннему теплым, в воздухе витали ароматы трав, как воспоминания о летних цветах. Низкие облака загородили звезды, поэтому путники продвигались вперед практически в кромешной тьме, навстречу все усиливающемуся рокоту моря и четырем прямоугольникам света из Тойнтон-коттеджа. Когда до дома оставалось уже не так далеко, а самый большой прямоугольник превратился в заднюю дверь коттеджа, Дэлглиш, повинувшись внезапному побуждению, произнес:

– В бюро отца Бэддли я нашел мерзкое анонимное письмо. Судя по всему, кто-то в Тойнтон-Грэйндж сильно не любил Майкла. Интересно, это личная неприязнь или еще кто-нибудь получал подобные послания?

Каруардин запрокинул голову и посмотрел на командера. Дэлглиш увидел его лицо в непривычной перспективе: как будто оно укорочено, острый нос торчит, точно шпора, подбородок отвис, как у марионетки, под

бесформенной пропастью рта.

– Я получал. Месяцев десять назад. Письмо было засунуто в библиотечную книгу, которую я читал. С тех пор больше не получал и не слышал, чтобы получал кто-то еще. Правда, тема не из тех, на которые люди говорят с охотой, хотя, если бы это стало общей напастью, новости просочились бы. Это самое обычное дерьмо. В письме мне предлагались определенные и довольно акробатические методы самоудовлетворения, если я еще способен на такие вещи физически. Желание осуществлять их полагалось само собой разумеющимся.

– Значит, послание было непристойным, а не просто оскорбительным?

– Да. Непристойным. Как если бы его автор стремился вызвать отвращение, а не соблазнить или развратить.

– У вас есть какие-нибудь соображения насчет авторства?

– Оно было напечатано на здешней бумаге, с помощью старого «Ремингтона», который используется главным образом мисс Уиллисон для распечатки бюллетеней? Она и показалась мне самой вероятной кандидатурой. Во всяком случае, это не Урсула Холлис – она прибыла только через два месяца после этого случая. И разве такие вещи обычно рассылают не почтенные старые девы средних лет?

– В данном случае – сомневаюсь.

– Ну ладно. Положусь на ваш, несомненно, куда больший опыт по части непристойностей.

– Вы кому-нибудь об этом рассказали?

– Только Джулиусу. Он посоветовал больше никому не сообщать, порвать эту пакость и выкинуть в туалет. Поскольку совет полностью совпадал с моим собственным мнением, то я ему и последовал. И как уже говорил, больше такого не повторялось. Сдается мне, развлечение теряет всю свою остроту, если жертва не показывает никаких признаков тревоги и страха.

– А не мог это быть Холройд?

– Это не его стиль. Виктор любил оскорблять людей, но, я бы сказал, не таким образом. Его оружием был голос, а не перо. Лично я относился к нему отнюдь не так плохо, как остальные. Он бил всех без разбору, будто сердитый ребенок. Это была скорее обида на судьбу, чем настоящая злоба. Конечно, за неделю до смерти Виктор сделал просто детскую приписку к завещанию, а Филби и миссис Рейнольде, домоправительница Джулиуса, засвидетельствовали ее. Только это он, наверное, оттого, что окончательно все решил и хотел избавить нас от обязанности поминать его добрым словом.

– Так вы думаете, он покончил с собой?

– Ну разумеется. И все тоже так думают. А как еще это могло случиться? Самая правдоподобная гипотеза. Ведь это либо самоубийство, либо убийство.

В первый раз кто-либо в Тойнтон-Грэйндж вымолвил это злое слово. Произнесенное педантичным высоким голосом Каруардина, оно прозвучало столь же неуместно, как богохульство в устах монахини.

– Или же тормоза кресла оказались с изъяном, – заметил Дэлглиш.

– При тех обстоятельствах я посчитал бы случившееся убийством.

На несколько мгновений воцарилось молчание. Кресло дернулось, попав колесом на камень, и луч фонарика описал широкую дугу, точно миниатюрный и слабый прожектор. Каруардин выровнял фонарик, а потом продолжил:

– Филби смазывал и проверял тормоза на кресле Холройда в половине девятого вечера накануне гибели Виктора. Я в то время был в мастерской, лепил. Я его видел. Потом он ушел, а я оставался там часов до десяти.

– Вы рассказали это полиции?

– Да, потому что они меня спрашивали. Со своеобразным тактом интересовались, как я провел вечер и не притрагивался ли к креслу Холройда после ухода Филби. Поскольку если бы я притрагивался, то все равно бы не признался в этом, вопрос показался мне довольно наивным. Они допросили и Филби. Правда, не при мне, и все же я не сомневаюсь, что он подтвердил мои слова. У меня к полиции отношение двойственное: я ограничиваюсь тем, что отвечаю ровно то, о чем они спрашивают, ни больше ни меньше. Хотя считаю, что они в общем и целом докапываются до истины.

Путники добрались до места назначения. Из двери коттеджа струился свет, а Джулиус Корт, видимый лишь как черный силуэт, стремительно вышел навстречу гостям. Перехватив у Дэлглиша ручки кресла, он провез Каруардина по короткому каменному коридору в гостиную. По пути Дэлглиш успел краем глаза разглядеть обитые сосновыми панелями стены, красные плитки пола и мерцающий хром кухни Джулиуса. Кухня явно походила на собственную кухню командера, где женщина, которой платят слишком много, а работы дают слишком мало (и только ради того, чтобы смирить муки совести хозяина за то, что он вообще посмел ее нанять), готовит еду на одного, но крайне привередливого едока.

Гостиная занимала переднюю часть дома – судя по всему, когда-то это были два смежных коттеджа, однако в результате перестройки их объединили в один. За решеткой камина весело потрескивал в огне

плавник, а оба высоких окна были распахнуты в ночь. Каменные стены тихонько вибрировали от гула моря. Было даже как-то неуютно чувствовать, что ты так близко к обрыву, хотя неизвестно, насколько именно. Словно прочитав мысли гостя, Джулиус произнес:

– Мы в шести футах от сорокафутового провала вниз, на скалы. Там, за домом, у меня маленький дворик, огороженный низкой стенкой, – если будет тепло, можно потом там посидеть. Что будете пить, вино или что-нибудь полегче? Генри, как я знаю, предпочитает кларет.

Дэлглиш не пожалел о своем выборе, увидев этикетки на трех стоящих на столике возле камина бутылках, – две из них были откупорены. Удивительно, что вино этого класса приготовлено для случайных гостей. Пока Джулиус разливал вино по бокалам, Дэлглиш прошелся по комнате. Там было немало весьма завидных вещей – конечно, для того, кому по нраву оценивать чужие богатства. Глаза командера вспыхнули при виде сандерлендского хрустального кувшина, выпущенного в память Трафальгарской битвы, трех ранних стаффордширских статуэток на каминной полке и пары недурственных морских пейзажей на противоположной стене. Над дверью, что выводила к обрыву, красовалась носовая фигура корабля, витиевато и искусно вырезанная из дуба: два херувимчика поддерживали галеон, увенчанный щитом и оплетенный сетью замысловатых морских узлов. Джулиус заметил интерес гостя.

– Сделано году в тысяча шестьсот шестидесятом Гринлином Гиббонсом, предположительно для Джейкоба Корта, местного контрабандиста. Как ни жаль, но, насколько удалось выяснить, он не приходился мне предком ни по какой линии. Вероятно, это древнейшая из ныне существующих носовых фигур купеческих кораблей. В Гринвиче считают, будто у них есть более ранняя, да только, я думаю, моя хоть на пару лет, да постарше.

В дальнем конце комнаты слабо поблескивала на пьедестале статуэтка: крылатое дитя с букетом роз и ландышей. Мрамор статуи был бледно-кофейного цвета, лишь веки закрытых глаз чуть заметно подкрашены розовым. Пухлая ручонка сжимала букет цепкой, естественной хваткой маленького ребенка, губы чуть приоткрыты в полуулыбке, прозрачной и чуть лукавой. Дэлглиш провел пальцем по щеке мальчика, почти ожидая, что при прикосновении она окажется теплой. Джулиус подошел к нему с двумя бокалами в руках.

– Что, нравится? Старинная вещица, век семнадцатый или начало восемнадцатого, подражание Бернини. Генри, подозреваю, предпочел бы, чтобы она принадлежала самому Бернини.

– Не предпочел бы, – отозвался тот. – Я сказал, что В.С. в таком случае был бы готов заплатить за нее дороже.

Дэлглиш с Кортон вернулись к камину и, сев, приготовились к вечеринке, которая, судя по всему, обещала вылиться в крупную попойку. Адам поймал себя на том, что продолжает блуждать глазами по комнате. В ее убранстве не проглядывало никакой показухи, никаких зримых претензий на оригинальность или особый эффект. И в то же время труда в обстановку было вложено немало: каждая мелочь стояла на своем месте. Все здесь, подумал Дэлглиш, куплено потому, что понравилось Джулиусу, а не в соответствии с тщательным и заранее разработанным планом, не из навязчивого стремления пополнить коллекцию. Однако командер сомневался, что хоть одна вещь тут куплена случайно или по дешевке. Мебель тоже свидетельствовала о богатстве. Обтянутые кожей софа и два высоких кресла с подголовниками выглядели, пожалуй, слишком роскошно на фоне общей простоты убранства, но Джулиус явно выбрал их из соображений удобства. Дэлглиш мысленно укорил себя за прилив пуританства, заставивший его сравнить эту комнату с аккуратной и безличной непритязательностью, характерной для гостиной отца Бэддли.

Каруардин сидел в кресле, глядя поверх края бокала в огонь. Внезапно он встрепенулся:

– А Бэддли предупреждал вас о наиболее странных воплощениях понятий Уилфреда о филантропии? Или все-таки это нечаянный визит?

Дэлглиш ждал этого вопроса. Он чувствовал; обоих его собеседников этот вопрос интересует не из простого любопытства.

– Отец Бэддли написал, что рад был бы повидаться со мной. А сюда приехать я решил по внезапному порыву. Долго валялся в больнице, вот мне и показалось хорошей идеей провести несколько дней с ним.

– Знал я места и более подходящие для выздоравливающего, чем коттедж «Надежда». Особенно если изнутри он такой же, как и снаружи, – заметил Каруардин. – Вы давно знаете Бэддли?

– С детства. Он был викарием у моего отца. Впрочем, последний раз мы встречались, да и то совсем мельком, когда я учился в университете.

– И, пребывая в счастливом неведении о судьбе друг друга на протяжении нескольких десятков лет, вы, разумеется, очень огорчились, обнаружив, что он вдруг взял и умер.

Не поддаваясь на провокацию, Дэлглиш ответил ровным голосом:

– Огорчился сильнее, чем мог ожидать. Мы мало переписывались, только обменивались поздравительными открытками на Рождество, однако в моих мыслях он занимал больше места, чем кое-кто из тех, с кем я

встречаюсь ежедневно. Не знаю, почему мне никогда не приходило в голову повидаться с ним... Вечная занятость. И я просто не представляю, как он вписывался в местное общество... Джулиус засмеялся.

– Он так и не вписался. Его рекрутировали, когда Уилфред проходил самую ортодоксальную фазу. Полагаю, чтобы придать Тойнтон-Грэйндж определенную религиозную респектабельность. И в последние месяцы я ощущал между ними явственный холодок. А вы, Генри? Судя по всему, отец Бэддли начал сомневаться, кто именно нужен Уилфреду – священник или гуру. Уилфред подбирает любые обрывки философии, метафизики и ортодоксальной религии, какими ему только придет в голову украсить сутану своей мечты. А в результате, как вы, наверное, и сами обнаружите, если проживете здесь чуть подольше, этому месту не хватает хоть сколько-нибудь внятной этики. Для успеха нет ничего более фатального. Взять хотя бы мой лондонский клуб: он посвящен просто-напросто наслаждению хорошей едой и вином, а зануды и педерасты туда не допускаются. Конечно, вслух этого никто не произносит, и все же мы твердо знаем, на чем стоим. Наши цели просты, вняты и оттого легко достижимы. А местные бедолаги уже и сами не понимают, где живут – в приюте, коммуне, гостинице, монастыре или в совсем уж чокнуто и богадельне. Время от времени даже сеансы медитации устраивают. Боюсь, Уилфред все больше проникается дзен-буддизмом.

– Ну да, конечно, у него каша в голове, – вмешался Каруардин. – А у кого из нас нет? В общем и целом он добр и желает другим только добра. По крайней мере он тратит на Тойнтон-Грэйндж собственные деньги. В наш шумный эгоистический век, когда возобладало мнение, будто личный или общественный протест не должен затрагивать состояние протестующего или требовать от него хотя бы крошечного самопожертвования, это говорит исключительно в его пользу.

– Вам он нравится? – спросил Дэлглиш.

К его удивлению, Генри Каруардин ответил грубо и резко:

– Поскольку он спас меня от заточения в больничных стенах и сдает отдельную комнату за цену, которая мне по средствам, я, разумеется, не могу не восторгаться им.

Настала короткая, исполненная смущения пауза. Каруардин добавил, словно желая разрядить обстановку:

– Худшее в Тойнтоне – это еда. Впрочем, тут как раз дело вполне поправимо, хотя я подчас и чувствую себя жадным школьником, в одиночку пируя у себя в комнате. А необходимость выслушивать, как мои сотоварищи читают выдранные с кровью отрывки из популярных

богословских трудов и наименее вдохновляющих антологий английской поэзии, – небольшая цена за возможность поужинать молча.

– Наверняка существуют сложности с подбором персонала. По словам миссис Хьюсон, главные помощники Энсти – это бывший уголовник и старшая сестра, которая не сможет найти работу в каком-нибудь другом месте.

Джулиус Корт потянулся к бутылке кларета и заново наполнил все три бокала.

– Милая Мэгги, прямая, как всегда. Филби и правда вроде бы привлекался к суду. Конечно, украшением поместья его не назовешь, так ведь кто-то же должен стирать грязное белье, сворачивать шеи цыплятам, чистить отхожие места и выполнять прочие грязные работы, при мысли о которых чувствительная душа Уилфреда просто трепещет. Кроме того, Филби всей душой предан Дот Моксон, и я не сомневаюсь, что это ей доставляет только радость. Раз уж Мэгги сболтнула лишнего, лучше вам тогда узнать про Дот всю правду. Возможно, вы помните это дело – она та самая знаменитая сиделка из неттингфилдской гериатрической лечебницы. Четыре года назад Дот ударила пациентку. Совсем легко, но старуха упала, разбила голову о тумбочку у кровати и чуть не умерла. Читая между строк, из материалов дознания всякий поймет, что бабка была эгоистичной, требовательной и сварливой мегерой, которая и святого вывела бы из терпения. Семья не хотела иметь с ней ничего общего. Ее даже никто не навещал, покуда не оказалось, что праведное негодование приносит отличные дивиденды. Оно, конечно, и правильно. Пациенты, пусть даже самые несносные, неприкосновенны, и в наших же интересах всячески поддерживать эту установку. Инцидент вызвал целую волну жалоб на лечебницу. Результатом стала полномасштабная инспекция по всем пунктам: управление, уровень медицинских услуг, еда, сиделки... В общем, все на свете. Неудивительно, что они нашли массу поводов для расследования. Были уволены два медбрата, а Дот ушла по собственному желанию. Инспекция, хотя и выразила прискорбие по поводу проявленной ею несдержанности, полностью оправдала ее от обвинений в умышленной жестокости. Однако вред уже был причинен: ни одна другая больница брать Дот не хотела. Помимо подозрения, что она не умеет держать себя в руках при стрессе, ее упрекали в том, что Дот навлекла на больницу инспекцию, от которой никому ничего хорошего не вышло, да еще два человека потеряли работу. Чуть позже Уилфред попробовал связаться с ней – по отчетам расследования у него возникло впечатление, что она привыкла работать не за страх, а за совесть. Выследить Дот оказалось непросто,

однако он все же ее нашел и предложил приехать сюда чем-то вроде сестры-хозяйки пополам с домоправительницей. На самом деле, как и остальные члены персонала, она делает все, что требуется: от ухода за больными до стряпни. Не сказать чтобы Уилфредом двигала чистая благотворительность. Не так-то просто найти персонал в такое специализированное и далекое от цивилизации заведение – не говоря уж об ортодоксальных взглядах Уилфреда. Если он потеряет Дот Моксон, то найти ей замену будет трудновато.

– Я помню эту историю, хотя саму мисс Моксон не запомнил, – произнес Дэлглиш. – Мне скорее кажется смутно знакомой молоденькая блондинка. Дженни Пеграм, так ее зовут?

Каруардин улыбнулся – снисходительно, но с оттенком презрения.

– Так и думал, что вы про нее спросите. Уилфреду следовало бы использовать ее для сбора средств, ей это понравится. Не знаю никого, кому лучше удавалось бы нацепить выражение такого тоскливо-возвышенного, бессловесно-стойкого долготерпения. При должном употреблении она бы принесла приюту целое состояние.

Джулиус засмеялся.

– Как вы уже поняли, Генри ее не слишком жалует. Если она кажется знакомой, то вы, надо полагать, видели ее по телевизору года полтора назад. В тот месяц средства массовой информации из кожи вон лезли, чтобы разбередить общественную совесть Британии на тему молодых людей с неизлечимыми хроническими заболеваниями. Продюсер передачи разослал подручных на поиски подходящей жертвы. Они отыскивали Дженни. Последние двенадцать лет ее содержали – и очень даже неплохо содержали – в доме для престарелых. Насколько я понимаю, отчасти потому, что не смогли найти для нее другого места, а отчасти из-за того, что ей нравилось, как прочие пациенты и посетители ее неизменно балуют. А еще в той клинике имелись группы физиотерапии и прочие медицинские навороты, которые были для неё крайне полезны. Однако программа, как сами можете без труда вообразить, выжала из ситуации все возможное. «Несчастливая двадцатипятилетняя девушка заперта среди стариков и умирающих. Она отрезана от мира – без помощи, без надежды». Вокруг нее старательно рассадили самых старых и слабоумных пациентов, а Дженни была просто бесподобна. Пронзительные обвинения по адресу бесчеловечного министерства здравоохранения, совета директоров клиники, персонала и прочее и прочее. Как и следовало ожидать, на следующий день разразилась буря общественного негодования, продлившаяся вплоть до следующего подобного репортажа с новым

главным героем. Сострадательные английские обыватели требовали, чтобы Дженни нашли новое место. Уилфред предложил освободившуюся вакансию, Дженни согласилась и примерно четырнадцать месяцев назад перебралась сюда. Никто не знает, что она думает обо всех нас. Лично я бы дорого заплатил за то, чтобы заглянуть Дженни в голову.

Дэлглиш удивился тому, как хорошо Джулиус знал пациентов Тойнтон-Грэйндж, и все же больше задавать вопросов не стал. Ненавязчиво выпав из общей болтовни, он сидел, потягивая вино и вполуха слушая бессвязные реплики собеседников, связанных общими знакомыми и интересами, неплохо знающих друг друга и старательно поддерживающих иллюзию дружбы. Дэлглишу не хотелось включаться в игру. Кларет заслуживал того, чтобы его пили молча. Адам осознал, что впервые после болезни пьет по-настоящему хорошее вино. Приятно, что еще одна из тихих радостей жизни сохранила над ним свою власть. Только через пару минут он наконец понял, что Джулиус обращается непосредственно к нему.

– Прошу прощения за эту затею с предложением выступить и прочесть стихи. С другой стороны, отчасти я даже рад. Отличная иллюстрация к еще одной особенности обитателей Тойнтон-Грэйндж. Они всех используют. Вроде и не сознательно, но так уж получается. Говорят, будто желают, чтобы с ними обращались как с обычными людьми, а сами тут же требуют чего-нибудь эдакого, чего обычному человеку и в голову бы потребовать не пришло. И как откажешь? Надеюсь, теперь вы не станете слишком сурово судить тех из нас, кто не в большом восторге от Тойнтона.

– Нас?

– Группку нормальных людей, пленников этого места.

– И такие тоже есть?

– О да! Я-то часто уезжаю в Лондон или куда-нибудь за границу, поэтому меня здесь особенно не удержишь. Однако подумайте, например, о Миллисенте, привязанной к коттеджу, потому что Уилфред не берет с нее платы за жилье. Все, что она по-настоящему хочет, – это вернуться к бриджу и кремовым пирожным курортов Челтнема. Так почему же Миллисента не уезжает? Или Мэгги. Она всегда твердит, что хочет жить полной жизнью. Ну, строго говоря, все мы этого хотим. Так Уилфред пытался приохотить ее к наблюдениям за птицами. Помню, она еще вскричала в сердцах: «Если мне придется наблюдать за еще одной гнусной чайкой на скалах, я с воплями брошусь с обрыва в море!» Милая Мэгги. Я очень привязан к ней – когда она трезвая. А Эрик? Уж он-то мог бы сделать попытку вырваться на свободу, проявив немного храбрости. Приглядывать за пятью пациентами и проверять качество крема для рук и талька – это

едва ли достойная работа для дипломированного врача, пусть и с нездоровым пристрастием к маленьким девочкам. А Хелен Рейнер? Впрочем, лично я полагаю, что причины, по которым наша загадочная Хелен остается здесь, куда проще и понятнее...И все они —жертвы отчаянной скуки. Так, а теперь я заставляю скучать вас. Не хотите послушать музыку? Когда Генри навещает меня, мы с ним обычно ставим записи.

Дэлглиша вполне бы устроил просто кларет – без всяких разговоров и без музыкального сопровождения. Однако он видел, что Генри очень хочется послушать музыку: вероятно, не меньше, чем Джулиусу – продемонстрировать мощь своей стереосистемы. Поэтому в ответ на предложение выбрать он попросил поставить Вивальди и, когда включили проигрыватель, вышел во дворик. Джулиус выбрался задним следом, и они вместе молча стояли возле невысокой ограды над краем утеса. Впереди мерцало море, загадочное и призрачное в тусклом свете немногочисленных звезд. Судя по всему, настал отлив, но волны шумели еще совсем близко, глухо ударяя о каменистый пляж внизу. Низкий многоголосый рокот словно бы служил фоном для высокой, сладкой мелодии скрипки. Дэлглишу почудилось, будто на лоб ему падают хлопья пены. Правда, когда он поднял руку, то оказалось, что это всего лишь игра воображения, вызванная порывом свежего ветра.

Выходит, в приюте орудовало целых два анонимщика, хотя лишь один из них по-настоящему увлекался своим непристойным занятием. Смятение Грейс Уиллисон и сдержанное отвращение Каруардина явно свидетельствовали, что письма, полученные ими, отличались от того, что лежало в «Надежде». И все же сомнительно, чтобы в одно и то же время в столь маленькой общине объявилось два любителя анонимок. Поэтому само собой напрашивалось предположение, что письмо отцу Бэддли положили в бюро после его смерти, специально, чтобы Дэлглиш нашел послание. Если так, то сделал это человек, который знал о существовании по крайней мере одного такого письма. Слышал он и о том, что текст набит на тойнтонской бумаге и тойнтонской машинке, хотя явно не видел, самой анонимки. Письмо Грейс Уиллисон было напечатано на «Империале», а рассказывала она о нем только Дот Моксон. Письмо Каруардину состряпали, как и письмо отцу Бэддли, на «Ремингтоне», а Генри доверился лишь Джулиусу Карту. Версия опять же возникала сама собой. Однако как мог такой умный человек, как Корт, рассчитывать, что столь грубая уловка обманет профессионального сыщика или даже рьяного любителя? А с другой стороны – на это ли был расчет? Дэлглиш подписал отправленную

отцу Бэддли открытку одними инициалами. Если преступник, воровато шарящий по ящикам, нашел ее, она сообщила ему, что первого октября к священнику должен был приехать знакомый – скорее всего какой-нибудь собрат по профессии или старый прихожанин. Поэтому имело смысл сострять какие-нибудь фальшивые улики – на случай если отец Бэддли успел сообщить гостю, что его нечто тревожит. Почти наверняка анонимку подложили в бюро перед самым приездом Дэлглиша. Если Энсти и правда проглядывал бумаги отца Бэддли наутро после его смерти, он бы точно обнаружил подметное письмо и ни за что бы не оставил его там лежать.

Однако даже если Дэлглиш и перемудрил с этими умопостроениями и отец Бэддли получил анонимку на самом деле, Адам не сомневался: все равно Майкл вызвал его по иной причине. Отцу Бэддли хватило бы опыта найти виновника и разобраться с ним. Старый священник был слегка не от мира сего, но уж никак не наивен. В отличие от Дэлглиша он скорее всего достаточно редко сталкивался с наиболее впечатляющими грехами, да только это не значило, что он не мог их понять или им посочувствовать. Как и любой другой приходский священник, он наверняка вдоволь насмотрелся на мелочных, злобных и противных грешников во всем их прискорбном и ограниченном разнообразии. Он нашел бы, как им ответить – мягко, сострадательно и все же непреклонно. В этом Дэлглиш несколько не сомневался. Нет, когда отец Бэддли писал, что хочет получить профессиональный совет, он имел в виду именно это: совет полицейского по делу, с которым сам священник справиться не в состоянии. Едва ли сюда подходило расследование злой, но даже не слишком гнусной анонимки, автор которой принадлежал к узкому кругу лиц, знакомых святому отцу.

Перспектива докапываться до истины повергала Дэлглиша в глубокое уныние. Ведь он приехал в Тойнтон как частное лицо. У него не было ни полномочий, ни даже необходимого оборудования. Сортировку книг отца Бэддли можно растянуть на неделю, ну, чуть дольше. А потом? Под каким предлогом ему оставаться здесь? А если он не найдет с чем обратиться в местную полицию? Что значат все эти смутные подозрения, мрачные предчувствия? Старый священник умирает от очередного, на сей раз ставшего роковым сердечного приступа. Умирает тихо и мирно, у себя дома, успев в последний момент зачем-то надеть облачение, – должно быть, не понимая, зачем он это делает. Вероятно, из символизма, из неосознанного стремления последний раз утвердить так свой сан и свою веру. Тут можно придумать с дюжину самых различных объяснений, простых и понятных. И уж куда более правдоподобных, чем тайный визит убийцы, попросившего об исповеди, чтобы получить предлог для

посещения жертвы. Пропавший дневник... А кто докажет, что отец Бэддли самолично не уничтожил его перед тем, как попал в больницу? Взломанное бюро... Оттуда не исчезло ничего, кроме дневника, да и вообще из коттеджа не пропало ничего ценного. В отсутствие других улик можно ли начинать официальное расследование только на основании потерянного ключа и взломанного замка?

И все же отец Бэддли посылал за ним. Его что-то тревожило. И если Дэлглиш способен за семь – десять дней выяснить, что именно, не слишком грубо вмешиваясь в чужую жизнь, то он намеревался приложить к тому все усилия. Уж хоть это-то он обязан сделать для отца Бэддли. Но не более. Завтра он заглянет в полицию и к поверенному преподобного. Если всплывет что-то подозрительное, пусть с этим разбирается полиция. А он, Дэлглиш, с расследованиями закончил – хоть профессиональными, хоть любительскими, – и смерти старого священника недостаточно, чтобы это решение изменить.

Когда вскоре после полуночи они вернулись в Тойнтон-Грэйндж, Генри Каруардин отрывисто произнес:

– Боюсь, они рассчитывают, что вы поможете мне лечь. Деннис Лернер обычно отвозит меня в Тойнтон-коттедж, а потом забирает оттуда, но раз уж вы здесь... Как верно заметил Джулиус, мы тут мастера всех использовать. И я тому лучший пример. Завтра утром у Денниса выходной, а Филби я просто не выношу... Моя комната на втором этаже. Поедем на лифте.

Генри знал, что сказанное звучит невежливо, однако полагал, что для его молчаливого спутника неучтивость будет приятнее смиренной униженности или саможаления. Хотя наверняка Каруардина поразило, что Дэлглиш выглядит так, словно ему и самому требуется помощь, – должно быть, командер болел куда серьезнее, чем они думали. И все же Адам спокойно ответил:

– Еще полбутылки – и, подозреваю, помощь понадобилась бы нам обоим. Впрочем, я постараюсь. Отнесите мою неловкость на счет неопытности и кларета.

Командер оказался удивительно ловок и бережен. Раздел Генри, помог ему добраться до туалета, а потом привез в душ. Потратил несколько минут на то, чтобы хорошенько разглядеть подъемник и другое оборудование, и после отлично сумел всем воспользоваться. Когда не знал, что делать, спрашивал. За исключением этих коротких и вызванных чистой необходимостью вопросов и ответов, оба молчали. Генри подумал, что его редко укладывали в постель так бережно и аккуратно. Правда, мельком успев разглядеть в зеркале над умывальником осунувшееся, сосредоточенное лицо своего спутника, черные угрюмые глаза, ввалившиеся от усталости, он внезапно пожалел, что попросил о помощи. Лучше было бы свалиться на кровать одетым и без душа, чем терпеть унижающие прикосновения этих сноровистых рук. Он чувствовал, что за маской дисциплинированного спокойствия скрыта суровая истина: каждый контакт с его обнаженным телом был для Дэлглиша исполнением неприятного долга. И вопреки всякой логике для самого Генри каждое прикосновение этих холодных рук стало прикосновением страха. Ему хотелось крикнуть: «Что вы здесь делаете? Уезжайте! Не вмешивайтесь, оставьте нас в покое».

Искушение было столь сильно и остро, что ему казалось, будто он и в самом деле произнес эти слова вслух. И когда наконец больной оказался в кровати, а его временный помощник коротко пожелал ему спокойной ночи и тут же вышел, Генри понял: Дэлглиш поступил так потому, что не вынес бы даже самых небрежных, самых невежливых слов благодарности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ БЕРЕГ

Дэлглиш проснулся около семи утра, чувствуя себя разбитым и вялым. Разбудили его неприятно знакомые звуки: навязчивый шум воды в ванной, металлический лязг аппаратов, скрип колес, внезапные торопливые шаги и нарочито бодрые голоса. Сказав себе, что пока ваннные комнаты нужны для пациентов, он закрыл глаза, отгораживаясь от этой унылой, безликой комнаты, и попытался снова заснуть. А когда через час вырвался из прерывистой дремоты, в пристройке царила тишина. Кто-то – ему смутно вспомнилась фигура в коричневой сутане – поставил на столик у кровати кружку чая. Тот уже остыл, сероватая поверхность подернулась тусклыми молочными разводами. Адам накинул халат и отправился на поиски ванной.

Завтракали в Тойнтон-Грэйндж, как он и думал, в той же общей столовой. Однако половина девятого оказалась для большинства обитателей усадьбы часом то ли слишком ранним, то ли слишком поздним. Когда Дэлглиш вошел в столовую, там сидела одна Урсула Холлис. Она застенчиво поздоровалась с гостем и снова уткнулась глазами в библиотечную книгу, рискованно прислоненную к кувшинчику с медом. Гость обнаружил, что завтрак скромн, зато вполне адекватен: печеные яблоки; мюсли домашнего изготовления, состоящие из овсяных хлопьев, отрубей и нарезанных ломтиками яблок; ржаной хлеб с маргарином и ряд вареных яиц в индивидуально подписанных подставках. Два оставшихся уже успели остыть. Судя по всему, их варили с самого утра, а те, кто хотел съесть свое еще теплым, старались не опоздать. Дэлглиш взял яйцо, подписанное его именем. Оно оказалось мягким сверху и совсем твердым внизу – результат, который наверняка требовал своеобразного кулинарного мастерства.

После завтрака он отправился на поиски Энсти – поблагодарить за гостеприимство и спросить, не надо ли тому чего-нибудь в Уорхэме. Стоило часть дня посвятить закупкам, чтобы с большим удобством расположиться в коттедже Майкла. В результате недолгих поисков в словно бы обезлюдевшем доме командер обнаружил Уилфреда в кабинете. Вместе с ним сидела Дот Моксон, а на столе лежала раскрытая бухгалтерская книга. Когда Дэлглиш, постучав, вошел в комнату, оба уставились на него с видом чуть ли не виновато-заговорщическим. Казалось, им потребовалось несколько секунд на то, чтобы понять, кто это.

Когда же Энсти улыбнулся, лицо у него стало таким же приторно-умильным, как обычно, лишь в глазах затаилась напряженность. Дэлглиш почувствовал, что Энсти совсем не пожалел бы, услышав вдруг, что гость уезжает. Возможно, Уилфред воображал себя таким средневековым аббатом, встречающим путников хлебом и элем, однако на самом деле ему хотелось получать благодарность за гостеприимство без неудобств, связанных с необходимостью принимать гостей. Он сказал, что из Уорхэма ничего не нужно, а потом поинтересовался: сколько Дэлглиш рассчитывает жить в коттедже? Конечно, торопиться некуда. Гостю вовсе ни к чему как-то себя стеснять. Правда, когда Дэлглиш ответил, что останется только для разборки библиотеки отца Бэддли, владелец дома с трудом скрыл облегчение и предложил отрядить в «Надежду» Филби с несколькими ящиками. Дороти Моксон молчала, но все время разговора смотрела на Дэлглиша в упор, точно не желала скрывать раздражения и мечтала как можно скорее вернуться к бухгалтерии.

Приятно было снова очутиться в «Надежде», ощутить знакомый, чуть церковный запах и предвкушать долгую прогулку по скалам перед поездкой в Уорхэм. Дэлглиш успел распаковать саквояж и переодеться в крепкие башмаки для ходьбы, когда услышал, как перед окном останавливается автобус для пациентов. Подойдя к окну, командер увидел, что Филби выгружает первый из обещанных ящиков. Взвалив ящик на плечо, работник поднялся на крыльцо, пинком открыл дверь, внеся с собой в комнату застоявшийся запах пота, и швырнул ящик к ногам Дэлглиша с отрывистым заявлением:

– Там еще пара.

Дэлглиш правильно понял эту фразу как приглашение помочь с разгрузкой. Сейчас он впервые хорошенько мог разглядеть подручного Энсти при ярком свете – и зрелище оказалось не из приятных. Командеру редко приходилось встречать людей с такой отталкивающей – на чисто физическом уровне – внешностью. Ростом Филби был невысок, чуть выше пяти футов, но коренаст и широк в плечах. Руки и ноги толстые и бесформенные, как деревянные чурбачки, голова круглая, будто мяч, а кожа, несмотря на постоянную работу на свежем воздухе, розовая, блестящая и очень гладкая, как надувная. На другом, более привлекательном, лице глаза его показались бы даже красивыми – чуть раскосые, с крупными иссиня-черными зрачками. Реденькие черные волосы Филби зачесывал назад, так что они свисали сзади неровными сальными прядками. На нем были сандалии на ремешках, грязно-белые, до неприличия короткие шорты и серая майка – вся в пятнах пота. Поверх

этого болталась распахнутая сутана, перехваченная на поясе шнурком. Без столь неуместного одеяния Филби выглядел бы просто грязным и неухоженным, а вот оно придавало ему вид по-настоящему жутковатый.

Поскольку после того, как ящики были благополучно выгружены, Филби не проявил никакого желания уходить, Дэлглиш догадался, что тот хочет получить чаевые. Предложенная мелочь переключалась в карман сутаны с практикой, явно порожденной немалым опытом, однако без малейшей благодарности. Дэлглишу было интересно узнать, что, несмотря на дорогостоящий эксперимент с домашними яйцами, в обители братской любви отменены не все экономические законы внешнего мира. На прощание Филби с силой пнул ящики, словно желая оправдать полученную мзду, продемонстрировав, какие они крепкие. К его видимому разочарованию, с ними и в самом деле ничего не случилось. В итоге Филби бросил на них еще один кислый взгляд и удалился, оставив Дэлглиша гадать: и где только Энсти откопал этого члена персонала? На его предубежденный взгляд, этот человек выглядел как насильник со стажем, хотя, пожалуй, такое было слишком даже для Уилфреда Энсти.

Вторую попытку Дэлглиша тронуться в путь пресекло появление нового визитера. На сей раз — Хелен Рейнер. Она приехала из Тойнтон-Грэйндж на велосипеде, в корзине которого громоздилось постельное белье для гостя. По ее словам, Уилфред испугался, будто простыни в «Надежде» недостаточно хорошо проветрены. Дэлглиша удивило, что она не воспользовалась возможностью приехать с Филби на автобусе. Впрочем, скорее всего ей тоже было неприятно находиться с ним рядом. Она вошла в дом тихо, быстро и, не слишком явно давая Дэлглишу понять, что от него сплошные хлопоты, тем не менее недвусмысленно продемонстрировала, что пришла вовсе не со светским визитом, поболтать о том о сем, и что ее ждет куча куда более важных дел. Они вместе постелили постель. Сестра Рейнер расправила простыню и аккуратно полоткнула уголки с таким проворством и опытом, что Дэлглиш, отставший от нее буквально на пару секунд, почувствовал себя неуклюжим и медлительным. Сперва оба молчали. Адам все гадал — подходящее ли сейчас время для того, чтобы расспрашивать про недоразумение, случившееся в последний вечер жизни отца Бэддли. Видимо, его слишком запугало долгое пребывание в больнице. Коммандеру потребовалось усилие воли, чтобы произнести:

— Возможно, я не в меру чувствителен, да только мне жаль, что никого не было с отцом Бэддли, когда он умирал. Ведь никто не заглянул к нему в тот вечер удостовериться, что все в порядке...

Разумеется, Хелен могла бы возразить на сей плохо замаскированный

укор, что подобные намеки неуместны от человека, который сам добрых тридцать лет не интересовался участием старого священника. Однако Хелен отозвалась без малейшей злобы, почти пылко:

– Да, ужасно вышло. Конечно, с медицинской точки зрения это ничего не изменило бы, но такого просто не должно было произойти, кому-нибудь из нас следовало бы заглянуть... Вам понадобится третье одеяло? Если нет, я его заберу. Это одно из наших, тойнтонских.

– Двух вполне хватит. А как именно это произошло?

– С отцом Бэддли? Он умер от идиопатического миокардита.

– Нет, я имею в виду, как вышло все это недоразумение?

– Когда преподобный приехал из больницы, я привезла ему на лэнч холодного цыпленка, а потом устроила так, чтобы он поспал днем. Потом Дот напоила его чаем и помогла умыться. Передела его в пижаму, но он настоял на том, чтобы надеть сверху облачение. Примерно в половине седьмого я поджарила для него яичницу, прямо здесь, на кухне. Он все твердил, что хочет провести вечер тихо и чтобы никто его не тревожил – кроме, само собой, Грейс Уиллисон. Я же сказала, что кто-нибудь заедет часиков в десять, и его это, кажется, успокоило. Он пообещал, если что, постучать по стене кочергой. Потом я зашла в соседний коттедж и предупредила Миллисенту, чтобы она слушала, не постучит ли отец Бэддли. Она также вызвалась заглянуть к нему перед сном. Во всяком случае, я так ее поняла. А она, судя по всему, решила, что приеду либо я, либо Эрик. Как я уже говорила, такого не должно было произойти. Страшно себя корю. Эрик ни в чем не виноват. Как ухаживающая за отцом Бэддли медсестра, я обязана была позаботиться, чтобы его еще раз профессионально осмотрели перед сном.

– Эти упорные повторения, что он хочет остаться один... – промолвил Дэлглиш. – У вас не сложилось впечатления, будто Майкл кого-то ждал?

– Ну кого он мог ждать, кроме бедняжки Грейс? Мне кажется, просто в больнице он постоянно был на людях и теперь хотел посидеть в тишине и покое.

– А вы все той ночью находились в Тойнтон-Грэйндж?

– Все, кроме Генри, который еще не вернулся из Лондона. А где еще нам было находиться?

– Кто распаковывал его саквояж?

– Я. Преподобного увезла в больницу «скорая помощь», так что с ним было совсем мало вещей. Только то, что мы нашли у кровати и успели сложить.

– Библия, молитвенники дневник?

Хелен на мгновение подняла на Адама глаза. Лицо ее оставалось бесстрастным. Снова потупившись, она продолжила заправлять одеяло в пододеяльник.

– Да.

– Что вы с ними сделали?

– Оставила на столике в изголовье кровати. Должно быть, он сам их потом куда-то переложил.

Выходит, отец Бэддли возил с собой дневник в больницу. А значит, записи велись до последнего времени. И если Энсти не солгал, что на следующее утро дневника уже не было, значит, тетрадь забрали в течение этих двенадцати часов.

Дэлглиш задумался, как сформулировать следующий вопрос, не возбуждая подозрений. Стараясь, чтобы голос звучал небрежно, он заметил:

– Возможно, при жизни за ним ухаживали не слишком рьяно, зато после смерти позаботились. Сперва кремация, а потом похороны. Не слишком ли добросовестно?

К удивлению Адама, Хелен вдруг взорвалась, точно разделяя его вполне оправданное возмущение:

– Ну разумеется! Смешно и нелепо! И это все Миллисента виновата. Заявила Уилфреду, будто Майкл часто выражал желание, чтобы его кремировали. Ума не приложу почему. Хотя они с Майклом и были соседями, но не слишком-то вмешивались в дела друг друга. И все же она сказала именно так. А Уилфред был уверен, что Майкл хотел, чтобы его погребли по всем каноническим правилам – вот бедняга и получил сразу все. А остальным только куча лишних забот и расходов. Да еще и доктору Маккейту из Уорхэма пришлось подписывать свидетельство о смерти вместе с Эриком. И вся эта суэта из-за того, что Уилфреда, видите ли, совесть замучила.

– В самом деле? Из-за чего?

– Да из-за сущих пустяков. У меня сложилось такое впечатление, будто ему казалось, что Майкла последнее время совсем забросили. Обычные угрызения оставшихся в живых после смерти близкого человека. Эта подушка вас устроит? По-моему, комковатая, а, судя по вашему виду, вам нужно как следует выспаться. Если понадобится что-нибудь еще, обязательно обращайтесь в Грэйндж. Молоко привозят к воротам. Я заказала для вас пинту ежедневно. Если вам слишком много, мы найдем, куда деть излишки. Ну вот, теперь у вас все, что нужно?

Дэлглиш покорно кивнул, чувствуя себя ребенком перед строгой

нянкой. Проворство и уверенность сестры Рейнер, ее сосредоточенность на каждом занятии, даже ободряющая улыбка, которой она одарила командера на прощание, – все это вновь низводило его до статуса пациента. Когда она выкатила велосипед обратно на дорожку и уселась в седло, Дэлглиш не мог отделаться от ощущения, будто к нему только что навевалась проходящая медсестра. Однако он все больше и больше начинал уважать Хелен. Она не возмущалась его расспросами и проявила удивительную откровенность. Интересно – почему?

II

Стояло теплое туманное утро, над головой клубились низкие тучи. Когда Дэлглиш начал взбираться вверх по тропе, что вела на утес, о землю ударили первые крупные и редкие капли дождя. Внизу тяжеломерно покачивалось молочно-голубое матовое море, вздымающиеся волны были испещрены рябью дождя и переменчивыми узорами пены. Пахло осенью – словно где-то вдали, так что сюда не долетало ни единой струйки дыма, жгли палые листья. Узкая тропинка вела все выше, огибая край утеса, то подходя совсем близко к обрыву и на краткий миг создавая иллюзию головокружительной опасности, то убегая в глубь суши меж бронзовых, поломанных ветром папоротников и низких кустов ежевики, гроздь красных и черных ягод которой казались плотнее и мельче, чем сочные кисти на живых изгородях дальше от берега. Мыс то и дело пересекали невысокие каменные стенки, здесь и там виднелись обломки известняка. Часть из них торчали из земли, точно могильные плиты на старом, пришедшем в запустение кладбище.

Дэлглиш шагал осторожно. Это была его первая долгая прогулка после болезни, да и прежде, в силу профессии, вылазки на природу относились для него к разряду редких удовольствий. Пока он еще двигался с некоторой неуверенностью, свойственной первым шагам выздоравливающего – когда тело понемногу начинает припоминать былые радости, но не остро и живо, а лишь тихо приветствуя знакомые ощущения. Металлические, чуть грубоватые трели чеканов, хлопчущих в зарослях ежевики; одинокая черноголовая чайка, недвижно сидящая на выступе скалы, точно носовая фигура корабля; кустики критмума – торчащие зонтики нежно окрашены лиловым; желтые одуванчики – яркие пятнышки на тусклой осенней траве.

Минут через десять тропа плавно пошла под откос. Скоро ее пересекла узкая лощинка, сбегавшая с вершины утеса в глубь побережья. Ярдах в шести от моря лощинка расширилась, превратившись в отлогую лужайку, поросшую зеленым дерном и мхом. Дэлглиш остановился. Ему ведь описывали это место. Должно быть, именно здесь любил сидеть Виктор Холройд; отсюда он и кинулся навстречу смерти. На миг Адам подсадовал, что полянка так некстати оказалась у него на пути. Мысли о жестокой гибели шли вразрез с его нынешним приподнятым настроением. Однако он понимал, в чем состоит притягательность этого уголка. Укромная, защищенная от ветра ложбинка давала ощущение уединенности

и покоя – покоя, довольно опасного для человека, прикованного к инвалидной коляске, для человека, которого лишь тормоза удерживают на грани жизни и смерти. Впрочем, возможно, это придавало лужайке особую прелесть. Вероятно, лишь здесь, вознесясь над морем на ковре яркого мха, Виктор Холройд, отчаявшийся и обездвиженный, мог получить иллюзию свободы, иллюзию того, что он сам властен над своей судьбой. Возможно, Холройд изначально собирался совершить отсюда прыжок к освобождению, месяц за месяцем настаивая, чтобы его привезли к избранному месту, тянул время, дабы никто в Тойнтон-Грэйндж не заподозрил его подлинных намерений. Дэлглиш инстинктивно принялся осматривать землю. Со дня смерти Виктора Холройда прошло более трех недель, однако командеру показалось, будто он и сейчас различает слабые выемки в сыром дерне там, где покоились колеса инвалидного кресла, и менее четкие отметины от примявших короткую траву тяжелых полицейских башмаков.

Дэлглиш подошел к обрыву и посмотрел вниз. Дыхание перехватило от ужаса и восторга. Известняк здесь сменялся почти вертикальной стеной черной глины, пронизанной крошащимся белым камнем. Примерно в ста пятидесяти футах книзу стена натыкалась на широкую надтреснутую полосу валунов, обломков скал и просто беспорядочного крошева иссиня-черных камней, выстилавших берег, точно их накидала туда чья-то исполинская рука. Стоял отлив, и косая черта пены неспешно скользила по дальнему краю насыпи. Пока Дэлглиш с благоговейным ужасом глядел вниз, на эту хаотическую границу моря и скал, пытаясь вообразить, как выглядел Холройд после падения, из-за туч начало пробиваться солнце. Теплые лучи, точно ласковая рука, пригревали сзади шею Дэлглиша, золотили темные папоротники, расписывали под мрамор серые камни на краю утеса. Но сама береговая полоса оставалась в тени, мрачная и враждебная. На миг Дэлглишу показалось, будто перед ним проклятый, смертоносный берег, над которым никогда не восходит солнце.

Дэлглиш собирался дойти до черной башни, отмеченной на карте отца Бэддли, не столько из подлинного любопытства, сколько потому, что надо было выбрать какую-нибудь цель для прогулки. Все еще размышляя о гибели Виктора Холройда, командер двинулся дальше и почти неожиданно вышел прямо к башне, строению бестолковому и довольно страхолюдному. Башня была круглой в сечении, но сверху ее венчал восьмиугольный купол – ну ни дать ни взять громадная перечница с восемью узкими высокими окнами, отражавшими яркие солнечные лучи. Это придавало башне отдаленное сходство с маяком. Заинтригованный,

Дэлглиш обошел вокруг, касаясь рукой черной стены. Он понял, что вообще-то она построена из известняка, но выложена черным сланцем – точно причудливо разукрашена маленькими щитками полированного агата. Местами сланец облупился, так что стенка стала пятнистой; черные переливающиеся чешуйки выстилали землю у основания, поблескивая в траве. С севера, с подветренной стороны от моря, кто-то, по всей видимости, пытался развести сад. Теперь, правда, здесь остались только лохматые куртинки маргариток, разросшийся сам по себе львиный зев и одинокий хилый розовый куст с двумя белыми чахлыми бутонами. Стебельки роз уже приникли к камню и скрючились, смиряясь перед наступлением холодов.

Нарядное каменное крыльцо с восточной стороны башни вело к окованной железом дубовой двери. Дэлглиш поднял тяжелую ручку и с усилием повернул ее, однако дверь была заперта. Глянув вниз, командер увидел вделанную в стену неровную каменную табличку с выгравированной на ней надписью:

В ЭТОЙ БАШНЕ СКОНЧАЛСЯ
УИЛФРЕД МЭНКРОФТ ЭНСТИ
27 ОКТЯБРЯ 1887 ГОДА В ВОЗРАСТЕ 69 ЛЕТ.
CONCEPTIO CULPA NASCI PENA
LABOR VITA *necessi mori*^{note[3]}

Странная эпитафия для почтенного викторианского землевладельца – и неподходящее место для спокойной кончины. Нынешний владелец Тойнтон-Грэйндж, судя по всему, наследовал частицу эксцентричности своего предка. CONCEPTIO CULPA: теологию первородного греха современное общество отринуло вместе с прочими неудобными догмами, и даже в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году она, должно быть, выглядела старомодно. NASCI PENA: анестезия милосердно ослабила это наставительное утверждение. LABOR VITA: ну уж нет, если технологии двадцатого века могли хоть чем-то помочь. NECESSI MORI – ага, вот в чем загвоздка! Смерть. Ее можно игнорировать, бояться, даже приветствовать – но не победить. Она и нынче была столь же бесцеремонно-навязчива, как эта табличка с эпитафией, и куда более долговечнее. Смерть – одна и та же вчера, сегодня, завтра, всегда. И интересно, Уилфред Мэнкрофт Энсти сам выбирал себе сию мрачную эпитафию? Видел ли он в ней хоть какое-то утешение?

Дэлглиш зашагал дальше вдоль берега, обогнув бухточку с галечным пляжем. Ярдах в двадцати оттуда вниз вела тропка – крутая и, наверное, опасная в сырую погоду. Дорожка лишь наполовину возникла в результате

удачного расположения скал, а наполовину была делом человеческих рук. И где стоял Дэлглиш, утес обрывался к морю почти вертикально. Адам с изумлением увидел, что даже в столь ранний час на скале висят веревки, а на них болтаются два скалолаза. В верхнем из них, том, что был без шляпы, Дэлглиш мгновенно узнал Джулиуса Корта. А когда второй поднял голову, то под красной защитной каской появилось лицо Денниса Лернера.

Оба лезли хоть и медленно, но уверенно. Так уверенно, что Дэлглиш даже не стал отходить назад, опасаясь, что кто-нибудь из них при виде неожиданного зрителя случайно отвлечется и потеряет равновесие. Оба явно совершали это восхождение и прежде – маршрут и приемы были им хорошо знакомы. Скалолазам оставался только последний отрезок пути. Любуясь ровными, неторопливыми движениями Корта, его умением впиться, как пиявка, в любую трещинку или выступ на каменной поверхности, Дэлглиш поймал себя на том, что он невольно вспоминает отдельные эпизоды из своих юношеских походов и мысленно поднимается вместе с альпинистами, отмечая каждый этап пути.

Десятью минутами позже командер шагнул туда, где над обрывом показались голова и плечи Джулиуса. Корт подтянулся и, чуть запыхавшись, встал рядом с Дэлглишем. Не говоря ни слова, он вбил крюк в трещину рядом с большим валуном, продел веревку через него, потом через обвязку у себя на поясе и начал помаленьку выбирать ее. Снизу раздалось радостное восклицание. Джулиус уперся спиной в валун и крикнул:

– Как будете готовы, взбирайтесь!

Не прошло и пятнадцати минут, как Деннис Лернер стоял рядом и сматывал веревку. Часто мигая, он снял очки, стер с лица то ли брызги, то ли капли дождя и трясущимися пальцами заложил дужки за уши. Джулиус бросил взгляд на часы:

– Час двадцать – лучший результат на сегодняшний день. – Он повернулся к Дэлглишу: – В этой части побережья не так много пригодных для восхождения мест, так что мы работаем над скоростью. А вы занимаетесь альпинизмом? Я мог бы одолжить вам необходимое снаряжение.

– Я давненько не тренировался – практически со школьных лет. И судя по тому, что сейчас видел, я далеко не вашего класса.

Командер не удосужился пояснить, что еще не окреп после тяжелой болезни. Возможно, прежде ему и захотелось бы оправдаться, однако за последние несколько лет Адам перестал переживать из-за того, что могут подумать другие о его храбрости и силе.

– Раньше мне составлял компанию Уилфред, – сообщил Джулиус, – да вот месяца три назад мы обнаружили, что кто-то нарочно перетер одну из его веревок. Кстати, по занятой случайности мы как раз собирались совершить именно такое восхождение. Он отказался выяснять, кто это сделал. Полагаю, кто-нибудь в Тойнтон-Грэйндж точил на него зуб. Ничего удивительного, Уилфреду надо ждать подобных мелких недоразумений. Неизбежное последствие игр в Господа Бога. Впрочем, на самом-то деле ему ничего не грозило – я всегда проверяю снаряжение перед стартом. Но это его разволновало, а может, и дало желанный предлог, чтобы бросить всю затею. Надо сказать, у него не слишком-то хорошо получалось. Ну, а теперь мне приходится уповать только на Денниса – когда он, как сегодня, берет выходной.

Лернер повернулся к Дэлглишу и улыбнулся. Улыбка преобразила его лицо, сняла напряжение и угрюмость. С неожиданной мальчишеской откровенностью он произнес:

– Вообще-то большую часть времени я боюсь не меньше Уилфреда. Правда, я учусь. Завораживающее занятие, потихоньку начинаю даже его любить. В полумиле отсюда есть совсем легкий подъем, на выступ, где гнездятся кайры. Джулиус начал тренировать меня с него. Это действительно нетрудный путь. Если хотите попробовать, можем взобраться с вами туда.

Его наивное стремление передать другим свою радость, разделить с ними удовольствие производило необыкновенно приятное впечатление.

Дэлглиш покачал головой:

– Едва ли я проведу здесь достаточно много времени для этого.

Он заметил, как Лернер и Корт мгновенно переглянулись, на краткий, почти неуловимый миг встретившись взглядами.

Что выражали эти взгляды? Облегчение? Настороженность? Удовлетворение?

Все трое молчали, пока Деннис не смотал веревку до конца. Потом Джулиус кивнул на черную башню:

– Уродство, а? Прадед Уилфреда возвел ее вскоре после того, как отстроил Грэйндж. Грэйндж ведь сменил маленький елизаветинский манор, уничтоженный пожаром в тысяча восемьсот сорок третьем году. Жалко. Должно быть, старый дом был куда красивее нынешнего. У прадеда не было никакого вкуса по части архитектуры. Ни из дома, ни из башни так ничего путного и не вышло, правда?

– А как получилось, что он умер именно здесь? Он это сделал нарочно? – поинтересовался Дэлглиш.

– Можно сказать и так. Он принадлежал к разряду этаких угрюмых и нелюдимых чудаков, которыми столь изобиловала викторианская эпоха. Изобрел свою собственную веру, основанную, насколько я понимаю, на Откровении Иоанна Богослова. В начале осени тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года заперся в башне, замуровал дверь и уморил себя голодом. Судя по оставшимся разрозненным записям, ждал Второго пришествия. Надеюсь, для него оно произошло.

– И никто ему не помешал?

– А никто не знал, что он здесь. Старик был совершенно ненормальным, но чертовски хитрым. Тайком приготовил все заранее – камни, цемент и прочее, а потом объявил, что на зиму уезжает в Неаполь. Прошло три месяца, прежде чем его нашли. Задолго до этого он ободрал пальцы до кости, пытаясь выбраться наружу. Оказался слишком хорошим каменщиком, бедняга.

– Какой ужас!

– Да. Даже в прежние времена, до того как Уилфред запретил ходить на мыс, местные избегали этого места, да и я, говоря начистоту, тоже. Лишь отец Бэддли иногда приходил сюда. По словам Грейс Уиллисон, Уилфред прочел здесь какие-то молитвы за душу прадеда, окропил все святой водой и тем самым очистил башню, как мог. Уилфред ходит сюда медитировать, во всяком случае, он так говорит. Лично я думаю, ему просто хочется иногда вырваться из Грэйндж. Мрачные семейные предания его не тревожат. Впрочем, Уилфреда-то они и не касаются. Он ведь приемыш. Впрочем, полагаю, Миллисента Хэммит вам уже рассказала.

– Нет. Я еще с ней не разговаривал.

– Ну еще скажет, скажет...

К удивлению Дэлглиша, Деннис Лернер неожиданно вмешался в разговор:

– А мне черная башня нравится. Особенно летом, когда мыс такой мирный, спокойный, весь золотой, а на черных камнях блестит солнце. Очень символично, правда? Башня выглядит такой волшебной, нереальной, будто ее построили, чтобы позабавить ребенка. А за всем этим кроются ужас, боль, безумие и смерть. Как-то раз я так и сказал отцу Бэддли.

– А что он ответил? – поинтересовался Джулиус.

– Он сказал: «О нет, сын мой. За всем этим кроется любовь к Господу».

– Мне не нужен фаллический символ, построенный викторианским чудилой, – грубо отрезал Джулиус, – чтобы помнить о черепе, который до поры до времени скрывается у меня под кожей. Как всякий разумный

человек, я нахожу личные средства защиты.

– И какие же? – спросил Дэлглиш.

Тихий вопрос прозвучал строго, словно команда. Джулиус улыбнулся:

– Деньги и утехи, которые можно за них купить. Развлечения, друзья, красота, путешествия. А потом, когда этому придет конец – ваш друг отец Бэддли всегда напоминал, что рано или поздно все заканчивается, – или когда Деннисовы четыре всадника Апокалипсиса примчат, использую три пули из «люгера». – Он снова покосился на черную башню. – А покамест обойдусь без напоминаний. Я наполовину ирландец, и эта ирландская половинка делает меня чертовски суеверным. Пойдемте вниз, к морю.

Они осторожно принялись спускаться по неровной скользкой тропе. У подножия утеса Деннис Лернер подобрал коричневую сутану, аккуратно сложенную и для верности придавленную камнем. Запахнувшись в нее и подпоясавшись, он сменил спортивные ботинки на вынутые из кармана сандалии. Преобразившись и зажимая защитный шлем под мышкой, Лернер присоединился к своим спутникам, которые неторопливо брели по гальке.

Все трое устали и шли молча, пока не оказались в тени черного сланца. Вблизи берег производил еще более сильное впечатление, чем издали: широкая сверкающая платформа усыпанной камнями глины, растрескавшейся и неровной, точно после землетрясения, – мрачный, беспросветно-унылый стык суши и моря. Меж камней темнели глубокие расщелины, заполненные морской водой, – ямы, оставшиеся после отлива. По краям их обрамляли скользкие водоросли. Неужели Северное море могло породить столь ярко-ядовитую зелень? Даже обычный береговой мусор – щепки и обломки досок, пустые сигаретные пачки, в которых кипела и пузырилась коричневая пена, бутылки, измочаленные обрывки веревки, хрупкие белые косточки морских птиц – все это напоминало зловещие обломки катастрофы, печальные останки мертвого мира.

Словно по молчаливому согласию, путники теперь держались поближе друг к другу, осторожно пробираясь по слизистым камням. Деннису Лернеру пришлось подобрать плащ. Внезапно Джулиус остановился и повернулся к утесу. Дэлглиш обернулся вслед за ним, а вот Деннис упорно глядел на море.

– Тогда как раз был прилив. Наверное, уже дошел сюда. Я спустился на пляж по той же тропе, что и мы с вами сейчас. Бежал изо всех сил, да не очень быстро вышло. Хотя так и было короче всего. Собственно, иного-то пути и нет. Пока бежал, не видел ни его, ни коляски. А когда добежал, мне потребовалась вся сила воли, чтобы заставить себя на него взглянуть.

Сначала ничего и не увидел – как обычно, море кипит меж скал. А потом заметил колесо. Оно лежало на плоском камне, и на хромированном ободе и спицах сверкало солнце. Выглядело оно так декоративно, будто его туда нарочно положили, – казалось, оно просто не могло само так приземлиться. Подозреваю, колесо оторвалось еще в полете, а затем скатилось на камень отдельно от остального. Помнится, я схватил его и зашвырнул в море, хохоча во все горло. Шок, не иначе. Звуки хохота эхом отражались от скал.

Не поворачиваясь, Лернер сдавленно произнес:

– Я помню. Я слышал вас. Решил, это Виктор смеется, – звучало точь-в-точь как у него.

– Значит, вы видели, как все произошло? – спросил Дэлглиш.

– С пятидесяти ярдов. После ленча я вернулся к себе из Лондона и решил поплавать. День был не по-сентябрьски теплый. Уже подходил, как вдруг увидел, что кресло покатило вперед. Ни я, ни кто другой и поделаться бы ничего не могли. Деннис лежал на траве ярдах в десяти от Холройда. Он вскочил на ноги и помчался вдогонку. Кричал как ненормальный. А потом принялся бегать вдоль обрыва, размахивая руками, – ни дать ни взять здоровенная полоумная ворона.

– Я признаю, что вел себя не слишком-то храбро, – сквозь стиснутые зубы выдавил Лернер.

– Так и ситуация не располагала к храбрости, милый мой мальчик. Нельзя же было ждать, что вы кинетесь с утеса вслед за ним. Хотя на какую-то долю секунды мне именно так и показалось. – Джулиус повернулся к Дэлглишу: – Я оставил Денниса валяться на траве в полной прострации. Только задержался еще на секундочку – приказал ему бежать за помощью, – а сам рванул к той тропе. Деннису понадобилось минут десять на то, чтобы взять себя в руки. Наверное, разумней было бы прежде заняться им, а потом уже вдвоем отправляться на поиски трупа. Я его чуть не потерял.

– Если он долетел сюда, кресло должно было катиться к обрыву со значительной скоростью.

– Да. Странно, правда? Я искал его ближе к утесу. А потом увидел грудку искореженного металла футов на двадцать правее – она уже скрывалась под водой. И только после обнаружил Холройда. Он был похож на выброшенную на берег приливом рыбу. У него и при жизни лицо было ужасно бледным и раздутым – какой-то побочный эффект от стероидов, что ему Эрик прописал. Теперь же бедняга выглядел просто гротескно. Должно быть, вылетел из кресла еще в падении – во всяком случае, лежал он на некотором расстоянии от обломков. В тот день на нем были только брюки с

рубашкой, а рубашка разорвалась о камни. Так что я видел лишь крупный белый торс, колышущийся в волнах прилива. Ему разmozжило голову и разорвало сонную артерию. Наверное, он истекал кровью, а море завершило остальное. Когда я к нему добежал, пена вокруг была еще розоватой. Приятный такой оттенок – как у пены для ванны. Казалось, в Холройде и кровинки не осталось, будто он провел в море по меньшей мере месяц. Бескровное полунагое тело в волнах.

Бескровное тело. Бескровное убийство.

Фраза эта сложилась в голове Дэлглиша сама собой. Он." спросил, стараясь, чтобы голос звучал как можно бесстрастнее и незаинтересованнее:

– А как вам удалось его вытащить?

– С трудом. Я ведь уже сказал, стоял прилив, а приливы здесь быстрые. Я кое-как умудрился продеть свое полотенце ему под ремень и попытался вытянуть его на какой-нибудь валун повыше. Ужасно неловко и как-то недостойно все вышло – для нас обоих. Он оказался куда тяжелее меня, да еще и брюки у него намокли и отяжелели. Я боялся, они совсем соскользнут. Наверное, большой беды в этом не было бы, но мне почему-то казалось ужасно важным, чтобы он сохранил хоть какое-то подобие достоинства. Каждый раз, как накатывала очередная волна, я старался воспользоваться ее силой, чтобы подтащить Холройда, и выволок его примерно вот сюда. Сам вымок до нитки и дрожал, несмотря на жару. Помню, меня еще почему-то удивляло, что солнце никак не высушит мою одежду.

Во время всего рассказа Дэлглиш не отрывал взгляда от Денниса Лернера. Пульс на красной от загара шее так и бился. Дэлглиш холодно произнес:

– Остается надеяться, что для самого Холройда смерть оказалась менее мучительным испытанием, чем для вас.

Джулиус Корт рассмеялся:

– Не забывайте, не все разделяют вашу профессиональную склонность к таким развлечениям. Вытащив его сюда, я уперся в скалу и держал, как рыбацкая сеть с уловом, пока не подоспела подмога из Тойнтон-Грэйндж с носилками. Они шли самым быстрым путем, через пляж – в цепочку, спотыкаясь на камнях. И все что-то тащили. Как на пикник.

– А что стало с креслом?

– Я вспомнил о нем только в Тойнтоне. Конечно, оно пришло в полную негодность, мы это понимали. Но я подумал, что полиции захочется его осмотреть. Проверить, были ли тормоза в исправности. Видите, какой я

умный? Больше никому эта идея и в голову не пришла. Однако, когда народ из Грэйндж туда вернулся, нашлись только два колеса и сиденье. А обе боковины с ручными тормозами пропали. На следующее утро полиция тоже искала – тщательнее, хотя и с тем же успехом.

Дэлглишу захотелось спросить, кто имение из Тойнтон-Грэйндж ходил на поиски. И все же он твердо решил не выдавать любопытства. Да и повода для любопытства нет, внушал себе командер. Насильственные смерти уже не его дело, а эта и вовсе никогда бы не проходила по его ведомству. И тем не менее странно, что пропали две самых важных детали. А этот каменистый берег с глубокими расщелинами, заводями и обломками скал – самое подходящее место, чтобы что-нибудь спрятать. Впрочем, местная полиция, наверное, и сама так подумала. Надо бы, решил Дэлглиш, тактично узнать об этом у полицейских. Конечно, отец Бэддли обратился с просьбой о помощи за день до гибели Виктора Холройда... Да только это не означает, что письмо и его смерть не связаны между собой.

– А отец Бэддли переживал из-за смерти Холройда? – спросил командер. – Наверное, очень.

– О да, когда узнал. Но это произошло через неделю. К тому моменту следствие уже закончилось и Холройда похоронили. Я думал, Грейс Уиллисон вам рассказала. Майкл с Виктором на пару устроили нам тот еще денек. Когда Деннис примчался в Грэйндж с новостями, спасательный отряд кинулся к морю, ничего не сказав пациентам. Вполне понятное решение, однако вышло неудачно. Когда через сорок минут мы, еле живые, ввалились в парадную дверь Грэйндж с тем, что осталось от Холройда, на носилках, Грейс Уиллисон как раз ехала через холл. Разумеется – полагаю, чтобы всем мало не показалось, – она хлопнулась в обморок. Тогда Уилфред решил, что Майклу пора бы уже отрабатывать деньги, которые он получает, и послал Эрика в «Надежду». Эрик нашел отца Бэддли с сердечным приступом. Поэтому вызвали еще одну «скорую помощь». Мы решили, что, если Майклу придется ехать в больницу с останками Виктора, это его уж точно прикончит, и поэтому старикан отбыл в блаженном неведении. Сиделка рассказала ему о Викторе только после того, как врачи решили, что он в состоянии перенести это известие. По ее словам, преподобный воспринял все очень тихо, хотя и явно разволновался. Помоему, он написал Уилфреду – выразил соболезнования. Правда, отец Бэддли в силу профессии умел спокойно принимать смерть, а они с Виктором были не особо близки. Сдается мне, его профессиональную этику встревожила именно мысль о самоубийстве.

Внезапно Лернер вмешался в разговор:

– Я чувствую себя виноватым. Ответственным за то, что это произошло.

– Либо вы столкнули Холройда с утеса, либо нет, —отозвался Дэлглиш. – Если вы его не сталкивали, чувство вины – это лишнее.

– А если столкнул?

– Тогда это опасное излишество. Джулиус засмеялся.

– Виктор покончил с собой. Вы это знаете, я это знаю, и все, кто был знаком с Виктором, тоже это знают. Раз уж вы начинаете гадать на эту тему, то вам очень повезло, что в тот день я решил искупаться и перешел через бровку холма в нужный момент.

Словно по общему согласию, все трое снова двинулись в путь. Глядя на бледное лицо Лернера, на чуть подрагивающий уголок поникшего рта, на озабоченные, беспрестанно мигающие глаза, Дэлглиш решил, что на сегодня о Холройде достаточно. Он начал расспрашивать о скалах вокруг. Лернер с энтузиазмом повернулся к нему:

– Завораживающее зрелище, правда? Мне нравится разнообразие этого побережья. Чуть дальше к западу, у Киммериджа, начинается такой же сланец, его еще называют киммериджским углем. И это ведь настоящий каменный уголь, его прямо-таки жечь можно. Мы в Тойнтон-Грэйндж пытались: Уилфреду нравилось, что мы можем сами себя обеспечивать даже теплом. К сожалению, эта гадость так воняла, что от затеи пришлось отказаться, – смрад буквально выживал нас из дома. По-моему, в середине восемнадцатого века тоже проводились попытки воспользоваться сланцем, да никому не удалось избавиться от запаха. Сам по себе этот черный камень выглядит довольно тускло, но, если его отполировать, сверкает почти как агат – сами видели, на той черной башне. Еще во времена римлян им украшали дома. У меня есть книга по геологии этого побережья, и, если вам будет интересно, я покажу свою коллекцию о каменелостей. Уилфред, правда, считал, что я не должен их собирать, потому что утесы и так осыпаются. В итоге я и перестал коллекционировать. Но успел найти довольно много интересного. У меня даже есть обломок сланцевого браслета железного века.

Джулиус Корт, шаркавший ногами по гальке в нескольких шагах впереди, внезапно обернулся и закричал:

– Деннис, да не приставайте к нему с вашими старыми булыжниками! Помните, что командер сказал – он пробудет в Тойнтон-Грэйндж не так уж долго.

И Корт улыбнулся Дэлглишу. В его устах эта фраза прозвучала вызовом.

III

Прежде чем выехать в Уорхэм, Дэлглиш написал Биллу Мориарти из Ярда. Изложил вкратце информацию, которую успел добыть о персонале и пациентах Тойнтон-Грэйндж, и спросил: нет ли на кого из них каких-либо официальных данных? Он без труда представлял себе реакцию Билла на письмо, равно как и стиль ответа. Мориарти являлся первоклассным детективом, хотя – если не считать официальных рапортов – писал или рассказывал о проводимых расследованиях в тоне столь живом и веселом, если не сказать разухабистом, как будто твердо решил смягчать жестокость жизни юмором или же демонстрировать полнейшее хладнокровие перед лицом смерти. Впрочем, если его стиль и оставлял желать лучшего, то собранные сведения неизменно отличались точностью и подробностями. И приходили они быстро.

Остановившись в деревне Тойнтон, чтобы отправить письмо, Дэлглиш из предосторожности позвонил в полицию, дабы предупредить о своем визите. Поэтому его там уже ждали. Местный суперинтендант, которого неожиданно вызвали на встречу с главным констеблем, передал Дэлглишу извинения и велел отнестись к командеру с почтением. Честь принимать гостя выпала инспектору Дэниелу. Уже уезжая, суперинтендант сказал:

– Жаль, что я не смогу повидаться с командером. Я познакомился с ним в прошлом году, когда он читал лекции в Брамшилле. Может, он такой же высокомерный зазнайка, как и все столичные, однако у него хоть хватает ума и хороших манер это скрывать. Приятно для разнообразия повстречать кого-нибудь из этой братии, кто не обращается с провинциальной полицией так, будто нас набрали на службу, выманив из пещер куском мяса на веревочке. Может, он и любимчик комиссара, зато хороший коп.

– А разве он не пишет стихи, сэр?

– Я бы не пытался снискать его расположение, упоминая об этом. Лично я, например, люблю на досуге разгадывать кроссворды. Это, наверное, требует примерно того же интеллектуального напряжения, и все же я не жду, что мне будут делать комплименты по этому поводу. Я тут брал из библиотеки его последнюю книжку. «Незримые шрамы». Не кажется ли вам, что, учитывая его род занятий, название довольно ироничное?

– Не могу сказать, не прочитав книгу, сэр.

– Я там понял в среднем одно стихотворение из трех. И то, надо

полагать, просто льщу себе. Так он не сказал, чему мы обязаны такой честью?

– Нет, сэр. Впрочем, поскольку он остановился в Тойнтон-Грэйндж, возможно, интересуется делом Холройда.

– Ума не приложу, с чего бы это. Но ты все равно распорядись, чтобы сержант Верней был наготове.

– Я пригласил Вернея с нами на ленч. Решил, сойдет обычный паб.

– А почему бы и нет? Пусть столичная пташка посмотрит, как живут бедняки.

Таким образом, Дэлглиш после должных вежливых расшаркиваний был приглашен на ленч в «Герб герцога» – невзрачную забегаловку, расположенную в стороне от главных улиц, в полутемном переулке между лавкой торговца зерном и одним из тех характерных для провинции магазинчиков, где продаются всевозможный садовый инвентарь, жестяные ведра любого размера, поясные ванны, метлы, мотки бечевки и алюминиевые чайнички, с потолка свешиваются собачьи поводки и все пропитано запахом керосина и скипидара. Владелец паба, толстяк в рубашке с короткими рукавами, приветствовал инспектора Дэниела и сержанта Верней не то чтобы пылко, но с явной радостью. Судя по всему, хозяин забегаловки относился к числу местных деятелей того ранга, которые могут позволить себе принимать полицейских, не боясь, что бар из-за этого приобретет дурную репутацию. Внутри паба оказалось многолюдно, дымной шумно. Дэниел провел гостя по узкому коридору, где сильно пахло пивом и слабо – мочой. Неожиданно полицейские и их спутник оказались на залитом солнцем мощеном дворе. В середине двора росла обнесенная деревянной скамьей старая вишня, а вокруг стояло с полдюжины крепко сбитых столов и дощатых стульев. На дворе никого не было. Судя по всему, местные завсегдатаи и без того слишком много времени проводили на открытом воздухе, чтобы предпочесть эту заманчивую альтернативу дружеской атмосфере прокуренного бара, а туристы, которые оценили бы уют дворика, надо полагать, захаживали в «Герб герцога» нечасто.

Не дожидаясь заказа, хозяин принес две пинты пива, тарелку рогаликов с сыром, кувшин домашнего чатни и большую миску с помидорами. Дэлглиш сказал, что будет то же. Пиво оказалось превосходным, сыр – наилучшим английским чеддером, а хлеб явно был образцом местной выпечки, а не безвкусным продуктом массового производства. Масло подали несоленое, а в помидорах чувствовался привкус солнца. Все трое ели в дружеском молчании.

Инспектор Дэниел был крепким здоровяком шести футов роста, с ежиком густых непослушных седых волос и грубоватым загорелым лицом. Судя по его виду, он уже приближался к пенсионному возрасту. Черные глаза полисмена не знали покоя и постоянно перебегали с предмета на предмет с забавным самодовольным выражением, будто он считал себя лично ответственным за состояние мира и радовался, что в общем и целом справляется со своей работой недурно. Контраст между этими беспокойными сверкающими глазами, неторопливыми движениями и протяжным сельским говором казался разительным и каким-то неестественным.

Сержант Верней уступал своему начальнику пару дюймов роста. На круглом и безвольном мальчишеском лице не читалось еще никаких следов опыта. Он выглядел совсем зеленым юнцом – классическим прототипом симпатичного мальчишки, из-за которого люди постарше вечно жалуются, что полицейские, мол, год от году все моложе и моложе. С инспектором Верней держался почтительно и непринужденно, но без тени угодливости или подхалимажа. Дэлглиш подозревал, что причиной тому – непоколебимая самоуверенность, которую сержанту стоило больших трудов скрывать. И когда Верней рассказывал о следствии по делу Виктора Холройда, Адам понял, откуда взялась такая самоуверенность. Перед ним был умный и компетентный молодой полицейский, отлично знающий и свое дело, и свою цену.

Сам Дэлглиш старательно маскировал собственный интерес к событиям в Тойнтон-Грэйндж.

– Когда отец Бэддли написал мне, я болел. А к тому времени как я приехал сюда, он уже умер. Не думаю, что он хотел проконсультироваться со мной о чем-то действительно важном, и все же меня мучает совесть оттого, что я вот так с ним обошелся. Поэтому мне показалось, что стоило бы спросить у вас – не происходило ли в Тойнтон-Грэйндж чего-нибудь, что могло его взволновать. Честно говоря, лично мне это кажется весьма маловероятным. Я, конечно, слышал о смерти Виктора Холройда, но он умер на следующий день после того, как отец Бэддли мне написал. Хотя, может, Майкл расстроился из-за чего-то, что позже привело к смерти Холройда...

– Мы не нашли никаких доказательств, что смерть Холройда могла касаться кого-то, кроме него самого, – произнес сержант Верней. – Как вы, полагаю, знаете, в результате расследования был вынесен вердикт «несчастный случай». Доктор Маскелл присутствовал на суде и, если хотите знать мое мнение, очень обрадовался этому вердикту. Мистера

Энсти в наших краях глубоко уважают, пусть даже обитатели Тойнтон-Грэйндж и предпочитают держаться особняком. Так что никто не хотел добавлять ему лишних неприятностей. На мой же взгляд, сэр, это самоубийство в чистом виде. Похоже, Холройд действовал импульсивно, по внезапному порыву. Ведь это был не тот день недели, когда он обычно ездил на обрыв, – похоже, эта мысль пришла к нему в голову неожиданно. По показаниям мисс Грейс Уиллисон и миссис Урсулы Холлис, которые сидели вместе с Холройдом во внутреннем дворике, он позвал Денниса Лернера и буквально вынудил отвезти его на утес. Лернер подтверждает, что всю дорогу Холройд был в скверном настроении, а когда они добрались до верха, стал настолько невыносим, что Лернер взял книгу и улегся на некотором расстоянии от кресла. Именно это и видел мистер Джулиус Корт, когда вышел на гребень холма. В тот момент как раз кресло покатило вниз по склону и упало с обрыва. Когда на следующее утро я осматривал землю вокруг, то видел примятую траву и сломанные цветы на том месте, где лежал Деннис Лернер, а его книга «Геология Дорсетского побережья» еще валялась на траве, там, куда он ее уронил. Мне кажется, сэр, Холройд нарочно изводил санитару, чтобы тот отошел от него и дал привести план в исполнение.

– А Лернер объяснил суду, что именно Холройд наговорил ему?

– Ничего особенного, сэр. Он признался мне, что Холройд обвинял его в том, что он гомосексуалист, лоботряс, уваливает от работы, ищет легкой жизни, а как санитар совершенно неуклюж, груб и некомпетентен.

– Я бы не назвал это «ничего особенного». А есть ли в сказанном хоть какая-то доля правды?

– Трудно сказать, сэр. Может быть, все обвинения справедливы, включая и первое, но это не значит, что ему было приятно их выслушивать.

В разговор вмешался инспектор Дэниел:

– Во всяком случае, как санитар Лернер не груб и не неуклюж. Уж это точно. Моя сестра Элла работает в частном доме престарелых под Медоулэндс. Старая миссис Лернер – ей за восемьдесят – живет там. Сын часто навещает ее и помогает персоналу, когда много работы. Странно, что он не захотел там трудиться, хотя, возможно, и правда стоит разделять личную и профессиональную жизнь. Или у них просто нет вакансии для санитару. Кроме того, он, без сомнения, весьма предан Уилфреду Энсти. Элла высокого мнения о Деннисе Лернере. Хороший сын, вот как она о нем говорит. И ведь, должно быть, большая часть зарплаты у него уходит на то, чтобы содержать мать в доме престарелых. Как все по-настоящему хорошие места, оно весьма недешево. А вот Холройд был действительно

невыносимым типом. Без него в Грэйндж всем станет легче.

– Довольно-таки ненадежный способ покончить с собой, – заметил Дэлглиш. – Не понимаю, как он вообще умудрился сдвинуть кресло с места.

Сержант Верней основательно приложился к кружке с пивом.

– Меня это тоже удивило, сэр. Кресло так искорежило от падения, что я не смог провести эксперимент с ним. Впрочем, Холройд весил изрядно, наверное, на пол стоуна больше, чем я, а я поэкспериментировал с одним из старых кресел в Хойнтон-Грэйндж, самом близком к модели Холройда. Если почва достаточно тверда, а склон покат, я могу сдвинуть кресло с места резким рывком туловища. Джулиус Корт свидетельствует, что видел, как дернулось тело Холройда. Правда, на таком расстоянии он не понял зачем – то ли для того, чтобы сдвинуть кресло с места, то ли, наоборот, в виде непроизвольной реакции на то, что оно поехало. И надо помнить, сэр, что другими способами покончить с собой Холройд не располагал. Ведь он был практически беспомощен. Отравиться, конечно, проще, но лекарства держат под замком в кабинете на втором этаже – он не мог добыть ничего смертельного без посторонней помощи. Еще можно было бы попытаться повеситься на полотенце в ванной, так ведь ни ванн, ни туалеты не запираются изнутри. Это, конечно, предосторожность на случай, если кому-то из пациентов станет плохо, и все же заодно означает, что приватности там никакой.

– А как насчет возможных дефектов кресла?

– Я думал об этом, сэр, и, разумеется, такой вопрос вставал. Однако нам удалось найти лишь сиденье и одно из колес. Обе боковые части с тормозами и перекладина с механизмом пропали бесследно.

– Именно те части кресла, на которых были бы видны любые дефекты тормозов. Как естественного происхождения, так и нарочно произведенные.

– Если бы мы успели найти обломки, сэр, а море не так повредило бы то, что уцелело! Но мы их так и не нашли. Тело выпало из кресла в полете после удара о скалы, и Корт, разумеется, бросился вытаскивать тело. Оно болталось в волнах, брюки у Холройда намокли, так что Корту было слишком тяжело. В результате он продел полотенце через ремень Холройда и так удерживал тело, пока не прибежали мистер Энсти, доктор Хьюсон, сестра Моксон и работник Алберт Филби. Они принесли носилки и общими усилиями сумели вытащить тело и отнести его по пляжу в Тойнтон-Грэйндж, а уже только тогда позвонили нам. Когда они добрались в Грэйндж, мистеру Корту пришлось в голову, что кресло надо вытащить на

осмотр, и он послал Филби обратно поискать обломки. Сестра Моксон вызвалась идти с ним. К тому времени начался отлив, и они нашли основную часть кресла, то есть сиденье, спинку и одно колесо.

– Удивительно, что Дороти Моксон отправилась на поиски. Я бы скорее ожидал, что она останется с пациентами.

– Я тоже, сэр. Но Энсти отказался покидать Тойнтон-Грэйндж, а доктор Хьюсон, судя по всему, считал, что его долг – находиться рядом с телом. Сестра Рейнер во второй половине дня брала выходной. Так что больше послать было некого, если не брать в расчет миссис Миллисенту Хэммит, а я не думаю, что кто-то в принципе склонен брать в расчет миссис Хэммит. Тогда всем казалось важным, чтобы кресло искали две пары глаз, пока окончательно не стемнело.

– А как насчет Джулиуса Корта?

– Мистер Корт и мистер Лернер считали, что должны ждать в Тойнтон-Грэйндж нашего приезда, сэр.

– Весьма разумная мысль. А к тому времени как приехали вы, наверняка стало слишком темно, чтобы что-то искать.

– Да, сэр, мы добрались до Тойнтон-Грэйндж в семь часов четырнадцать минут и до утра смогли лишь снять со всех показания и распорядиться, чтобы тело увезли в морг. Не знаю, видели ли вы тот берег в отлив, сэр. Как будто какой-то гигант развлекался, разбивая громадным молотком пласт жженого сахара. Мы искали очень тщательно – и в довольно большом радиусе, но если металлические обломки забились в трещины, чтобы найти их, нужен металлоискатель. И то если очень повезет, да еще непонятно, как потом вытащить. Я думаю, их завалило галькой: во время прилива там все так и кипит.

– А были ли какие-нибудь причины, чтобы Холройд внезапно решил покончить с собой? – спросил Дэлглиш. – Я имею в виду – почему он выбрал именно тот момент?

– Я и насчет этого спрашивал, сэр. Неделей раньше, то есть пятого сентября, мистер Корт с доктором Хьюсоном и миссис Хьюсон возили его в Лондон повидаться с поверенными и консультантом по физиотерапии в больнице Христа Спасителя. Как раз там доктор Хьюсон проходил практику. Я так понимаю, Холройд не особенно-то и надеялся, что ему могут чем-то реально помочь. Доктор Хьюсон утверждает, будто новости не очень расстроили Холройда. Он и не ждал ничего другого. Доктор Хьюсон не то чтобы сказал открыто, но дал понять, что Холройд настаивал на консультации просто ради поездки в Лондон. Он был человеком непоседливым и любил время от времени придумывать предлоги, чтобы

улизнуть из Тойнтон-Грэйндж. Тамошняя старшая сестра, миссис Моксон, и мистер Энсти утверждали, что Холройд вернулся не особо опечаленным. С другой стороны, они оба заинтересованы в том, чтобы дискредитировать версию о самоубийстве. Пациенты же рассказали совсем иное. После возвращения Холройда они заметили в нем определенные перемены. Не то чтобы он казался подавленным или расстроенным, и все же ладить с ним стало еще труднее. Они описывают его состояние как «взбудораженное». Мисс Уиллисрн употребила слово «ликующий». По-моему, она не сомневается в том, что Холройд покончил с собой. Конечно, когда я допрашивал мисс Уиллисон, то эта мысль ее явно шокировала и огорчила – из-за мистера Энсти. Но мне кажется, в душе она была уверена, что произошло самоубийство.

– А что насчет визита Холройда к поверенным? Интересно, не узнал ли он там чего-нибудь, что могло бы его сильно расстроить?

– Это старинная семейная фирма «Холройд и Мартинсон» на Бедфорд-роу. Теперь там главным партнером старший брат Холройда. Я звонил туда, однако без особого толка. По словам брата, визит носил практически светский характер, а Виктор казался не более удрученным, чем обычно. Они никогда не были близки, и все-таки мистер Мартин Холройд время от времени навещал брата в Тойнтон-Грэйндж. Особенно когда хотел обсудить с мистером Энсти его дела.

– Вы имеете в виду, что «Холройд и Мартинсон» – поверенные мистера Энсти?

– Насколько я понимаю, они ведут дела семьи уже более ста пятидесяти лет. Весьма древняя и прочная связь. Так Виктор Холройд и узнал о приюте. Он был первым пациентом Энсти.

– А что с инвалидным креслом Холройда? Не могли кто-нибудь из Тойнтон-Грэйндж испортить его либо в сам день гибели Холройда, либо накануне вечером?

– Филби мог, разумеется. У него были все возможности. И точно так же это могли сделать еще многие. Тяжелое кресло Холройда, то, которым он пользовался для вылазок по окрестностям, стояло в мастерской в самом конце коридора. Не знаю, известно ли вам, сэр, но туда можно попасть и на инвалидной коляске. Главным образом там работает Филби. Он хранит в мастерской обычные инструменты для столярного дела и для работы по металлу. Пациенты тоже вольны пользоваться этой комнатой, и их даже поощряют к тому, чтобы помогать Филби или заниматься чем-то своим. Холройд делал совсем простенькие работы, пока ему не стало совсем плохо, а мистер Каруардин иногда лепил из глины. Женщины из числа

пациентов в мастерской бывают редко, а вот кого-нибудь из мужчин увидеть – дело обычное.

– Каруардин рассказал мне, что был там в восемь сорок пять, когда Филби смазывал и проверял тормоза, – заметил Дэлглиш.

– Это больше, чем он рассказал нам. Мне он дал понять, что не видел, чем именно занимается Филби. А сам Филби все темнил – мол, точно не помню, проверял ли тормоза или нет. Ничего удивительного. Ясно ведь: всем им хотелось, чтобы это выглядело как несчастный случай и чтобы одновременно коронер не слишком разглагольствовал о небрежности. Правда, когда я стал спрашивать Филби об утре того дня, когда погиб Холройд, мне повезло больше. После завтрака, примерно в восемь сорок пять, Филби вернулся в мастерскую. Он пробыл там около часа, а уходя, запер дверь – что-то заклеивал по хозяйству и не хотел, чтобы невзначай это сдвинули с места. У меня сложилось впечатление, будто Филби считает мастерскую своей вотчиной и не рад тому, что туда пускают и пациентов. Во всяком случае, он запер ее, спрятал ключ в карман и не отпирал двери до тех пор, пока Лернер не налетел на него с вопросом «Где ключ?» около четырех. Лернер сказал, будто ему надо взять кресло Холройда. Если предположить, что Филби говорит правду, единственными людьми в Тойнтон-Грэйндж, у кого нет алиби на срок, когда комната стояла незапертой и пустой утром двенадцатого сентября, являются мистер Энсти, сам Холройд, мистер Каруардин, сестра Моксон и миссис Хьюсон. Мистер Корт был в Лондоне и приехал в коттедж незадолго до того, как Лернер с Холройдом тронулись в путь. Лернер тоже совершенно чист. Он все интересующее нас время был занят с пациентами.

Это очень мило, подумал Дэлглиш, но ровным счетом ничего не доказывает. Мастерская была не заперта предыдущим вечером, после того как Каруардин и Филби ушли, а скорее всего – и ночью тоже.

– Вы проявили похвальную тщательность, сержант, – произнес он. – Удалось ли вам выяснить это, не слишком потревожив обитателей Тойнтон-Грэйндж?

– Думаю, да, сэр. Едва ли они хоть на миг заподозрили, что я проверяю возможность того, что Холройд сам испоганил кресло. И если оно и правда было испорчено, готов держать пари – это его работа. Судя по тому, что я слышал, он был презлобным типом. Верно, тешился мыслью, что когда кресло достанут и обнаружат поломку, то все в Тойнтон-Грэйндж окажутся под подозрением. Такой оборот событий его бы обрадовал.

– Как-то не верится, – снова заметил Дэлглиш, – что оба тормоза могли сломаться одновременно и независимо друг от друга. Я ведь видел другие

инвалидные коляски в Тойнтон-Грэйндж. Система тормозов там простая, зато надежная и безопасная. И почти так же трудно представить, чтобы их повредили умышленно. Ну как убийца мог рассчитывать, что тормоза сломаются именно в тот момент? Лернер с Холройдом ведь вполне могли проверить кресло перед выходом. Кроме того, дефект мог проявиться еще в пути или же на вершине холма, а не над обрывом. И потом, ведь никто не знал, что Холройд вздумает отправиться туда именно в тот день. Кстати, а как все происходило на обрыве? Кто ставил кресло на тормоз?

– По словам Лернера, сам Холройд. Лернер признался, что даже не смотрел на тормоза. Он говорит, что не заметил в кресле никаких изменений. Пользоваться тормозами и не приходилось до тех пор, пока Лернер не довез пациента до обычного места.

На мгновение над столиком нависла тишина. Трое полицейских уже закончили есть. Инспектор Дэниел порылся в кармане твидовой куртки и достал трубку. Вытряхивая ее перед тем, как снова набить табаком, он негромко спросил:

– Вам ведь ничего не кажется странным в смерти старого джентльмена, сэр?

– Ему же поставили диагноз, все говорили, что он при смерти. Мне страшно досадно, что я не успел навестить его раньше и услышать, что преподобный собирался рассказать, – но это сугубо личные переживания. Конечно, как полицейский, я бы хотел узнать, кто видел его последним перед тем, какой умер. Официально – Грейс Уиллисон, однако у меня сложилось впечатление, что у него кто-то был после нее – другой пациент. На следующее утро, когда отца Бэддли нашли мертвым, он был в облачении. Дневник его пропал, и кто-то взломал бюро в комнате. Но поскольку я не видел отца Бэддли более двадцати лет, возможно, с моей стороны не слишком разумно испытывать такую уверенность, что это сделал не он сам.

Сержант Верней повернулся к инспектору:

– А какова, сэр, с точки зрения теологии такая ситуация: грешник исповедуется священнику, получает отпущение грехов, а потом убивает его, чтобы он точно ничего никому не рассказал. Отпущение грехов тогда еще считается в силе или нет?

Молодое лицо полисмена было невероятно серьезно, так что оставалось только гадать: задал ли он этот вопрос всерьез, или же это какая-то частная шутка, предназначенная лишь для инспектора, или же юным сержантом двигали какие-то иные, более тонкие мотивы. Дэниел вынул трубку изо рта.

– Боже праведный, вы, нынешняя молодежь, просто толпа язычников! Когда я еще ребенком ходил в воскресную школу, бывало, кидал кровные пенни в тарелку с пожертвованиями на то, чтобы обратить чернокожих детишек, и вполтину не столь невежественных, как вы. Поверьте мне на слово, молодой человек, такой поступок вас до добра не довел бы – ни с точки зрения теологии, ни с какой другой. – Он повернулся к Дэлглишу: – Так он был в облачении? Это уже интересно.

– Вот и я так подумал.

– Впрочем, так ли это неестественно? Он был один, возможно – знал, что умирает. Наверное, в епитрахили ему просто было спокойнее, вам так не кажется, сэр?

– Я не знаю ни что он делал, ни что чувствовал. Не знал последние двадцать лет – и меня это вполне устраивало. А взломанное бюро... Возможно, он хотел уничтожить свои бумаги и не помнил, куда дел ключ.

– Вполне возможно.

– Его кремировали?

– Кремировали по настоянию миссис Хэммит, а пепел похоронили со всеми надлежащими ритуалами англиканской церкви.

Инспектор Дэниел больше ничего не сказал. Да больше ничего и не скажешь, с горечью подумал Дэлглиш, когда все трое поднялись из-за стола.

IV

Поверенные отца Бэддли, фирма «Лоудер и Уэйнрайт», занимали простой, но гармоничный дом из красного кирпича, выходящий прямо на Саут-стрит, – как показалось Дэлглишу, типичный образец довольно приятных домов, построенных после пожара, что уничтожил старую часть города в тысяча семьсот шестьдесят втором году. Дверь подпирала медная модель пушки, ее ослепительно начищенное дуло угрожающе нацелилось на улицу. За исключением этого воинственного символа, и сам дом, и вся обстановка в нем отличались приятной доброжелательностью, создавая атмосферу крепкого достатка, верности традициям и профессиональной честности. На крашенных белой краской стенах холла висели гравюры с изображением Дорчестера восемнадцатого века, пахло лаком для мебели. Слева открытая дверь вела в просторную приемную с огромным круглым столом на резном каменном постаменте и полудюжиной резных стульев красного дерева, достаточно крепких, чтобы выдержать здорового фермера. Здесь же висел написанный масляной краской портрет безымянного викторианского джентльмена – надо полагать, основателя фирмы: бородатого, в лентах и выставляющего напоказ часы на цепочке. Цепочку он держал между большим и указательным пальцами и поднимал их так, точно боялся, как бы художник не упустил столь важную деталь. В таком доме самые преуспевающие персонажи Гарди чувствовали бы себя в своей тарелке и с чистой душой обсуждали бы последствия отмены хлебного закона или вероломство французских каперов. Напротив приемной находился крошечный кабинетик, где расположилась девушка, ниже пояса одетая в черные туфли и длинную юбку, словно викторианская гувернантка, а выше пояса – точно беременная молочница. Она усердно барабанила по письменной машинке со скоростью, вполне объяснявшей саркастические замечания Мэгги Хьюсон в адрес нерасторопности фирмы. В ответ на вопрос Дэлглиша девушка глянула на него из-под жидковатой челки и сообщила, что мистер Роберт вышел, но должен через десять минут вернуться. Не торопится с ленча, подумал Дэлглиш и приготовился ждать с полчаса, не меньше.

Лоудер появился минут через двадцать. Дэлглиш услышал, как тот беззаботно подошел к стойке секретарши, потом раздалось какое-то перешептывание – и через миг поверенный показался на пороге приемной и пригласил гостя в свой кабинет в глубине дома. Ни само помещение —

убогое, тесное и захлавленное, – ни его владелец не соответствовали ожиданиям Дэлглиша, равно как и стилю дома. Боб Лоудер оказался смуглым и крепким коротышкой с квадратным лицом, нездоровой желтизной на прыщавых щеках и маленькими унылыми глазками. Прилизанные лоснящиеся волосы отливали неестественной чернотой, лишь на висках виднелись тонкие серебряные прожилки. Щеголеватые, тщательно подстриженные усики чуть завивались над полными губами, такими красными, что, казалось, из них вот-вот брызнет кровь. Заметив морщинки в уголках глаз и одрябшие мышцы на шее поверенного, Дэлглиш заподозрил, что тот не настолько молод и бодр, как отчаянно пытается выглядеть.

Лоудер приветствовал гостя с сердечностью и живостью, не подходящими ни случаю, ни личности самого хозяина. Дэлглишу вспомнилась напускная бойкость какого-нибудь отставного военного, еще не свикшегося с жизнью на гражданке, или торговца автомобилями, не слишком уверенного, что шасси и мотор сбываемой машины доживут хотя бы до благополучного заключения сделки.

Коммандер вкратце изложил причины, приведшие его сюда.

– О смерти отца Бэддли я узнал, приехав в Тойнтон-Грэйндж, и впервые о его завещании рассказала миссис Хьюсон. Впрочем, это не важно. Вы, должно быть, еще не успели мне написать. Но мистер Энсти хочет приготовить коттедж для нового жильца, вот я и подумал поговорить с вами, прежде чем вывозить книги.

Лоудер высунул голову в дверь и крикнул, чтобы ему принесли нужную папку. Она появилась с неожиданной быстротой. Бегло просмотрев ее, поверенный произнес:

– Все в порядке. Абсолютно. Прошу прощения, что мы вам не написали. Не столько даже из-за нехватки времени, сколько за отсутствием адреса. Бедняга совершенно упустил из виду этот момент. Знакомая фамилия, конечно. Я вас знаю?

– Не думаю. Вероятно, отец Бэддли упомянул меня во время визита к вам. Насколько я понимаю, он звонил вам за день-другой до болезни?

– Совершенно верно, в среду, в одиннадцать часов. Это была всего вторая наша встреча. Первый раз он консультировался со мной года три назад, вскоре по приезде в Тойнтон-Грэйндж. Хотел написать завещание. Денег у него было не много, однако преподобный ведь и тратил мало, так что скопил он пусть не слишком большую, но кругленькую сумму.

– А от кого он услышал о вас?

– Ни от кого. Милый старичок решил написать завещание, понял, что

ему нужен поверенный, просто-напросто сел на автобус, прикатил в Уорхэм и зашел в первую же адвокатскую контору, какая ему попалась. Я был здесь, так что ко мне он и обратился. Я составил завещание, двое из наших служащих подписались – и дело с концом. Могу сказать, милый старичок был самым легким и покладистым клиентом на моей памяти.

– Мне интересно, не объяснялся ли его визит в ту среду желанием проконсультироваться с вами по какому-то тревожащему его поводу. Из последнего письма преподобного у меня сложилось впечатление, будто отца Бэддли что-то беспокоило. Если есть что-то, о чем мне лучше знать...

Дэлглиш не закончил вопроса, но недвусмысленно обозначил его интонацией.

– Старичок и правда явился в некотором смятении духа, – жизнерадостно отозвался Лоудер. – Вроде бы хотел изменить завещание, однако еще не решил, как именно. Кажется, он почему-то считал, что я могу заморозить эти деньги, пока он не придет к окончательному решению. Я еще сказал ему: «Дорогой сэр, если вы умрете сегодня ночью, деньги перейдут Уилфреду Энсти и Тойнтон-Грэйндж. Если вы этого не хотите, придется вам решить, чего вы желаете, и я составлю новое завещание. Но деньги существуют на самом деле. Они никуда не исчезнут. И если вы не аннулируете старое завещание или не измените его, оно останется в силе».

– У вас сложилось впечатление, что он вполне в здравом рассудке?

– О да. Возможно, старик держался слегка подавленно и растерянно, но все-таки соображал нормально, если вы меня понимаете. Вполне понимал суть дела – как только я указывал на тот или иной факт, он осознавал, что это значит. Просто ему вроде бы хотелось, чтобы никакой проблемы вообще не было. Всем нам хорошо знакомо это чувство.

– А на следующий день он попал в больницу... И не прошло и двух недель, как для него любые проблемы решились навеки.

– Да. Бедняга. Полагаю, он бы сказал, что провидение само решило за него. Да уж, провидение-то умеет выразить свою точку зрения самым недвусмысленным образом.

– А вам отец Бэддли не дал понять, что именно его волнует? Не хочу вторгаться в область профессиональной этики, но у меня возникло ощущение, будто он хотел о чем-то посоветоваться. Если он уполномочил меня в чем-то разобраться, мне бы хотелось выполнить его волю. Хотя бы попытаться это сделать. Наверное, мной движет чисто полицейская дотошность, желание завершить незавершенное дело.

– Вы полицейский?

Не была ли искорка удивления и вежливого любопытства в этих

усталых глазах слишком нарочитой?

– Он пригласил вас как друга или как профессионала? – спросил Лоудер.

– Наверное, как и того и другого.

– Что ж, решительно не вижу, чем могу вам помочь. Даже если бы преподобный посвятил меня в свои планы насчет завещания и я знал, кому он хочет все оставить, сейчас уже ничего не поделаешь. Поздно.

Дэлглиш удивился: неужели Лоудер всерьез считает, будто он надеется сам получить деньги и явился узнать, нельзя ли опротестовать завещание отца Бэддли?

– Знаю, – ответил он. – Да и вообще сомневаюсь, что дело, о котором он мне писал, имеет какое-то отношение к завещанию. Правда, конечно, немного странно, что отец Бэддли никогда не сообщал, что хочет завещать мне книги. И главного наследника он, судя по всему, оставил в таком же неведении.

Выстрел был сделан наугад, однако попал в цель. Лоудер заговорил, осторожно выбирая слова. Даже слишком осторожно.

– В самом деле? Я бы скорее решил, что смущение отца Бэддли было связано с нежеланием разочаровывать того, кому он уже что-то пообещал. – Поверенный поколебался, не в силах решить, сказал ли он слишком много или слишком мало а потом добавил: – Впрочем, Уилфред Энсти сам может все подтвердить. – Он снова помолчал, словно смущенный прозвучавшим в его словах намеком, и, досадуя, что беседа приняла такой сомнительный оборот, произнес: – В смысле, если Уилфред Энсти утверждает, что не знал о будущем наследстве, значит, так оно и есть, а я ошибаюсь. Вы надолго в Дорсет?

– Наверное, на неделю, может, чуть меньше. Ровно настолько, сколько потребуется, чтобы разобрать и упаковать книги.

– О да, конечно же, книги. Наверное, отец Бэддли именно о них и хотел с вами проконсультироваться. Возможно, он боялся, что собрание богословских трудов станет для вас скорее обузой, чем приятным подарком,

– Возможно.

Разговор умер. Последовала недолгая, довольно неловкая пауза, а потом Дэлглиш спросил, поднимаясь с кресла;

– Так, значит, преподобного ничто не беспокоило, помимо проблемы, кому завещать деньги? Он с вами больше ни о чем не советовался?

– Нет, ни о чем. А если бы и советовался, я не смог бы рассказать вам, о чем именно. Из-за запретов, налагаемых профессиональной этикой. Да и

о чем бы ему со мной консультироваться, бедному старичку? Ни жены, ни детей, ни родственников, насколько я знаю, ни семейных проблем, ни автомобиля – совершенно безгрешная жизнь. И поверенный ему был нужен лишь для оформления завещания.

Поздновато, пожалуй, толковать о профессиональной этике, подумал Дэлглиш. Лоудеру не стоило рассказывать, что отец Бэддли подумывал изменить завещание. Учитывая, что в конечном итоге завещание так и не было изменено, по-настоящему осторожный поверенный оставил бы эту информацию при себе. Когда Лоудер двинулся к дверям, чтобы проводить гостя, Дэлглиш небрежно заметил:

– Да, завещание отца Бэддли, наверное, никому не принесло ничего, кроме удовлетворения. Едва ли можно сказать то же о завещании Виктора Холройда.

Тусклые глазки юриста внезапно стали яркими и живыми, почти заговорщическими.

– Так вы тоже о нем слышали, да?

– Да. Хотя удивлен, что и вы это знаете.

– О, в сельской местности слухи разносятся быстро. Строго говоря, у меня в Тойнтон-Грэйндж есть друзья. Хьюсоны. Точнее – Мэгги. Мы с ней познакомились на танцах прошлой зимой. Для хорошенькой девушки жизнь там, на этом утесе, слишком скучна.

– Да. Пожалуй.

– Наша Мэгги девица не промах. Рассказала мне о завещании Холройда. Я так понимаю, он ездил в Лондон повидаться с братом, а все решили, будто он хочет обсудить завещание. Похоже, старший братец не одобрил того, что предлагал Виктор, и посоветовал ему подумать еще немножко. В результате Холройд сам сделал приписку к завещанию. И ему это никаких трудов не составило. Там вся семья – сплошные законники, да и он начинал на том же поприще, прежде чем решил переквалифицироваться в учителя.

– Я так понимаю, «Холройд и Мартинсон» еще ведут дела и семьи Энсти?

– Верно. Уже четыре поколения. Жаль, дед Энсти с ними не посоветовался прежде, чем составлять завещание. Прекрасный пример того, как неблагоразумно пытаться самому выступать своим адвокатом. Ну ладно, командер, всего доброго. Увы, не могу вам быть ничем более полезным.

Выйдя на Саут-стрит и оглянувшись, Дэлглиш обнаружил, что Лоудер еще смотрит ему вслед, а медная пушка игрушечно поблескивает у ног

стряпчего. Много в ходе этого короткого визита показалось Дэлглишу крайне интересным. И не в последнюю очередь – откуда Лоудер узнал его должность.

Однако прежде, чем заниматься покупками, предстояло выполнить еще одну задачу. Дэлглиш заглянул в построенную в начале девятнадцатого века больницу Кристмас-Клоуз. Правда, там ему не повезло. В больнице об отце Бэддли не знали – они принимали только хронических больных. Если, сказали Адаму в приемной, с вашим другом случился сердечный приступ, его, несмотря на возраст, отвезли в реанимацию районной больницы. Любезный дежурный посоветовал попытать счастья либо в блэндфордской больнице, либо в уишборнской и показал, как пройти к ближайшему телефону-автомату.

Дэлглиш начал с того, что позвонил в Блэндфорд, так как тот находился ближе. И вот ему наконец повезло. Дежуривший на телефоне клерк оказался весьма услужлив и деловит. Выяснив дату госпитализации отца Бэддли, он подтвердил, что преподобный лежал именно здесь, и соединил Дэлглиша с нужным отделением. Ответила старшая медсестра. Да, она помнила отца Бэддли. Нет, она не слышала, что он умер. Медсестра в подобающих случаю словах выразила сожаление – и даже вполне убедительно. А потом подозвала к телефону сестру Бриган, которая обычно отправляла письма больных и могла бы посодействовать командеру Дэлглишу.

Адам понимал, что такой готовности помочь отчасти способствовало его звание, хотя и не только. Обе сестры были добрыми женщинами, привыкшими помогать с разными проблемами даже совершенно незнакомым людям. Дэлглиш объяснил сестре Бриган суть своей просьбы:

– Видите ли, я узнал, что мой друг умер, лишь вчера, когда приехал в Тойнтон-Грэйндж. Он обещал вернуть мне бумаги, с которыми мы работали, однако среди его вещей их не оказалось. Вот я и подумал: не отправлял ли он их почтой из больницы – либо на лондонский адрес, либо в Ярд.

– Ну, видите ли, командер, святой отец не очень-то любил писать. Читал много, это верно, но почти не писал. Правда, я отправляла для него два письма. Насколько помню, оба местные – мне ведь надо смотреть адрес, чтобы опустить письмо в правильный ящик. Какого числа? Да уж и не припомню. И он дал их мне оба сразу.

– Может, это те письма, что он написал в Тойнтон – одно мистеру Энсти, а другое мисс Уиллисон?

– Да, командер, кажется, я припоминаю эти имена. Только, сами понимаете, я точно не уверена.

– Вы просто молодец, что и это запомнили. И все же вы точно отсылали лишь два письма?

– О да, уверена. Конечно, кто-нибудь из других сестер тоже мог отправить для него письмо, хотя, боюсь, это так просто не выяснить. Некоторые перевелись в другие отделения. И тем не менее я так не думаю. Отец Бэддли писал очень мало. Поэтому-то я и запомнила эти два письма.

Это могло что-то значить, а могло не означать ничего. Однако информация стоила трудов. Если отец Бэддли назначил кому-то встречу на вечер после возвращения домой, то сделать это он мог или по телефону, если достаточно хорошо себя чувствовал, чтобы воспользоваться больничным аппаратом, или письмом. А телефоны находились только в самом Тойнтон-Грэйндж, у Хьюсонов и у Джулиуса Корта. Впрочем, писать преподобному все же было удобнее. Письмо Грейс Уиллисон наверняка было тем, в котором он назначал ей время исповеди. Во втором – наверное, к Энсти – старый священник выражал соболезнования по поводу смерти Холройда. Но с другой стороны, может, и нет...

Перед тем как повесить трубку, Дэлглиш спросил, звонил ли отец Бэддли куда-нибудь из больницы.

– Да, один раз точно звонил, я это помню. Как раз в день выписки. Он вышел в приемную для амбулаторных больных и спросил, есть ли там лондонский телефонный справочник. Поэтому я и запомнила.

– А когда это было?

– Утром. Перед тем как мне сменяться, – а смена у нас в двенадцать.

Значит, отцу Бэддли надо было позвонить куда-то в Лондон и причем еще найти в книге номер. И звонил он не вечером, а в рабочее время. Следующий возможный шаг Дэлглиша напрашивался сам собой. Хотя нет. Еще нет. Коммандер сказал себе, что пока не узнал ничего, что оправдывало бы даже столь неофициальное вмешательство. А если у него и возникли определенные подозрения – так это лишь подозрения. Где факты? Где улики? Лишь горсточка костей на кладбище в Тойнтоне.

Только ближе к вечеру, пообедав в гостинице близ замка Корф, Дэлглиш вернулся в коттедж «Надежда» и взялся за книги отца Бэддли. А перед тем требовалось еще выполнить некоторое количество мелких, но необходимых домашних дел. Коммандер заменил тусклую лампочку в настольной лампе на более яркую, прочистил горелку в газовой колонке над раковиной, разобрал в буфете место для припасов и вина, при свете фонарика отыскал за домом кучу дров для печки и жестяную ванну. В самом коттедже ванной комнаты не было. Отец Бэддли, вероятно, купался в Тойнтон-Грэйндж. Однако Дэлглиш был твердо намерен отмываться на кухне. Небольшое неудобство – невелика цена за то, чтобы забыть о ваннах в Тойнтоне, с их больничным запахом хлорки, навязчивыми напоминаниями о болезнях и уродстве. Дэлглиш поднес спичку к пучку сухой травы в камине. Немедленно занялись язычки пламени. Он попробовал подбросить дров и, к своему облегчению, обнаружил, что дымоход не забит. Огонь, свет, книги, вкусная еда и вино – чего еще желать?

По прикидкам Дэлглища, на полках в гостиной размещалось книг двести – триста, а во второй спальне – вдвое больше: там было навалено столько книг, что и до кровати не доберешься. Сюрпризов эти тома практически не представляли. Большой частью богословских трудов наверняка заинтересуется какая-нибудь лондонская библиотека, часть с радостью приютит у себя тетушка Дэлглиша, а остальные украсят его собственные полки. Были там «Ветхий Завет по-гречески» Г. Б. Свита в трех томах, «О подражании Христу» Фомы Кемпийского, «Зов» Уильяма Лоу, двухтомник «Жизнеописания и труды выдающихся теологов девятнадцатого века» в кожаном переплете, первое издание «Приходских и простых проповедей» Ньюмена. Помимо этого, в библиотеке отца Бэддли была вполне неплохая подборка основных английских поэтов и прозаиков, а поскольку Майкл любил время от времени купить роман-другой, у него собралась маленькая, но весьма интересная коллекция первоизданий.

Без четверти десять Дэлглиш услышал перед домом приближающиеся шаги, скрип колес, потом раздался властный стук в дверь, и в коттедж вошла Миллисента Хэммит, неся с собой приятный запах свежесваренного кофе и толкая столик на колесах. На столике стоял полосатый синий кувшин с кофе, рядом такой же – с горячим молоком, две кружки, плошка с

коричневым сахаром и тарелка с аппетитным печеньем.

Миссис Хэммит кинула одобрительный взгляд на огонь в камине, налила в чашки кофе и явственно дала понять, что никуда не торопится. Дэлглиш понял: возражать просто немыслимо.

Вчера перед ужином он успел бегло представиться, но не поговорили они и минуты, как Уилфред начал чтение и воцарилось предписанное уставом молчание. Миллисента только и успела выяснить – посредством самых прямых вопросов без претензий на деликатность, — что он путешествует один, поскольку вдовец, а жена его умерла при родах вместе с ребенком. В ответ она метнула через стол обвиняющий взгляд и тоном, явственно намекающим на то, что всему виной чья-то непростительная небрежность, сказала:

– Какая трагедия. Правда, одновременно и большая редкость в наши дни, не так ли?

Сейчас на ней были теплые домашние туфли и толстая твидовая юбка с совершенно неподходящим к ней джемпером из розовой шерсти, расшитым жемчугом. Дэлглиш сильно подозревал, что ее коттедж представляет собой такой же жалкий компромисс между практичностью и жеманством, но никоим образом не собирался проверять свою догадку. К его облегчению, миссис Хэммит не предложила помочь с книгами, а прочно уселась на краешек стула с чашкой кофе на коленях, широко расставив ноги и демонстрируя два одинаковых тугих баллона молочно-белых чулок и варикозные бедра там, где эти чулки кончались. Дэлглиш поставил чашку на пол рядом с собой и продолжил работу. Перед тем как положить каждый томик в соответствующую стопку, он легонько тряс его страницами вниз. Вдруг выпадет какое-нибудь письмо? Правда, тогда присутствие гостя окажется куда как некстати. Однако в душе Дэлглиш знал: эта предосторожность порождена лишь профессиональной привычкой ничего не оставлять на волю случая. Прятать письма в книгах было совершенно не в характере отца Бэддли.

Тем временем миссис Хэммит попивала кофе и без умолку болтала, должно быть, оправдывая свою говорливость, а временами и просто нескромность распространенным мнением (Дэлглишу приходилось сталкиваться с ним и раньше), будто увлеченный работой человек слышит не больше половины того, что ему говорят.

– Не стоит и спрашивать, хорошо ли вы провели ночь. Эти кровати Уилфреда настоящая притча во языцех. Конечно, инвалидам полезно спать на жестком, и все же лично я предпочитаю такой матрас, в котором прямо тонешь. Удивительно, что Джулиус не пригласил вас переночевать в своем

коттедже... Хотя он никогда никого не принимает. Наверное, не хочет затруднять миссис Рейнольде. Она вдова деревенского констебля из Тойнтонна и ведет хозяйство Джулиуса, когда он приезжает сюда. Корт, разумеется, безбожно ей переплачивает. Что ж, он себе может это позволить. А эту ночь, насколько я понимаю, вы проведете здесь. Я видела, как Хелен Рейнер приносила белье. Полагаю, вы не боитесь спать в кровати Майкла? О нет, само собой, вы же полицейский, у вас на этот счет никаких предрассудков. И правильно – смерть для нас лишь сон и забвение. Или я имела в виду жизнь? Во всяком случае, это Уордсворт. Девушкой я очень любила стихи, а вот современных поэтов просто не выношу. Правда, все равно с нетерпением буду ждать вашего выступления.

Ее тон предполагал, что это будет исключительное и оригинальное удовольствие, однако Дэлглиш уже не слушал. Он наткнулся на первое издание «Ничьего дневника» с посвящением, которое мальчишеская рука вывела на титульном листе:

«Отцу Бэддли с любовью от Адама.

Эту книжку я купил у мистера Шеллинга в Норвиче, и он продал ее мне задешево из-за красного пятна на двадцатой странице. Но я проверил, это не кровь».

Дэлглиш улыбнулся. Да, он проверил, маленький наглый негодник. Что за таинственная смесь кислот и кристалликов из памятного ему химического набора привела к этому уверенному научному утверждению? Надпись уменьшала цену книги куда больше, чем пятно, хотя вряд ли отец Бэддли тоже так считал. Дэлглиш отложил книгу в стопку, предназначенную для него самого, и голос миссис Хэммит снова проник сквозь границы его сознания:

– А если поэт не берет на себя труд писать достаточно внятно, чтобы его понимал образованный читатель, то лучше образованному читателю такого поэта и не читать, я всегда так говорю...

– Безусловно, миссис Хэммит.

– Зовите меня Миллисентой, ладно? Нам здесь полагается быть одной большой и дружной семьей. Уж коли приходится мириться с тем, что Деннис Лернер и Мэгги Хьюсон, не говоря уж об этом ужасном Алберте Филби, зовут меня по имени – хотя, уверяю вас, Филби-то я такой возможности не даю, – то почему бы и вам меня так не звать. А я попытаюсь называть вас Адамом. Только не уверена, что у меня это выйдет. Вы не из тех, к кому тянет обращаться попросту.

Дэлглиш аккуратно стряхнул пыль с томиков «Monumenta Ritualica Ecclesiae Anglicanae»^{[note\[4\]](#)} Маскелла и сказал, что, насколько он слышал,

Виктор Холройд не слишком одобрял идею одной дружной семьи.

– О, так вы уже слышали о Викторе? Наверняка Мэгги насплетничала. Он и правда был несносным человеком, ни с кем не считался – ни при жизни, ни в смерти. Впрочем, я-то с ним ладила неплохо. Думается, он меня уважал. Он был человеком очень умным, просто кладезем всяческой полезной информации. Но никто в Грэйндж его не выносил. Даже Уилфред под конец сдался и оставил его в покое. Мэгги Хьюсон – вот единственное исключение. Странная женщина. Знаете, по-моему, она верила, будто Виктор завещает ей свое состояние. Ну конечно, мы все знали, что у него водятся деньги. Он усиленно старался всячески дать нам понять, что не из тех бедняг, за которых платят местные власти. Наверное, Мэгги думала, что, если правильно разыграет карты, ей что-нибудь да обломится. Один раз мне чуть ли не впрямую намекнула. Впрочем, она тогда была в сильном подпитии. Бедный Эрик! Я бы дала этому браку еще годик, не больше. Полагаю, иным мужчинам она кажется даже вполне физически привлекательной, ну, тем, кто любит эдаких крашенных, пухлых и сверхсексуальных блондинок. А уж ее роман – если это можно назвать романом – с Виктором и впрямь верх непристойности. Секс – для здоровых. Конечно, я знаю, у инвалидов тоже есть чувства и все прочее, как и у нас с вами, да только кажется, что в колясках им уже не до таких вещей. О, а вот эта книга выглядит интересной, Во всяком случае, переплет. Выручите за нее шиллинг, а то и два.

Убирая первое издание «Трактатов для нашего времени» подальше от указующей ножищи Миллисенты, в стопку книг, предназначенных для него самого, Дэлглиш с мимолетным отвращением подумал: да, как бы ни претили ему несдержанные излияния миссис Хэммит, чувства, которые она выражает, мало отличаются от его собственных. Каково это, гадал он, испытывать желание, любовь, даже вожделение и томиться в плену неподвижного тела? Или еще хуже – у тела, что откликается лишь на некоторые из своих потребностей, но откликается уродливо, неуклюже, нелепо. Всей душой ценить красоту, а жить в уродстве. Пожалуй, тут и правда поймешь ожесточение Холройда.

– Так что в конце концов случилось с деньгами Холройда?

– Отошли его сестре в Новой Зеландии, все шестьдесят пять тысяч. И правильно. Деньги должны оставаться в семье. И все же, смею сказать, Мэгги на что-то надеялась. Наверное, Виктор ей в той или иной форме нечто пообещал. Иногда он бывал удивительно злобным. Зато оставил состояние там, где положено. Я, к примеру, была бы крайне разочарована, если бы узнала, что Уилфред завещал Тойнтон-Грэйндж кому-то вместо

меня.

– А вам он нужен?

– О, разумеется, пациентам пришлось бы разъехаться. Не могу представить, чтобы я управляла Тойнтон-Грэйндж в его нынешнем виде. Я уважаю то, что пытается делать Уилфред, но у него ведь есть свои личные причины. Думаю, вы слышали о его поездке в Лурд и чуде? Ну, я с ним и не спорю. Со мной же, благодарение Господу, никаких чудес не приключалось, и я не намерена иметь с ними ничего общего. И хронических больных с меня хватит. Отец завещал мне половину дома, а я продала ее Уилфреду, чтобы он мог основать свой приют. Тогда мы, разумеется, заключили вполне пристойное соглашение – по тем ценам, но они были не слишком высоки. В то время большие сельские дома спросом не пользовались. Теперь-то, конечно, этот дом стоит целое состояние. Красивый, правда?

– Безусловно, с точки зрения архитектуры он весьма интересен.

– Именно. Дома эпохи регентства сейчас идут за потрясающую цену. Не то чтобы я уж так решительно хотела бы его продать. В конце концов, это ведь дом нашего детства, я очень нежно к нему отношусь. Однако от земли я бы точно избавилась. Собственно говоря, Виктор Холройд знал кого-то из нашего района, кто с радостью купил бы ее. Делец хочет устроить тут лагерь для ездящих на автофургонах.

– Жуткая идея! – невольно произнес Дэлглиш. Миссис Хэммит не смутилась.

– Ничуть, – спокойно произнесла она. – Напротив, это вы проявляете сплошной эгоизм. Беднякам тоже нужно где-то отдыхать, и не меньше, чем богачам. Джулиусу, конечно., это не понравилось бы, но у меня перед ним нет обязательств. Продаст свой коттедж да уедет. Конечно, у него собственных полтора акра земли на мысу, да что-то не представляю, чтобы он захотел каждый раз по приезде из Лондона пробираться через палаточный городок. Кроме того, чтобы попасть на пляж, обитателям лагеря придется проходить чуть ли не под самыми его окнами. Только там пляж остается и по время прилива. Так и представляю все эту публику: невзрачные папаши в отвратительных семейных трусах и с узловатыми коленками тащат корзинки для пикников, за ними следом – мамыши с орущими приемниками и вопящими детьми. Нет, не думаю, что Джулиус захочет остаться.

– Акто-нибудь знает, что вы унаследуете Тойнтон-Грэйндж?

– Ну разумеется. Тоже мне, тайна. Строго говоря, по праву все поместье должно с самого начала принадлежать именно мне. Вы ведь,

наверное, знаете, что Уилфред на самом деле вовсе не Энсти, что его усыновили?

Дэлглиш осторожно ответил, что вроде бы слышал нечто подобное.

– Тогда вы вполне можете узнать и остальное. Интересная история – особенно с точки зрения закона.

Миссис Хэммит налила себе вторую чашку кофе и снова ввинтилась в стул, точно собираясь излагать сложную диссертацию.

– Мой отец всегда мечтал о сыне. С мужчинами так иногда бывает, дочери их не интересуют. Так что я стала для папаши изрядным разочарованием. Если мужчина страстно хочет сына, единственное, что может хоть как-то примирить его с дочерью, – это ее красота. А мне и тут не повезло. К счастью, моему мужу это не помешало. Мы с ним очень подходили друг другу.

Поскольку ответить на подобную сентенцию можно было, лишь пробормотав что-то поздравительное, Дэлглиш издал соответствующий обстоятельствам звук.

– Благодарю вас, – отозвалась миссис Хэммит, милостиво принимая «комплимент», и радостно понеслась дальше: – Как бы там ни было, когда доктора сообщили отцу, что моя мать больше не в состоянии выносить ребенка, он решил усыновить мальчика. Думаю, отец взял Уилфреда из детского дома. Впрочем, мне тогда было только шесть, и я не помню, чтобы родители когда-нибудь рассказывали, как и где они его нашли. Наверняка он незаконнорожденный. В двадцатых годах к этому относились иначе, чем сейчас, и поэтому у вас был отличный выбор нежеланных детей. Помню, тогда я радовалась мысли, что у меня будет брат. Я была ребенком одиноким, очень привязчивым и нежным. Кроме того, я не видела в Уилфреде соперника. В детстве и юности я очень нежно к нему относилась. Да и сейчас тоже. Хотя некоторые иногда об этом забывают.

Дэлглиш спросил, что же нарушило эту идиллию.

– Завещание дедушки. Старик не доверял адвокатам, даже Холройду с Мартинсоном, нашим семейным поверенным, и сам написал завещание. Доход от поместья он завещал моим родителям пожизненно, а само поместье в равных долях своим внукам. Только собирался ли он включать в их число Уилфреда? В конце концов нам пришлось обращаться с этим вопросом в суд. Процесс наделал много шума и поднял в глобальном смысле вопрос о правах усыновленных детей. Наверное, вы помните это дело?

Дэлглиш и правда что-то помнил, хоть и весьма смутно.

– А когда было написано завещание вашего дедушки? – спросил он. –

Я имею в виду, по отношению к времени усыновления вашего брата.

– О, это и была самая важная улика. Усыновление Уилфреда оформлено третьего мая двадцать первого года, а дедушка подписал завещание ровно через десять дней – тринадцатого мая. Засвидетельствовали это завещание двое слуг, однако к моменту слушания дела оба уже скончались. Весь текст был четким и ясным – вот только без указания имен. Но адвокаты Уилфреда сумели доказать, что дедушка знал об усыновлении и ничего не имел против. Кроме того, в завещании ведь говорилось «внуки» во множественном числе.

– Так он ведь мог предполагать, что ваша мать умрет первой, а отец женится вторично.

– Какой вы умный! Сразу видно, что мозги у вас работают по-адвокатски. Именно так и мой адвокат говорил. Да все без толку. Уилфред выиграл. И все же вы понимаете, что я чувствую по поводу Тойнтон. Подпиши дедушка это злосчастное завещание до третьего мая, сейчас дела шли бы совсем по-другому, уж можете мне поверить.

– А вы получили деньги за вашу половину поместья?

– Надолго их не хватило. Мой дорогой муженек спустил все в два счета. Не на женщин, что приятно. На лошадей. Они столь же дороги и непредсказуемы, однако для жены такое соперничество менее унижительно. Кроме того, в отличие от ситуации с другой женщиной, когда лошади побеждают, ты и сама радуешься. Уилфред утверждал, что, выйдя в отставку, Герберт совсем выжил из ума, но я не жаловалась. Мне он и таким нравился. Правда, денежки промотал.

Внезапно Миллисента огляделась по сторонам, наклонилась вперед и бросила на Дэлглиша лукавый заговорщический взгляд.

– Скажу вам одну вещь, которую в Тойнтон-Грэйндж не знает никто, кроме Уилфреда. Если он продаст поместье, я получу половину. Не просто половину добавочной выгоды – а всех вырученных денег. Мы с Уилфредом заключили соглашение, должным образом подписанное и засвидетельствованное Виктором. Фактически Холройд это и предложил. Решил, так будет надежнее в глазах закона. А хранится оно там, откуда Уилфреду его ни в жизнь не забрать. У Роберта Лоудера, поверенного в Уорхэме. Думаю, Уилфред был так уверен, что не станет продавать приют, что ему было все равно, какие документы подписывать. А может, он это нарочно сделал – крепился от искушения. Я и сама не думаю, что он продаст Тойнтон-Грэйндж. Ему это место слишком дорого. Но уж коли братец изменит решение, я своего не упущу.

Дэлглиш рискнул:

– Когда я только приехал, миссис Хьюсон говорила что-то о фонде «Риджуэл траст». Разве мистер Энсти не собирается передать приют в их руки?

Миссис Хэммит приняла это предположение куда спокойнее, чем он ожидал.

– Чепуха! – парировала она. – Я знаю, что Уилфред об этом время от времени поговаривает, и тем не менее он ни за что не отдаст Тойнтон-Грэйндж просто так. С какой бы стати?

Да, с деньгами у него туго, да только с ними всегда туго. Всего и надо что повысить плату или заставить местные власти побольше выкладывать денег за тех, кого они присылают. Чего ему субсидировать местные власти? А если заведение все равно не будет окупаться, тогда лучше продать поместье, да и дело с концом, несмотря ни на какие чудеса.

Дэлглиш заметил, что, учитывая все обстоятельства, вообще странно, что Уилфред не принял католичество. Миссис Хэммит с жаром поддержала его.

– Одно время за него прямо-таки духовная война велась. – В ее голосе зазвучали величественные отзвуки космических сил, ведущих борьбу не на жизнь, а на смерть. – Но я рада, что он решил не выходить из лона нашей церкви. Наш отец, – внезапно Миллисента загремела таким проповедующе-пылким тоном, что потрясенный Дэлглиш даже испугался, не начнет ли она молитвы читать, – пришел бы в ужас. Он ведь был такой истинно верующий, такой ревностный христианин. Протестант, разумеется. Нет, я порадовалась, что Уилфред не перешел.

Она говорила так, точно Уилфред, дойдя до реки Иордан, вдруг испугался вида воды или засомневался, надежна ли его ладья.

Дэлглиш уже спрашивал Джулиуса Корта насчет религии Энсти и получил иное, вероятно, более близкое к истине объяснение. Ему вспомнилась их беседа во дворике перед тем, как они снова присоединились к Генри, и тихий насмешливый голос Джулиуса:

– Отец О'Мелли, которому полагалось наставлять Уилфреда, дал ему понять, что церковь в будущем будет претендовать на решающую роль во многих вопросах, которые, по мнению Уилфреда, находились в прямой его юрисдикции. Вот нашему дорогому Уилфри и пришло в голову, что если он присоединится к крупной организации, то при этом, как новообращенный, будет считаться скорее благодетельствованным, а не благодетелем. В конце концов после вполне подходящей к случаю внутренней борьбы он все же решил остаться на старом месте.

– Несмотря на чудо? – спросил Дэлглиш.

– Несмотря на чудо. Отец О'Мелли рационалист. Признает существование чудес, но предпочитает, чтобы доказательства их предоставлялись надлежащим властям для тщательной проверки. А уже после церковь, в своей мудрости и после должного промедления, сама возвестит о чудесах. Ходить же и утверждать, что ты сам стал объектом высочайшей милости, для него верх дерзости. К тому же он считает это признаком дурного тона. Он человек утонченный, наш отец О'Мелли. Они с Уилфредом не очень ладили. Боюсь, что отец О'Мелли упустил еще одного адепта для своей церкви.

– Но паломничества в Лурд все еще продолжаются? – сказал Дэлглиш.

– О, да. Регулярно — дважды в год. Я с ними не езжу. Сначала ездила, да только это, по расхожему выражению, не мое амплуа. Правда, я считаю своим долгом при возвращении паломников обеспечить им приветственную встречу.

Вернувшись в настоящее, Дэлглиш осознал, что у него начинает болеть спина. Он разогнулся ровно в ту минуту, как часы пробили три четверти. Обгорелое полено скатилось с решетки, напоследок выбросив каскад искр. Миссис Хэммит восприняла это как сигнал, что пора уходить.

– Приятно провели часик, командер, хотя сомневаюсь, что будет повторение. Я не из тех соседок, которые имеют обыкновение вечно заскакивать в гости. Благодарение Господу, мне вполне хватает собственного общества. В отличие от бедняжки Мэгги я человек самодостаточный. И одно могу сказать про Майкла Бэддли: он тоже никогда никому не навязывался.

– Медсестра Рейнер сказала, будто вы убедили его в преимуществах кремации.

– Так и сказала? Что ж, она совершенно права. Я вполне могла сказануть Майклу что-то такое. Мне не по душе обыкновение изводить участок хорошей земли на чье-то гниющее тело. Насколько я помню, старому священнику было все равно, что с ним произойдет после смерти, если только в результате он окажется в освященной земле и над ним прочтут соответствующие молитвы. Весьма разумный подход. Я всецело его разделяю. И Уилфред ничуть не возражал против кремации. Он и Дот Моксон со мной согласились. Хелен – та протестовала – мол, много лишних хлопот. А главное, что ей не нравилось, – это подпись второго врача. Наверное, она думала, что этим роняют тень на диагностические способности милого Эрика.

– Так ведь на самом деле никто не подозревал, будто доктор Хьюсон ошибся в диагнозе?

– Разумеется, нет! Майкл умер от сердечного приступа, и даже Эрику, надеюсь, хватает знаний, чтобы это понять. Нет-нет, не утруждайтесь, не надо меня провожать, у меня есть фонарик. И если вам что-нибудь понадобится, стучите в стену – в любое время.

– А вы услышите? Вы ведь не отреагировали, когда отец Бэддли...

– Само собой, не услышала, поскольку он не стучал. Да после половины десятого я и не особо прислушивалась. Понимаете, я ведь была уверена, что к нему кто-нибудь уже заходил.

За дверью царил холодный кольшущийся мрак, черный туман, сладковатый на вкус и пахнувший морем. Не просто отсутствие света, а активная таинственная сила. Дэлглиш убрал столик с крыльца. Шагая рядом с Миллисентой по короткой дорожке и одной рукой придерживая столик, он спросил с тщательно разыгрываемой небрежностью:

– Так, значит, вы что-то слышали?

– Видела, а не слышала. Или мне просто показалось. Я как раз хотела выпить на ночь чего-нибудь теплого и подумала, не захочет ли Майкл тоже. А вот когда открыла дверь, чтобы крикнуть и спросить, мне примерещилась фигура в темном плаще, которая исчезала в темноте. А поскольку свет у Майкла не горел – во всем коттедже было темно, – естественно, я и не стала его беспокоить. Теперь-то я понимаю, что ошиблась. Или потихоньку схожу с ума – в такой дыре это легче легкого. Во всяком случае, оказалось, что никто преподобного не навещал и все мучаются угрызениями совести.

Теперь-то мне понятно, как я могла так обознаться. Ночь была вроде сегодняшней. Ветер совсем слабый, но темнота как будто движется и принимает разные очертания. И я ведь ничего не слышала, никаких шагов. Только и видела что исчезающий во мгле силуэт – наклоненная голова, вихрящийся плащ.

– Это было около половины десятого?

– Или чуть позже. Наверное, примерно в то время, как он умер. Мнительная натура, пожалуй, сочла бы, что это был призрак отца Бэддли. Дженни Петрам именно так и заявила, когда я рассказала об этом в Тойнтон-Грэйндж. Смешная девушка!

Они почти добрались до двери коттеджа «Вера». Миссж Хэммит чуть поколебалась, а потом вдруг произнесла, точно повинувшись внезапному порыву, и, как показалось Дэлглишу, с легким смущением:

– Мне говорили, будто вас встревожило, что замок в бюро у Майкла оказался сломан. Во всяком случае, накануне вечером, перед тем, как он вернулся из больницы, с замком было все в порядке. У меня кончились

конверты, надо было написать срочное письмо. Вот я и подумала, что он не будет возражать, если я погляжу у него в бюро. И оно оказалось заперто.

– Значит, замок сломался, когда ваш брат искал завещание вскоре после обнаружения тела, – произнес Дэлглиш.

– Так он говорит, командер. Так он говорит.

– И все же у вас нет доказательств, что бюро сломал именно он?

– У меня вообще никаких доказательств нет, ни про кого. В коттедж приходила уйма народу. Уилфред, Хьюсоны, Хелен, Дот, Филби, даже Джулиус, когда приехал из Лондона. Не дом, а проходной двор. Все, что я знаю, – это что бюро заперли в девять часов вечера накануне смерти Майкла. И я нисколько не сомневаюсь в том, что Уилфреду очень хотелось самому проглядеть завещание и убедиться, что Майкл действительно оставил все, что имел, Тойнтон-Грэйндж. И сам Майкл замка не взламывал.

– Откуда вы знаете, миссис Хэммит?

– Потому что я нашла ключ после ленча в день его смерти. В том самом месте, где он его и хранил, – в старой жестянке из-под чая на второй полке буфета. Я сунула его себе в карман, чтобы не потерялся, когда Дот будет убирать коттедж. В конце концов, бюро довольно ценное, и замок надо починить. Между нами, если бы Майкл не завещал его Грейс, я бы поставила бюро к себе и хорошенько бы за ним приглядывала.

– И ключ до сих пор у вас?

– Ну конечно. Никто о нем и не вспомнил, кроме вас. Но поскольку вы им так интересуетесь, можете забирать.

Она порылась в кармане юбки, и Дэлглишу на ладонь легло что-то холодное и металлическое. Миссис Хэммит открыла дверь и потянулась к выключателю. Внезапный свет заставил Дэлглиша зажмуриться, но уже в следующую секунду он отчетливо разглядел свою добычу: маленький серебряный ключик, привязанный к красной пластиковой прищепке для белья – такой яркой, что на миг командеру почудилось, будто его пальцы окрашены кровью.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРЕСТУПНЫЙ УМЫСЕЛ

Оглядываясь на первую неделю, проведенную в Дорсете, Дэлглиш вспоминал ее как череду обрывочных картинок, столь отличающихся от последующих образов насилия и смерти, что казалось, будто его жизнь в Тойнтон-Грэйндж шла на двух разных уровнях и в разное время. Эти первые, нежные, картинки в отличие от резких черно-белых стоп-кадров из жестокого фильма ужасов были насыщены цветами, чувствами и запахами. Он бродил по омытой морем гальке отмели Чезил: в ушах звенит птичий гомон и скрежет прилива, вдалеке на фоне неба вырисовываются черные скалы Портленда. Поднимался на склон гигантского земляного вала и потом – на открытую всем ветрам вершину: одинокая фигура, стоящая там, где в складках спрессованной земли сошлись четыре тысячи лет истории человечества. Сидел за поздним чаем в Дорчестере: за окном медленно тает в серых сумерках медовый осенний день. Мчался в машине по ночной дороге между зарослями золотистого папоротника и высокой неухоженной живой изгородью, а впереди призывно светились огни деревенского паба.

Потом, вечером, когда было меньше риска, что его потревожат какие-нибудь гости из Тойнтон-Грэйндж, Дэлглиш катил обратно в «Надежду», к знакомому, радующему душу запаху книг и горящего дерева. К его удивлению, Миллисента Хэммит была верна слову и не беспокоила его после первого визита. Очень скоро командер отгадал почему: она жить не могла без телевизора. Потягивая вино и разбирая книги отца Бэддли, он слышал через камин слабые и нераздражающие отзвуки ежевечерней увеселительной программы: внезапный взрыв смутно знакомой рекламной мелодии, нестройный гул голосов, отрывистые выстрелы, женские крики и победоносные фанфары в конце фильма.

Адама не покидало чувство, будто он завис между старой и новой жизнью, прикрываясь недавней болезнью от необходимости принимать решение, от любых нежелательных усилий. Думать о Тойнтон-Грэйндж и его обитателях не хотелось. Он сделал все, что мог. И теперь лишь ждал дальнейших событий. Как-то раз, взглянув на пустое ветхое кресло отца Бэддли, он непочтительно вспомнил известную басню о философе-атеисте, который, к своему изумлению, после смерти предстал пред Господом Богом.

– Господи, ты же не представил мне убедительных доказательств!

Если отец Бэддли хотел, чтобы Дэлглиш хоть как-то действовал, ему

надо было представить более весомые улики, чем пропавший дневник и взломанный замок.

Поскольку Дэлглиш не оставлял распоряжений, куда пересылать почту, то и не ждал никаких писем, кроме ответа от Билла Мориарти. А этот ответ собирался забрать из почтового ящика сам. Однако это послание пришло в понедельник, ро меньшей мере на день раньше, чем он ждал. Дэлглиш провел все утро в коттедже, а к почтовому ящику отправился после ленча, в половине третьего, чтобы забрать свою порцию молока.

В ящике оказалось одно письмо, простой конверт со штемпелем Скотланд-Ярда. Адрес напечатан на машинке, звание отправителя не указано – Мориарти всегда отличался осторожностью. И все же, поддевая большим пальцем отворот конверта, Дэлглиш задумался: достаточно ли осторожно он вел себя? Ничто вроде бы не указывало на то, что письмо вскрывали. А вот заклеено оно удивительно слабо и открылось слишком легко. И больше в почтовом ящике ничего не лежало. Кто-то, наверное, Филби, уже забрал корреспонденцию Тойнтон-Грэйндж. Странно, что он заодно не забросил письмо в коттедж «Надежда». Возможно, следовало написать, чтобы Билл отправлял письмо в Уорхэм до востребования. Мысль о том, что он повел себя неосторожно, раздосадовала Дэлглиша. «Дело в том, – думал он, – что я даже не знаю толком, что именно расследую, да и веду ли следствие вообще. Поэтому и о мерах безопасности вспоминаю только урывками. Мне не хватает ни терпения выполнять работу как следует, ни мужества и силы воли отказаться от нее». К тому же в нынешнем настроении стиль Билла раздражал командера сильнее обычного.

«Рад снова увидеть твой изящный почерк. Тут у нас царит всеобщее ликование по поводу того, что слухи о твоей неминуемой кончине были преувеличены. Собранные на венок деньги отложили до праздничной встречи. Правда, чего ради ты решил поохотиться в Дорсете в компании извращенцев? Если соскучился по работе, так ее и здесь завались. Тем не менее вот тебе информация.

Из вашей тесной компании у двоих имеются судимости. Ты, верно, знаешь про Филби. Два раза осужден за драки, в шестьдесят седьмом и шестьдесят девятом, плюс разнообразные мелкие приводы до того. Единственное, что удивляет, – это мягкость, с какой судьи вынесли ему приговор. Впрочем, глядя на его фотографию, я не слишком этим поражен. Должно быть, им казалось несправедливым слишком сурово наказывать человека, избравшего единственную карьеру, для которой он пригоден по своей физиономии и наклонностям. Я ухитрился перемолвиться насчет

него словечком с «Открытой дверью». Они там признают его недостатки, но утверждают, что Филби очень способный, привязчивый и неколебимо верный. Ты там смотри, чтобы он к тебе не слишком привязался.

Миллисента Хэммит дважды привлекалась к суду за мелкие магазинные кражи – в шестьдесят шестом и шестьдесят восьмом годах. В первый раз защита, как принято, ссылалась на проблемы климакса, так что дело ограничилось штрафом. Во второй раз она тоже легко отделалась. Все произошло через пару месяцев после смерти ее мужа, отставного майора, так что суд проявил сочувствие. Наверное, сыграли свою роль и заверения Уилфреда Энсти, что она переедет жить в Тойнтон-Грэйнджи он будет за ней приглядывать. С тех пор ничего подобного не повторялось, поэтому либо его надзор оказался достаточно надежен, либо местные лавочники поговорчивее, либо сама миссис Хэммит поднаторела и больше не попадает.

Это все официальные данные. Остальные чисты, по крайней мере по сведениям Центрального архивного управления. Хотя если ты разыскиваешь злодея поинтереснее – а я сомневаюсь, что Адам Дэлглиш тратит свои таланты на Алберта Филби, – то позволь посоветовать Джулиуса Корта. Мне кое-что рассказал о нем один приятель из министерства иностранных дел. Корт – блестящий выпускник классической школы в Саутси, после университета поступил на дипломатическую службу, снабженный всеми обычными побрякушками, но почти без денег. Работал в парижском посольстве в семидесятом году, где давал показания по знаменитому делу об убийстве, когда Алейна Миконнета обвиняли в смерти жокея. Ты должен помнить эту историю, она широко освещалась в английской прессе. Все казалось ясным как день, и французская полиция прямо слюной исходила от радости, что поймала Миконнета. Он сын Тео д'Эстейра Миконнета, владельца крупной фабрики химикалий под Марселем, так что они положили глаз и на папашу, и на сына. А вот Корт дал своему любовничку алиби. Самое смешное, что они вовсе не любовники: медицинское обследование показало, что Миконнет – воинствующий гетеросексуал. В посольстве возник зловещий шепоток, явственно звучало слово «шантаж». Истории Корта никто не верил, но и опровергнуть ее не могли. Мой информатор считает, что Кортом двигало всего-навсего желание позабавиться и заставить сильных мира сего кусать локти. В чем он и преуспел. Восемь месяцев спустя его крестный отец совершенно мирно и законно скончался, оставив ему тридцать тысяч фунтов, так что Корт бросил службу. И говорят, он очень умно распорядился деньгами. Вот и все, что у меня есть. Худо про него ничего

не известно, кроме разве что тенденции быть слишком услужливым по отношению к друзьям. В общем, за что купил, за то и продаю».

Дэлглиш сложил письмо и сунул его в карман куртки. Интересно, гадал он, многое из этого известно в Тойнтон-Грэйндж – да и вообще, известно ли хоть что-то? Впрочем, Джулиуса Корта это едва ли волновало. Его прошлое – его личное дело, он свободен от удушающей опеки Уилфреда. Тогда как Миллисента Хэммит связана двойным долгом признательности. Кто, кроме Уилфреда, знает о двух этих постыдных и жалких инцидентах? Сильно ли она разволнуется, если эта история получит распространение в Тойнтон-Грэйндж? Он снова пожалел, что не оставил почту до востребования.

Вдали показалась машина. Дэлглиш поднял взгляд. «Мерседес» на полной скорости ехал со стороны моря. Джулиус нажал на тормоза, и автомобиль резко остановился буквально в дюйме от ворот. Выскочив наружу, Корт принялся дергать за тяжелые створки, выкликаая Дэлглиша.

– Черная башня в огне! Я видел дым с дороги. У вас в коттедже есть грабли?

Дэлглиш тоже налег плечом на ворота.

– Не думаю. Там ведь нет сада. Но я нашел в сарае метлу.

– Лучше, чем ничего. Поедете со мной? Вдруг понадобится паша помощь...

Дэлглиш быстро скользнул в машину, а ворота так и оставили нараспашку. Джулиус покатил к «Надежде», не считаясь ни с рессорами автомобиля, ни с удобствами своего пассажира. Добравшись до места, он бросился открывать багажник, а Дэлглиш побежал к сараю. Там среди оставшегося от прошлых жильцов разнообразного хлама обнаружили метла, два пустых мешка и, как ни странно, старый пастушеский посох. Дэлглиш зашвырнул все это во вместительный багажник. Джулиус уже успел развернуть машину и завести мотор. Дэлглиш снова прыгнул на сиденье рядом с ним, и «мерседес» рванулся вперед.

– Вы не знаете, там кто-нибудь есть? – спросил Дэлглиш, когда они свернули на дорогу к морю. – Например, Энсти?

– Возможно. Кроме него, туда теперь никто не ходит. И я не знаю, каким образом мог начаться пожар. Этой дорогой мы подберемся поближе к башне, но затем все равно придется перелезть через холм. Увидев дым, я и не пытался туда добраться. Что толку, если ничего нет для борьбы с огнем?

Он говорил сдавленно, костяшки сжимавших руль кулаков побелели. В водительское зеркальце Дэлглиш заметил, что зрачки у его спутника сильно

расширились и сверкают. Треугольный шрам над правым глазом, в обычное время практически незаметный, сейчас налился кровью и потемнел. Над ним лихорадочно билась тонкая синяя жилка. Дэлглиш бросил взгляд на спидометр: стрелка перевалила за сотню, но, подчиняясь умелому водителю, «мерседес» легко преодолевал узкую дорогу. Внезапно путь повернул и пошел в гору; впереди показалась башня. Из разбитых стекол окон под самым куполом вырывались клубы серого дыма, точно там стреляли из игрушечной пушки. Они весело плыли над мысом, пока ветер не раздирал их на рваные клочья. Эффект получался удивительно нелепым и живописным, как будто все это была лишь невинная детская забава. Дорога снова нырнула, и башня скрылась из виду.

Места здесь хватало только для одной машины. Со стороны моря дорогу ограждала невысокая каменная стена. Корт вел уверенно и решительно. Не успел Дэлглиш даже заметить узкую брешь, огражденную двумя подгнившими столбами, как Джулиус бросил машину влево. Автомобиль пропрыгал по неровной земле и остановился в лощинке справа от бреши. Дэлглиш схватил посох и мешки, Джулиус – метлу, и, вооружившись столь нелепым образом, они побежали через мыс к башне.

Джулиус сказал правду: так было быстрее всего. Правда, только пешком. Проехать по этой неровной, каменистой земле было невыполнимо. Тут и там тянулись невысокие каменные стенки с множеством проломов, и ни в одно из этих отверстий автомобиль не протиснулся бы. Дорога была обманчива. Вот башня словно бы отступила куда-то, спряталась за непреодолимыми горами наваленных друг на друга скал, а в следующий миг оказалась уже прямо над головой.

Из полуоткрытой двери валил едкий дым. Дэлглиш ударом ноги распахнул ее и отскочил в сторону, прячась от гари. Раздался громкий рев, из проема вырвался язык пламени. Дэлглиш принялся посохом выгребать оттуда горящий мусор: охапки сухой травы и сена, обрывки веревок, остатки старого кресла – весь хлам, накопленный за многие годы, когда на мыс был открыт вход всем желающим. В то время в незапертой черной башне укрывались от непогоды пастухи или ночевали туристы. За спиной у Дэлглиша Джулиус ожесточенно разбивал зловонные горящие комья метлой. По траве зазмеились алые полосы огня.

Едва вход был очищен, Джулиус ринулся внутрь, сшибая пламя мешками, однако от ядовитого дыма его тут же разобрал дикий кашель. Дэлглиш бесцеремонно вытащил спутника.

– Не лезьте, пока я не расчищу получше. А то возись потом сразу с двумя.

– Он там! Наверняка! Я знаю! О Господи! Чертов кретин!

Последние тлеющие груды травы вывалились наружу. Джулиус, оттолкнув Дэлглиша, помчался вверх по идущей вдоль стен винтовой лестнице. Коммандер кинулся следом. Деревянная дверь второго этажа была распахнута. На этом уровне не соорудили окон, и все-таки даже в дымной темноте спасатели разглядели съезжившуюся и обмякшую фигуру у дальней стены. Энсти накинул на лицо капюшон сутаны и закутался в широкие складки, точно бездомный бродяга, спасающийся от лютой стужи. Руки Джулиуса запутались в этих складках, и Дэлглиш услышал, как Корт выругался. Через несколько секунд они наконец высвободили Энсти, вместе подтащили его к двери и с трудом, поддерживая с обеих сторон безжизненное тело, спустили по узкой лестнице, а затем выволокли на свежий воздух.

Там они уложили пострадавшего на траву. Дэлглиш опустился на колени, готовясь перевернуть его и делать искусственное дыхание. Но тут Энсти раскинул руки и замер – зрелище получилось какое-то театральное и слегка богохульное. Радуюсь, что не придется теперь прижиматься губами к губам пострадавшего, Дэлглиш поднялся на ноги, Энсти подтянул колени и зашелся судорожным хриплым кашлем. Голову он повернул набок, прижимаясь щекой к земле. Влажные губы, выхаркивавшие слюну и желчь, казалось, припали к траве, высасывая из нее соки. Опустившись на колени, Дэлглиш с Кортом приподняли Энсти.

– Я в порядке. Все нормально, – слабо проговорил он.

– У нас здесь машина. Вы в состоянии идти? – спросил Дэлглиш.

– Да. Говорю же, со мной все в порядке. В полном порядке.

– Не надо спешить. Лучше отдохните пару минут.

Они прислонили Энсти к высокому камню, и там, чуть в стороне от своих спасателей, Уилфред и сидел, все еще откашливаясь и глядя на море. Джулиус нервно вышагивал вдоль обрыва, точно задержка раздражала его. Резкий запах гари, теперь чуть ослабевший, плыл по темнеющему мысу, как последние волны уходящего поветрия.

Через пять минут Дэлглиш окликнул спутников: – Ну что, теперь можно идти?

Молча, без разговоров, они с Кортом подняли Энсти и, поддерживая его, двинулись через мыс к машине.

II

По дороге в Тойнтон все трое молчали. Как обычно, дом выглядел заброшенным и безлюдным, в мозаичном зале было пусто и неестественно тихо. Однако острый слух Дороти Моксон расслышал звук приближающейся машины – наверное, сестра была в медкабинете, в передней части здания. Буквально через миг она показалась на верхней ступени лестницы.

– В чем дело? Что случилось?

– Все в порядке. Уилфред умудрился поджечь башню изнутри. Он не пострадал, просто пережил сильное потрясение. Да и дым ему на пользу не пошел.

Она укоризненно посмотрела сперва на Дэлглиша, а потом на Корта, словно это они во всем были виноваты, а после обеими руками, чуть ли не по-матерински, обняла Энсти и бережно повела наверх, нашептывая ему на ухо слова ободрения и утешения. Дэлглишу это монотонное воркование очень напомнило любовную ласку. Он заметил, что сейчас Энсти движется с большим трудом, чем на мысу, так что восхождение по лестнице изрядно затянулось. Однако когда Джулиус ринулся на помощь, взгляд Дороти Моксон заставил его отступить. С огромным трудом она отвела Энсти в его маленькую спальню в задней половине дома и уложила на узкую кровать. Дэлглиш наскоро провел мысленную инвентаризацию комнаты. Она оказалась именно такой, как командер и ожидал: крашенные белой краской стены, маленький стол и стул под окном, выходящим во дворик для пациентов, забитый книгами шкаф, ковер на полу, распятие над кроватью, на тумбочке – простая лампа и графин с водой. Однако толстый матрас на кровати легко спружинил, принимая на себя тело страдальца. Полотенце у раковины выглядело очень мягким.

А коврик перед кроватью, столь простой с виду, никоим образом не был каким-то там жалким потертым и изношенным ковриком. Висевший за дверью белый махровый халат с капюшоном выглядел до аскетизма просто, но Дэлглиш не сомневался, что для кожи он весьма приятен. Келья – но келья, не страдающая от недостатка необходимых удобств.

Уилфред открыл голубые глаза и остановил взгляд на Дороти Моксон. Интересно, подумал Дэлглиш, и как это он умудряется сочетать в одном взгляде смирение и властность? Энсти умоляюще приподнял руку:

– Дот, дорогая, мне надо поговорить с Джулиусом и Адамом. Вы

позволите?

Она открыла было рот, однако тут же захлопнула его и без единого слова, тяжело ступая, вышла за дверь, крепко затворив ее за собой. Уилфред снова прикрыл глаза и словно бы отстранился от происходящего. Джулиус посмотрел себе на руки. Правая ладонь распухла и покраснела, на подушечке большого пальца начал образовываться волдырь.

– Занятно! – с удивлением произнес Корт. – Я обжег руку. Тогда даже и не почувствовал. А теперь чертовски больно.

– Непременно попросите мисс Моксон перевязать, – посоветовал Дэлглиш. – И может, лучше Хьюсону посмотреть, что у вас там.

Джулиус вытащил из кармана сложенный носовой платок, намочил холодной водой в раковине и неуклюже обернул руку.

– Ничего, с этим можно и подождать.

Похоже, внезапная боль сильно подпортила ему настроение. Подойдя вплотную к кровати, он язвительно проговорил:

– Ну уж теперь-то, когда на вашу жизнь со всей очевидностью покушались и, черт побери, чуть не преуспели, полагаю, вы возьметесь за ум и обратитесь в полицию?

Не открывая глаз, Уилфред слабо ответил:

– У меня тут есть полицейский.

– Это не для меня, – поспешно отозвался Дэлглиш. – Я не могу проводить для вас официальное расследование. Корт прав, это дело местной полиции.

Уилфред помотал головой:

– Мне нечего им рассказать. Я отправился в черную башню, потому что мне надо было кое-что спокойно обдумать. А это единственное место, где я могу побыть совершенно один. Я курил – вы же знаете, как все жалуются на мою старую вонючую трубку. Помню еще, перед тем, как пойти наверх, я выбил ее об стену. Наверное, там еще остались искры, вот сено и вспыхнуло.

– Еще как вспыхнуло, – мрачно согласился Джулиус. – А наружная дверь? Подозреваю, вы забыли ее запереть. И это после рассуждений о том, что нельзя оставлять черную башню открытой. Вы в Тойнтон-Грэйндж чертовски неосторожны, а? Лернер забывает проверить тормоза на кресле, и Холройд падает с утеса. А вы вытряхиваете трубку в комнате, где пол усыпан легко воспламеняющейся соломой, и чуть не сжигаете себя заживо.

– Я предпочитаю думать, что так оно все и произошло, – прошелестел Энсти.

– Вероятно, от башни есть и второй ключ, – быстро проговорил

Дэлглиш. – Где он хранится?

Энсти открыл глаза и уставился в пространство, смиренно отстраняясь от этого двойного вмешательства в его жизнь.

– Висит на гвоздике со всеми ключами в конторе. Он принадлежал Майклу, и я принес его сюда после смерти преподобного.

– И все знают, где он висит?

– Думаю, да. Там хранятся все ключи, а тот, что от башни, легко опознать.

– Сколько человек в Тойнтон-Грэйндж слышали, что вы собирались сегодня пойти в башню?

– Все. Я сообщил о своих планах после молитвы. Всегда так делаю. Они должны знать, где искать меня, если что. Там были все, кроме Мэгги и Миллисенты. Только ваши намеки просто смешны.

– В самом деле? – спросил Дэлглиш.

Не успел он пошевелинуться, как Джулиус, стоявший ближе к двери, выскользнул в коридор. Оставшиеся молча ждали его. Минуты через две Корт вернулся и с мрачным удовлетворением произнес:

– В конторе пусто, а ключа нет. Это значит, что тот, кто его взял, еще не смог вернуть его назад. Да, кстати, по дороге обратно я встретил Дот. Она рышет в своем хирургическом аду и стерилизует столько инструментов, что хватит на целую операцию. Все это походило на встречу с гарпией в струе пара. Во всяком случае, она нелюбезно заверила меня, что находилась в конторе примерно с двух часов почти до самого нашего приезда. Она не помнит, висел ли ключ от башни на общей доске. Она его не заметила. Боюсь, я насторожил ее, Уилфред, и все-таки мне казалось, что важно сразу же установить определенные факты.

Дэлглиш подумал, что факты можно было бы установить и без прямых расспросов. И уже было слишком поздно начинать расследование, да и в любом случае ему отчаянно не хотелось ничего затевать, а уж тем более противопоставлять слой ортодоксальный профессионализм любительскому энтузиазму Джулиуса. Однако он все же спросил:

– А Моксон не сказала – не заходил ли кто в комнату, пока она там была? Злоумышленник мог попытаться вернуть ключ на место.

– По ее словам, туда – что весьма нетипично – только ленивый не заглядывал. В начале третьего заехал Генри, потом снова выехал. Ничего не объяснял. Полчаса назад забегала Миллисента – искала вас, Уилфред. Во всяком случае, так она сказала. Через несколько минут появился Деннис, искал какой-то телефонный номер. Перед самым нашим приездом приперлась Мэгги. Тоже никаких объяснений. Не задерживалась, но

спросила Дот, не видела ли она Эрика. Единственный точный вывод из всего этого – Генри не мог в интересующее нас время находиться на мысу. Да мы это и так знаем: кто бы ни зажег огонь, этот кто-то обладает парой крепких ног.

Например, сам Джулиус, подумал Дэлглиш. Он снова заговорил, обращаясь непосредственно к притихшей фигуре на кровати:

– Вы никого не видели из башни? До того, как она загорелась, или позже.

Прежде чем ответить, Уилфред немного помолчал.

– Кажется, видел. – Увидев лицо Джулиуса, он быстро продолжил: – Кажется, видел, но мельком. Когда начало гореть, я сидел у южного окна – того, что выходит на море. Почувствовал дым и спустился на второй этаж. Открыл дверь вниз и увидел, что солома дымится и уже показалось пламя. Тогда бы мне и выбежать, а я вдруг запаниковал. Жутко боюсь огня. Это совершенно иррациональный ужас, куда сильнее обычного страха. Наверное, вы бы назвали это фобией. Словом, я самым постыдным образом вбежал наверх и начал метаться от окна к окну, безнадежно выглядывая, кто бы мне помог. Тогда-то я и увидел – если только это не галлюцинация – фигуру в коричневой сутане между валунами на юго-востоке.

– И оттуда ваша галлюцинация могла совершенно безбоязненно сбежать либо на дорогу, либо вниз к пляжу, – вмешался Джулиус. – Если ей, конечно, хватило ловкости спуститься по тропе к пляжу. А что за фигура – мужчина или женщина?

– Просто фигура. Я видел ее мельком. Я закричал, но ветер дул мне в лицо, и тот человек, видимо, ничего не услышал. Я и не подумал, что это может быть женщина.

– Ну так подумайте теперь. Полагаю, капюшон был накинут?

– Да.

– В такой теплый день! Рассудите сами, Уилфред. Кстати, в конторе висят три коричневые сутаны. Я обшарил карманы в поисках ключа, потому и обратил внимание. Три сутаны. А сколько у вас их вообще?

– Восемь летних. Они всегда в конторе. У моей пуговицы отличаются, а остальные у нас общие. Мы берем, какая под руку подвернется.

– Вы были в своей, Деннис и Филби, надо полагать, тоже – значит, не хватает двух.

– Эрик тоже вполне мог надеть, он часто так делает. И Хелен иногда накидывает, когда холодно. И насколько могу припомнить, одна сутана сейчас в починке. А одна вроде бы потерялась еще до смерти Майкла, но я точно не уверен. Может, уже и нашлась. Мы их не очень-то отслеживаем.

– Практически невозможно проверить, пропала какая-нибудь из них или нет, – произнес Джулиус. – Вот что, Дэлглиш, пожалуй, нам с вами надо теперь их изучить. Если она еще не вернула ключ, то, может быть, она все еще ходит в сутане.

– Мы ведь не доказали, что это женщина, – возразил Дэлглиш. – Да и что цепляться именно за сутану? Ее вполне могли снять и бросить где угодно в Тойнтон-Грэйндж, не возбуждая ни у кого подозрений.

Энсти приподнялся на локте и с неожиданной силой сказал:

– Нет, Джулиус, я запрещаю! Я не позволяю допрашивать всех подряд. Это просто несчастный случай.

Джулиус, который вроде бы вошел во вкус роли главного следователя, произнес:

– Ну ладно. Несчастный случай так несчастный случай. Вы забыли запереть дверь. Выбили непотухшую трубку и случайно подожгли башню. Фигуру видели просто потому, что кто-то из Тойнтон-Грэйндж вышел – или вышла – на совершенно невинную прогулку по взморью. Дальше путник так залюбовался красотами природы, что напрочь не заметил огня, не почувствовал запаха дыма и не услышал ваших криков. А что было потом?

– Вы имеете в виду – после того, как я увидел фигуру? Да ничего. Я, конечно, понял, что не сумею вылезти в окно, и спустился на второй этаж. Открыл дверь вниз. Последнее, что я помню, – это клубы удушающего дыма и завеса огня. От дыма я не мог дышать, огонь выжигал глаза. Я не успел закрыть дверь, как потерял сознание. Наверное, следовало поступить наоборот – накрепко закрыть обе двери. Но когда паникуешь, трудно принять разумное решение.

– А кто знает, что вы панически боитесь огня? – поинтересовался Дэлглиш.

– Думаю, многие. Почти все. Не совсем точно знают, какой это навязчивый и глубинный страх, зато хорошо известно, что меня пугает возможность пожара. Я настаиваю на том, чтобы пациенты спали на первом этаже. Меня давно тревожило, что лазарет находится наверху. И Генри я только после долгих уговоров позволил жить на втором этаже. Впрочем, кому-то все равно пришлось бы спать в старой части дома, а лазарет и спальни медперсонала надо было устроить рядом с медкабинетом, на случай необходимости. Вполне логично и благоразумно бояться пожара в таком доме. Однако эта осторожность и близко не походит на тот дикий страх, который я испытываю при виде дыма и пламени.

Энсти прикрыл ладонью глаза. Дэлглиш с Кортон увидели, что он

начал дрожать. Джулиус взирал на распростертую на постели трясущуюся фигуру с почти медицинским интересом.

– Пойду позову Дот Моксон, – произнес Дэлглиш.

Он едва успел повернуться к двери, как Энсти протестующе вскинул руку. Дрожать он перестал.

– Но вы верите, что работа, которую я тут веду, этого стоит? – спросил он, глядя на Джулиуса.

Дэлглиш гадал про себя: один ли он заметил, что Джулиус слегка помедлил, прежде чем ровным голосом ответить:

– Разумеется.

– Вы ведь говорите не для того, чтобы меня успокоить, вы верите в это?

– Иначе я бы этого не сказал.

– Конечно. Простите меня. И вы согласны, что работа важнее того, кто ее исполняет?

– Это уже более трудный вопрос. Я бы сказал: работа – это тот, кто ее исполняет.

– Только не здесь. Здесь все налажено. Приют прекрасно мог бы функционировать и без меня.

– Да, если его будут нормально субсидировать, а местные власти продолжают присылать сюда пациентов по контракту. Однако функционировать без вас ему не придется, если вы будете вести себя разумно и закончите изображать героя третьеразрядной теледрамы. Вам это не идет, Уилфред.

– Я пытаюсь вести себя разумно, и я не храбрец. Вы же знаете, по части физического мужества у меня не слишком хорошо. Мужество – именно то достоинство, о котором я более всего сожалею. У вас обоих оно есть – не спорьте. Я знаю, и я вам завидую. Но в данной ситуации оно и ни к чему. Видите ли, я не верю, что кто-то и вправду пытался меня убить. – Он повернулся к Дэлглишу: – Объясните, Адам. Вы должны понимать, чего я хочу.

Коммандер проговорил, осторожно подбирая слова:

– Можно заметить, что оба покушения были в общем и целом несерьезными. Обтрепанные края веревки? Едва ли это надежный метод, и большинство ваших знакомых должны знать, что вы не начнете подъем, не проверив снаряжение. И что вы не станете подниматься в одиночестве. Нынешняя шарада? Скорее всего вам бы ничего не грозило, если бы вы закрыли обе двери и оставались наверху. Было бы не слишком уютно, даже жарковато, но реальной опасности никакой. Огонь бы погас сам собой. Вы

чуть не погибли потому, что открыли среднюю дверь и наглотались дыму.

– А если бы сено горело слишком сильно и дверь на второй этаж тоже занялась бы? – спросил Джулиус. – Она ведь деревянная. Второй этаж вспыхнул бы в считанные секунды, огонь бы добрался и до самого верха. Тогда бы вас уже ничего не спасло. – Он повернулся к Дэлглишу: – Разве я не прав?

– Возможно. Вот почему необходимо обратиться в полицию. Шутников, которые заходят в своих шуточках так далеко, приходится принимать всерьез. И неизвестно – сумеют ли вам прийти на помощь в следующий раз.

– Не думаю, что следующий раз вообще будет. По-моему, я знаю виновника. Я не так глуп, как выгляжу. Обещаю, что приму меры предосторожности. Не знаю, но мне почему-то кажется, что тот, кто это совершил, с нами долго не пробудет.

– Вы не бессмертны, Уилфред, – промолвил Дэлглиш.

– Знаю. И конечно, я тоже могу ошибаться. Так что, наверное, пора мне поговорить с «Риджуэл траст». Полковник Риджуэл сейчас за границей, объезжает свои заведения в Индии, но должен вернуться восемнадцатого. Попечители будут рады получить ответ в конце октября. Надо только кое-что согласовать. Я не передам приют, не обсудив вопрос с семьей. Я обещал устроить семейный совет. И если кто-то пытается запугать меня и заставить отречься от своей клятвы, то я позабочусь о том, чтобы мои труды ничто не могло разрушить – жив я или мертв.

– Если вы передадите все имущество «Риджуэл траст», Миллисенте это не понравится, – заметил Джулиус.

На лице Уилфреда застыла упрямая гримаса. Мгновенная перемена показалась Дэлглишу весьма интересной. Кроткие глаза вмиг стали жесткими и словно остекленели, рот сжался в твердую, бескомпромиссную линию. И однако в целом выражение получилось скорее обидчиво-капризное, как у заупрямившегося ребенка.

– Миллисента продала мне свою долю совершенно добровольно, причем по честной цене. Ей не на что жаловаться. Если я уеду отсюда, начатое дело продолжится все равно, вне зависимости оттого, что случится со мной. – Он улыбнулся Джулиусу: – Я знаю, что вы неверующий, так что найду для вас другой авторитет вместо Господа. Как насчет Шекспира? «Готовься к смерти, а тогда и смерть, и жизнь – что б ни было – приятней будет»[note\[5\]](#).

Глаза Джулиуса Корта на миг встретились над головой Уилфреда с глазами Дэлглиша. Они обменялись словно безмолвным посланием и

прекрасно поняли друг друга. Джулиус с трудом сдерживал усмешку. Наконец он сухо произнес:

– Дэлглиш вроде бы после болезни. Он и так уже выдохся, спасая вас. Я, может, выгляжу и здоровым, но мне силы нужны на мои личные удовольствия. Так что если вы твердо решили передать все «Риджуэл траст» в конце месяца, то попытайтесь хотя бы три недели не рисковать и быть паинькой.

III

Когда они вышли из комнаты, Дэлглиш спросил:

– Вы думаете, ему и правда грозит настоящая опасность?

– Не знаю. Возможно, сегодня он оказался ближе к смерти, чем кому-то хотелось.

Корт чуть помолчал и добавил со снисходительно-ласковой насмешкой в голосе:

– Глупый старый комедиант! «Готовься к смерти, а тогда и смерть, и жизнь – что б ни было – приятней будет». Я уж думал, мы углубимся в «Гамлета» и выслушаем, что «решимость – это все». Одно ясно. Он не разыгрывал храбреца. То ли не верит, что кто-то в Тойнтон-Грэйндж покушается на его жизнь, то ли считает, будто знает своего врага, и уверен, что может с ним – или с ней – справиться сам. Или это он разжег огонь. Погодите, сейчас перевяжу руку, а потом поедемте выпьем. Судя по вашему виду, вам сейчас стаканчик не помешает.

Однако Дэлглишу надо было еще кое-что сделать. Он оставил громогласно изъявляющего опасения Джулиуса на милость Дот Моксон и двинулся обратно в «Надежду» за фонариком. Пить и правда хотелось, но он успел только глотнуть холодной воды из-под крана. Хотя окна оставались распахнутыми, за каменными стенами маленькой гостиной было так же душно и жарко, как в день его приезда сюда. Когда Дэлглиш закрывал дверь, висевшая рядом сутана качнулась, и он снова уловил слабый, немного пыльный церковный запах. Матерчатая спинка и ручки кресла чуть лоснились в тех местах, где на них покоились руки и голова отца Бэддли. Дух старого священника еще витал здесь, хотя Дэлглиш чувствовал его присутствие слабее, чем в первые дни. И общения с этим духом не выходило. Чтобы получить совет отца Бэддли, требовалось идти тропами хоть и знакомыми Дэлглишу, однако непривычными. И по некоторым из них он не считал себя вправе ходить.

И вообще Адам на удивление устал. Холодная вода с резким металлическим привкусом лишь подчеркнула эту непонятную усталость. Мысль об узкой кровати на втором этаже, о том, чтобы броситься на это жесткое ложе, казалась почти неотразимой. Даже смешно – такое незначительное усилие, а он настолько вымотался. А еще почему-то было ужасно жарко. Дэлглиш поднес руку ко лбу – на пальцах остались липкие и холодные капли пота. Похоже, у него поднялась температура. В больнице

ведь предупреждали, что лихорадка может вернуться. Внезапно Дэлглиша разобрала дикая злость – на врачей, на Уилфреда Энсти, на себя самого.

Как просто было бы собрать вещи и вернуться к себе в Лондон. Там, над Темзой, так прохладно и спокойно. Никто бы не искал его – все думали бы, что он еще в Дорсете. Или можно оставить Энсти записку и просто уехать – весь западный край в его распоряжении. Для выздоравливающего найдется сотня мест получше этого погрязшего в клаустрофобии и эгоизме приюта, якобы желающего через страдание достичь любви и самоочищения. Приюта, где люди шлют друг другу ядовитые анонимные письма, устраивают детские и злые выходки или, устав ждать смерти, сами бросаются навстречу забвению. И ведь в Тойнтоне его ничто не держит, упрямо твердил Дэлглиш, прижавшись горящим лбом к холодному квадратику стекла над раковиной, который, судя по всему, служил отцу Бэддли зеркалом для бритья. Должно быть, это просто последствие болезни – глупое слабование и нерешительность. Болезнь держит его здесь, не дает уехать. И он ведет себя не как человек, твердо вознамерившийся покончить с расследованиями, а просто как фанатик любимой работы.

Выходя из коттеджа и начиная долгий путь к вершине утеса, Адам никого не увидел. На побережье еще вовсю сияло солнце – казалось, что перед закатом свет стал даже ярче. Зеленые подушки мха на крошащихся каменных стенах слепили глаза. Каждый цветок переливался, словно самоцвет, и тихо мерцал в дрожащем от зноя воздухе. А когда Дэлглиш наконец добрался до башни, она сверкала, точно полированное черное дерево, и как будто чуть покачивалась, расплывалась. Казалось – протяни руку, и черные стены растают. Длинная черная тень пролегла через мыс, точно указующий перст.

Пока не стемнело, Дэлглиш принялся за изучение местности вокруг башни. Фонарик он решил приберечь для поисков внутри. У крыльца лежала неряшливая груда обгорелой соломы и прочего мусора, но легкий ветерок, неизменно дующий на этом открытом месте, уже разворошил ее, утащив отдельные обрывки почти к самому краю утеса. Дэлглиш начал осмотр с земли под стенами башни, потом расширил круг и все же ничего не нашел, пока не добрался до груды булыжников примерно в пятидесяти ярдах к юго-западу от башни.

Камни имели довольно оригинальную форму, поскольку являлись не столько природным образованием, сколько результатом прихоти строителя башни, который вздумал выложить оставшиеся со строительства камни в виде миниатюрной горной гряды. Эта гряда тянулась полукругом, а острые пики высотой от шести до восьми футов были обрамлены круглыми

холмами. Неплохое убежище для того, кто хочет незаметно пробраться либо на тропу с обрыва, либо обходным путем к проселочной дороге.

Здесь-то, за одним из больших валунов, Дэлглиш и нашел то, что ожидал найти: легкую коричневую сутану, плотно скатанную и засунутую в трещину между двумя камнями поменьше. Больше ничего обнаружить не удалось – ни отпечатков ног на сухом плотном дерне, ни жестянки, от которой пахло бы керосином. (Почему-то он рассчитывал найти банку из-под керосина. Хотя солома и сухая трава с первого этажа башни вполне могли дать сильное пламя, командер сомневался, что они так хорошо занялись бы от одной брошенной спички.)

Он сунул сутану под мышку. Будь это настоящее расследование, поиски убийцы, судебные эксперты внимательнейшим образом изучили бы ее на предмет каких-либо ниток, пыли, пятен керосина, любой биологической или химической связи с кем-либо из Тойнтон-Грэйндж. Однако это не было настоящим расследованием. А даже если бы на сутане и обнаружались нитки от конкретных брюк, рубашки, куртки или даже платья кого-то из Тойнтон-Грэйндж, что бы это доказывало? Безусловно, любой из персонала мог вырядиться в соответствии с забавными представлениями Уилфреда о рабочей одежде. То, что сутана оказалась здесь, вероятно, свидетельствовало, что ее хозяин предпочел спуститься вниз по тропе, а не уйти по дороге – иначе отчего бы не продолжать маскарад? Разве что это была женщина, обычно не носившая сутаны. В таком случае она сильно рисковала, что ее заметят на мысе вскоре после пожара. И все же никто – ни мужчина, ни женщина – не пошел бы в подобном наряде по тропе. Этот путь был быстрее, но значительно труднее, а сутана бы путалась в ногах и мешала идти. И на ней точно остались бы красноречивые следы песка или водорослей с затянутых зеленью камней пляжа. Или сутану могли оставить здесь специально, чтобы Дэлглиш нашел ее, как письмо в бюро отца Бэддли, – в том самом месте, где он бы скорее всего стал искать. Зачем было вообще ее бросать? В скатанном виде она бы не мешала ни спускаться с утеса, ни пробираться вдоль моря.

Дверь башни по-прежнему стояла нараспашку. Внутри все еще пахло огнем, но теперь уже слабо, почти приятно – такой ностальгически-знакомый осенний запах горелой травы. Нижняя часть веревочных перил выгорела. С железных колец свисали обугленные обрывки.

Дэлглиш включил фонарик и приступил к систематическим поискам. Через пару минут он нашел то, что искал, – измятую и почерневшую жестянку, в которой могло когда-то храниться какао. Командер понюхал ее. Почудилось – или от нее еще слабо пахло керосином?

Осторожно держась за опаленную стену, Дэлглиш двинулся наверх. На втором этаже он ничего интересного не обнаружил и рад был вылезти из этой темной, словно смыкающейся вокруг каморки без окон. Наверху контраст со вторым этажом оказался разителен. Маленькую комнатку заливал свет. В ширину она не превышала шести футов, а сводчатый узорный потолок придавал ей вид очаровательный и слегка женственный. В четырех из восьми окон не хватало стекол, и через них в помещение струился холодный, пахнувший морем воздух. Из-за маленьких размеров комнатки башня казалась выше, чем на самом деле. У Дэлглиша возникло ощущение, будто он повис в декоративной перечнице между морем и небом. Здесь царила абсолютная, дарующая покой тишина. Слышалось лишь тиканье наручных часов Дэлглиша да неумолчный умиротворяющий гул моря. И почему это, задумался командер, тот Уилфред Энсти, живший в эпоху Виктории и уморивший себя голодом, не подал сигнал бедствия в одно из этих окон? Должно быть, к тому времени, когда муки голода и жажды сломали волю старика, он уже так ослаб, что не мог взобраться по лестнице. В этом миниатюрном царстве света не было никаких следов ужаса и отчаяния, что некогда испытывал владелец башни. Выглянув в южное окно, Дэлглиш увидел море – покрытая легкой рябью лазурная гладь тянулась до уже окрасившегося пурпуром горизонта, где неподвижно торчал красный треугольник паруса. В другие окна открывалась широкая панорама залитого солнцем мыса. От расположенного в долине Тойнтон-Грэйндж со всеми его коттеджами виднелись лишь высокие трубы большого дома. Дэлглиш обратил внимание на то, что участок мшистого дерна, где стояло кресло Холройда перед роковым броском к гибели, а также ведущая к нему узкая тропа также скрыты из вида. Что бы ни произошло в тот роковой вечер, с башни разглядеть это было невозможно.

Обставлена комната оказалась совсем просто. Деревянный стол и несколько стульев у выходящего на море окна, маленький дубовый буфет, тростниковая циновка на полу, посередине – старомодное кресло из тонких планочек, с подушечками, на стене – деревянный крест. Дэлглиш увидел, что дверца буфета открыта, а в замке торчит ключ. Внутри оказалась маленькая коллекция порнографических книжонок самого низкопробного толка. Даже учитывая естественную тенденцию (Дэлглиш понимал, что и он в этом вопросе не без греха), сам он точно выбрал бы что-нибудь другое. Это была идиотская и убогая подборка о самобичеваниях, истязаниях плоти и прочих гадостях, не способная, на его взгляд, вызвать ничего, кроме скуки и омерзения. Правда, лежал там и «Любовник леди Чаттерлей» – роман, по мнению Дэлглиша, недотягивающий ни до настоящей

литературы, ни до настоящей порнографии, однако остальное ни в какие рамки не лезло. И хотя Дэлглиш не общался с отцом Бэддли более двадцати лет, все равно трудно было представить, чтобы кроткий, аскетичный и утонченный священник проявил пристрастие к такой жалкой дешевке. А если проявил, то зачем оставил буфет незапертым или хранил ключ там, где его мог легко обнаружить Уилфред? Напрашивалось иное, более естественное объяснение: книги принадлежали самому Энсти, и он успел только открыть шкафчик, как почувствовал запах гари. В последовавшей же затем панике Уилфред забыл запереть доказательства своего тайного грешка. Наверняка он вернется, едва сможет. И если это умозаключение верно, вывод отсюда один: Уилфред не сам устроил пожар.

Оставив дверцу раскрытой ровно в том положении, как и нашел, Дэлглиш тщательно осмотрел пол. Грубая плетенка была кое-где разорвана и покрыта пылью. Судя по затяжкам и царапинам на ней, Энсти передвигал стол от восточного окна к южному. Еще Дэлглиш нашел пепел от двух разных на первый взгляд сортов табака, однако собрать этот пепел без увеличительного стекла и пинцета было невозможно. Справа от восточного окна, меж соломинок циновки, Дэлглиш обнаружил нечто легко опознающееся даже невооруженным глазом – использованную желтую картонную спичку, точно такую же, как у постели отца Бэддли. Она была разорвана на пять узеньких полосочек.

IV

Парадная дверь Тойнтон-Грэйндж, как обычно, была не заперта. Дэлглиш молча и быстро поднялся по лестнице в комнату Уилфреда. Приближаясь, он услышал изнутри отзвуки разговора. Воинственно-укоряющий голос Дот Моксон явно брал верх над приглушенным ропотом мужчин. Дэлглиш вошел не стучась. Три пары глаз воззрились на него настороженно и осуждающе. Уилфред все так же полулежал на постели. Деннис Лернер поспешно отвернулся к окну, однако Дэлглиш успел заметить, что лицо у него в пятнах, будто он плакал. Дот сидела возле кровати, решительная и неколебимая, точно мать у кровати больного дитяти. Деннис пробормотал, словно Дэлглиш требовал от него объяснений:

– Уилфред рассказал мне, что произошло. Просто невысказано!

– Однако все так и случилось. И это чистейшая случайность, – произнес Уилфред с ослиным упрямством, которое лишь подчеркивало, как он доволен своей главной ролью в этом маленьком спектакле.

– Но... – начал было Деннис, однако Дэлглиш прервал его, положив скатанную сутану на постель:

– Я нашел ее среди валунов за башней. Если вы передадите сутану полиции, они могут выяснить что-нибудь важное.

– Я не собираюсь обращаться в полицию и решительно запрещаю кому-либо делать это ради меня!

– Не волнуйтесь, – спокойно произнес Дэлглиш. – Я не собираюсь понапрасну отнимать у них время. Судя по вашей решимости ни за что не привлекать полицейских, они скорее всего заподозрят, что вы сами подожгли солому. Так оно и было?

Деннис задохнулся от потрясения, Дот возмущенно запротестовала, но Уилфред поспешил объяснить:

– Нет-нет, Дот, вполне естественно, что Адам Дэлглиш так подумал. Он профессионально обучен подозревать и проявлять недоверие. Нет, я не пытался сжечь себя заживо. Одного самоубийства в черной башне на нашу семью вполне достаточно. Правда, мне кажется, я знаю, кто развел огонь, и с этим человеком разберусь тогда, когда сочту нужным, и так, как сочту нужным. А до тех пор я хочу, чтобы никто ничего не рассказывал никому из членов нашей семьи. Благодарение Господу, в одном я могу быть уверен: никто из них не приложил руки к случившемуся. Теперь, когда я уверен в

этом, я понимаю, что мне делать. И если вы будете столь добры оставить меня...

Дэлглиш не стал дожидаться и проверять, последуют ли остальные его примеру. Он удовлетворился тем, что уже у дверей сказал:

– Если вы думаете о мести, забудьте. А если не можете или не смеее действовать в рамках закона, лучше вообще ничего не предпринимайте.

Энсти улыбнулся своей бесящей кроткой улыбочкой:

– О мести, командер? Мести? Этого в философии Тойнтон-Грэйндж просто нет.

Проходя через холл, Дэлглиш никого не увидел и не услышал. Дом стоял тих и безжизнен, точно опустевшая раковина. После секундного размышления Дэлглиш зашагал на мыс к коттеджу «Любовь». Вокруг было безлюдно – лишь с утеса спускалась одинокая фигура: Джулиус, несущий в каждой руке по бутылке. При виде Дэлглиша он приподнял их полубоксерским-полузаздравным жестом. Командер махнул рукой в ответ и зашагал по каменистой тропе к коттеджу Хьюсонов.

Через приоткрытую дверь не доносилось никаких звуков. Адам постучал и, не получив никакого ответа, зашел в дом. Коттедж «Любовь», расположенный поодаль от двух других зданий, был больше их, и гостиная, купавшаяся в потоках льющегося из двух окон солнечного света, радовала глаз соразмерностью пропорций. Однако в остальном она выглядела грязной и запущенной, словно отражала мятущуюся и недовольную натуру Мэгги. У Дэлглиша сложилось впечатление, что молодая женщина нарочно не распаковывала вещи, дабы подчеркнуть: они с мужем здесь долго не задержатся. Немногочисленная мебель, по всей видимости, до сих пор стояла там, куда еще при переезде ее поставили грузчики. Перед большим телевизором, который доминировал над всей комнатой, расположился грязный и потертый диван. Скучная медицинская библиотечка Эрика нашла себе место на полках книжного шкафа, где, помимо книг, размещалась причудливая коллекция фарфора, всевозможных безделушек, пластинок и стоптанных туфель. На стандартно-уродливой лампе, что списала с потолка, не было даже плафонов. Две картины стояли на полу лицом к стене – у обеих шнуры сзади были перекручены и порваны. Посередине комнаты торчал квадратный стол, на котором красовались остатки позднего ленча: разорванный пакет из-под печенья, откуда сыпались крошки, кусок сыра на щербатой тарелке, масло, растекшееся по бумажной обертке, незакупоренная бутылка кетчупа с красными потеками на горлышке. По этим остаткам трапезы разгуливали, выписывая сложные узоры, две жирные мухи.

Из кухни доносились шум воды и гудение газовой колонки. Эрик и Мэгги мыли посуду. Внезапно колонка выключилась, и Дэлглиш услышал голос Мэгги:

– Ты слабак, несчастный слабак! Позволяешь им тебя использовать. И если трахаешься с этой высокомерной сучкой – только не воображай, будто меня это хоть как-то волнует! – то лишь потому, что не можешь ей отказать. А на самом деле она нужна тебе не больше, чем я.

Эрик что-то тихо пробормотал в ответ. Раздалось звяканье посуды, а потом снова раздался голос Мэгги:

– Ради Бога, ты ведь не можешь прятаться здесь вечно! Та поездка в больницу Христа Спасителя прошла не так плохо, как ты боялся. Никто ничего не сказал.

На этот раз ответ Эрика прозвучал вполне отчетливо:

– А им и не требовалось ничего говорить. Да и вообще, кого мы видели-то? Консультанта по физиотерапии да регистраторшу. Она все знала – и дала мне это понять. Так оно будет, даже если я получу работу. Мне не дадут ничего забыть. Врач-отщепенец. Всех пациенток моложе шестнадцати лет тактично передадут другим партнерам, просто на всякий случай. Уилфред по крайней мере обращается со мной как с человеком. Я приношу пользу. Я могу заниматься своей работой.

– Да какой, на фиг, работой? —почти заорала на него Мэгги. Оба голоса снова потонули в шуме воды и колонки. Потом снова стало тише, и Мэгги визгливо выкрикнула:

– Ну ладно! Ладно! Ладно! Я же сказала, что не стану рассказывать, – и не рассказала. Но если ты так и будешь ныть по этому поводу, я могу и передумать.

Ответом снова стало неразборчивое бормотание, хотя на сей раз в нем явственно слышался упрек. Потом снова заговорила Мэгги:

– Ну а если я это и сделала? Сам знаешь, он ведь был не дурак. Прекрасно понимал, что происходит нечто необычное. Ну и чего плохого? Он же умер. Умер. Умер. Умер.

Внезапно Дэлглиш осознал, что замер как вкопанный посреди гостиной, насторожив слух, будто на самом настоящем официальном расследовании, его собственном расследовании, где каждое подслушанное слово может оказаться жизненно необходимой уликой. Раздосадованный, он буквально силком заставил себя встряхнуться, сделал несколько шагов назад, к двери, и уже поднял руку, чтобы постучать погромче, как из кухни вылетела Мэгги с маленьким жестяным подносом в руках. За спиной у нее маячил Эрик. Молодая женщина быстро оправилась от потрясения и

залилась почти естественным смехом:

– О Боже, только не говорите, что Уилфред звонил в Ярд, чтобы засадить меня за решетку. Бедняжка вечно так волнуется. Зачем вы пришли, дорогой? Сообщить, что меня заберут для дачи показаний?

В дверях потемнело. На пороге показался Джулиус. Должно быть, подумал Дэлглиш, ему пришлось бежать, чтобы поспеть сюда так быстро. С чего бы такая спешка? Тяжело дыша, Корт водрузил на стол две бутылки виски.

– Искупительная жертва.

– Я так и подумала!

Мэгги немедленно принялась флиртовать. Глаза под тяжелыми веками заискрились, засверкали то в сторону Дэлглиша, то в сторону Джулиуса, точно Мэгги никак не могла решить, кого же из них одарить своей благосклонностью. Обратилась она к Дэлглишу:

– Джулиус обвинил меня в попытке зажарить Уилфреда заживо в черной башне. Знаю-знаю, все это не смешно. Зато Джулиус, когда напыжится, страх как потешен. И честно говоря, это полная чушь. Если бы я решила устроить святому Уилфреду веселую жизнь, то отлично бы добилась своего и не шныряя вокруг черной башни в тряпье. Правда, милый?

Она хохотнула и кинула на Джулиуса взгляд одновременно и угрожающий, и заговорщический. Однако ответной реакции он не возымел. Джулиус лишь торопливо произнес:

– Я вас ни в чем не обвинял. Просто с максимально возможным тактом спросил, где вы были после часа дня.

– На пляже, милый. Знаю, доказать это невозможно. Да только так же не докажешь и что меня там не было.

– Занятное совпадение, что и вам тоже пришло в голову прогуляться на пляж, а?

– Не больше, чем то, что вы ехали по той дороге.

– Вы никого не видели?

– Я же уже сказала, мой дорогой, ни души. А что, должна была? А теперь, Адам, ваша очередь. Разве вы не собираетесь в лучших столичных традициях попытаться очаровать меня и вытянуть правду?

– Только не я. Это дело Корта. Первейший принцип детектива: не вмешиваться в чужое расследование.

– Кроме того, милая моя Мэгги, – сказал Джулиус, – наши грошовые заботы командеру скучны и неинтересны. Как ни странно, ему до этого и дела нет. Он даже не удосужился притвориться, будто хочет выяснить – не

покрываю ли я Денниса, который спихнул Виктора с утеса. Унизительно, правда?

На этот раз в смешке Мэгги просквозило беспокойство. Она покосилась на мужа, точно неопытная хозяйка дома, которая боится, что вечеринка выходит из-под контроля.

– Джулиус, не говорите глупостей. Мы же знаем, вы никого не покрываете. Зачем вам это? Вам-то какая выгода?

– Как хорошо вы меня знаете, Мэгги! Никакой. Впрочем, я мог бы сделать это просто так, по доброте душевной. – Корт поглядел на Дэлглиша с кривой улыбкой и добавил: – Говорят, я слишком услужлив по отношению к друзьям.

Внезапно в разговор вмешался Эрик.

– Так что вам угодно, мистер Дэлглиш? – с неожиданной властью спросил он.

– Хочу кое-что спросить. В коттедже, у кровати отца Бэддли, я нашел спички с рекламой «Старого Тюдоровского амбара». Вот я и подумал съездить туда сегодня поужинать. Не знаете, он часто туда ходил?

Мэгги засмеялась:

– О Боже, нет! Думаю, он там вообще не бывал. Едва ли это заведение в духе Майкла. Спички дала ему я. Он любил подобные пустячки. Впрочем, в «Амбаре» не так уж плохо. Боб Доудер возил меня туда на ленч в мой день рождения, и нас очень хорошо обслужили.

– Я вам все опишу, – пообещал Джулиус. – Обстановка: цепь разноцветных фонариков, развешанных вокруг самого что ни на есть настоящего и вполне приличного амбара семнадцатого века. Первая перемена: консервированный томатный суп с ломтиком помидора для вящего правдоподобия и цветового контраста; замороженные креветки в бутылочном соусе на листике вялого салата; полдныни – если повезет, спелой – или домашний паштет шеф-повара – прямиком из местного супермаркета. Остальное меню сами может вообразить. Обычно – разнообразные бифштексы, которые там подают с морожеными овощами и тем, что называют «картошкой по-французски». Если будете пить, советую выбирать красное. Не знаю уж, хозяин сам его делает или просто переклеивает этикетки на бутылки, но это хотя бы вино. Белое – кошачья моча.

Мэгги снисходительно рассмеялась:

– О, дорогой, не будьте таким снобом, все не так плохо. Нас с Бобом покормили вполне прилично. И кто бы ни разливал вино, на меня, во всяком случае, оно подействовало так, как надо.

– Ресторан мог испортиться, – предположил Дэлглиш. – Сами знаете, как оно бывает. Шеф-повар увольняется, и буквально за одну ночь все меняется.

Джулиус рассмеялся:

– Вот в чем преимущество «Старого Тюдоровского» меню. Шеф-повар может меняться хоть раз в неделю, однако консервированный суп точно останется прежнего вкуса.

– Ну, с моего дня рождения там просто не успело бы ничего измениться, – промолвила Мэгги. – Он же был только одиннадцатого сентября. Я — Дева, мои милые. Подходяще, правда?

– Впрочем, отсюда можно доехать и до пары приличных мест, – сообщил Джулиус. – Могу назвать вам несколько таких заведений.

Он так и сделал, и Дэлглиш добросовестно записал их на задней страничке ежедневника. Однако когда Адам направился обратно в «Надежду», голова у него была занята более важной информацией.

Так, значит, Мэгги водила близкое знакомство с Бобом Лоудером. Услужливый Лоудер, равно готовый изменить завещание отца Бэддли (или переубедить его, чтобы он ничего не менял?) и помочь Миллисенте надуть брата на половину состояния, вырученного за продажу Тойнтон-Грэйндж. Хотя идея этого маленького заговора, конечно, принадлежала Холройду. Может, Холройд с Лоудером сговорились? Мэгги сообщила о встрече с Бобом Лоудером не без застенчивого удовлетворения. Если ее муж и пренебрег ею в такой день, она нашла себе утешителя. И что же там с Лоудером? Объяснялась ли его сговорчивость лишь желанием воспользоваться уступчивостью неудовлетворенной и легкомысленной женщины – или у него более злое причины поддерживать связь с Тойнтон-Грэйндж? А надорванная спичка? Дэлглиш еще не сравнивал ее с обрывками из коробка, что лежал у кровати отца Бэддли, однако не сомневался, что к одному из них она подойдет. Нельзя расспрашивать Мэгги дальше, не возбуждав подозрений, да ему и не требовалось больше задавать вопросы. Она не могла дать спички отцу Бэддли раньше одиннадцатого марта, дня накануне гибели Виктора Холройда. И одиннадцатого же числа отец Бэддли навещал своего поверенного. Значит, он не мог получить спички раньше того вечера. И он должен был находиться в башне на следующий день. Или утро. Хорошо бы, как представится случай, поговорить с мисс Уиллисон и спросить: приходил ли отец Бэддли в Грэйндж в среду утром? Судя по записям в дневнике, он взял за правило каждое утро посещать Грэйндж. А это значит, что Майкл почти наверняка находился в башне двенадцатого днем и, возможно, сидел у

восточного окна. Царапины на циновке, вызванные перестановкой мебели, выглядели совсем свежими. Впрочем, даже из того окна он не мог видеть, как кресло Холройда упало с утеса. И не мог даже издали наблюдать, как фигуры Лернера и Холройда движутся по мрачной лощине к участку зеленого дерна. А даже если бы и мог, чего стоили бы его показания, показания старика, в одиночестве читавшего у окна и слегка подремывавшего на солнышке? Нелепо искать здесь мотив для убийства. Однако, допустим, отец Бэддли точно не спал и не читал. Тогда весь вопрос не в том, что он рассмотрел, а в том, чего он не видел.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

БЕСКРОВНОЕ УБИЙСТВО

В последний день своей жизни Грейс Уиллисон сидела во дворике, греясь в лучах послеполуденного солнца. Они еще ласкали ее морщинистые щеки, но их прощальное тепло становилось слабее и слабее. Время от времени солнце пряталось за набежавшим облаком, и Грейс заметила, что дрожит от первых предвестий зимы. Воздух становился все пронзительнее, темнеть начинало раньше. Не много еще выпадет в этом году теплых дней, когда можно будет вот так посидеть во дворе. Даже сегодня она единственная из пациентов рискнула выйти сюда, да и то радовалась, что накрыла колени теплым пледом.

Она поймала себя на мыслях о командере Дэлглише. Хорошо бы он почаще заглядывал в Тойнтон-Грэйдж. Он ведь, судя по всему, еще живет в «Надежде». Вчера помог Джулиусу спасти Уилфреда от пожара в черной башне. Уилфред, как и следовало ожидать, отнесся к своему испытанию спокойно. Огонь был совсем маленьким, он зажег его по неосторожности, да и никакой настоящей опасности ему не грозило. И все равно, думала Грейс, хорошо, что командер оказался рядом и сумел помочь.

Неужели он покинет Тойнтон, не попрощавшись. Она очень надеялась, что нет. За то краткое время, что они провели вместе, командер ей очень понравился. Было приятно посидеть с ним сейчас, поговорить об отце Бэддли. Никто в Тойнтон-Грэйдж даже не упоминал этого имени. Но разве можно ожидать, что командер станет так бездарно проводить время?

Мысль эта не содержала ни капли горечи или обиды. В Тойнтон-Грэйдж и в самом деле нет ничего интересного. И вряд ли уместно посылать Дэлглишу приглашение от себя лично. Грейс позволила себе минуту-другую пожалеть о той жизни, о которой она так мечтала и которую так планировала. Маленькая пенсия; крохотный, залитый солнцем коттеджик; яркий ситец и герань; вещи ее милой мамы – те, что пришлось продать перед переездом в Тойнтон: чайный сервиз с розочками, письменный стол красного дерева, набор акварелей с соборами Англии. Как чудесно, когда ты можешь приглашать кого угодно к себе на чай. Не унылое совместное чаепитие за щербатым столом, а настоящий чай. Свой стол, свой чайный сервиз, свой гость.

Книжка на коленях давила все сильнее. Троллоп. «Последняя хроника Барсета» в бумажном переплете. Томик так и пролежал здесь, пока она сидела во дворике. Грейс удивилась – отчего же не хочется открывать его?

А потом вспомнила. Именно эту книгу она перечитывала в тот ужасный день, когда принесли тело Виктора. С тех пор Грейс не притрагивалась к ней. Но это, в конце концов, просто смешно. Надо прогнать дурацкие мысли из головы. Глупо... Нет, даже неправильно портить себе удовольствие от книги, которую она очень любила, – неторопливый мирок церковных интриг, такой здравомыслящий, с такой тонкой моралью. Не стоит загрязнять его картинами насилия, ненависти и крови.

Обхватив больной левой рукой томик, Грейс правой рукой раскрыла его. Между страниц, на том месте, где она остановилась в последний раз, лежала закладка – тоненький стебелек розового львиного зева. И тут Грейс снова вспомнила. Это же цветок из маленького букетика, что принес ей отец Бэддли в день смерти Виктора. Он рвал цветы только для нее. Они стояли так недолго и увядали в тот же день. А вот этот цветок она сразу же заложила в книгу. И теперь застыла, глядя на стебелек.

Внезапно на страницу легла тень.

– Что-то случилось? – спросил знакомый голос. Грейс подняла голову и улыбнулась:

– Нет-нет, ничего. Я просто кое-что вспомнила. Не странно ли, как разум отбрасывает все, что ассоциируется с ужасом или сильным потрясением? Коммандер Дэлглиш спрашивал не знаю ли я, что отец Бэддли делал в последние дни перед тем, как попал в больницу. А я ведь и правда знаю. Знаю, что он делал днем в среду. Не думаю, что это имеет хоть какое-то значение, да только все равно надо ему сказать. Я понимаю, вы ужасно заняты, однако, может быть, кто-то...

– Не волнуйтесь. Я выкрою время и загляну в «Надежду». Пора бы ему и показаться к нам, если он хочет остаться подольше. А теперь – вам не кажется, что лучше бы вернуться домой? Становится холодно.

Мисс Уиллисон благодарно улыбнулась. Сама она предпочла бы еще чуть-чуть посидеть во дворе, но не хотела настаивать. Ведь ей желали только добра. Она снова закрыла книгу, а крепкие руки убийцы схватили кресло и повезли Грейс навстречу смерти.

II

Урсула Холлис всегда просила сиделку оставить занавески незадернутыми, и сегодня в слабом мерцании циферблата часов у кровати различала высокую раму, отделявшую темноту снаружи от темноты внутри. Дело шло к полуночи. Ночь была беззвездной и очень тихой. Урсула лежала в такой густой и тяжелой мгле, что она почти физически давила на грудь, спускалась плотной завесой, мешая дышать. За окном спал мыс. Только мелкие ночные зверюшки, подумала Урсула, шныряют меж жестких стеблей травы. В самом доме еще были слышны отдаленные звуки: быстрые шаги по коридору; тихо притворившаяся дверь; скрип несмазанного колеса – кто-то пользовался креслом или подъемником; мышиный шелест из соседней комнаты, где то и дело ворочалась на постели Грейс Уиллисон; внезапный взрыв музыки, мгновенно притихшей снова, – кто-то открыл и закрыл дверь гостиной. Часы у кровати отсчитывали секунды, отбрасывая их в забвение. Урсула лежала неподвижно, теплые слезы беспрестанно текли по щекам и неожидан но холодным и липким градом падали на подушку. Под подушкой лежало письмо Стива. Время от времени Урсула с болезненным усилием клала правую руку на грудь и просовывала пальцы под подушку, нащупывая острый, как лезвие ножа, край конверта.

Могг переехал к нему, они живут вместе. Стив упомянул об этом почти небрежно, как о временном и взаимовыгодном соглашении, при котором делят пополам квартплату и расходы. Могг занимается стряпней; Могг обновил обстановку в гостиной и повесил новые полки; Могг подыскал Стиву работу клерка у своих издателей, которая может принести ему постоянный и большой доход. Новая книга стихов Могга выходит весной. И лишь мимолетный вопрос – как она себя чувствует? Стив обошелся даже без обычных расплывчатых и неискренних обещаний навестить ее. Ни слова не написал о ее возвращении домой, о своих переговорах с местными властями. К чему? Она никогда не вернется. Они оба знали это. И Могг знал.

Урсула получила письмо только перед чаем. Алберт Филби необъяснимо затянул с почтой и вложил конверт ей в руку в начале пятого. Хорошо, что она в тот момент сидела в гостиной одна, что Грейс Уиллисон еще не вернулась со двора к чаепитию. Никто не видел лица Урсулы, когда она читала письмо, некому было задавать тактичные вопросы или еще

более тактично воздерживаться от них. Гнев и потрясение помогли молодой женщине продержаться до этой минуты. Она цеплялась за гнев, подпитывая его воспоминаниями и картинками, созданными в ее воображении, она заставила себя съесть два ломтика хлеба, выпить чай, принять участие в общей беседе ни о чем. Только теперь, когда ровное дыхание Грейс Уиллисон сменилось легким похрапыванием, когда больше не оставалось риска, что Хелен или Дот решат заглянуть к ней, когда Тойнтон-Грэйндж наконец окутался пеленой ночной тишины, она могла дать выход отчаянию и тоске, могла предаться жалости к себе самой. И, начав литься, слезы уже не хотели утихать. Нашедшее выход горе было неутолимо. Урсула не могла обуздать рыдания, и это более не волновало ее, слезы не имели никакого касательства к горю или желанию, они стали физическим проявлением, произвольным, как икота, тихим и почти утешаемым, – непрерывный поток.

Она знала, что делать. Сквозь внутренний ритм слез Урсула прислушалась. Из-за соседней двери не раздавалось ни звука, кроме размеренного храпа Грейс Уиллисон. Урсула протянула руку и зажгла свет. Лампочка была самой маленькой мощности, какую только сумел найти Уилфред, но все равно почти слепила глаза. Урсула представила слепящий прямоугольник света, выдающий ее намерения всему миру. Она знала, что никто не увидит его, однако воображение все равно вдруг наполнило мыс шумом бегущих ног, громкими криками. Урсула уже не плакала, и все-таки распухшие глаза видели комнату, словно на полупроявленной фотографии: размытые, искаженные силуэты, колеблющиеся, тающие, различаемые сквозь слепящую завесу, пронизываемую иголочками света.

Она выждала. Ничего не произошло. Из соседней двери по-прежнему раздавалось лишь хриплое и мерное дыхание Грейс. Следующий шаг был легок: Урсула уже проделывала его дважды. Она скинула обе подушки на пол и, пододвинувшись к краю постели, осторожно сползла на мягкие валики. Хотя подушки и смягчили удар, ей показалось, будто вся комната содрогнулась. Молодая женщина снова подождала. Из коридора не донеслось ничьих торопливых шагов. Она приподнялась, села на подушках, прислонившись к кровати, и стала продвигаться к изножью. Вытянуть из халата пояс оказалось совсем нетрудно. И тогда Урсула начала мучительный путь к двери.

Ноги у нее были парализованы, вся сила, что осталась, заключалась в руках. Мертвые ступни лежали на холодном полу, белые и вялые, точно рыбы, пальцы распластались, будто отвратительные наросты. Линолеум был неполированным, но

ровным, и она скользила по нему с удивительной скоростью. Урсула вспомнила, с какой радостью она когда-то обнаружила, что у нее получается задуманное. Что она может, пусть этот способ нелеп и унизителен, передвигаться по комнате без помощи кресла.

Однако теперь предстоял более дальний путь. Хорошо, что двери в крыле были современными, хлипкими и, чтобы открыть их, требовалось всего лишь опустить ручку. Урсула связала пояс халата в петлю и со второй попытки ухитрилась набросить ее на ручку. Потянула – дверь тихонько открылась. Вытянув из-под себя одну подушку, Урсула выбралась в тихий коридор. Сердце грохотало в груди так, что, казалось, выдаст ее своим стуком. Она снова стянула пояс с ручки и, преодолев несколько футов коридора, услышала, как закрывается дверь.

В дальнем конце коридора всегда горела одна тусклая лампочка в темном плафоне, поэтому Урсула хорошо видела короткий лестничный пролет, что вел на второй этаж. Туда-то она и стремилась попасть. Добраться до лестницы оказалось на диво легко – линолеум в коридоре, хотя его тоже никогда не натирали, был еще более гладким, чем в спальне. А может, Урсула просто усовершенствовалась в избранном способе передвижения. Она скользила вперед с почти опьяняющей легкостью.

Однако лестница представляла собой препятствие посложнее. Урсула планировала подтягиваться по перилам, ступенька за ступенькой. Увы, приходилось втягивать и подушку – та еще понадобится на втором этаже. А подушка словно раздулась, превратилась в огромную мягкую и белую помеху. Ступеньки были узкими, прислониться к ним толком не получалось. Два раза подушка падала вниз, и два раза Урсуле приходилось спускаться, чтобы подобрать ее. С мучительным трудом преодолев четыре ступеньки, она выработала лучший способ продвижения: обвязала одним концом пояса талию, а другим – подушку. Жаль только, сразу халат не надела. Может, он и мешался бы, но без него Урсула уже дрожала.

Так, ступенька за ступенькой, потев и задыхаясь, несмотря на холод, она подтягивалась, цепляясь обеими руками за перила. Лестница немилосердно скрипела. Урсула в каждую секунду ждала услышать слабый призыв звонка у чьей-нибудь кровати, а в ответ на него – торопливые шаги Дот или Хелен.

Она не знала, сколько времени потребовалось на то, чтобы подняться наверх. Теперь Урсула сидела, скорчившись и дрожа, на верхней ступеньке, вцепившись трясущимися руками в перила так судорожно, что шаткое дерево буквально ходило ходуном. Она смотрела на темный холл внизу. Тогда-то и появилась фигура в плаще. Ни шум шагов не предвещал

появления этой фигуры, ни кашель, ни звуки дыхания. Секунду назад коридор был пуст, а в следующий миг человек в коричневом плаще – голова склонена, лицо скрыто спадающим капюшоном – безмолвно и быстро прошел вниз и скрылся в коридоре. Урсула ждала, испуганная, еле осмеливаясь дышать, съежившись, чтобы сделаться как можно незаметнее. Она вернется. Урсула знала, что она вернется. Как жуткое изображение смерти, которое она видела в старинных книгах, вырезанное на величественных гробницах. Она помедлит перед ней и, откинув скрывающий лицо капюшон, явит ослабившийся череп и пустые глазницы. Пронзит ее через перила костяными пальцами. Сердце Урсулы, в холодном ужасе бившееся в грудной клетке, словно разбухло и стало слишком большим для тела. Наверняка этот громкий частый стук выдаст ее! Кажется, прошла целая вечность, но Урсула понимала – на самом деле не больше минуты, прежде чем фигура вновь появилась и так же молча и быстро прошла в большой дом. Молодая женщина смотрела ей вслед полными ужаса глазами.

Тогда-то Урсула и поняла, что не покончит с собой. Это ведь всего-навсего Дот, или Хелен, или Уилфред. Кто же еще мог тут проходить в этот час? Однако потрясение, испытанное при виде этой безмолвной, тенью скользнувшей мимо фигуры, возродило в душе Урсулы волю к жизни. Если она и правда хочет умереть, то что же делает здесь, скорчившись в неудобной позе на холодном полу? У нее ведь есть пояс от халата. Даже сейчас не поздно затянуть его вокруг горла и соскользнуть с лестницы. Только Урсула не могла. Сама мысль о последнем падении, о впивающемся в шею поясе заставила ее застонать от мучительного протеста. Нет, она с самого начала не собиралась убивать себя. Никто, даже Стив, не стоит вечного проклятия. И что он в этом понимает, ее бывший муж, не веривший в ад? Однако теперь Урсуле надо закончить свое путешествие. Необходимо достать пузырек с аспирином, который лежит где-то в медкабинете. Она не воспользуется им сейчас, зато всегда будет держать при себе, чтобы было легко дотянуться. Будет знать, что, если жизнь станет совсем невыносимой, у нее есть средство положить конец мучениям. А может быть, если выпить только горсточку, а пузырек оставить возле кровати, они наконец поймут, как она несчастна. Ведь только этого она и хотела с самого начала. Они напишут Стиву. Обратят внимание на ее страдания. А может, даже заставят Стива увезти ее обратно в Лондон. Проделав такой долгий путь, она просто обязана попасть в медкабинет.

Дверь не составила для нее никаких проблем. Зато, скользнув внутрь, Урсула поняла, что проиграла. Она не могла зажечь свет. Лампочка в

коридоре светила тускло, и даже при раскрытой двери этого слабого мерцания не хватало, чтобы определить местоположение выключателя. А чтобы включить его при помощи пояса, надо было точно знать, куда целить. Протянув руку, молодая женщина пошарила по стене. Ничего. Сделав из пояса петлю, она принялась бить ей туда, где, по ее расчетам, находился выключатель. Пояс падал, так и не достигнув цели. Урсула снова заплакала – потерпевшая поражение, отчаянно замерзшая, внезапно осознавшая, что придется проделывать мучительное путешествие обратно и что влезть на кровать будет тяжелее и болезненнее всего, что она перенесла до сих пор.

И тут вдруг из темноты протянулась рука, вспыхнул свет. Урсула вскрикнула от испуга и задрала голову. В проеме двери стояла Хелен Реймер, одетая в распахнутую спереди коричневую сутану с откинутым назад капюшоном. Две женщины глядели друг на друга, почти окаменев от потрясения. И Урсула видела, что в обращенных на нее глазах застыл ровно такой же ужас, как и в ее собственных.

III

Грейс Уиллисон резко проснулась, и тут же тело начало непроизвольно дрожать, как будто сильная рука трясла ее, чтобы окончательно разбудить. С трудом приподняв голову над подушкой, Грейс вслушалась в темноту, но ничего не слышала. Шум, который разбудил ее, реальный или воображаемый, уже стих. Она включила лампу над кроватью. Почти полночь. Грейс потянулась за книгой. Жаль, что томик Троллопа такой тяжелый. Придется класть его на покрывало, а поскольку после того, как Грейс вытягивала ноги в привычной для сна позе, согнуть колени ей было трудно, от необходимости поднимать голову и вглядываться в мелкий шрифт быстро уставали глаза и шея. Все эти неудобства порой заставляли ее задуматься: а является ли чтение в постели таким уж удовольствием, как она верила еще с тех дней детства, когда папино стремление сэкономить на электричестве и мамины предрассудки насчет вреда для глаз и необходимости восьмичасового здорового сна лишили ее лампочки над кроватью. Левая нога подрагивала, и Грейс с отстраненным интересом наблюдала, как беспорядочно подпрыгивает комок одеяла – словно под ним застрял какой-то зверек. Внезапное пробуждение посреди ночи всегда было для нее плохим предзнаменованием. Предстоит нелегкое бдение. Грейс боялась бессонницы и на миг даже подумала, не помолиться ли о том, чтобы хоть сегодня ее миновала эта участь. Однако она уже отчитала молитвы, да к тому же бесполезно просить о милости, которую, как научил ее опыт, она все равно не получит. Зывать к Господу о том, чего он дарить не намерен и явно об этом дает знать, все равно что вести себя точно капризное и неразумное дитя. Грейс наблюдала за выделяемыми ногами движениями с интересом, черпая смутное успокоение в ощущении, что это непокорное тело уже не принадлежит ей.

Отложив книгу, она решила лучше подумать о путешествии в Лурд, до которого оставалось только тринадцать дней. Она рисовала себе счастливые хлопоты при отъезде – новое пальто, поберегаемое как раз ради этого случая; поездку по Франции, веселую, точно вылазка на пикник; первые проблески туманов, что клубятся у подножия Пиренеев; одетые в снега горные вершины; сам Лурд, с его деловой суматохой, с ощущением, будто все тут всегда *en fête*^{[note\[6\]](#)}. Компания из Тойнтон-Грэйндж, за исключением двух католиков, Урсулы Холлис и Джорджи Аллана, не входила в состав официальной делегации паломников из Англии, не

посещала мессу и с подобающей скромностью жалась позади толпы, когда епископы в темно-красных одеяниях медленно возглавляли шествие по Розари-сквер, поднимая перед собой дароносицу. Но как же все это было восхитительно, красочно и захватывающе! Свечи, сплетающие узоры света, яркие краски, пение, ощущение, что ты принадлежишь миру, в котором болезнь почетна и более не считается чем-то чуждым, враждебным, уродством не только тела, но и духа. Осталось только тринадцать дней. Грейс мельком подумала, что бы сказал об этом нетерпеливо поджидаемом удовольствии ее отец, протестант без страха и упрека. Впрочем, она советовалась с отцом Бэддли о том, прилично ли ездить в паломничество, и ответ его был более чем ясен. «Дорогое мое дитя, вы радуетесь переменам и путешествию – так почему бы и нет? И уж никому и в голову не придет, будто поездка в Лурд хоть чем-то вредна. Помогите Уилфреду отпраздновать его сделку со Всемогущим».

Грейс задумалась об отце Бэддли. Ей до сих пор было трудно осознать, что она никогда больше не будет беседовать с ним во дворике для пациентов или молиться в «тихой» комнате. Мертв. Вялое, нейтральное, некрасивое слово. Короткое, бескомпромиссное. Не слово, а обрубок. А как подумаешь – одно и то же слово для растения, животного или человека. Интересная мысль. Казалось, могли бы придумать другое, более впечатляющее или значительное название для смерти человека. Хотя с какой бы стати? Он ведь лишь часть того же творения, разделяет со всеми общую жизнь, дышит тем же воздухом. Мертв. Ей так хотелось почувствовать, что отец Бэддли и поныне с ней, но не получалось. Это просто неправда. Они все уходят в мир света. Уходят прочь – и более не интересуются живыми.

Надо бы выключить свет. Электричество так дорого – если она не намерена читать, то лучше лежать в темноте. «Освети тьму нашу и упаси нас от всех опасностей ночи» – мать Грейс всегда любила эту коротенькую молитву. Только сейчас опасностей нет, лишь бессонница и боль: привычная, переносимая боль, почти приветствуемая, как старая подруга, потому что Грейс знала, что может справиться с ней, и та новая, пугающая боль. Вот ей-то очень скоро придется кого-нибудь озаботить...

Занавески задрожали в порыве ветра. Раздался внезапный лязг, такой неестественно громкий, что на секунду у Грейс сердце перехватило от страха. Послышался скрип металла по дереву. Мэгги не проверила окно перед тем, как укладывать Грейс на ночь. Теперь же слишком поздно. Кресло Грейс стояло рядом с кроватью, но она не могла перебраться туда без посторонней помощи. Ничего, все будет в порядке, если ночь не

выдастся слишком бурной. И Грейс в полной безопасности, никто не залезет в окно. В Тойнтон-Грэйндж красть нечего. А за трепещущей белой занавеской только черная пустота и темные утесы, тянущиеся к бессонному морю.

Занавеска раздулась, превратившись в белый парус, в изгиб света. Грейс даже вскрикнула – так это было красиво. В лицо ей подул свежий ветер. Она обернулась к двери и, приветственно улыбнувшись, попросила:

– Окно... вы не могли бы...

Однако она не закончила фразы. Отпущенного ей на земле времени оставалось не более трех секунд. Грейс увидела, как фигура в плаще с опущенным налицо капюшоном быстро шагнула к ее постели, точно призрак, – знакомая и все-таки чудовищно иная, чем обычно. Услужливые руки теперь несли сокрушительную смерть. Не сопротивляясь – ибо сопротивляться было не в ее характере, да и как бы она могла сопротивляться сейчас? – Грейс успела перед смертью ощутить сквозь тонкий слой целлофана очертания сильной и теплой, странно успокаивающей человеческой руки. Потом эта рука потянулась к лампе и деликатно, не касаясь деревянной подставки, выключила свет. А через пару секунд свет снова включился, и, словно озаренная запоздалой мыслью, фигура в плаще взяла томик Троллопа, тихо перелистала страницы, нашла зажатый цветок и сильными пальцами раздавила его. Затем рука вновь двинулась к выключателю и в последний раз погасила свет.

IV

Наконец они вернулись в комнату Урсулы. Хелен Рейнер с тихой решительностью закрыла дверь и на мгновение, точно совсем выдохшись, прислонилась к ней спиной. Потом быстро подошла к окну и двумя проворными взмахами руки задернула занавески. Комнату наполнило ее тяжелое дыхание. Путешествие выдалось не из легких. Хелен ненадолго оставила Урсулу в медицинском кабинете, потом сходила за креслом и прикатила его к лестнице. Как только они туда доберутся, все будет хорошо. Даже если их и заметят вместе на первом этаже, подумают, будто Урсула вызвала сиделку звонком и та возила ее в ванную. Лестница составляла серьезное препятствие, и спуск по ней, когда Хелен полуподдерживала-полунесла Урсулу, оказался утомительным и шумным: пять долгих минут пыхания, скрипящих перил, выдаваемых свистящим шепотом указаний, сдавленных стонов молодой женщины. Просто чудо, что по холлу за это время никто не прошел. Быстрее и проще было бы воспользоваться лифтом в большом доме, но лязг металлической решетки и шум мотора перебудили бы половину домашних.

И вот они в целостности и сохранности пробрались в спальню. Хелен, бледная, но спокойная, взяла себя в руки и, отойдя от двери, принялась с обычной профессиональной ловкостью укладывать Урсулу в постель. Обе не произнесли ни слова, пока задача не была выполнена и Урсула не вытянулась в напряженном, испуганном молчании.

Хелен нагнулась, склонив свое лицо совсем близко к лицу Урсулы, до неприятности близко. В свете лампы Рейнер было видно как под увеличительным стеклом: все черты больше и грубее, поры похожи на миниатюрные кратеры, два не вырванных волоска торчат, точно щетинки, из уголков рта. Дыхание у Хелен было чуть кислым, Урсула даже удивилась, как это она не замечала этого прежде. Зеленые глаза стали крупнее, выпученнее. Хелен лихорадочно нашептывала Урсуле инструкции, сея смертоносные предупреждения.

– Когда выбывает очередной пациент, ему надо либо брать кого-то из списка очередников, либо сдаваться. Он не может вести приют менее чем с шестью больными. Я заглянула в учетные книги, которые он оставил в кабинете, и теперь я знаю. Он либо все продаст, либо передаст «Риджуэл траст». Если вы хотите выбраться отсюда, есть способы и получше, чем кончать с собой. Помогите мне устроить так, чтобы он все продал, – и

вернетесь в Лондон.

– Как?

Урсула поймала себя на том, что шепчет в ответ, как заговорщица.

– Он устроит то, что называет «семейным советом». Он так всегда делает, когда надо решить что-то важное и влияющее на жизнь домочадцев. Каждый выскажет свое мнение. А потом мы на час расходимся, чтобы все хорошенько обдумать в тишине и покое. После этого голосуем. Не позволяйте убедить вас проголосовать за «Траст». Так вы останетесь тут на всю жизнь, как в ловушке. Властям трудно подыскать место для молодежи с хроническими заболеваниями. Раз и навсегда убедившись, что за вами ухаживают, они вас никогда никуда не переведут.

– Аесли Грэйндж закроется, неужели меня действительно отправят домой?

– Им придется. Во всяком случае, в Лондон. Ведь ваш постоянный адрес еще там. Вы в юрисдикции тамошних властей, а не дорсетских. А вернувшись, вы его по крайней мере увидите. Он сможет вас навещать, вывозить на прогулку, брать на выходные. Кроме того, ваша болезнь не в такой уж глубокой стадии. Не понимаю, почему вам не осесть вместе в какой-нибудь квартирке для семьи инвалидов. В конце концов, он ведь женат на вас. У него есть обязанности. Урсула попыталась ей объяснить:

– Мне все равно, что это за обязанности и что за права. Я хочу, чтобы он любил меня.

Хелен засмеялась – хриплым, неприятным смехом.

– Любовь. Только и всего? Разве не этого мы все хотим? Так нельзя же любить того, кого не видишь. С мужчинами это не срабатывает. Вам надо вернуться к нему.

– А вы не расскажете?

– Нет – если и вы пообещаете.

– Голосовать, как вы велели?

– И помалкивать о том, что вы хотели покончить с собой, про все, что произошло этой ночью. Если кто-то упомянет, что слышал шум в доме, – то вы мне звонили, а я возила вас в туалет. Узнай Уилфред истину, он отправит вас в лечебницу для душевнобольных. Вы ведь этого не хотите, правда?

Да, этого она не хотела. Хелен права. Надо вернуться домой. Как же все просто! Преисполнившись внезапной благодарности, Урсула попыталась потянуться к Хелен. Однако та уже отодвинулась. Крепкие проворные руки оправили постель, взбили перину, туго натянули простынку. Урсула почувствовала себя в плену, но в безопасности, точно спеленутый на ночь ребенок. Хелен коснулась выключателя. В темноте

белое пятно двинулось к двери. Урсула услышала тихий лязг защелки.

Лежа в одиночестве, ощущая полное истощение и одновременно странное спокойствие, Урсула вдруг вспомнила, что так и не рассказала Хелен про фигуру в плаще. Впрочем, наверное, это не важно. Скорее всего то была сама Хелен, спешившая на звонок Грейс. И не это ли имела в виду Хелен, предупреждая, чтобы она молчала о том, что случилось сегодня ночью? Хотя нет. И ведь все равно она ничего не скажет. Как рассказать, не выдав того, что она корчилась там, на ступеньках? Все будет хорошо. Можно спокойно спать. Так повезло, что Хелен зашла в медкабинет выпить таблетку аспирина от головной боли и увидела ее! В доме царила благословенная, неестественная тишина. И тогда, улыбаясь в темноте, Урсула вдруг поняла: это же из-за Грейс! За тонкой перегородкой не раздавалось ни звука – ни храпа, ни стопа. Сегодня Грейс Уиллисон спала мирным сном.

Обычно Джулиус Корт отрубался через пару минут после того, как гасил свет. Однако сегодня он беспокойно ворочался на кровати, не в силах заснуть: нервы напряжены, в голове разброд, ноги холодные и тяжелые, будто уже настала зима. Он потер ступни друг о друга, прикидывая, не достать ли одеяло с электроподогревом. Правда, возиться и перестилать постель ужасно не хотелось. Лучше выпить – вот более верное и быстрое лекарство и от холода, и от бессонницы.

Он подошел к окну и посмотрел на темный мыс. Ущербная луна пряталась за быстро бегущими облаками, ночную мглу пронзал единственный прямоугольник желтого света. Вскоре и это последнее окно погрузилось во тьму, точно захлопнули ставни. На миг прямоугольник превратился в квадрат, а потом и вовсе погас. Тойнтон-Грэйндж лежал на безмолвном мысу слабо различимой во тьме громадой. Заинтригованный, Джулиус кинул взгляд на часы. Было восемнадцать минут первого.

Дэлглиш проснулся с первыми лучами солнца холодным тихим утром и, накинув халат, спустился вниз заварить чаю. Интересно, Миллисента еще живет в Грэйнж? Минувшим вечером телевизор у нее молчал, да и теперь безмолвствует. И хотя она не принадлежала к числу ранних пташек и никогда не шумела, коттедж «Вера» был окутан звенящей и безошибочно распознаваемой тишиной полнейшей уединенности. Дэлглиш зажег в гостиной лампу, принес туда чашку и развернул карту. Сегодня он собирался разведать северо-восточную границу графства, с тем чтобы к ленчу оказаться в Шербурне. Конечно, сначала надо бы из вежливости заглянуть в Тойнтон-Грэйнж и справиться о самочувствии Уилфреда. На самом деле его здоровье не особенно беспокоило Дэлглиша – трудно было думать о вчерашней комедии без раздражения. Но возможно, стоит попытаться уговорить Уилфреда обратиться в полицию или хотя бы отнестись к покушению более серьезно. Да и пора заплатить ренту за проживание в «Надежде». Едва ли Тойнтон-Грэйнж так процветает, что деликатный вклад окажется неуместен. Впрочем, ни та, ни другая задача не задержит его в Грэйнж дольше десяти минут.

В дверь постучали; на пороге показался Джулиус. Он был полностью одет и даже в столь ранний час производил обычное впечатление элегантно-непринужденности, Кортспокойно сообщил, точно новости едва стоили того, чтобы вообще о них упоминать:

– Рад, что вы уже встали. Я как раз иду в Тойнтон-Грэйнж. Только что звонил Уилфред. Судя по всему, Грейс Уиллисон скончалась во сне, а Эрик поднял бучу по поводу свидетельства о смерти. Увы, не знаю, что, по мнению Уилфреда, я тут могу поделать. Похоже, вместе с правом практиковать к Эрику вернулось обычное высокомерие людей его профессии. По его мнению, Грейс Уиллисон не должна была умереть еще по крайней мере восемнадцать месяцев, а то и два года. Засим он просто не знает, как и назвать столь недопустимое нарушение дисциплины. Как обычно – докторишки стараются выжать из ситуации максимум драматизма. На вашем месте я бы такого спектакля не пропускал.

Дэлглиш молча взглянул на соседний коттедж.

– О, вы не помешаете Миллисенте, – радостно заверил его Джулиус. – Боюсь, она уже там. Кажется, у нее вчера вечером сломался телевизор, вот она и отправилась посмотреть какую-то ночную программу в Тойнтон-

Грэйндж и бог весть почему решила остаться на ночь. Должно быть, увидела возможность сэкономить на белье и воде для умывания.

– Отправляйтесь, я приду попозже, – сказал Дэлглиш. Он неторопливо допил чай и потратил минуты три на бритье. И отчего это ему так не хотелось сопровождать Джулиуса? Отчего же, хоть и приходилось идти в Тойнтон-Грэйндж, он предпочитает проделать этот путь в одиночестве? И еще командер гадал, почему ему настолько жаль, что все так обернулось. Ведь совсем не хотелось втягиваться в тойнтонское противостояние. И его не интересовала смерть Грейс Уиллисон. Он сознавал, что по большому счету не чувствует ничего, кроме необъяснимого беспокойства из-за кончины женщины которую едва знал, да еще легкого отвращения, потому что начало чудесного дня испорчено прикосновением смерти. Правда, примешивалось ко всему этому еще и чувство вины. Оно казалось Адаму и беспричинным, и нечестным в одно и то же время. Своей смертью Грейс словно вступила в союз с отцом Бэддли. Обвиняющих призраков стало двое, а не один. Это была его двойная неудача. Лишь усилием воли Дэлглиш заставил себя двинуться к Тойнтон-Грэйндж.

У него не возникло даже тени сомнения, какая комната принадлежала Грейс Уиллисон: едва войдя в крыло пациентов он услышал громкие голоса и, отворив дверь, из-за которой они доносились, увидел, что Уилфред, Эрик, Миллисента, Дот и Джулиус сбились у кровати. Более всего они напоминали случайных свидетелей несчастного случая, к которому предпочли бы не иметь никакого отношения.

Дот Моксон стояла в ногах постели, сжимая поручень красными, точно окорок, ручищами. Сейчас на ней была белая шапочка старшей сестры – но вместо того, чтобы создавать впечатление профессиональной надежности, эффект получался гротескным. Высокий накрахмаленный муслиновый пирожок казался отвратительным и эксцентричным украшением во славу смерти. Миллисента была еще в халате, а накинутый сверху плед, из плотной шерстяной ткани с бахромой наводил на мысли о церемониальной форме, ранее принадлежавшей ее мужу-военному. По контрасту на ногах у миссис Хэммит красовались розовые меховые тапочки. Уилфред с Эриком были в коричневых сутанах. Когда Дэлглиш вошел, они коротко глянули на дверь и тотчас же снова повернулись к кровати. Джулиус говорил:

– В начале первого в одном из окон крыла горел свет. Вы говорите, она умерла примерно в это время, да, Эрик?

– Примерно. Я сужу только по степени охлаждения тела и по началу трупного окоченения. Я в таких вещах не специалист.

– Как странно! Я думал, что смерть – то единственное, чем вы специалист.

Уилфред тихо произнес:

– Свет горел в окне Урсулы. В начале первого она позвонила, чтобы ее отвезли в ванную. С ней была Хелен, но к Грейс она не заходила – нужды не было. Грейс не звонила. После того как Дот уложила ее в постель, Грейс никто не видел. И она ни на что не жаловалась.

Джулиус повернулся к Эрику Хьюсону:

– У вас нет выбора, верно? Если вы не можете сказать, от чего она умерла, то не можете и подписать свидетельство о смерти. Во всяком случае, на вашем месте я бы сыграл наверняка. В конце концов, вам только недавно разрешили подписывать свидетельства о смерти. Лучше не рисковать, чем написать что-то не то.

– Не вмешивайтесь, Джулиус, – отрезал Эрик. – Я в ваших советах не нуждаюсь. И не знаю, зачем Уилфред вас позвал.

Однако он говорил без внутренней убежденности, точно неуверенный и напуганный ребенок, все время бросая взгляды на дверь, будто ждал появления союзника. Джулиуса эта отповедь ничуть не смутила.

– А вот мне кажется, вам сейчас нужен любой совет. Что вас смущает? Подозреваете грязную игру? Кстати, до чего же это смешное выражение, такое восхитительно-английское, заимствованное из школьной этики и с боксерского ринга!

Эрик попытался изобразить уверенность и властность.

– Не мелите чушь! Это естественная смерть. Вся сложность в том, что я не понимаю, отчего она случилась именно теперь. Я знаю, что пациенты с множественным рассеянным склерозом часто угасают вот так быстро, но в ее случае я этого не ожидал. И Дот говорит: когда она укладывала Грейс в десять часов, та выглядела как обычно. Возможно, у нее было еще какое-нибудь органическое заболевание, которое я проглядел...

Джулиус беззаботно продолжал:

– Полиция не обнаружит никакой грязной игры. Во всяком случае, если хотите профессионального совета, тут есть представитель закона. Спросите Дэлглиша: не подозревает ли он грязной игры?

Все дружно повернулись к Дэлглишу и уставились на него так, словно только сейчас осознали его присутствие. Щеколда на окне настойчиво и противно дребезжала. Адам подошел к окну и выглянул наружу. Под стеной тянулась полоса вскопанной земли, точно кто-то собрался сажать живую изгородь. Взрыхленная песчаная почва была ровной и нетронутой. Конечно, а чего еще ожидать? Если незваный гость хотел

незамеченным пробраться в комнату Грейс, зачем лезть в окно, когда в Тойнтон-Грэйндж никогда не запирают двери?

Дэлглиш задвинул щеколду и, вернувшись к постели, посмотрел на тело. Мертвое лицо выглядело не спокойно, а чуть неодобрительно – рот слегка приоткрыт, передние зубы, казавшиеся более «кроличьими», чем при жизни Грейс, прижимают нижнюю губу. Веки сморщились, так что казалось, будто покойная смотрит на руки, аккуратно сложенные поверх одеяла. Сильная правая, вся в коричневых, выдающих возраст пятнышках, накрывала увечную левую, словно инстинктивно оберегая ее от жалостливого взгляда Дэлглиша. В последнем сне Грейс была облачена в старомодную белую ночную рубашку из мятой хлопчатобумажной ткани с детским бантом – узкой голубой ленточкой, неловко повязанной под подбородком. Длинные рукава на запястьях собраны в оборки. Примерно в двух дюймах выше локтя один из рукавов был аккуратно заштопан. Дэлглиш не мог оторвать от заштопанного места глаз. Кто бы сегодня стал так утруждаться? И ведь явно измученные больные руки самой Грейс не могли бы сплести такую тонкую вязь. И почему эта штопка кажется ему трогательнее и проникновеннее сосредоточенного спокойствия на мертвом лице?

Он сознавал, что собравшиеся перестали спорить и устали на него в почти настороженном молчании. Дэлглиш поднял со столика возле кровати Грейс две книги – молитвенник и Троллопа. «Последняя хроника Барсета» в мягкой обложке. В молитвеннике лежала закладка – одна из типичных сентиментальных набожных открыток: раскрашенный святой Франциск с нимбом вокруг головы проповедует в окружении пташек пестрому и несуразному собранию зверей, обитающих в самых разных уголках планеты и детально выписанных. Дэлглиш невольно задумался: отчего же закладки не оказалось в Троллопе? Грейс явно не принадлежала к числу тех, кто станет долго листать страницы, а из этих двух книг легче потерять нужное место она могла в Троллопе. Последствия, вытекающие из этого маленького наблюдения, смутно тревожили командера.

– У нее есть родственники? – спросил он.

– Нет, – ответил Энсти. – Она рассказывала, что ее родители были единственными детьми в своих семьях. Когда она родилась, обоим было уже за сорок, и они скончались в течение месяца, один за другим, лет пятнадцать назад. Был еще старший брат, но он погиб в Северной Африке. Кажется, при Эль-Аламейне.

– А что у нее с деньгами?

– Ничего, совсем ничего. После смерти родителей она несколько лет

проработала в «Открытой двери», благотворительной организации, которая занимается вышедшими на свободу заключенными, и получила от них маленькую пенсию по инвалидности, сущие крохи. За нее платили местные власти.

– «Открытая дверь», – с внезапным интересом произнес Джулиус Корт. – А она знала Алберта Филби до того, как вы его взяли?

Энсти сморщился так, будто счел этот вопрос не только не относящимся к делу, но еще и проявлением дурного тона.

– Возможно. Во всяком случае, она никогда этого не говорила. Именно Грейс предложила найти работника при помощи «Открытой двери». Сказала, что таким образом Тойнтон-Грэйндж может тоже принять участие в благотворительности. Мы очень обрадовались Алберту. Он вошел в нашу семью. И я никогда не пожалел о своем решении. Тут в разговор вмешалась Миллисента:

– Ну да, он ведь дешево тебе обходится. Потому что выбор-то: или Филби, или никого, правда? До тех пор тебе не слишком везло с претендентами, как только они узнавали, что ты предлагаешь пять фунтов в неделю за все про все. Иногда я гадаю: почему Филби не уходит?

Дальнейшее обсуждение этой темы предотвратило появление самого Филби. Должно быть, ему уже сказали о смерти мисс Уиллисон, поскольку он не выказал ни малейшего удивления при виде толпы народа в ее комнате и никак не объяснил причины своего прихода. Ни слова не говоря, он встал у дверей, точно нелепый и непредсказуемый сторожевой пес. Остальные, по-видимому, решили, что лучше не замечать его. Уилфред повернулся к Эрику Хьюсону:

– А вы не можете установить диагноз без вскрытия? Мне ненавистна сама мысль о том, чтобы ее разрезали. Это так безлично, так унижительно! Она ведь всегда относилась к своему телу очень трепетно, со скромностью, которую нам уже не понять. Аутопсия – последнее, чего бы она захотела.

– Ну так это и будет последним, что она получит, – грубо заметил Джулиус.

Дот Моксон в первый раз за все это время разомкнула уста. Во внезапном порыве гнева она развернулась к Джулиусу, сжав кулаки. Ее широкое лицо пошло пятнами.

– Как вы смеете! Вам-то какое дело? Вам плевать, жива она или мертва, жив или мертв любой из пациентов. Вы просто используете приют для собственных целей.

– Использую? – Серые глаза вспыхнули и расширились. Дэлглиш видел, как быстро увеличивались зрачки у Корта. Джулиус уставился на

Дот с неожиданной и неправдоподобной злобой.

– Да, используете! Эксплуатируете, если вам так больше по вкусу. Вам нравится приезжать в Тойнтон-Грэйндж, когда наскучит жизнь в Лондоне, опекать Уилфреда, делать вид, будто выдаете ему ценные советы, раздавать всем подарочки, как Дед Мороз. Это подпитывает ваше «эго» – контраст между вашим здоровьем и их инвалидностью. На самом-то деле доброта вам ничего не стоит. В свой коттедж вы никого, кроме Генри, не приглашаете. Так ведь Генри раньше был важной особой, не правда ли? Вам с ним есть о чем поболтать и посплетничать. Из вашего дома видно море, но вы никогда не разрешали инвалидам приезжать к вам во двор. Нет, только не это! Единственное, что вы могли бы сделать для Грейс, – время от времени отвозить ее к себе, разрешать тихонько посидеть и поглядеть на волны. Она ведь была неглупа, вы знаете. Возможно, вам даже было бы приятно с ней беседовать. Однако она бы испортила вид вашего элегантного дворика, эта некрасивая и немолодая женщина в инвалидном кресле. А теперь, когда она умерла, вы приходите сюда и пытаетесь учить Эрика. Так, ради Бога, заткнитесь!

Джулиус беспокойно засмеялся. Он вроде бы взял себя в руки, но его голос теперь звучал тонко и раздраженно:

– Не знаю уж, чем я заслужил эту отповедь. Покупая у Уилфреда коттедж, я не думал, что буду отвечать за Грейс Уиллисон или за кого-нибудь вообще из Тойнтон-Грэйндж. Не сомневаюсь, Дот, для вас большое потрясение – потерять еще одного пациента так скоро после Виктора. Но к чему вымещать свои чувства на мне? Мы знаем, что вы любите Уилфреда, и я уверен, что эта любовь безответна, да только согласитесь – едва ли тут моя вина. Быть может, мои сексуальные пристрастия довольно разнообразны, и все же, уверяю, за него я с вами не соревнуюсь.

Дот подлетела к Корту и занесла руку, чтобы ударить его по лицу, – жест одновременно и театральный, и нелепый. Удар она нанести не успела – Джулиус перехватил ее запястье. Дэлглиша поразила быстрота и эффективность его реакции. Жилистая кисть, белая и чуть дрожащая отусилия, удерживала руку Дот, словно в мускулистых клещах, так что они напоминали двух плохо подобранных соперников по армрестлингу. Внезапно Джулиус рассмеялся и выпустил запястье Дот, а потом медленно, не сводя глаз с ее лица, опустил руку и принялся растирать кисть. Он снова рассмеялся – опасным смехом – и тихо произнес:

– Поаккуртнее! Я вам не беспомощная больная старушка.

Дот ахнула и, разразившись слезами, выскочила из комнаты – неловкая, жалкая, но отнюдь не смешная. Филби выскользнул вслед за ней.

Его исчезновение вызвало так же мало интереса, как и появление.

Уилфред покачал головой:

– Вам не следовало этого говорить, Джулиус. Ничего из того, что вы сказали.

– Знаю. Это было непростительно. Мне очень жаль. Я извинюсь перед Дот чуть позже, когда мы оба слегка успокоимся.

Краткость, полное отсутствие попыток оправдаться и явная искренность ответа заставили остальных здмолчать. Потом Дэлглиш негромко произнес:

– Сдается мне, эта свара над смертным ложем показалась бы мисс Уиллисон хуже всего, что могло бы случиться с ее телом в морге.

Эти слова снова напомнили Уилфреду о случившемся, и он повернулся к Эрику Хьюсону:

– Послушайте, с Майклом же подобных трудностей не возникло, вы тогда выдали свидетельство о смерти без всяких колебаний.

Дэлглиш различил в его тоне брюзгливые нотки,

– Я знаю, от чего умер Майкл, – объяснил Эрик. – Я осматривал его в то самое утро. После последнего сердечного приступа это был лишь вопрос времени. Он потихоньку умирал.

– Как все мы, – заявил Уилфред. – Как все мы.

Эта религиозная банальная истина, похоже, вывела сестру Уилфреда из терпения. Она в первый раз вмешалась в разговор:

– Уилфред, не смейся людей. Уж я-то точно не умираю, и было бы совсем бессердечно сказать, что ты сам умираешь. Что до Грейс, то лично мне всегда казалось, будто она больна серьезнее, чем считают. Теперь, может быть, ты поймешь, что не всегда особенное внимание нужно именно тому, кто поднимает больше всего шума. – Она повернулась к Дэлглишу: – А что произойдет, если Эрик не подпишет свидетельство? Придется снова вызывать полицию?

– Да. Вероятно, сюда придет самый обычный полицейский, коронер. Он возьмет на себя ответственность за тело.

– А потом?

– Распорядится, чтобы провели вскрытие. И в зависимости от результатов либо выдаст свидетельство, либо начнет расследование.

– Все это так ужасно, – вздохнул Уилфред, – так не нужно.

– Это закон. И доктор Хьюсон знает, что закон именно таков.

– Что вы имеете в виду? Грейс умерла от множественного рассеянного склероза, мы все это знаем. Ну и что, если у нее было еще какое-нибудь заболевание? Теперь Эрик не может ее вылечить или чем-то ей помочь. Что

закон говорит об этом?

Дэлглиш принялсѧ терпеливо объяснѧть:

– Врач, которѧй лечил умершего во время его последнего заболевания, должен подписать и доставить в регистратуру свидетельство, где в должной форме описывается причина смерти. Ну, насколько доктор смог ее определить. Вместе с тем ему надлежит дать лицу, сообщившему о смерти – скажем, другому жильцу дома, где эта смерть произошла, – уведомление о том, что он выписал такое свидетельство. По закону врач не обязан сообщать о каждой смерти коронеру, однако на практике так делают всегда, когда возникают какие-либо сомнения. Врач отмечает в свидетельстве о смерти, что поставил коронера в известность, чтобы в отделе регистрации знали – надо подождать с окончательным заключением, покуда не придут уточненные данные от коронера. По пункту третьему указа от тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года коронер должен проводить специальное расследование всякий раз, как его уведомят о том, что во вверенном ему округе находится тело человека, которѧй, возможно, умер насильственной, неестественной или же внезапной смертью, причина которой неизвестна, или же в заключении, или при прочих обстоятельствах, описанных в других пунктах указа. Таков, если уж вы решили это выяснить со всеми утомительными деталями, закон. Грейс Уиллисон умерла внезапно, а мнение доктора Хьюсона о причине смерти на данный момент неизвестно. Лучше всего ему уведомить о смерти коронера. Это означает вскрытие, но за ним не обязательно идет расследование.

– Нет, я и подумать не могу о том, чтобы ее разделявали на столе в морге. – Уилфред заупрямился, как ребенок.

Дэлглиш холодно произнес:

– «Разделявали» не самое подходящее слово. Вскрытие – процедура хорошо организованная и довольно аккуратная. А теперь, с вашего позволения, я вернусь к своему завтраку.

Внезапно Уилфред предпринял почти физическое усилие совладать с собой. Он выпрямился, скрестил на груди руки в широких рукавах сутаны и на несколько мгновений замер в молчаливом раздумье. Эрик Хьюсон озадаченно поглядел на него, а потом перевел взор с Дэлглиша на Джулиуса, точно ища поддержки и руководства. Уилфред снова заговорил:

– Эрик, позвоните коронеру. В обычных обстоятельствах Дот обмыла и одела бы тело, однако сейчас лучше подождать указаний. Когда позвоните, сообщите всем, что я хочу поговорить с домашними сразу же после завтрака. Миллисента, тебе бы стоило найти Дот и посмотреть, как там она. А сейчас мне бы хотелось побеседовать с вами, Джулиус, и с Адамом

Дэлглишем.

Еще несколько мгновений он постоял у постели Грейс, закрыв глаза. Дэлглиш гадал: молится ли он? Затем Уилфред первым двинулся к выходу. Когда остальные последовали за ним, Джулиус шепнул, едва шевеля губами:

– Неприятные воспоминания о вызовах на ковер к начальству. Могли бы дать нам хоть завтраком подкрепиться.

В кабинете Уилфред не тратил времени даром.

– Смерть Грейс означает, что я должен принять решение скорее, чем собирался. Нельзя содержать приют только с четырьмя пациентами. С другой стороны, не могу же я уведомить никого из списка очередников, если Грэйдж закрывается. После похорон Грейс я соберу семейный совет. Думаю, надо подождать хотя бы до тех пор. Если не возникнет никаких осложнений, то это произойдет через неделю. Мне бы хотелось, чтобы вы оба приняли в нем участие и помогли нам принять решение.

– Уилфред, это невозможно, – быстро произнес Джулиус. – Ведь я в этом никоим образом не заинтересован. Ни с точки зрения закона, ни относительно страховки. Это просто не мое дело.

– Вы здесь живете. Я всегда считал вас членом нашей семьи.

– Очень мило с вашей стороны, и я польщен. Но это не так. Я не принадлежу к вашей семье и не имею права голосовать, когда принимается решение, которое меня никак не затронет. Если вы решите продать имение, я тоже скорее всего продам свой участок. Не слишком-то хочется жить на Тойнтон-Хэд рядом с лагерем для автофургонов. Впрочем, за меня не волнуйтесь. Я получу хорошую цену от какого-нибудь блестящего молодого администратора из Мидлэнда, которому ни к чему тишина и покой. Зато он устроит в, гостиной премильй коктейль-бар, а в патио установит флагшток. А я пригляжу себе другой коттедж где-нибудь в Дордоне, предварительно наведя справки, не заключал ли владелец имения сделки с Господом или с дьяволом. Простите, но я отказываюсь.

– А вы, Адам?

– У меня прав высказывать свое мнение еще меньше, чем у Корта. Для пациентов это дом. Так почему их будущее, пусть даже отчасти, должно решаться голосом случайного посетителя?

– Потому что я доверяю вашему суждению.

– И совершенно обосновательно. В таком вопросе лучше прислушайтесь к мнению вашего поверенного.

– А Миллисенту вы приглашаете на семейный совет? – спросил Джулиус.

– Разумеется. Возможно, она не всегда оказывала мне ту поддержку, на которую я надеялся, и все же она член нашей семьи.

– А Мэгги Хьюсон?

– Нет, – коротко ответил Уилфред.

– Ей это не понравится. И вы не боитесь задеть чувства Эрика?

– Поскольку, как вы только что дали понять, происходящее здесь вас никоим образом не касается, – величественно произнес Уилфред, – почему бы вам не предоставить мне решать, что заденет чувства Эрика, а что не заденет. А теперь, с вашего позволения, я пойду и позавтракаю вместе со своей семьей.

VII

Когда они вышли из комнаты Уилфреда, Джулиус резко, словно повинувшись внезапному порыву, сказал:

– Пойдемте ко мне, позавтракаем. Во всяком случае, глотнем чего-нибудь покрепче. Или, если для спиртного слишком рано, хотя бы кофе выпьем. Я начал день с полного отвращения к самому себе и просто не могу находиться один.

Предложение звучало почти просьбой, на которую не так-то легко ответить отказом. Дэлглиш произнес:

– Дайте мне пять минут. Хочу кое-что осмотреть. Встретимся в холле.

Еще с первой экскурсии по дому он помнил, где расположена комната Дженни Пеграм. Наверное, для этой беседы можно было выбрать более подходящее время, но ждать он не мог. Командер постучал и услышал в ответном «входите» нотки удивления. Дженни сидела в инвалидном кресле перед зеркалом, распустив по плечам золотистые волосы. Вытащив из бумажника анонимное письмо, Дэлглиш остановился у нее за спиной и положил листок на столик. В зеркале их глаза встретились.

– Это вы напечатали?

Она скользнула по письму взглядом, даже не поднимая бумаги. Глаза ее вспыхнули, по шее волной растеклось красное пятно. Дженни со свистом втянула в себя воздух, хотя голос ее оставался спокоен.

– С какой бы стати мне это печатать?

– Могу предложить несколько объяснений. Так это вы?

– Конечно же, нет! Никогда прежде этого не видела! Она снова пробежала глазами письмо, презрительно и небрежно.

– Сплошная глупость... Ребячество.

– Да, жалкая попытка. Думаю, сделанная наспех. Подозреваю, вы ее не слишком высоко оценили. Гораздо меньше фантазии и изобретательности, чем в остальных.

– Каких еще остальных?

– Полноте. Давайте начнем с письма, полученного Грейс Уиллисон. Оно делает вам честь. Весьма изобретательно и остроумно составленное, с таким расчетом, чтобы отравить ей радость от общения с единственным настоящим другом, которого она здесь завела. И в то же время оно слишком грязное, чтобы Грейс могла его кому-нибудь показать. Разумеется, за исключением полицейского. Даже мисс Уиллисон показала бы его

полицейскому. Во всем, что касается непристойности, мы пользуемся прямо-таки врачебными привилегиями.

– Она не посмела бы! И я вообще не знаю, о чем вы говорите!

– В самом деле не посмела бы? Жалко, вы не можете ее спросить. Вы же знаете, что она умерла?

– Это не имеет ко мне никакого отношения.

– По счастью для вас, я тоже так думаю. Она была не из тех, кто кончает с собой. Правда, мне интересно: вам так же повезло – или не повезло – с другими вашими жертвами? Например, с Виктором Холройдом.

Дженни уже не могла скрыть ужаса. Тонкие руки сжимали и вертели расческу в отчаянной пантомиме.

– Я не виновата! Я никогда не писала Виктору! Я никогда никому не писала!

– Вы не так умны, как вам кажется. Вы забыли об отпечатках пальцев. Должно быть, просто не осознавали, что в лаборатории их различат даже на бумаге. И еще вопрос времени. Все письма получены после вашего переезда в Тойнтон-Грэйндж. Первое – до появления Урсулы Холлис. Думаю, Генри Каруардина тоже смело можно вычеркнуть из числа подозреваемых. Я даже знаю, почему эти письма прекратились после гибели мистера Холройда. Вы поняли, как далеко зашли? Или надеялись, что все сочтут виновником его? Но полиция быстро выяснит, что письма написаны не мужчиной. А еще тест на слюну. Только у пятнадцати процентов населения нельзя по слюне определить группу крови. Досадно, что вы не знали этого перед тем, как облизывать конверты.

– Конверты... никаких конвертов не было...

Она ахнула и в ужасе уставилась на Дэлглиша. Глаза у нее расширились от страха. Румянец схлынул, сменившись смертельной бледностью.

– Да, конвертов не было. Записки были сложены и подсунуты в книги, которые читали жертвы. И об этом не знал никто, кроме получателей и вас.

– Что вы намерены предпринять? – спросила Дженни, не глядя на него.

– Еще не знаю.

Дэлглиш и правда не знал. Он испытывал странную смесь смущения, гнева и стыда. Перехитрить ее оказалось так просто – просто и недостойно. Дэлглиш видел себя отчетливо, словно со стороны: он, сильный и здоровый, величественно осуждает ее слабость, выносит приговор, но откладывает его исполнение. Отвратительная картинка. Дженни заставила Грейс Уиллисон страдать. Однако она по крайней мере могла претендовать хоть на какие-то психологические извинения. А какая доля его гнева и

отвращения порождена чувством вины? Что он, лично он, сделал, чтобы скрасить последние Дни Грейс Уиллисон? И все же с Дженни надо что-то делать. Едва ли в настоящее время от нее можно ждать новых пакостей—а вот в будущем... И Генри Каруардин, наверное, имеет право знать. А еще Уилфред и представители «Риджуэл траст», если они возьмут верх. Иные сказали бы, что Дженни нуждается в помощи. Предложили бы современные ортодоксальные утешения, обратились бы к психиатру. Дэлглиш не знал. Это лекарство не относилось к числу тех, в которые он хоть сколько-нибудь верил. Возможно, оно бы потешило тщеславие Дженни, помогло бы ей утвердиться в осознании своей значимости, в том, что ее принимают всерьез. Однако если жертвы молчали – хотя бы ради того, чтобы уберечь Уилфреда от лишних тревог, – имел ли он, Дэлглиш, право оспаривать их решения, злоупотреблять оказанным ему доверием? В своей работе он привык тщательно изучать правила. И даже когда принимал необычное решение, его моральные принципы – если тут можно употребить это выражение, хотя сам Дэлглиш никогда этого не делал – оставались ясны и незыблемы. Наверное, болезнь подточила не только его силы, но и волю и способность судить здраво – ибо эта унылая проблема поставила командера в тупик. Оставить запечатанное письмо с тем, чтобы Энсти или его преемники вскрыли его в случае новых неприятностей? Нет, ктакой театральной и жалкой уловке прибегать и вовсе смешно. Ради Бога, ну почему он не может вынести прямого решения? Как бы Адаму хотелось, чтобы отец Бэддли был жив, как хотелось переложить на его хрупкие плечи эту ношу... Наконец он сказал:

– Я предоставлю вам самой сказать жертвам, что вы во всем виноваты и что такого больше не повторится. И лучше, чтобы это и правда больше не повторялось. Оправдание выдумайте самостоятельно. Я понимаю, что вам не хватало внимания, как в вашей прошлой больнице, но зачем компенсировать это, заставляя страдать других?

– Они ненавидят меня.

– Разумеется, нет. Вы себя ненавидите. Вы писали письма кому-нибудь, кроме мисс Уиллисон и мистера Каруардина?

Дженни застенчиво покосилась на него из-под ресниц.

– Нет. Только им двоим.

Наверняка лжет, подумал устало командер. Скорее всего Урсула Холлис тоже получила письмо. Навредит он или поможет, если спросит у нее самой?

Голос Дженни Пеграм стал сильнее и увереннее. Подняв левую руку, она принялась причесываться, завесив лицо волосами.

– Я никому здесь не нужна. Все меня презирают. Никто не хотел, чтобы я сюда приезжала. Я и сама не хотела. Вы могли бы мне помочь, но вам тоже нет до этого дела. Вы даже слушать меня не хотели.

– Пусть доктор Хьюсон отвезет вас к психиатру, ему и изливайте душу. Психиатрам платят за то, что они слушают самовлюбленных невротиков. А мне – нет.

Закрыв за собой дверь, Адам пожалел, что ответил так злобно. Впрочем, он знал, что его спровоцировало: внезапное воспоминание о съезженном, уродливом теле Грейс Уиллисон в дешевой ночной рубашке. Хорошо, подумал Дэлглиш в припадке отвращения к себе, что он решил уйти с работы, раз жалость и гнев могут настолько вывести его из душевного равновесия. Или все дело в Тойнтон-Грэйпж? Это место определенно действовало ему на нервы.

Он быстро зашагал по коридору. Дверь комнаты, соседней со спальней Грейс, открылась, и командер увидел Урсулу Холлис. Она поманила его и откатила кресло, освобождая проход.

– Нас попросили ждать у себя. Грейс умерла.

– Да, я знаю.

– Что с ней? Что случилось?

– Еще никто не знает. Доктор Хьюсон назначил вскрытие.

– Она не покончила с собой?

– Не знаю. Нет, похоже, мирно скончалась во сне.

– Вы имеете в виду, как отец Бэддли?

– Да, совсем как отец Бэддли.

Они помолчали, глядя друг на друга. Дэлглиш спросил:

– Вы ничего не слышали этой ночью?

– О нет! Ничего! Я спала очень крепко после того, как Хелен побывала у меня.

– Вы бы услышали, если бы она позвала или кто-нибудь к ней зашел?

– Да, если бы сама не спала. Иногда Грейс так храпела, что я заснуть не могла. Но я не слышала, чтобы она звонила, и отключилась она раньше. Я выключила свет примерно в половине первого и, помню, еще подумала, что у нее совсем тихо.

Дэлглиш двинулся к двери, однако там помедлил, чувствуя, что Урсуле не хочется его отпускать.

– Вас что-то тревожит?

– Нет-нет! Ничего. Нервничаю из-за Грейс от незнания. Все так загадочно. Так ведь сделают вскрытие... В смысле, уж вскрытие-то покажет, от чего она умерла.

– Да, – ответил он без особого убеждения, словно пытаясь ободрить себя, а не ее, – вскрытие покажет.

VIII

Джулиус в одиночестве ждал его в холле у главного входа, и вместе они вышли из Тойнтон-Грэйндж навстречу ясному утру. Шагали молча, чуть поодаль друг от друга, словно связанные невидимой нитью: каждый погружен в свои мысли, глаза устремлены на каменистую тропку. Дэлглиш был рад, что его спутник молчит. Он думал о Грейс Уиллисон, пытался понять и проанализировать истоки собственного беспокойства и тревоги—эмоций, которые казались ему чуть ли не до извращения нелогичными. На теле покойной не обнаружилось никаких видимых следов насилия, ни посинения, ни сыпи на лице, никакого беспорядка в комнате – ничего необычного, кроме незапертого окна. Она лежала, окоченев в покое естественной смерти. Откуда же эти иррациональные подозрения? Он ведь профессиональный полицейский, а не ясновидящий, привык работать, основываясь на фактах, а не на интуиции. Сколько вскрытий проводится за год? Кажется, более ста семидесяти тысяч? Сто семьдесят тысяч смертей, которые потребовали хотя бы предварительного расследования. И в большинстве случаев нашелся бы очевидный мотив для убийства – как минимум у одного-единственного заинтересованного лица. Только жалким отбросам общества нечего оставить своим близким – пусть даже самого скудного наследства, незавидного для искушенного взгляда. Любая смерть кому-то выгодна, кого-то делает богаче, снимает тяжесть с чьих-то плеч – будь то ответственность, сопереживание чужой боли или тирания любви. Каждую смерть можно считать подозрительной, если хорошенько приглядеться к мотивам окружающих, – это утверждение справедливо настолько же, насколько справедливо и обратное: каждая смерть в конечном итоге является естественной. Старый доктор Блессингтон, один из первых и самых блестящих судебных патологоанатомов, научил Дэлглиша этой нехитрой мудрости. Вскрытие, ставшее последним вскрытием доктора, было первым вскрытием для молодого констебля Дэлглиша. У обоих тряслись руки – хотя, едва проведя первый разрез, старик мгновенно обрел былую твердость хирурга. На столе лежало тело сорокадвухлетней рыжеволосой проститутки. Ассистент двумя движениями затянутых в перчатки рук вытер ее лицо от крови, грязи, толстого слоя румян и пудры, оставив его бледным, уязвимым и анонимным. Именно эти сильные живые руки, а вовсе не смерть, лишили лицо погибшей какой бы то ни было индивидуальности. Старый Блессингтон демонстрировал премудрости

мастерства:

– Смотрите, мой мальчик, первый удар она успела смягчить рукой – он скользнул по шее и горлу к правому плечу. Реки крови, выглядит жутко, но особого вреда еще не причинено. Вторым ударом, сверху вниз, убийца рассек трахею. Она умерла от болевого шока, кровопотери и удушья, судя по виду тимуса, именно в этом порядке. Когда труп попадает к нам на стол, мой мальчик, нет такого понятия, как неестественная смерть.

Естественная или неестественная, а он, Дэлглиш, со всем этим покончил. Его раздражало, что, несмотря на силу воли, разум нуждался в постоянном повторении подобного заклинания. Адам так упорно не хотел отрешиться и выбросить проблему из головы. Ну и чего, спрашивается, он добьется, сказав местной полиции, что смерть стала в Тойнтон-Грэйндж слишком частой гостьей? Старый священник умер от сердечного приступа – ни врагов, ни особого состояния, кроме умеренной денежной суммы, завещанной, что неудивительно, на благотворительные цели и человеку, который стал другом преподобного, известному филантропу, чей характер и репутация превыше любых подозрений. А Виктор Холройд? Что могла предпринять полиция по поводу этой смерти, кроме того, что уже предпринято, да еще столь компетентно? Факты, которые можно было расследовать, расследованы, вердикт вынесен. Холройда похоронили, отца Бэддли кремировали. Все, что осталось, – переломанные кости и гниющая плоть в гробу да горстка серого пепла на тойнтонском кладбище. Еще две тайны, добавившиеся к сонму тайн, зарытых на этой освященной земле. И эти секреты уже за пределами человеческой юрисдикции.

И теперь – третья смерть. Событие, которого, должно быть, все в Тойнтон-Грэйндж втайне ждали, уповая на справедливость стародавнего суеверия, что смерть, мол, ходит тройцей. Теперь пациенты могут облегченно вздохнуть. И он, Дэлглиш, тоже может расслабиться. Коронер проведет вскрытие, и в результате не стоит сомневаться. Если Майкл Бэддли и Грейс Уиллисон убиты, то их убийца слишком хитер, чтобы оставить следы. Да и зачем ему оставлять следы? Хрупкая, слабая и больная женщина – что может быть проще и быстрее, чем твердой рукой зажать ей рот и нос? Теперь вмешиваться нет никакого смысла. Не скажешь же: «На меня, Адама Дэлглиша, снизошло одно из моих знаменитых наитий – я не согласен с коронером, патологоанатомом, местной полицией и всеми фактами, вместе взятыми. В свете этой новой смерти я требую, чтобы сожженные кости отца Бэддли восстали вновь и раскрыли свои тайны».

Тем временем Дэлглиш и Корт дошли до коттеджа Тойнтон.

Коммандер последовал за хозяином дома к выходящему в сторону моря крыльцу, которое вело непосредственно из каменного дворика в гостиную. Джулиус оставил дверь незапертой и теперь, толкнув, распахнул ее и шагнул в сторону, пропуская гостя вперед. И вдруг оба остановились, точно пораженные громом. Тут кто-то побывал до них. Мраморный бюст мальчика был разбит вдребезги.

Все так же молча они осторожно двинулись по коврику. Голова, разбитая и изуродованная до неузнаваемости, валялась среди груды мраморных обломков. Серый ковер пестрел сверкающими брызгами каменной крошки. Полосы света от окон и открытой двери исчертили комнату, и в этих лучах зазубренные осколки мерцали, точно мириады бесконечно малых звезд. Казалось, разрушение, по крайней мере поначалу, велось систематически. Оба уха были аккуратно отколоты и лежали вместе непристойными завитками, истекая невидимой кровью. Букет, вырезанный так тщательно, что ландыши буквально дышали жизнью, валялся чуть в стороне от руки, которая прежде сжимала его, а теперь словно отшвырнула прочь. Миниатюрный мраморный кинжал воткнулся в диван и торчал оттуда микрокосмом насилия.

Комната точно застыла. Упорядоченный уют, размеренное тиканье часов на каминной полке, настойчивый гул моря – все подчеркивало и отягощало ощущение ярости, грубого разрушения и ненависти.

Джулиус упал на колени и подобрал бесформенную глыбу, прежде бывшую головой мальчика, однако через миг выронил ее из разжавшихся пальцев. Она неуклюже покатилась по диагонали через комнату и остановилась у ножки дивана. По-прежнему ни слова не говоря, Джулиус потянулся к букету и прижал его к себе. Дэлглиш заметил, что он дрожит всем телом, сильно побледнев, а склоненное над осколками чело блестит от пота. Корт выглядел человеком, пережившим сильнейшее потрясение.

Подойдя к столику у стены, где стоял графин, Дэлглиш плеснул в стакан щедрую порцию виски и без слов протянул Джулиусу. Молчание и неудержимая дрожь хозяина беспокоили его. Все, что угодно – взрыв эмоций, приступ ярости, поток непристойных ругательств, – было бы лучше этого неестественного молчания. И когда Джулиус заговорил, голос его звучал совершенно спокойно. Он покачал головой, отстранив предложенный стакан.

– Нет, спасибо. Мне не нужно виски. Хочу точно знать, что я испытываю, чувствовать не только головой, но и всем нутром. Я не желаю притуплять свой гнев, и, Богом клянусь, мне не нужно его стимулировать. Подумайте только, Дэлглиш, подумайте. Он умер три века назад, этот

нежный мальчик. Должно быть, изваяние было сделано вскоре после смерти. И все эти три века оно дарило людям утешение, радовало глаз и напоминало о том, что все мы – прах. Три века. Триста лет войн, революций, насилия, человеческой алчности. Оно уцелело. Уцелело вплоть до нынешнего благословенного года. Выпейте это виски сами, Дэлглиш. Поднимите бокал и провозгласите тост за грабителя. Он не знал, что изваяние стояло здесь, не знал, пока прятался и подсматривал, выжидая, чтобы я ушел. Ему сгодилось бы что угодно из моих вещей, он мог уничтожить любую вещь. А вот увидев это, он не устоял. Ничто не принесло бы ему большего удовлетворения от вандализма. Знаете, ведь дело тут не только в ненависти ко мне. Тот, кто сделал это, ненавидел и саму скульптуру. Потому что она дарила радость, была сделана не абы как, а с любовью – не просто брошенный об стену кус глины, не просто размазанная по холсту краска, не просто отполированная глыба камня. У этой скульптуры была внутренняя целостность, была гармония. Она выросла из традиций и привилегий и сама внесла в них свой вклад. О Господи, мне следовало знать, что нельзя привозить ее сюда, к этим варварам!

Дэлглиш опустил на колени рядом с ним и, подобрав два обломка руки, соединил их, как части головоломки.

– Мы знаем с точностью до нескольких минут, когда разбита статуя, – произнес он. – Знаем, что это требовало определенной физической силы и что преступник – или преступница – воспользовался для этой цели молотком. Должны остаться следы. И он не мог за это время прийти и уйти. Он либо сбежал вниз по тропе к берегу, либо приехал на фургончике, а потом уехал забрать почту. Будет нетрудно дознаться, кто виноват.

– Мой Бог, Дэлглиш, у вас и в самом деле душа полицейского! Думаете, это меня утешит?

– Меня бы утешило. Но, как вы верно заметили, все дело, вероятно, в душе.

– Я не собираюсь звать полицию, если вы предлагаете именно это. Мне не требуется, чтобы местный шпик указывал, кто это сделал. Я и так знаю. И вы тоже, не так ли?

– Нет. Я мог бы составить краткий список подозреваемых в порядке убывания вероятности, но это не одно и то же.

– Не утруждайтесь. Я знаю и разберусь с ним сам, по-своему.

– И порадуете его, когда вас привлекут к ответственности за нападение или применение физической силы.

– В таком случае от вас сочувствия я бы не дождался, да? Равно как и

от местной скамьи присяжных. «Мне отмщение», – речет коллегия мирового суда ее величества. Наглый хулиган, парень из низов с манией разрушения! Пять фунтов штрафа – и на поруки. О, не тревожьтесь! Я не стану делать ничего опрометчивого. Выжду время – и все же с ним разделаюсь. Не зовите сюда ваших местных дружков. Не сказать чтобы они добились блестящих успехов с расследованием гибели Виктора, правда? Так пусть и в мои проблемы своими корявыми пальцами не лезут. – Встав на ноги, Корт добавил с мрачным упрямством, словно по запоздалом размышлении: – Кроме того, не хочу усугублять нынешние неприятности, затеявая новый скандал сразу после смерти Грейс Уиллисон. Уилфреду уже и так более чем досталось. Я тут уберу, а Генри скажу, что увез скульптуру обратно в Лондон. Слава Богу, больше никто из Грэйндж здесь не бывает, так что я буду избавлен от обычных неискренних соболезнований.

– Столь рьяная забота о спокойствии Уилфреда кажется мне весьма интересной, – промолвил Дэлглиш.

– Не сомневаюсь. Я так и думал. В ваших глазах я эгоистичный мерзавец. У вас есть тест на эгоистичных мерзавцев – и я полностью ему соответствую. Следовательно, ищите причину. Должен быть какой-то повод.

– Повод есть всегда.

– Ну и каков же он? Я состою у Уилфреда на жалованье? Поддельваю счета? Он имеет какую-то власть надо мной? Или, быть может, в подозрениях Моксон есть доля правды? Или я незаконный сын Уилфреда?

– Даже законный сын вполне мог бы понять – стоит слегка расстроить Уилфреда, чтобы выяснить, кто это сделал. Не слишком ли вы щепетильны? Уилфред уже и так знает, что кто-то из Тойнтон-Грэйндж, скорее всего один из его помощников, чуть не убил его, случайно или намеренно. Думаю, он бы отнесся к потере вашего мрамора вполне философски.

– А ему не придется никак к этому относиться. Он не узнает. Не могу объяснить вам то, что я и сам-то не вполне понимаю. Я привязан к Уилфреду. Он такой жалкий и ранимый. И все это так безнадежно! Если хотите знать, он чем-то напоминает мне родителей. Они держали лавчонку в Саутси. А потом, когда мне исполнилось четырнадцать, напротив открылся большой супермаркет. Это стало их концом. Они все испробовали, они не сдались. Расширенные кредиты – когда они и так не получали живых денег; специальные предложения – когда выручка практически равнялась нулю; часы, проведенные после закрытия магазина за переоформлением витрины; шарик, бесплатно раздаваемый местным

детям. Все было бесплодно и бесцельно. Ничего не вышло. Мне всегда казалось – я могу вынести их неудачу. Но я не мог вытерпеть их надежду.

Дэлглиш подумал, что хотя бы отчасти понимает Джулиуса. Он знал, о чем тот говорит. «Вот я, молодой, богатый, здоровый. Я знаю, как стать счастливым, – если бы только мир был таким, как мне хочется. Если бы только другие люди не упорствовали в своих болезнях, уродстве, страданиях, неудачах и разочарованиях. Или если бы я был поэгоистичнее и мог бы ни о чем таком не думать. Если бы не существовала черная башня». Он слышал, как Джулиус между тем продолжал говорить:

– Насчет меня не волнуйтесь. Помните, я ведь потерпевший. Разве не утверждают, что потерпевшему всегда надо самому справиться с горем? Рекомендуемая линия поведения с нами – это отстраненная симпатия и простые старые утешительные средства. Давайте позавтракаем.

– Если вы не намерены звонить в полицию, – негромко произнес Дэлглиш, – мы бы могли убрать весь этот беспорядок.

– Сейчас принесу корзинку для мусора. Не выношу пылесоса – слишком гудит.

Корт скрылся на безукоризненно чистой, модной и суперсовременной кухне и вернулся с корзинкой и двумя щетками. Объединенные странным чувством товарищества, мужчины опустились на колени и принялись за дело. Однако щетки оказались слишком мягкими, так что в конце концов пришлось долго и нудно собирать осколки руками.

Обязанности судебного патологоанатома выполнял временный заместитель, врач из города. Если он втайне надеялся, что это трехнедельное дежурство в приятной сельской местности окажется менее напряженным, чем лондонская работа, то глубоко ошибался. Когда телефон зазвонил в десятый раз за утро, доктор стянул перчатки, стараясь не думать о ждущих на полках в холодильнике пятнадцати обнаженных трупах, и философски поднял трубку. Раздавшийся в ней уверенный мужской голос – если не считать деревенского акцента – вполне мог принадлежать любому столичному полицейскому, да и слова, которые он произнес, врач слышал уже не раз:

– Это вы, док? У нас тут тело в поле, в трех милях севернее Блэнфорда, и оно нам на вид не шибко нравится. Вы не могли бы приехать на место?

Вызовы редко отличались друг от друга. Всегда было какое-нибудь тело, которое не шибко нравилось полицейским, – в поле, в яме, в канаве, в искореженной стали разбившегося автомобиля. Врач взял учетный блокнот, задал положенные вопросы и выслушал вполне ожидаемые ответы. Потом повернулся к своему ассистенту:

– О'кей, Берт, зашивай. Это не бог весть какая диковинка, чтобы на нее любоваться. Передай коронеру, пускай подписывают разрешение на похороны. Я схожу со сцены. И приготовь двух следующих, хорошо?

Он последний раз глянул на изнуренное тело. С Грейс Мириам Уиллисон, старой девой пятидесяти семи лет от роду, никаких сложностей не возникло. Ни наружных следов насилия, ни внутренних признаков, позволяющих послать органы на анализ. Он не без горечи проворчал ассистенту, что если местные терапевты считают, будто умученный жизнью судебный врач должен выносить диагнозы вместо них, то пора закрывать лавочку. Впрочем, лечащего врача Грейс Уиллисон интуиция не подвела. Он и правда кое-что упустил – опухоль в верхней части желудка. Ну и что теперь проку от этого диагноза? То ли опухоль, то ли склероз, то ли сердечная слабость – вот что ее убило. А может быть, дама просто-напросто решила, что с нее хватит, повернулась лицом к стене и умерла. В ее состоянии скорее удивляло не то, что она умерла, а то, ради чего она продолжала жить. Врач понемногу приходил к мысли, что вообще большинство больных умирают именно тогда, когда решат, что им пора

умереть. Только такой-то диагноз в свидетельство о смерти не впишешь.

Врач накорябал заключение по результатам вскрытия Грейс Уиллисон, дал последние указания ассистенту и, толкнув качающуюся дверь, отправился к другой смерти, другому телу – навстречу своей настоящей работе, как он подумал с чувством, весьма похожим на облегчение.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ТУМАН НАД МЫСОМ

Церковь Всех святых в Тойнтоне представляла собой лишенную какого бы то ни было интереса реконструкцию более ранней постройки. К ней примыкал двор с треугольником выкошенной травы, расположившийся между западной стеной, дорогой и рядом унылых домиков. Могилу Виктора Холройда, указанную Джулиусом, отмечал прямоугольный холмик, неуклюже обложенный травянистым дерном. Рядом с ним простой деревянный крест указывал место, где погребли прах отца Бэдди. Грейс Уиллисон предстояло лечь рядом. На похоронах присутствовали все обитатели Тойнтон-Грэйдж, кроме Хелен Рейнер, оставшейся присматривать за Джорджи Алланом, и Мэгги Хьюсон, чье отсутствие никто не комментировал. По-видимому, все принимали это как должное. Однако Дэлглиш, приехавший один, был удивлен, увидев напротив крытого прохода «мерседес» Джулиуса, припаркованный рядом с тойнтонским автобусом.

Двор был довольно тесным, а тропа меж надгробий узкой и заросшей, и поэтому потребовалось немало времени на то, чтобы подкатить три инвалидных кресла к вырытой могиле.

Местный викарий уехал в отпуск, а его заместитель, по всей видимости, ничего не знал о Тойнтон-Грэйдж и весьма удивился при виде четырех плакальчиков в коричневых монашеских балахонах. Он спросил, уж не францисканцы ли приехали, чем вызвал у Дженни Пеграм приступ истерического хихиканья. Ответ Энсти – хотя Дэлглиш его не слышал, – кажется, не убедил священника. В итоге заместитель викария, озадаченный и неодобряющий, провел церемонию на тщательно рассчитанной скорости, будто хотел как можно быстрее очистить двор от заразы самозванцев. Горстка участников похорон спела по предложению Уилфреда любимый гимн Грейс «О ангелы». На взгляд Дэлглиша, этот гимн больше прочих не подходил для любительского исполнения, да еще без аккомпанемента. Неуверенный, нестройный хор голосов надтреснуто и визгливо выводил мелодию, разносившуюся в ясном осеннем воздухе.

Цветов не было. Их отсутствие, густой запах свежескопанной земли, янтарные лучи осеннего солнца, вездесущий запах дыма, даже ощущение незримых вопрошающих глаз, что с болезненным любопытством подглядывали в просветы живых изгородей, – все это вызвало у Дэлглиша до боли отчетливые воспоминания об иных похоронах.

Тогда ему исполнилось четырнадцать лет, и он прибыл из школы на коротенькие каникулы. Родители как раз отдыхали в Италии, и приход возглавлял отец Бэддли. Сын одного из местных фермеров, застенчивый восемнадцатилетний юноша, приехавший домой на выходные после первого семестра в университете, взял отцовское ружье и застрелил обоих родителей, пятнадцатилетнюю сестру, а под конец и самого себя. Семья была очень любящая, парень считался нежным и почтительным сыном. Для юного Адама, который успел вообразить, будто влюблен в погибшую девочку, все это стало ужасом, затмевающим любые кошмары последующей жизни. Трагедия, необъяснимая и жуткая, сначала повергла деревню в оцепенение. Затем горе быстро сменилось волной сверхъестественного гнева и отвращения. Никто и помыслить не мог о том, чтобы юношу похоронили в освященной земле, а потому отец Бэддли, мягко, но неуклонно настаивавший, что вся семья должна упокоиться в одной могиле, временно сделался изгоем общества. Похороны, дружно бойкотируемые всей деревней, состоялись в такой же ясный осенний день. Близких родственников у погибшей семьи не было. Присутствовали только отец Бэддли, церковный сторож и Адам Дэлглиш. Четырнадцатилетний подросток, закоченевший от непостижимого горя, сосредоточился на том, чтобы отвечать по книге, стремясь отделять невыносимые слова от их смысла, видеть в них лишь черные, ничего не значащие символы на странице молитвенника и твердо, даже небрежно, произносить их над разверстой могилой. И теперь, когда незнакомый священник поднял руку, дабы прочесть над телом Грейс Уиллисон последнее благословение, Дэлглиш увидел вместо него хрупкую, выпрямившуюся во весь рост фигурку отца Бэддли с чуть всклокоченными от ветра волосами. Когда первые комья земли упали на крышку гроба и Адам повернулся, чтобы уйти, он почувствовал себя предателем. Воспоминания о давно минувшем дне, когда отец Бэддли положился на него не напрасно, лишь разбредили и укрепили гнетущее ощущение неудачи.

Наверное, это и заставило командера ответить резкостью Уилфреду, когда тот подошел к нему и сказал:

– Мы сейчас едем на ленч. Семейный совет начнется в половине третьего, а вторая часть около четырех. Вы уверены, что не хотите помочь нам?

Дэлглиш открыл дверцу машины.

– Вы можете привести мне хоть одну причину, по которой стоило бы это сделать?

Уилфред отвернулся; вид у него был почти сконфуженный. Джулиус

негромко рассмеялся:

– Старый дурачина! Неужели он и правда думает, будто мы не знаем – он затеял совет только потому, что уверен: все решат, как он захочет. Каковы ваши планы на сегодня?

Дэлглиш ответил, что еще не определился. На самом деле он хотел развеять приступ отвращения к самому себе прогулкой вдоль обрыва до Веймута и обратно. И общаться с Джулиусом Адаму не хотелось.

Он зашел в ближайший же паб, чтобы перекусить сыром с пивом, быстро доехал до «Надежды», переоделся в спортивные брюки и ветровку, а после двинулся на восток по скальной тропе. Нынешняя прогулка разительно отличалась от той, первой, на следующий день после приезда сюда. Тогда только что пробудившиеся чувства Дэлглиша были особенно восприимчивы к звукам, цветам и запахам. Теперь же он энергично шагал вперед, погрузившись в раздумья и не сводя глаз с тропы, практически не замечая даже натруженного, свистящего гула моря. Скоро придется принимать окончательное решение насчет работы... Ладно, с этим можно погодить пару недель. Пока же предстоят более срочные, пусть и менее тягостные решения. Сколько еще медлить в Тойнтоне? Предлогов для задержки больше нет. Книги разобраны, коробки скоро надо будет завязывать. А он так и не продвинулся в решении проблемы, которая держала его в коттедже «Надежда». Шансов решить тайну письма, в котором отец Бэддли вызвал Дэлглиша, почти не оставалось. Живя в домике старого священника, спя на его кровати, Дэлглиш словно вобрал в себя что-то и от его личности. Он почти всерьез верил, будто чувствует присутствие некоего зла. Непривычное, чужое свойство, которое Адам наполовину осуждал и которому точно не доверял. И все же оно все усиливалось и усиливалось. Теперь он был практически уверен, что отца Бэддли убили. Однако стоило взглянуть на доказательства беспристрастным взглядом полицейского, как дело таяло в руках, точно дым.

Наверное, потому, что Дэлглиш с головой ушел в эти непродуктивные размышления, туман застиг его врасплох. Он поднялся с моря внезапной физической преградой, белесой, все застилающей мутью. Только что еще командер шагал под лучами медового солнца и свежий ветер щекотал волосы у него на шее и руках, а в следующую секунду солнце, цвета, запахи вдруг куда-то исчезли, и Адам застыл среди тумана, пытаясь отмахнуться от него, растолкать, точно враждебную силу. Туман лип к волосам путника, хватал его за горло, гротескными узорами клубился над мысом. Дэлглиш следил, как перекрученная полупрозрачная вуаль стелется

по зарослям ежевики и папоротника, увеличивая и искажая очертания, скрывая от глаз тропу. Вместе с туманом пришла неожиданная тишина. Впрочем, Дэлглиш понял, что мыс звенел птичьими голосами, только теперь, когда они вдруг умолкли. Молчание казалось каким-то неестественным. А вот гул моря усилился, стал вездесущим, беспорядочным, угрожающим – словно бы наступал, тесня со всех сторон. Как пойманный зверь, море то глухо стонало в угрюмой покорности, то рвалось на свободу и с ревом бессильной ярости бросалось на высокие камни.

Дэлглиш повернул обратно, сам не зная, далеко ли идти. Возвращение обещало стать трудной задачей. Он утратил чувство направления и мог ориентироваться лишь по убегающей из-под ног полосе утопанной земли. Однако Адам рассудил, что, если идти медленно, опасность не будет велика. Тропу, конечно, видно с трудом, зато почти по всей длине ее обрамляют заросли ежевики—очень удобный, хотя и колючий барьер, на случай если он вдруг собьется с пути. В какой-то момент туман вроде бы чуть приподнялся, и Дэлглиш уверенно прибавил ходу. Но это оказалось ошибкой. Хорошо еще, командер вовремя осознал, что идет по самому краю пересекавшей дорогу широкой трещины. А полоса, которую он принимал за край движущегося тумана, на самом деле – бахрома пены на утесе в пятидесяти футах под ним.

Черная башня вынырнула из белесой мглы так неожиданно, что в первый момент Дэлглиш просто-напросто расцарапал руку, инстинктивно выставленную вперед, о твердые острые чешуйки стены. А затем так же внезапно туман поредел, и Дэлглиш увидел вершину башни. Подножие ее тонуло в липкой вихрящейся мути, но восьмиугольный купол с тремя видимыми отсюда щелями бойниц словно выплывал из последних волнистых нитей тумана, чтобы неподвижно повиснуть в поднебесье — эффектный, угрожающе прочный и в то же время бесплотный, как сон. Верхушка башни будто двигалась с туманом – беглое, ускользающее видение; то опустится низко-низко, буквально рукой подать, то поднимется, таинственная и неприступная, над грохочущим морем. Казалось, эта плывущая в облаках вершина не имеет ничего общего с камнями под ладонями Дэлглиша, с твердой землей у него под ногами. Чтобы восстановить равновесие, он припал головой к стене и почувствовал, как холодит разгоряченный лоб реальность – острая и твердая. Что ж, по крайней мере нашлась вполне определенная веха – отсюда он более или менее помнил изгибы и повороты дороги.

Тогда-то он и услышал странный звук: леденящий душу скрип, точно

скребут зазубренным обломком кости по камню. Скрип доносился из башни. Рассудок взял верх над суевериями так быстро, что Дэлглиш едва успел осознать охвативший его ужас. Только болезненный стук сердца о ребра да внезапный холод в крови сказали ему, что на миг он пересек границы неведомого мира. На секунду – а может, даже и меньше – подавляемые детские кошмары вновь поднялись во весь рост и бросили ему вызов. А потом страх прошел. Дэлглиш прислушался повнимательнее и отправился на разведку.

Природа звука выяснилась очень скоро. Со стороны моря, в уголке между стеной башни и крыльцом, рос кустик ежевики. Ветер сломал одну из веток, и два острых конца царапали о камень. По какому-то хитрому акустическому трюку создавалось впечатление, будто звук, прерывистый и искаженный, идет изнутри башни. Вот из таких-то мелочей, мрачно улыбнувшись, подумал Дэлглиш, возникают слухи и легенды о привидениях.

Не прошло и двадцати минут, как он уже стоял над долиной и глядел вниз, на Тойнтон-Грэйндж. Туман поредел, так что Адам различал сам Грэйндж – тяжелую темную тень, прорезанную кое-где пятнами света из окон. Часы показывали восемь минут четвертого. Значит, все там уединились на так называемую медитацию, ожидая четырех часов, дабы отдать свой голос за то или иное решение. Интересно, как они проводят время на самом деле? Впрочем, в результатах голосования сомневаться не приходилось. Как и Джулиус, Адам считал, что едва ли Уилфред созвал бы общий совет, не будучи уверен в том, что выйдет так, как он хочет. А это скорее всего означало передачу приюта в ведение «Риджуэл траст». Дэлглиш прикинул, как распределятся голоса. Уилфред, без сомнения, добился такого соглашения, при котором сотрудники приюта сохранили свои места. Засим Дот Моксон, Эрик Хьюсон и Деннис Лернер проголосуют за передачу. У бедного Джорджи Аллана особого выбора не будет. Мнение остальных пациентов не так ясно, но у Дэлглиша сложилось впечатление, что Каруардин охотно останется на прежнем месте, особенно учитывая, что под управлением «Траст» общий уровень комфорта и профессионального ухода наверняка повысится. Миллисента, разумеется, выступит за продажу усадьбы. И она как пить дать получила бы в союзницы Мэгги Хьюсон, если бы Мэгги позволили принять участие в голосовании.

Глядя вниз, Дэлглиш увидел два квадрата света в окнах коттеджа «Любовь», где изгнанница Мэгги дожидалась возвращения Эрика. В стороне, над обрывом, мерцало более яркое сияние – Джулиус не привык

экономить на электричестве.

Огоньки, хотя время от времени туман и скрывал их, служили полезными ориентирами. Дэлглиш почти бегом принялся спускаться вниз. А потом вдруг произошло нечто странное: свет в коттедже Хьюсонов на миг выключился и снова включился – и так три раза подряд, точно подавая сигнал.

Дэлглишу померещился в этом сигнале призыв на помощь – померещился настолько отчетливо, что командер был вынужден напомнить себе о реальности. Мэгги не могла знать, что он – или кто-либо еще – будет проходить по мысу. А увидеть сигнал из Тойнтон-Грэйндж могли только по чистой случайности: сейчас там все заняты другим проблемами. Кроме того, у большинства пациентов окна выходили на другую сторону. Скорее всего свет мигал просто так – возможно, Мэгги раздумывала: смотреть или нет телевизор в темноте.

Однако двойное пятно желтого света, теперь сиявшее сильнее сквозь поредевший туман, притягивало командера к коттеджу Хьюсонов. Всего-то триста ярдов крюка – а она там одна. Вполне можно заглянуть, пусть и рискуя нарваться на пьяные излияния о перенесенных обидах.

Парадная дверь была не заперта. Не дождавшись ответа на стук, Дэлглиш толкнул ее и вошел. Гостиная, неряшливая, грязная, где жильцы словно бы обосновались совсем ненадолго, пустовала. Три пластины переносного электронагревателя полыхали красным, и в комнате оказалось неожиданно тепло. У стены темнел экран выключенного телевизора. Одинокая лампочка посередине потолка изливала ослепительный свет на квадратный стол, открытую и почти пустую бутылку виски, опрокинутый стакан, листок бумаги с надписью черной шариковой ручкой. Запись сначала была относительно твердой и ровной, а потом неустойчивой, точно след ползущего по белой бумаге черного насекомого. Телефон был снят с обычного места на верху книжного шкафа и теперь стоял на столе, трубка свисала на шнуре почти до пола.

Дэлглиш не стал задерживаться, чтобы прочесть записку. Дверь в коридор была приоткрыта, он толкнул ее и вошел туда с болезненным предчувствием катастрофы, словно зная, что его ждет внутри. Коридор был очень узок, дверь, распахнувшись, ударила Мэгги по ногам. Тело качнулось, и побагровевшее лицо медленно повернулось к вошедшему, уставившись на него словно бы с осуждением, с унылым и укоризненным удивлением, что он застал ее в столь неприглядном виде. Тут, как и в гостиной, одинокая лампочка на шнуре горела ярко и резко, поэтому Мэгги висела, точно безвкусно и ярко размалеванная кукла, выставленная на

продажу. Алые обтягивающие брючки, белая шелковая блузка, накрашенные ногти на руках и ногах, броская, под цвет лака, полоса помады на губах выглядели жутко и нереально. Казалось – один взмах ножа, и из Мэгги высыплется горка опилок.

Веревка, какой пользуются при восхождениях, ровный жгут из красной и желтой нитей, веселенькая, как шнурок от звонка, была рассчитана на вес взрослого мужчины. И Мэгги она не подвела. Женщина воспользовалась ей совсем просто: сложила пополам и завязала петлю, которая неуклюже, зато эффективно крепилась к верху перил. Остаток веревки – несколько ярдов – лежал на лестничной площадке.

Высокий кухонный табурет с двумя приступочками упал набок, перегораживая коридор, точно она отпихнула его из-под себя. Дэлглиш подставил табуретку под тело Мэгги и, поставив ее колени на мягкий пластик сиденья, поднялся по лестнице и снял петлю. Безжизненное тело всем своим весом навалилось на командера. Он аккуратно спустил Мэгги на пол и оттащил ее в гостиную, а там, положив на коврик перед камином, припал губами к ее рту и принялся делать искусственное дыхание.

Ото рта Мэгги резко пахло виски. Дэлглиш чувствовал на губах чуть масляный вкус помады. Его рубашка, взмокшая от пота, прилипла к ее блузке, склеивая его бешено вздымающуюся грудь и ее мягкое, еще теплое, но безмолвное тело. Он яростно проталкивал в нее воздух, борясь с атавистическим отвращением. Уж слишком это было похоже на изнасилование мертвой. Сердце у нее не билось – он ощущал это так же остро, как боль у себя в груди.

То, что открылась дверь, он осознал только по внезапному дуновению холодного воздуха. Рядом с телом остановились чьи-то ноги. Голос Джулиуса воскликнул:

– О Господи! Она умерла? Что случилось?

Нотка ужаса, звучавшая в его голосе, удивила Дэлглиша. Он на секунду вскинул глаза на пораженное лицо Корта. Оно нависало над ним, как бестелесная маска, черты словно выцвели и исказились от страха. Этот человек отчаянно старался овладеть собой. Все тело у него тряслось. Дэлглиш поддерживал отчаянный ритм реанимации, так что команды вырывались у него серией резких, отрывистых фраз:

– Приведите Хьюсона. Быстрее.

Голос Джулиуса сорвался на высокую дребезжащую скороговорку:

– Не могу! И не просите! Я на такие вещи не гожусь. Да и вообще он меня недолюбливает. Мы с ним никогда не были друзьями. Идите вы. Лучше я останусь тут с ней, чем пойду к Эрику.

– Тогда позвоните ему. Потом в полицию. Оберните трубку платком. Могут быть отпечатки.

– Там не возьмут трубку. Они никогда не берут трубку во время своих медитаций.

– Тогда, ради Бога, приведите его!

– Ее лицо! Оно все в крови!

– Помада. Размазалась. Звоните Хьюсону.

Джулиус не двинулся с места. Потом, чуть поразмыслив, сказал:

– Попробую. Как раз четыре. Теперь они могут ответить. Он повернулся к телефону. Краем глаза Дэлглиш видел, как Джулиус трясущимися руками снимает трубку, потом сверкнул белизной платок, которым тот ее оборачивал – неловко, точно пытался перевязать сам себе рапу. Через две долгих минуты на другом конце провода ответили. Адам понятия не имел, кто именно, – точно так же, как впоследствии не мог вспомнить, что именно говорил Джулиус.

– Я сказал им. Придут.

– Теперь в полицию.

– И что мне сообщить?

– Факты. Они сами знают, что делать.

– Может, подождать? Вдруг она очнется?

Дэлглиш выпрямился. Он твердо знал, что последние пять минут пытался оживить труп.

– Вряд ли, – промолвил он и тут же вернулся к своей работе, прижимаясь губами к губам Мэгги, а правую ладонь держа на молчащем сердце в надежде ощутить первые биения.

Лампочка на шнуре качнулась на сквозняке от распахнутой двери, и по мертвому лицу проползла тень, как будто отдернули занавеску. Дэлглиш остро осознавал контраст между инертной плотью, холодной неотзывчивостью губ, смятых его губами, и общим впечатлением, что женщина тщательно готовилась к любовному свиданию. Багровые полосы, оставленные веревкой, казались витым ожерельем, туго перехватывающим ее горло. Остатки тумана вползли в комнату, обвиваясь вокруг пыльных ножек стола и стульев. Запах тумана ударил в ноздри Дэлглиша как анестетик; во рту воцарился кисловатый привкус виски.

Внезапно раздался топот бегущих ног, комната наполнилась народом, зазвенела от голосов. Эрик Хьюсон, оттеснив Дэлглиша, упал на колени возлежены. Позади него Хелен Рейнер торопливо открыла медицинский саквояжик и протянула Эрику стетоскоп. Хьюсон разорвал блузку жены. Хелен деликатно и бесстрастно приподняла левую грудь Мэгги, чтобы

Эрик мог послушать сердце. Сняв стетоскоп, он отшвырнул его в сторону и протянул руку. На этот раз, все так же молча, Хелен вручила ему шприц.

– Что вы делаете? – выкрикнул истерический голос Джулиуса Корта.

Хьюсон уставился на Дэлглиша. Со смертельно бледного лица смотрели огромные, расширенные глаза.

– Это всего лишь дигиталис.

Голос его, тихий и срывающийся, таил мольбу о поддержке, о капле надежды. Но вместе с тем и о снисхождении, о праве снять с себя ответственность. Дэлглиш кивнул. Если там и правда дигиталис, может, и сработает. И уж конечно, Эрик не так глуп, чтобы ввести ей что-то смертельное. Остановиться теперь – значило наверняка убить ее. Или лучше продолжать искусственное дыхание? Едва ли. Да и вообще такое решение должен принимать врач. А врач тут был. Хотя в глубине души Дэлглиш осознавал, что все это представляет сугубо академический вопрос. Мэгги уже нельзя было навредить помочь тоже нельзя.

Хелен Рейнер держала в руке фонарик и светила им на грудь Мэгги. Поры на коже между отвислыми грудями казались миниатюрными кратерами, забитыми пудрой и потом. У Хьюсона задрожали руки.

– Ну-ка, дай мне, – вдруг сказала Хелен.

Он молча протянул ей шприц. Дэлглиш услышал недоверчиво-протестующее восклицание Джулиуса, а потом увидел, как игла вонзилась в тело – аккуратно и уверенно, как *coeur de grace*^{note[7]}.

Гибкие руки не дрогнули, когда медсестра вытащила иглу, прижала к следу укола ватку и без единого слова протянула шприц Дэлглишу.

Внезапно Джулиус пошатываясь выбежал из комнаты и почти сразу вернулся со стаканом. Никто и остановить его не успел, как он схватил бутылку виски за горлышко и вылил последние полдюйма. Выдернув из-за стола один из стульев, он тяжело сел, сторбившись и подавшись вперед, продолжая сжимать обеими руками бутылку.

– Джулиус, – запротестовал Уилфред, – нельзя ничего трогать до прихода полиции.

Корт достал платок и вытер лоб.

– Мне это было необходимо. Да и какого черта! Ее отпечатки я не смазал. И вообще у нее веревка на шее – не заметили? От чего, по-вашему, она умерла, от алкоголизма?

Остальные сгрудились вокруг тела. Хьюсон еще стоял на коленях рядом с женой, Хелен поддерживала ее голову. Уилфред с Деннисом стояли по обе стороны от нее, складки их одеяний недвижно висели в застывшем воздухе. Все вместе, вдруг подумал Дэлглиш, они выглядят как пестрая

группка актеров, изображающих современный диптих и с настороженным предвкушением устремивших взоры на яркое тело святой великомученицы.

Через пять минут Хьюсон поднялся.

– Никакой реакции, – тускло произнес он. – Перенесите ее на диван. Нельзя же оставлять ее на полу.

Джулиус Корт встал со стула. Они с Дэлглишем подняли обмякшее тело и переложили его на диван. Диван оказался слишком короток, так что ступни с ярко накрашенными алыми ногтями, гротескными и трогательно-жалкими, торчали с одной стороны. Дэлглиш услышал, как из груди собравшихся вырвался тихий вздох, точно они выполнили требования некоего неписаного закона, предписывающего уложить покойника поудобнее. Джулиус растерянно огляделся по сторонам, должно быть, подыскивая что-нибудь, чем прикрыть тело. Как ни странно, именно Деннис Лернер вытащил из кармана большой белый платок, встряхнул, чтобы расправить, с ритуальной бережностью накрыл им лицо Мэгги. Все уставились на платок так пристально, точно ждали, что ткань шелохнется от первого пробного вздоха.

– Меня всегда удивляла традиция накрывать лица мертвых, – произнес Уилфред. – Не оттого ли, что нам кажется, будто они находятся в невыгодном положении, беззащитны перед нашими критическими взглядами? Или оттого, что мы их боимся? Скорее всего последнее.

Не обращая на него внимания, Эрик Хьюсон повернула к Дэлглишу:

– Где?..

– Там, в коридоре.

Хьюсон подошел к двери и остановился, молча глядя на свисающую веревку и яркий красно-желтый табурет. Потом повернулся к кругу внимательных, сочувственных лиц.

– Где она взяла веревку?

– Наверное, у меня. – Уилфред говорил заинтересованно и уверенно. Он повернулся к Дэлглишу: – Она выглядит новее, чем у Джулиуса. Я купил ее вскоре после того, как старая перетерлась. Веревка висела на крючке в конторе. Вы ее видели. И она точно была там сегодня утром, когда мы выезжали на похороны Грейс. Помните, Дот?

Дот Моксон выдвинулась из укромного угла в тени, у дальней стены, и в первый раз за все это время вступила в разговор. Остальные оглянулись, точно удивляясь, что она тоже здесь. Голос ее звучал неестественно – агрессивно и неуверенно, слишком тонко.

– Да, я обратила внимание. В смысле непременно обратила бы внимание, если бы ее там не было. Да-да, вспоминаю. Веревка висела на

месте.

– А когда вы вернулись с похорон? – спросил Дэлглиш.

– Я зашла туда повесить плащ. Не помню, чтобы там висела веревка. Почти уверена, что ее не было. Хотя не думаю, что я обратила внимание на исчезновение веревки. Только сейчас, вспоминая, я вполне уверена, что ее там не было. И в любом случае я едва ли встревожилась бы. Наверняка решила бы, что это ее Алберт для чего-то одолжил. Правда, нет, он не мог. Он же ездил с нами на похороны и сел в автобус раньше меня...

– В полицию звонили? – неожиданно спросил Лернер.

– Конечно, – кивнул Джулиус. – Я их вызвал.

– Что вы здесь делали? – Вопрос Дот Моксон прозвучал обвинением, однако Джулиус, похоже, успевший взять себя в руки, ответил вполне спокойно:

– Перед смертью она три раза мигнула светом. Я случайно заметил из окна ванной. Хотя пришел не сразу, сначала не придавал этому значения. Потом мне стало как-то беспокойно, вот я и решил прогуляться сюда и взглянуть. Дэлглиш был уже здесь.

– Я увидел сигнал с мыса, – подтвердил Дэлглиш. – Как и Джулиус, почувствовал совсем легкое беспокойство, и мне показалось, что стоит зайти.

Лернер подошел к столу.

– Она оставила записку.

– Не трогайте! – резко велел Дэлглиш.

Лернер отдернул руку, точно ужаленный. Все обступили стол. Записка была нацарапана черной шариковой ручкой на четвертушке писчего листа.

«Дорогой Эрик, я тебе сто раз говорила, что мне обрыдло торчать в этой гнусной дыре. Ты думал, это просто слова. Ты был так занят возней со своими ненаглядными пациентами, что я бы могла со скуки умереть, а ты бы и не заметил. Прости, если испоганила тебе все планы. Не лъщу себя мыслью, что ты будешь скучать по мне. Теперь ты получишь ее, и, клянусь Богом, вы друг друга стоите. У нас с тобой были и неплохие времена. Помни о них. Постарайся хоть чуть-чуть скучать по мне. Мертвым лучше. Прости, Уилфред. Черная башня».

Первые восемь строк были написаны твердо и четко, последние пять выведены почти неразборчивыми закорючками.

– Это ее почерк? – спросил Энсти.

Эрик Хьюсон ответил так тихо, что они едва расслышали его ответ:

– О да. Почерк ее.

Джулиус повернулся к Эрику и с неожиданной энергией произнес:

– Послушайте, ведь ясно, что произошло. Мэгги не собиралась кончать с собой. Она бы ни за что этого не сделала. Поступок не в ее стиле. Да и, ради всего святого, зачем? Она молода, здорова, если ей так уж здесь не нравилось, она всегда могла уйти. Она медсестра, легко нашла бы себе работу. Все это было задумано, чтобы напугать вас. Она пыталась дозвониться в Тойнтон-Грэйндж и вызвать вас – как раз вовремя, разумеется. Когда никто не ответил, она просигналила светом. Но к тому времени Мэгги была слишком пьяна, толком не соображала, что делает, и все произошло до ужаса всерьез. Перечитайте записку – разве она похожа на предсмертное послание?

– На мой взгляд, да, – отозвался Энсти. – И, подозреваю, коронер будет того же мнения.

– Ну а на мой – вовсе нет. Такую же записку могла написать женщина, которая собирается уйти от мужа.

– Нет, она не собиралась уйти, – хладнокровно заметила Хелен Рейнер. – Она бы не ушла из Тойнтон в одной блузке и брюках. И где ее чемодан? Ни одна женщина не решит сбежать из дому без косметики и ночной рубашки.

У ножки стола стояла вместительная наплечная сумка. Джулиус поднял ее и заглянул внутрь.

– Ничего. Ни ночной рубашки, ни умывальных принадлежностей.

Он продолжил осмотр. Затем внезапно перевел взгляд с Эрика на Дэлглиша. По лицу его пробежала череда весьма примечательных эмоций: удивление, смущение, интерес. Он закрыл сумку и поставил ее на стол.

– Уилфред прав. Нельзя ничего трогать до прихода полиции. Все стояли молча. Потом Энсти сказал:

– Полиция захочет знать, где мы были сегодня днем. Даже в простейших случаях самоубийства задают такие вопросы. Мэгги, по всей видимости, умерла в самом конце часа, отведенного нами на медитацию. А значит, ни у кого из нас нет алиби. Учитывая обстоятельства, пожалуй, удачно вышло, что Мэгги решила оставить записку.

– Мы с Эриком весь этот час провели в моей комнате, – так же хладнокровно произнесла Хелен Рейнер.

Уилфред обескураженно уставился на нее. В первый раз за все это время он растерялся.

– Так мы же собирали семейный совет! Правило гласит, что мы должны час медитировать в полном одиночестве и полном молчании.

– Мы не медитировали и не молчали. Но мы были одни – одним целым.

Упрямая и почти торжествующая, она смотрела мимо Уилфреда – прямо в глаза Эрику Хьюсону. Он в ужасе смотрел на нее.

Словно желая отстраниться от конфликта, Деннис Лернер отошел к двери и встал рядом с Дот Моксон.

– Кажется, едет машина. Наверное, полиция.

Туман скрадывал звуки подъезжающих автомобилей. Не успел Лернер договорить, как перед домом захлопали дверцы автомобилей. Неожиданно Эрик рухнул на колени перед диваном, загораживая тело Мэгги, но через миг неловко поднялся на ноги, точно боясь, что его застанут в компрометирующем виде. Не оглядываясь, Дот грузно отошла от двери.

Маленькая комнатка внезапно переполнилась народом, как автобусная остановка в дождливый вечер. Запахло туманом и мокрыми плащами. Однако никакой толкотни или суматохи не было. Новоприбывшие целенаправленно и уверенно продвинулись в гостиную, неся с собой свое оборудование, – совсем как оркестранты, привычно занимающие места в оркестровой яме. Обитатели Тойнтон-Грэйндж отошли к стене, настороженно наблюдая за действиями полицейских. Все молчали. Наконец тишину нарушил негромкий голос инспектора Дэниела:

– Ну, и кто из вас нашел несчастную леди?

– Я, – ответил Дэлглиш. – Корт появился минут через двенадцать.

– Тогда попрошу остаться мистера Дэлглиша, мистера Корта и доктора Хьюсона. С них и начнем.

– С вашего позволения, я бы тоже предпочел остаться, – вмешался Уилфред.

– Ну-у... мистер Энсти, если не ошибаюсь? Боюсь, мы не всегда можем делать то, что предпочли бы. А теперь, если вы вернетесь в Грэйндж, констебль Барроус составит вам компанию и выслушает то, что вы пожелаете ему сообщить. Я присоединюсь к вам позже.

Без единого слова Уилфред первым двинулся к выходу. Инспектор Дэниел взглянул на Дэлглиша:

– Так, сэр, кажется, на тойнтонском мысу от смерти спасу нет.

II

Отдав шприц и отчитавшись о том, как было найдено тело, Дэлглиш не остался, чтобы понаблюдать за расследованием. Не хотелось создавать впечатление, будто он критически следит за тем, как инспектор Дэниел ведет дело, – роль зрителя была ему не по душе, равно как и перспектива путаться под ногами у следствия. Из приехавших на вызов полицейских никто друг другу не мешал. Они уверенно занимались своим делом на этом крохотном пятачке: каждый специалист в собственной области, однако все вместе – команда. Фотограф разместил в узком коридорчике переносные лампы-вспышки; одетый в штатское дактилоскопист, открыв аккуратный чемоданчик с набором принадлежностей, примостился на столе и приготовил кисточку, чтобы методично обработать ею бутылку из-под виски; полицейский хирург, отрешенный и сосредоточенный, опустился на колени возле тела и ущипнул пятнистую кожу Мэгги, точно надеялся пробудить умершую к жизни. Инспектор Дэниел склонился над хирургом, и они о чем-то тихонько переговаривались. Дэлглишу они напомнили двух торговцев птицей, опытным глазом оценивающих качество забитого цыпленка. Интересно, что Дэниел привел полицейского хирурга, а не судебного патологоанатома. Впрочем, почему бы и нет? Министерские патологоанатомы, учитывая размеры района, который им обычно приходится обслуживать, редко могут быстро приехать на место обнаружения тела. А первичный медицинский осмотр не представлял никаких проблем. Какой смысл привлекать больше людей, чем требуется для дела? Дэлглиш задумался: а приехал бы сам Дэниел, если бы не присутствие в Тойнтон-Грэйндж столичного командера?

Для соблюдения всех формальностей Дэлглиш спросил у Дэниела разрешение вернуться в «Надежду». Эрик Хьюсон уже ушел. Инспектор задал ему лишь несколько самых необходимых коротких и бережных вопросов, а потом посоветовал присоединиться к остальным в Тойнтон-Грэйндж. Дэлглиш заметил, что после ухода Хьюсона все почувствовали себя легче. Даже непроницаемые эксперты двигались свободнее, не испытывая необходимости сдерживаться перед лицом чужого горя. Провожая Дэлглиша, инспектор не ограничился коротким кивком, а сказал:

– Благодарю вас, сэр. Если можно, перед отъездом я еще заеду перемолвиться с вами словечком.

И снова склонился над телом.

Ничего особенного, по мнению Дэлглиша, с приездом полиции не случилось – торжествовала давно знакомая рутина, неизменно связанная с неестественной смертью. Хотя на мгновение он увидел все происходящее глазами Джулиуса – эзотерический ритуал некромантов, исполняемый мрачными жрецами в полном молчании или под сопровождение хмыканья и отдельных невнятных слов – тайная служба по умершему. Похоже, Джулиуса процедура просто заворожила. Не выказывая ни малейшего желания уходить, он шагнул в сторону от двери и, не сводя загнипнотизированного взгляда с инспектора Дэниела, отворил ее для Дэлглиша. Дэниел не предложил Карту тоже уйти, однако командер не думал, что инспектор просто-напросто забыл о его присутствии.

Лишь три часа спустя машина Дэниела остановилась перед коттеджем «Надежда». Инспектор был один. Сержант Верней и остальные, объяснил он, уже уехали. Инспектор зашел в дом, внося с собой остатки тумана и волну холодного сырого воздуха. На волосах у него блестели капельки влаги, а продолговатое кирпичное лицо лоснилось, как после прогулки по жаркому солнцу. По приглашению Дэлглиша он снял шинель и расположился в кресле-качалке перед камином. Взгляд черных, очень бойких глаз скользил по комнате, замечая потертый ковер, тонкую решетку, ветхие обои на стенах.

– Так здесь и жил тот пожилой джентльмен? – спросил он.

– И жил, и умер. Хотите виски? Или, если предпочитаете, кофе?

– Спасибо, мистер Дэлглиш, виски. Не очень-то уютно устроил священника мистер Энсти, а? Но должно быть, все деньги у него уходят на больных, да это и правильно.

Ну, часть денег так и уходит на самого Энсти, подумал Дэлглиш, вспомнив сибаритскую келью, что служила Уилфреду спальней.

– На самом деле здесь лучше, чем кажется, – отозвался он. – Мои ящички не слишком добавляют уюта. И сомневаюсь, чтобы отец Бэддли обращал внимание на обветшалость. А если и обращал, то его это не заботило.

– Во всяком случае, здесь тепло. Этот туман с моря так и вгрызается в кости. Впрочем, чуть дальше, за деревней, уже попрличнее. Поэтому нам-то неплохо.

Инспектор с признательностью отхлебнул виски, а еще через пару минут произнес:

– Это нынешнее дело, мистер Дэлглиш... На первый взгляд все просто. На бутылке отпечатки самой потерпевшей и Корта, на телефоне – ее и Хьюсона. С выключателя, конечно, особо отпечатков не снимешь, да и с

ручки тоже. Мы нашли несколько образцов ее почерка. Наши спецы-графологи, конечно, свое слово скажут, но мне – и, кстати, доктору Хьюсону – совершенно ясно, что она написала предсмертную записку сама. Поразительно твердый и разборчивый почерк для женщины.

– Если не считать последних трех строчек.

– Упоминание о черной башне? Ну, когда она это дописывала, то была уже сильно не в себе. Кстати, мистер Энсти предполагает, что именно она разожгла там огонь, в котором он чуть не погиб. И по его словам, это не первая попытка покушения. Вы, без сомнения, слышали о перетершейся веревке? Он дал мне полный отчет о происшествии в черной башне, включая и то, как вы нашли сутану.

– В самом деле? А вот тогда он стремился не доводить дело до полиции. Теперь же все улики и подозрения аккуратно складываются к дверям Мэгги Хьюсон.

– Меня всегда удивляет – хотя, казалось бы, уже можно и не удивляться, – как насильственная смерть развязывает языки. Энсти говорит, что с самого начала подозревал ее, что она не делала секрета из того, как ненавидит Тойнтон-Грэйндж и терпеть не может его самого.

– И впрямь не делала, – согласился Дэлглиш. – Я бы сильно удивился, если бы женщине, столь откровенно и с таким удовольствием выражавшей свои чувства, потребовались бы иные способы для разрядки. Огонь, протертая веревка – все это кажется мне либо частью тщательно продуманного плана, либо проявлениями затаенной и бессильной ненависти. Мэгги Хьюсон демонстрировала неприязнь к Энсти весьма открыто.

– Мистер Энсти считает поджог частью продуманного плана. По его словам, она пыталась запугать его и вынудить продать Тойнтон-Грэйндж. Мечтала увезти мужа отсюда.

– Тогда она плохо рассчитала. Подозреваю, Энсти не станет продавать поместье. Завтра он примет решение передать Тойнтон-Грэйндж «Риджуэл траст».

– Он принимает решение сейчас, мистер Дэлглиш. По всей видимости, смерть миссис Хьюсон как раз помешала окончательному голосованию. Энсти торопил меня, чтобы я поскорее опросил обитателей дома, дабы они могли приступить к делу заново. Не то чтобы мне потребовалось особо много времени – в смысле, на сбор основных фактов. Никто из них не был замечен покидающим Тойнтон-Грэйндж после того, как все вернулись с похорон. Кроме доктора Хьюсона и сестры Рейнер, признавшихся, что провели отведенный на размышление час вместе в ее комнате, остальные

утверждают, будто оставались одни. Комнаты пациентов, как вы, без сомнения, знаете, находятся в глубине дома. Любой – в смысле, любой неинвалид – мог покинуть дом незамеченным. Однако нет никаких доказательств, чтобы кто-нибудь этой возможностью воспользовался.

– А даже если и воспользовался, – промолвил Дэлглиш, – туман его бы отличным образом спрятал. Кто угодно мог незаметно пройти по мысу. Кстати, вы получили доказательства того, что именно Мэгги Хьюсон подожгла башню?

– Мистер Дэлглиш, я не расследую ни поджог, ни покушение на убийство. Мистер Энсти сказал мне все это частным образом и выразил желание, чтобы эту тему более не поднимали. Возможно, подожгла и она, однако доказательств никаких. Он вполне мог и сам поджечь.

– Сомневаюсь. И мне интересно, уж не приложил ли к этому руку Генри Каруардин. Конечно, он не мог сам поджечь, зато мог заплатить своему сообщнику. По-моему, он не слишком жалуется Энсти. Хотя это едва ли можно считать мотивом... Ему-то вовсе не обязательно оставаться в Тойнтон-Грэйндж. Но он очень умен и, сдается мне, обладает утонченной натурой. Трудно представить, чтобы Каруардин затевал такие детские выходки.

– Да, только ведь он не слишком хорошо пользуется своим умом, не правда ли, мистер Дэлглиш? Вот в чем его беда. Он сдался слишком легко и слишком быстро. И кто может знать всю правду о мотивах поступков того или иного человека? Сильно подозреваю, что иной раз преступник и сам точно не знает, что им движет. Смею заметить, такому, как он, не слишком легко жить в столь ограниченном обществе, всегда зависеть от других, вечно быть обязанным мистеру Энсти. Впрочем, не сомневаюсь, что он благодарен мистеру Энсти – они все ему благодарны. Но благодарность порой может сослужить дьявольскую службу – особенно когда приходится испытывать ее за услуги, без которых ты предпочел бы обойтись.

– Наверное, вы правы. Я знаю о чувствах и переживаниях Каруардина или еще кого-либо из Тойнтон-Грэйндж крайне мало. Я очень старался и не узнавать о них. Значит, близость к насильственной смерти побудила и остальных раскрыть свои маленькие тайны?

– Миссис Холлис внесла собственный вклад. Не знаю, что, по ее мнению, это доказывает, или почему вдруг решила, что это достойно упоминания. Должно быть, хотела привлечь к себе внимание, почувствовать себя важной персоной. С блондиночкой, кстати, вышла похожая история... Мисс Пеграм, так ее, кажется, зовут? Все намекала, будто давно знает, что доктор Хьюсон с сестрой Рейнер любовники. Само

собой, никаких настоящих доказательств – просто злоба и большое самомнение. Про эту парочку мне бы хотелось выяснить побольше фактов и доказательств, чем я получил сегодня, прежде чем начну обдумывать возможность преступного сговора с целью убийства. А история миссис Холлис даже не очень-то была связана со смертью Мэгги Хьюсон. Она говорит, что в ночь смерти Грейс Уиллисон видела, как миссис Хьюсон проходила по коридору спального крыла в коричневой сутане, с надвинутым на лицо капюшоном. По всей видимости, у миссис Холлис вошло в привычку по ночам выскальзывать из постели и ездить по полу комнаты на подушке. Она говорит, будто это всего лишь упражнение, она просто учится быть подвижнее и самостоятельнее. Во всяком случае, в ту ночь миссис Холлис ухитрилась приоткрыть свою дверь – без сомнения, с тайной мыслью покататься по коридору – и увидела фигуру в чем-то вроде плаща. Впоследствии она пришла к выводу, что это была Мэгги Хьюсон. Никто, у кого там имелось бы какое-то дело – а туда могла заглянуть добрая половина персонала, не стал бы накидывать капюшон на лицо.

– Если и правда пришел туда по делу. А во сколько это было?

– Она говорит, в начале первого. Потом миссис Холлис снова закрыла двери и с трудом забралась в кровать. Больше она ничего не видела и не слышала.

– Я ее видел мало, – задумчиво произнес Дэлглиш, – но все же удивлен, что она сумела забраться обратно в постель без посторонней помощи. Вылезти – одно дело, а вот подтянуться обратно куда сложнее. Я бы сказал, такое упражнение едва ли стоит трудов.

Настала короткая пауза. Потом инспектор Дэниел спросил, не отрывая глаз от лица Дэлглиша:

– Сэр, а почему доктор Хьюсон передал рассмотрение этой смерти коронеру? Если он сомневался в поставленном диагнозе, отчего не обратился в больничному патологоанатому или кому-нибудь из местных приятелей?

– Потому что я его практически вынудил, не оставил ему выбора. Он не мог отказаться, не наводя на себя подозрения. И не думаю, чтобы у него имелись приятели среди местных врачей. Он не в близких отношениях с коллегами. А откуда вы про это слышали?

– От Хьюсона. Выслушав рассказ девушки, я еще раз с ним поговорил. Однако смерть миссис Уиллисон, судя по всему, никаких сомнений не вызывает.

– О да. Совсем как и нынешнее самоубийство. Как смерть отца Бэддли. Все кажется вполне очевидным. Миссис Уиллисон умерла от рака желудка.

Но эта вот сегодняшняя смерть. Вы ничего не выяснили насчет веревки?

– Да, забыл упомянуть. Это и правда та самая веревка, о которой шла речь. Сестра Рейнер видела, как миссис Хьюсон забрала ее из комнаты сегодня, примерно в половине двенадцатого. Мисс Рейнер осталась приглядывать за лежащим больным – Джорджи Алланом, верно? – а остальные уехали на похороны мисс Уиллисон. Она вносила записи в истории болезней пациентов, и ей потребовался новый лист бумаги. Запасы хранятся в конторе, в ящиках. Бумага дорогая, и мистер Энсти не любит, когда ею пользуются понапрасну. Боится, станут записывать все, что в голову взбредет. Выйдя в холл, сестра Рейнер увидела, что миссис Хьюсон выскальзывает из конторы с веревкой в руках.

– А как Мэгги это объяснила?

– По словам мисс Рейнер, только и сказала: «Не волнуйтесь, я ее не испорчу. Напротив. Получите обратно как новенькую, пусть и не от меня».

– Что-то Хелен Рейнер не торопилась обнародовать эти обстоятельства, когда мы нашли труп, – сказал Дэлглиш. – И если предположить, что она лжет...

– Не думаю, что она лжет, мистер Дэлглиш. Я заглянул в медкарту юноши. Сегодня днем сестра Рейнер правда начала новый лист. И кажется, не вызывает никаких сомнений, что веревка все еще висела на месте, когда мистер Энсти и сестра Моксон уезжали на похороны. Да кто еще мог бы ее взять? На похоронах были все, кроме сестры Рейнер, того больного юноши и миссис Хэммит.

– Совсем забыл про миссис Хэммит, – покачал головой Дэлглиш. – Я обратил внимание на то, что на кладбище присутствовали почти все обитатели Тойнтон-Грэйпж. До меня не дошло, что ее там не было.

– Она говорит, что не одобряет похорон. Покойников следует кремировать, как она выражается, в достойном уединении. Говорит, что все утро отмывала газовую плиту. По плите видно, что ее и впрямь мыли.

– А вечером?

– Медитировала в Тойнтон-Грэйпж вместе с остальными. Всем им полагалось разойтись и сидеть в одиночестве. Мистер Энсти выделил ей небольшую комнатку. По словам миссис Хэммит, она не выходила оттуда, пока ее брат не призвал всех обратно около четырех ударом гонга. Почти сразу после этого позвонил мистер Корт. Миссис Хьюсон умерла во время часовой медитации, в этом можно не сомневаться. И полицейский хирург считает, что скорее ближе к четырем, чем к трем.

Хватило бы Миллисенте сил, чтобы подвесить на веревке тяжелое тело Мэгги? Этот вопрос весьма занимал Дэлглиша. Наверное, при помощи

табурета вполне хватило бы. А удушить было бы и вовсе просто, как только Мэгги достаточно набралась. Тихое движение за спинкой стула, рука в перчатке опускает петлю на склоненную в пьяном одурении голову, внезапный рывок – и веревка врезается в мягкую плоть. Любой из них мог бы это сделать, мог бы незаметно прокрасться под прикрытием тумана к прямоугольнику света, который отмечал коттедж Хьюсонов. Хелен Рейнер была самой хрупкой – так ведь она медсестра, привыкшая ворочать тяжелые неповоротливые тела больных. И Хелен Рейнер могла быть не одна.

Дэлглиш услышал слова Дэниела:

– Мы отдали шприц на анализ и попросим лабораторию еще проанализировать остатки виски. Но это расследования не задержит. Мистеру Энсти очень хочется, чтобы все закончилось как можно скорее и не помешало паломничеству в Лурд, назначенному на двадцать третье. О похоронах, похоже, пока никто не волнуется. С ними можно и подождать до возвращения. Если лаборатория быстро справится с анализами, не вижу причин, почему бы паломников не пустить в поездку. И мы ведь знаем, что с виски все в порядке – с Кортм-то ничего не случилось. Я вот гадаю, мистер Дэлглиш, зачем он выпил остатки? Кстати, именно он дал ей виски – подарил полдюжины бутылок на день рождения, одиннадцатого сентября.

– Мне тоже показалось, что он ее спаивает, – сказал Дэлглиш. – Но тогда Корт выпил виски не для того, чтобы избавить лабораторию от лишних трудов. Ему позарез требовалось выпить.

Дэниел задумчиво разглядывал полупустой бокал.

– Корт все упирал на то, что она и не собиралась кончать с собой, затеяла это напоказ, в отчаянной попытке привлечь к себе внимание. Она вполне могла выбрать именно этот момент: проходило собрание в Тойнтон-Грэйндж, где должны были принять важное решение, от которого зависело и ее будущее, однако ее исключили. Не удивлюсь, если Корт окажется прав, – и суд, может быть, на это купится. Впрочем, ее мужу от этого не много утешения.

Хьюсон, подумал Дэлглиш, скорее всего будет искать утешение в другом.

– На мой взгляд, подобные поступки не в ее характере. Мне нетрудно представить, как она предпринимает какую-нибудь отчаянную выходку, чтобы внести разнообразие в скучные будни. А вот чего я совсем не представляю – это чтобы она осталась жить в Тойнтон-Грэйндж на положении самоубийцы-неудачницы. Только вся беда в том, что настоящее самоубийство еще меньше соответствует ее характеру, чем поддельное.

– А может, – пожал плечами Дэниел, – она не собиралась оставаться в Тойнтон-Грэйндж. Возможно, замысел в том и состоял: убедить мужа, будто она наложит на себя руки, если он не найдет другую работу. Не думаю, что многие мужья пошли бы на такой риск. Однако, мистер Дэлглиш, намеренно или случайно – она все же покончила с собой. Все дело основывается на двух доказательствах: рассказе сестры Рейнер о веревке и предсмертной записке. Если Рейнер убедит суд, а графолог подтвердит, что записку писала миссис Хьюсон, то я бы не стал сомневаться, каким окажется вердикт. В ее это характере или нет – от фактов не убежишь.

Но есть и иные факты, подумал Дэлглиш. Пусть не столь явные, однако не лишние интересы.

– Она выглядела так, словно куда-то собиралась или ждала гостей, – заметил он. – Недавно приняла ванну, напудрилась, нанесла макияж. Даже ногти на ногах покрасила. Да и одета была явно не для одинокого вечера в домашней обстановке.

– Вот и муж ее то же сказал. Я и сам подумал, что она принарядилась. Это вполне могло бы поддержать теорию о притворном самоубийстве. Если собираешься стать центром внимания, нелишне одеться соответствующе. Нет никаких доказательств, чтобы она принимала гостей или гостя – хотя, конечно, в тумане его бы никто не увидел. Я вообще сомневаюсь в том, что он нашел бы путь, сойдя с дороги. А если она собиралась уехать, кто-то должен был ее забрать. У Хьюсонов нет машины. Мистер Энсти не позволяет заводить личный транспорт, а автобуса сегодня нет. Фирмы проката автомобилей мы тоже проверили.

– Вы времени зря не теряли.

– Всего лишь несколько звонков, мистер Дэлглиш. Предпочитаю отметить лишние версии сразу, как только они возникнут.

– Не представляю, чтобы Мэгги тихо-мирно сидела дома, пока остальные решали ее будущее. Она водила дружбу с поверенным из Уорхэма, Робертом Лоудером. Полагаю, он ей не звонил?

Дэниел наклонился вперед всем массивным телом и подкинул в огонь еще один кусок плавника. Огонь горел вяло, точно трубу забило туманом.

– Любовник из числа местных, – промолвил инспектор. – Вы не первый, кто предположил такую возможность, мистер Дэлглиш. Я тоже счел нелишним позвонить этому джентльмену домой и поговорить с ним. Мистер Лоудер сейчас в больнице, ему оперируют геморрой. Лег вчера, на неделю. Жаловался на сильные боли. Не самое подходящее время, чтобы планировать побег с чужой женой.

– А как насчет того единственного обитателя Тойнтон, у которого

есть своя машина? Что с Кортм? – спросил Дэлглиш.

– Я поделился с ним этой мыслью, мистер Дэлглиш. И получил четкий, хотя и не слишком рыцарский ответ. А именно: он прекрасно относился к бедняжке Мэгги, однако самосохранение, мол, первейший закон природы, и так уж случилось, что его склонности лежат в ином направлении. Не то чтобы он возражал против идеи, что она собиралась сбежать из Тойнтон. Строго говоря, он сам это предположил, хотя не знаю, как увязывал подобную идею с предыдущей версией о том, что миссис Хьюсон хотела имитировать попытку самоубийства. Тут уж либо одно, либо другое.

– А что такое он обнаружил у нес в сумочке? – поинтересовался Дэлглиш. – Контрацептивы?

– А, вы заметили, да? Да, голландский колпачок. Похоже, она не пила таблеток. Корт, пытался деликатничать, но, как я ему сказал, в случае насильственной смерти уже не до деликатности. Против такой социальной катастрофы книги по этикету бессильны. Эта находка – самое сильное указание на то, что миссис Хьюсон намеревалась уехать. И еще ее паспорт. В сумочке было и то, и другое. Она, можно сказать, экипировалась на все случаи жизни.

– Она взяла два предмета, – отозвался Дэлглиш, – которыми не обзаведешься за короткий визит в ближайшую аптеку. Хотя вы можете возразить, что вполне логично держать паспорт, в сумочке. Ну а контрацептив?

– Кто знает, сколько он там пролежал. И женщины вообще хранят такие вещи в странных местах. Что толку гадать понапрасну? И нет никаких причин полагать, будто они задумали переезд – она и Хьюсон. Если спросите меня, он, бедняга, также привязан к Энсти и Тойнтон-Грэйндж, как и любой из пациентов. Вы, наверное, знаете его историю?

– Не совсем. Я же говорил – я прилагал все усилия, чтобы ни во что не вмешиваться.

– У меня был один сержант вроде него. Женщины к нему так и липли. А все из-за этого уязвимого вида – как у потерявшегося маленького мальчика. Его звали Перкис. Бедняга! Он ни с женщинами управляться не мог, ни обойтись без них. Загубил себе карьеру. Говорят, теперь держит гараж где-то близ Маркет-Харборо. А с Хьюсоном вышло еще хуже. Ему даже работа его не нравится. Сдается мне, учиться на медика его заставила родительница, из этаких волевых матерей – вдова, твердо решившая сделать из своего ягненочка доктора. Хотя, думаю, это занятие ему подходит. Современный эквивалент духовного сана, правда? Он мне сказал,

что учиться было не так уж и плохо. У него феноменальная память, он может зазубрить почти любые факты. Ответственность – вот чего Хьюсон не выносит. Ну а здесь, в Тойнтон-Грэйндж, ее почти и нет. Пациенты неизлечимы, и ни сами они, и ни кто другой от врача ничего особого и не ждут. Мистер Энсти, насколько я понимаю, написал Хьюсону после того, как его имя вычеркнули из медицинского реестра. Доктор завел роман с пациенткой, шестнадцатилетней девочкой. Полагали даже, что все это продолжалось уже больше года, но тут ему повезло. Девчонка стояла на своем, и баста. Правда, тут, в Тойнтоне, он не мог выписывать рецепты на сильнодействующие или наркотические лекарства, а также подписывать свидетельства о смерти, пока шесть месяцев назад его не восстановили в реестре. И врачебных навыков у него отобрать не могли, поэтому, не сомневаюсь, мистеру Энсти от него было немало пользы.

– Причем задешево.

– Не без того. И теперь он не хочет уезжать. Полагаю, он вполне мог убить жену, чтобы она не пилила его и не уговаривала уехать. Да лично я в это не верю, и суд никогда не поверит. Он из того сорта мужчин, за которых всю грязную работу выполняют женщины.

– Хелен Рейнер?

– Это было бы уж совсем безумием, не правда ли? И где доказательства?

Дэлглиш на миг задумался: не рассказать ли инспектору о разговоре между Мэгги и ее мужем, который он подслушал после пожара? Однако решил не рассказывать. Хьюсон или будет все отрицать, или придумает какое-нибудь объяснение. В таком месте, как Тойнтон-Грэйндж, полно всяких мелких секретов. Дэниел, конечно, сочтет долгом снова допросить Хьюсона. И воспримет это как весьма неприятную обязанность, навязанную не в меру подозрительным самозванцем из Лондона, который так и норовит собрать простые факты в запутанную головоломку. Да и какая теперь разница? Дэниел прав. Если Хелен будет упорствовать в показаниях относительно того, что видела, как Мэгги брала веревку, если графолог подтвердит, что Мэгги написала предсмертную записку сама, дело закрыто. Он уже заранее знал, каким будет вердикт, – так же как заранее знал, что вскрытие Грейс Уиллисон не выявит ничего подозрительного. Адам снова увидел себя со стороны – точно в ночном кошмаре: вот он бессильно наблюдает, как пестрый шарабан фактов и предположений влачится по заранее предназначенному пути. И Дэлглиш не мог его остановить, потому что забыл, как это делается. Должно быть, болезнь подточила не только волю, но и ум.

Деревяшка в огне, превратившаяся в черное, обугленное копьё, замерцала яркими искрами, медленно опрокинулась и погасла. Только теперь Дэлглиш осознал, что в комнате очень холодно и что он хочет есть. Должно быть, из-за тумана, похитившего сумеречный час между днем и ночью, вечер казался бесконечным. Интересно, не следует ли предложить Дэниелу поужинать? Наверное, он съел бы омлет. Но даже усилие встать и что-нибудь приготовить сейчас было командеру не по плечу.

Внезапно проблема решилаась сама собой. Дэниел медленно поднялся на ноги и потянулся к шинели.

– Спасибо за виски, мистер Дэлглиш. А теперь мне пора в путь-дорогу. Разумеется, мы еще увидимся на дознании. Это значит, вам надо пока задержаться здесь. Правда, мы постараемся покончить с этим делом как можно скорее.

Они пожали друг другу руки, и Дэлглиш чуть не поморщился от боли. У самой двери Дэниел остановился, натягивая шинель.

– Я поговорил с доктором Хьюсоном наедине в той комнатке, где, как мне сказали, обычно беседовал с пациентами отец Бэддли. И если спросите меня, врачу и в самом деле лучше было стать священником. Разговорить его нетрудно. Трудно заставить замолчать. А потом он зарыдал, и все полилось наружу. Как он может жить без нее? Он никогда не перестанет ее любить, тосковать по ней. Смешно – чем искреннее переживают, тем фальшивее все звучит. Но вы, разумеется, и сами замечали. А потом он поднял на меня опухшее от слез лицо и сказал: «Она солгала не потому, что ей было до меня дело. Она никогда не притворялась, что любит меня. Она просто считала комитет сборищем напыщенных старых кретинов, которые ее презирают, и не хотела доставить им удовольствия отправить меня в кутузку. Поэтому она солгала». – Он покачал головой. – Понимаете, мистер Дэлглиш, до меня только тогда дошло, что он говорил не о жене. О ней он даже не думал. Как и о сестре Рейнер, коли на то пошло. Бедняга! Да, странная у нас с вами работа.

Судя по всему, забыв о недавнем сокрушительном пожатии, инспектор снова энергично встряхнул руку Дэлглиша и, напоследок еще раз обведя комнату зорким взглядом, точно проверяя, все ли по-прежнему в порядке, скользнул в туман.

III

Дот Моксон стояла вместе с Энсти у окна конторы и всматривалась в туманную пелену.

– «Траст» не захочет иметь дело ни с кем из нас, – горько произнесла она. – Вы отдаете себе в этом отчет? Они могут назвать приют в вашу честь, но не позволят вам остаться зрителем и обязательно избавятся от меня.

Он положил руку ей на плечо. Теперь Дот не понимала, как она когда-то жаждала этого прикосновения, черпала в нем утешение и бодрость. С демонстративным спокойствием, точно родитель, увещающий своевольное и тупое дитя, Уилфред сказал:

– Мы с ними достигли взаимопонимания. Никто не потеряет работу. И все получат повышение. Отныне вам будут платить по расценкам государственной службы здравоохранения. И еще у них накопительная система пенсий, что тоже большое преимущество. Такого я бы никогда вам обеспечить не смог.

– А что с Албертом Филби? Только не говорите, что они обещали оставить у себя Алберта – преуспевающее и респектабельное благотворительное общество вроде «Риджуэл траст».

– Да, Филби представляет определенную проблему. Но к нему отнесутся с симпатией.

– Отнесутся с симпатией! Мы знаем, что это означает! Именно так мне и говорили на последней работе перед тем, как выставить на улицу. А здесь его дом! Он верит нам. Мы научили его доверять нам! Мы за него отвечаем.

– Уже нет, Дот.

– Так мы предаем Алберта и меняем все, что вы пытались возвести тут, за госрасценки и пенсионную систему! А мое положение? О, знаю, меня не уволят. Только все равно как прежде уже не будет. Они сделают старшей сестрой Хелен. Она тоже это знает. А иначе почему голосовала за передачу?

Уилфред тихо произнес:

– Потому что знала, что Мэгги мертва. Дот горько рассмеялась:

– Ей это вышло только на пользу, правда? Им обоим.

– Дот, дорогая, – сказал Уилфред, – мы с вами должны смириться с тем, что не всегда вольны выбирать формы своего служения.

Дот гадала: как же она раньше не замечала в его голосе эти противные

нотки елейного упрека? Она резко отвернулась. И отвергнутая рука Уилфреда тяжело сползла с ее плеч. Она вдруг поняла, что именно он ей напомнил: сахарного Деда Мороза на первом в ее жизни рождественском дереве – такого заманчивого, такого страстно предвкушаемого. А кусаешь – ничего нет, лишь мимолетная сладость на языке, просто пустая полость, вымощенная белым песком.

IV

Урсула Холлис и Дженни Петрам вместе сидели в комнате Дженни – два инвалидных кресла бок о бок перед туалетным столиком. Наклонившись вперед, Урсула расчесывала волосы Дженни. Она сама не знала, как оказалась здесь, да еще за столь странным занятием. Дженни никогда не просила ее о подобных услугах прежде. Однако сегодня, в ожидании, пока Хелен придет уложить их – она никогда еще так не опаздывала, – Урсуле было как-то спокойнее не оставаться наедине с мыслями, ее утешала даже возможность просто смотреть, как пшенично-золотистые волосы приподнимаются при каждом взмахе расческой и медленно, утонченно-сияющим туманом, опадают на скрюченные плечи. Сами не замечая, как это вышло, Урсула с Дженни начали перешептываться – мило, уютно и чуть заговорщически – ни дать ни взять две школьницы.

– Как вы думаете, что-то теперь будет? – спросила Урсула.

– С Тойнтон-Грэйндж? «Траст» возьмет на себя управление, а Уилфред, наверное, уедет. Ну и пусть, я не против. По крайней мере появятся новые пациенты. Ужасно скучно, когда нас так мало. И Уилфред говорил, они собираются построить на утесе солнечную террасу. Мне это нравится. А потом у нас скорее всего будет больше всяких развлечений, поездок и такого прочего. Последнее-то время нас ничем таким не баловали. А вообще-то я подумаю, не уехать ли отсюда. Из моей старой больницы мне все пишут и пишут, зовут обратно.

Урсула прекрасно знала, что никто Дженни не писал. Но сейчас это было не важно. Почему бы немного не пофантазировать? Она и сама с охотой внесла свою лепту:

– Я тоже. Стив только и мечтает, чтобы я переехала поближе к Лондону и он бы мог меня навещать. Конечно, лишь до тех пор, пока он не найдет нам более подходящую квартиру.

– А ведь у «Риджуэл траст» есть филиал и в Лондоне, разве нет? Вы бы могли туда перевестись.

Как странно, что Хелен ей этого не сказала! Урсула прошептала:

– Чудно, что Хелен голосовала за передачу приюта. Я думала, ей хочется, чтобы Уилфред продал поместье.

– Наверное, она и хотела, пока не узнала, что Мэгги умерла. Теперь, избавившись от Мэгги, она, должно быть, считает, что можно и остаться. В смысле, поле ведь свободно, не так ли?

«Избавившись от Мэгги». Так никто же от нее не избавлялся – Мэгги сама лишила себя жизни. И Хелен не могла знать заранее, что Мэгги умрет. Только шесть дней назад она уговаривала Урсулу голосовать за продажу. Тогда она явно ничего не знала. Даже на предварительном семейном совете, перед тем как все разошлись на часовую медитацию, она ясно дала понять, что именно в ее интересах. А потом, за этот час, вдруг взяла и передумала. Нет, Хелен не могла знать, что Мэгги должна умереть. Урсула порадовалась этой мысли. Все будет хорошо. Она рассказала инспектору Дэниелу про ту фигуру в капюшоне, которую видела в ночь смерти Грейс, – не всю правду, конечно, хотя вполне достаточно, чтобы скинуть с души груз иррациональных и неотвязных опасений. Ему эта информация показалась не важной. Урсула почувствовала это по тому, как рассеянно он слушал ее, по тем коротким вопросам, что он задал. И инспектор, разумеется, прав. Это не важно. Теперь Урсула удивлялась: как это она могла из-за таких пустяков лежать долгие часы без сна, осаждаемая сонмом смутных и невысказанных страхов, видениями зла и смерти, что бродит по безмолвным коридорам, закутавшись в сутану и накинув на лицо капюшон? Наверняка это была Мэгги. Услышав известие о ее смерти, Урсула вдруг преисполнилась уверенности в том, что ночная фигура принадлежала именно Мэгги. Даже непонятно почему, но та фигура выглядела одновременно и театральной, неестественной, и очень скрытной, будто это шел чужой человек, непривычный к ношению сутаны. И все-таки Урсула рассказала инспектору о том, что видела. Теперь тревожиться не о чем. Все будет хорошо. Тойнтон-Грэйндж не закроется. Впрочем, это уже не важно. Она добьется перевода в Лондонский филиал – например, по обмену. Наверняка кому-нибудь из тамошних обитателей захочется переехать к морю. Внезапно Урсула услышала тоненький детский голосок Дженни:

– Ая знаю один секрет про Мэгги. Могу поделиться, если пообещаете больше никому не рассказывать. Обещайте.

– Обещаю.

– Она писала анонимные письма. Я получила одно такое.

Сердце Урсулы дернулось в груди.

– Откуда вы знаете? – быстро спросила она.

– Потому что мое письмо было отпечатано на машинке Грейс Уиллисон, а я накануне вечером видела, как Мэгги печатает. Дверь офиса была приоткрыта. Мэгги не знала, что я ее вижу.

– А о чем там говорилось?

– Да так, про одного человека, который в меня влюблен. Собственно,

это один продюсер с телевидения. Хотел развестись с женой и увезти меня. Это наделало в больнице кучу шума, все мне завидовали. Отчасти поэтому я и уехала оттуда. На самом деле, захоти я только, могу в любую минуту к нему уйти.

– А Мэгги откуда узнала?

– Она ведь была медсестрой. Наверное, водила знакомство с кем-нибудь из персонала моей прошлой больницы. Мэгги отлично умела все про всех разнюхивать. Она и про Виктора Холройда что-то такое знала, только не говорила, что именно. Я рада, что она умерла. И если вы тоже получали такие письма, теперь можете не волноваться. Мэгги мертва, и письма прекратятся. Расчесывайте, пожалуйста, чуть сильнее, Урсула. Возьмите вправо. Вот так – чудесно, чудесно. Нам с вами надо дружить. Когда появятся новые пациенты, нам стоит держаться вместе. Конечно, если я решу все же остаться здесь.

В очередной раз занеся расческу, Урсула увидела в зеркале отражение лукавого и самодовольного личика Дженни.

В начале одиннадцатого, поужинав, Дэлглиш вышел из дома. Туман исчез так же таинственно, как и появился. Прохладный ветер, пахнувший омытой дождем травой, обвевал разгоряченное лицо командера. Стоя в абсолютной тишине, он различал в отдалении слабое шипение моря.

Со стороны Тойнтон-Грэйндж к нему двигался луч фонарика, пляшущий и хаотичный, точно болотный огонек. Коренастая фигура отделилась от ночной мглы и постепенно обрела форму. Миллисента Хэммит возвращалась домой. У двери коттеджа «Вера» она остановилась и окликнула Дэлглиша:

– Добрый вечер, командер. Ваши друзья уехали? Пронзительный голос звучал почти агрессивно.

– Да, инспектор уехал.

– Вы, верно, заметили, что я не присоединилась к общей сумятице по поводу опрометчивой выходки Мэгги. Мне эти развлечения не по душе. Эрик решил сегодня ночевать в Тойнтон-Грэйндж. Без сомнения, так для него будет гораздо лучше. Но раз полиция, как я поняла, забрала тело, он прекрасно мог бы и не разыгрывать сверхчувствительную натуру. Кстати, мы проголосовали за передачу приюта «Риджуэл траст». Так что, учитывая все в целом, вечерок вышел богатым на события.

Она повернулась открыть дверь, однако на пороге остановилась и снова взглянула на Дэлглиша.

– Мне сказали, ногти у нее были покрашены красным лаком.

– Да, миссис Хэммит.

– И на ногах тоже. Он не ответил.

– Поразительная женщина! – с неожиданным гневом произнесла Миллисента.

Он слышал, как затворилась ее дверь. Секундой позже за шторами вспыхнул свет. Дэлглиш вернулся к себе и, усталый настолько, что сил не было подниматься на второй этаж в спальню, вытянулся в кресле отца Бэддли, глядя в потухший камин. Белый пепел чуть шевельнулся, обгорелый брусок дерева на миг снова вспыхнул жизнью, и Дэлглиш впервые за этот вечер услышал знакомый и успокаивающий стон ветра в трубе. А следом раздался другой знакомый звук. Из-за стены Донеслась веселая мелодия. Миллисента Хэммит включила телевизор.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЧЕРНАЯ БАШНЯ

На следующий день Дэлглиш отправился в Грэйдж, чтобы объяснить Уилфреду Энсти, что вынужден задержаться в коттедже «Надежда» до конца следствия, а заодно внести символическую арендную плату. Он нашел Уилфреда в конторе одного. И что удивительно, Дот Моксон в непосредственной близости не было и в помине. Уилфред изучал расстеленную на столе карту Франции. Один из углов карты придавливала перехваченная резинкой стопка паспортов. Казалось, Энсти не слушает гостя.

– Следствие. Да-да, конечно, – ответил он и снова склонился над картой, точно речь шла о забытом по нечаянности приглашении на ленч. О смерти Мэгги он даже не заговаривал, а формальные соболезнования Дэлглиша принял весьма холодно, точно проявление плохих манер. Да и вообще держался Энсти так, будто, добровольно отказавшись от Тойнтон-Грэйдж, мгновенно сбросил с плеч какую бы то ни было ответственность и перестал даже интересоваться судьбой своего детища. Осталась лишь его двойная навязчивая идея – чудо исцеления и паломничество в Лурд.

Инспектор Дэниел и судебная лаборатория времени зря не теряли. Дознание проводилось ровно через неделю после гибели Мэгги – неделю, во время которой обитатели Тойнтон-Грэйдж, похоже, также старательно избегали Дэлглиша, как и он их. Никто, даже Джулиус, не выражал желания поболтать о смерти Мэгги. словно все теперь видели в Дэлглише лишь полицейского, нежеланного чужака с неясными убеждениями, потенциального шпиона. Каждое утро он уезжал с Тойнтон-Хэд, а возвращался лишь поздно вечером, встречаемый темнотой и безмолвием. Ни действия полицейских, ни жизнь Тойнтон-Грэйдж не затрагивали его. Он продолжал ежедневные судорожные исследования Дорсета, точно добровольный узник, и ждал дознания, как дня освобождения.

И вот этот день настал. На дознании не присутствовало никого из пациентов Тойнтон-Грэйдж, кроме Генри Каруардина, что тоже удивляло, так как его не вызывали давать показания. Пока публика почтительно ждала, рассыпавшись по двору суда беспорядочными группками, как всегда бывает после наиболее мрачных общественных ритуалов, Каруардин энергичными движениями рук подкатил кресло к тому месту, где стоял Дэлглиш. Инвалид явно пребывал в приподнятом настроении, а голос у него звучал почти радостно.

– Я, конечно, понимаю, что вам в отличие от меня эти церемонные попытки увязать болтающиеся концы законов не в новинку. Однако сегодняшнее действо было не лишено интереса, правда? С технической и научной точки зрения —далеко не так завораживающе, как дознание по поводу смерти Холройда, зато чисто по-человечески куда живее.

– Вы говорите как знаток дознаний.

– Если у нас в Тойнтон-Грэйндж и дальше продолжится нечто подобное, скоро стану таковым, А Хелен Рейнер сегодня прямо звезда дня. Этот невообразимый костюм и шляпка, в которых она появилась, насколько я понимаю, государственная униформа медсестер. Мудрый выбор. Волосы зачесаны, минимум макияжа, общее впечатление безукоризненного профессионализма. «Возможно, миссис Хьюсон полагала, будто между мной и ее мужем существуют какие-то более близкие отношения. У нее было слишком много свободного времени на беспочвенные фантазии. Разумеется, нам с доктором Хьюсоном приходится работать плечо к плечу. Я высоко ценю его доброту и компетенцию, однако между нами никогда не происходило ничего предосудительного. Доктор Хьюсон был глубоко предан жене». Ничего предосудительного! Вот уж не верил, что в реальной жизни хоть кто-нибудь так говорит.

– На дознаниях еще как говорят, – заметил Дэлглиш. – И как вы думаете, суд ей поверит?

– О да. А вы как считаете? Трудно представить, чтобы наша дамочка, одетая в серое сукно – или это габардин? – столь таинственная и прекрасная, вдруг затеяла постельную возню. По-моему, с ее стороны было весьма мудро признать, что они с Хьюсоном провели отведенное на медитацию время вместе у нее в комнате. Хотя, как она объяснила, лишь оттого, что оба уже приняли решение и не могли потратить целых шестьдесят минут даром, когда им требовалось обсудить столько профессиональных вопросов.

– Пришлось выбирать между алиби, чего бы оно ни стоило, и риском для репутации. В общем и целом они выбрали мудро.

От избытка воинственности Генри крутанул кресло на месте.

– Впрочем, честных дорсетских присяжных все это изрядно сбило с толку. Так и видно было, какие у них мысли в голове крутятся. Если эти двое не любовники, к чему уединяться? А если они были вместе, значит, Хьюсон не мог убить свою жену. Но если они не любовники, то у него не было мотива убивать жену. Если же у него был мотив, зачем признаваться, что они были вместе? Очевидно, чтобы обеспечить ему алиби. Но если у него не было обычного мотива, то и алиби ему ни к чему. А если мотив

был, значит, они с девушкой были вместе. Прямо голова кругом.

Позабавленный Дэлглиш спросил:

– А какого вы мнения о выступлении Хьюсона?

– Он тоже неплохо справился. Не совсем такая профессиональная выдержка и самоотстраненность, как у вас, командер, зато присутствует тихая, искренняя, тщательно сдерживаемая скорбь. Разумно с его стороны признать, что Мэгги отчаянно хотела, чтобы он уехал из Тойнтон-Грэйндж, а вот сам он чувствовал себя в долгу перед Уилфредом, «который взял меня, когда найти работу было не так-то легко». Разумеется, никаких упоминаний о том, что он был вычеркнут из медицинского реестра, и никому не хватило бестактности поднимать этот вопрос.

– Равно как и предположить, что они с Хелен солгали о своих отношениях, – вставил Дэлглиш.

– А чего вы ждали? То, что люди знают, и то, что они могут законно доказать или хотя бы осмелиться заявить в суде, две совсем разные вещи. Кроме того, мы должны любой ценой уберечь нашего дорогого Уилфреда от заразы истины. Нет, на мой взгляд, все прошло просто замечательно. Суицид в минуту душевного смятения и так далее и так далее. Бедняжка Мэгги! Обличена как эгоистическая потаскушка, думающая лишь о развлечениях, прикладываясь к бутылочке, не понимающая благородного мужа, искренне преданного своей благородной профессии, не сумевшая даже создать для него уютный дом. А вот предположение Корта, будто это мог быть несчастный случай, вышедшая из-под контроля инсценировка, доверия у присяжных не вызвало, правда? Они сочли, что женщина, которая выхлестала почти целую бутылку виски, стащила веревку и написала предсмертную записку, пожалуй, заходит в инсценировке слишком далеко. Поэтому присяжные решили, что Мэгги сделала именно то, что намеревалась сделать. Мне показалось еще, что судебный эксперт выразился чрезвычайно четко, учитывая крайне субъективную природу подобных исследований. Похоже, не остается никаких сомнений, что Мэгги написала именно предсмертную записку.

– Первые четыре строчки, которые только он и решился процитировать. А каков должен быть вердикт, по-вашему?

– О, я согласен с Джулиусом. Она планировала, что се успеют вовремя спасти, причем с большим шумом. Но, залив в себя столько виски, не смогла толком рассчитать свое воскрешение. Кстати, Джулиус красочно описал мне драматические события в коттедже «Любовь», включая и впечатляющий дебют Хелен в роли леди Макбет:

Дай мне шприцы; спящий

И мертвый – лишь картины. Только дети

Пред чертом намалеванным дрожат^{note[8]}.

И взгляд Дэлглиша, и голос оставались бесстрастными.

– Вы с ним развлекаетесь на славу. Жаль только, тогда Корт не проявил такого самообладания. Глядишь, и сделал бы что-нибудь полезное, вместо того чтобы биться в истерике, как слезливый педик.

Генри улыбнулся, словно радуясь, что добился именно той реакции, какой и хотел.

– Так вам он не нравится? Сдается мне, ваш друг-священник его тоже недолюбливал.

Дэлглиш во внезапном порыве проговорил:

– Понимаю, что это совершенно не мое дело, но не пора ли вам уехать из Тойнтон-Грэйндж?

– Уехать? И куда же вы предлагаете?

– Наверняка есть всякие другие места.

– Мир состоит из всяких других мест. Только чем я, по-вашему, мог бы там заниматься, кем стать, на что надеяться? Собственно говоря, как-то я уже собирался уехать. Это оказались пустые и глупые фантазии. Нет, я останусь в Тойнтон-Грэйндж. «Риджуэл траст» обладает профессионализмом и опытом, которых так недостает Энсти. Я мог бы найти варианты и хуже. Кроме того, сам Уилфред тоже остается – а я все еще перед ним в долгу и не уплатил этот долг. А тем временем, поскольку с этой формальностью покончено, мы можем расслабиться и преспокойно отправиться завтра в Лурд. Право, Дэлглиш, вы должны ехать с нами. Вы ошибаетесь здесь уже так долго, что, подозреваю, прямо наслаждаетесь нашим обществом. Кроме того, не думаю, чтобы вы совсем поправились за это время. Почему бы не съездить в Лурд и не проверить, не помогут ли вам ароматы благовоний и смена обстановки?

Тем временем рядом с ними остановился автобус Тойнтон– Грэйндж. За рулем сидел Филби. От задней двери спустился трап. Дэлглиш молча наблюдал, как Эрик с Хелен отодвинулись от Уилфреда, одновременно взялись за ручки кресла и ловко закатали Генри в автобус. Трап поднялся, Уилфред занял обычное место рядом с Филби, и автобус уехал прочь.

Полковник Риджуэл и попечители появились вскоре после ленча. Дэлглиш видел, как подъехал автомобиль и группка мужчин в унылых костюмах скрылась в доме. Некоторое время спустя они показались снова и вместе с Энсти направились в сторону моря. Дэлглиш слегка удивился, увидев с ними Эрика и Хелен, а не Дороти Моксон. Седые волосы полковника развевались на ветру, когда он приостанавливался, чтобы

широким жестом трости обвести окрестности, или вдруг замирал, о чем-то совещаясь со своими спутниками, мгновенно обступавшими его со всех сторон. Можно не сомневаться, подумал Дэлглиш, коттеджи они тоже захотят проинспектировать. Что ж, коттедж «Надежда» готов к осмотру. Книжные полки пусты и протерты от пыли, упаковочные ящики перевязаны и подписаны, вещи самого Дэлглиша сложены – кроме нескольких мелочей, необходимых для последней ночевки. Однако у него не было ни малейшего желания с кем-либо знакомиться или вести бессодержательные светские разговоры.

Когда маленькая компания повернула обратно и двинулась к коттеджу «Любовь», Дэлглиш сел в машину и покатил прочь – без каких-либо конкретных целей и планов, стремясь лишь наездиться до глубокого вечера.

II

Следующее утро выдалось душным и жарким, небо нависало пятнистым коленкоровым тентом, набухшим от непролитого дождя. Голова тупо болела. Отъезд паломников был назначен на девять часов, а в половине девятого Миллисента Хэммит, даже не постучавшись, вломилась прощаться. Сегодня она надела сшитый не по фигуре голубовато-серый твидовый костюм с двубортным пиджаком, синюю же, но другого, совершенно не сочетающегося с первым оттенка, блузку с безвкусной брошкой на груди, спортивные башмаки и серую фетровую шляпу, натянутую на уши. Тяжело шмякнув на пол раздутый саквояж и наплечную сумочку, Миллисента стянула коричневые хлопковые перчатки и протянула руку. Дэлглиш опустил чашку с кофе. Его правую ладонь стиснули в энергичном и сокрушительном пожатии.

– Ну, до свидания, командер. Странно, но я так и не привыкла называть вас по имени. Насколько понимаю, к нашему возвращению вас уже здесь не будет?

– Да, я уезжаю сегодня же утром, чуть позже.

– Надеюсь, вам тут понравилось. По крайней мере событий хватало. Одно самоубийство, одна естественная смерть плюс конец Тойнтон-Грэйндж в качестве самостоятельного заведения. Думаю, вы не скучали.

– И одно покушение на убийство.

– Уилфред в горящей башне? Звучит как название авангардной пьесы. Вот насчет этого волнующего момента я с самого начала сомневалась. Если хотите знать мое мнение, так Уилфред сам все поджег, чтобы оправдать отказ от ответственности. Наверняка это объяснение уже приходило вам в голову.

– Мне приходили в голову разные объяснения, и все они были равно бессмысленные.

– В Тойнтон-Грэйндж вообще бессмыслицы всегда хватало. Что ж, старый порядок уступает место новому, а пути Господни неисповедимы. Надо надеяться, Он желал именно этого.

Дэлглиш спросил, какие планы у самой Миллисенты.

– Останусь здесь. По договору Уилфреда с «Траст» и буду пожизненно владеть коттеджем, и, уверяю вас, умирать соберусь еще не скоро. Конечно, теперь, когда поместье принадлежит чужим людям, здесь будет не так, как прежде...

– А что ваш брат испытывает по поводу передачи приюта? – поинтересовался Дэлглиш.

– Облегчение. Он ведь именно это и планировал, правда? Конечно, Уилфред сам не знает, на что себя обрек. Кстати, этот вот коттедж он «Траст» не отдал. Оставил себе и собирается переехать сюда, предварительно обустроившись поудобней и поцивилизованней. Еще предложил помогать Тойнтон-Грэйндж в любом качестве, какое «Траст» сочтет нужным. Что ж, если он воображает, будто они позволят ему остаться зрителем, его ждет немалый шок. У них на Грэйндж свои планы, и я весьма сомневаюсь, что эти планы включают Уилфреда, пусть попечители и согласились польстить его тщеславию, назвав приют в его честь. Сдается мне, Уилфред воображает, что все будут его почитать как первейшего благодетеля и бывшего владельца поместья. Уверяю – и не подумают. Теперь, когда дар – или как там это называется – утвержден и подписан, а «Траст» сделался законным владельцем, с Уилфредом будут считаться не больше, чем с Филби. А может, и того меньше. Он сам во всем виноват. Надо было продавать.

– Разве это не означало бы нарушить клятву?

– Суеверная чушь! Если Уилфред хотел наряжаться в монашеское одеяние и изображать из себя средневекового аббата, лучше бы попросился в монастырь. Англиканские монастыри весьма уважаемы. Паломничества два раза в год будут, само собой, продолжаться. Это одно из неизменных условий Уилфреда. Жалко, что вы, командер, с нами не едете. Мы останавливаемся в прелестном маленьком пансиончике, совсем недорого, а кормят там превосходно. Да и сам Лурд – очаровательное местечко. С собственной атмосферой. Не скажу, что не предпочла бы, чтобы Уилфредово чудо случилось где-нибудь в Каннах, однако могло быть и хуже. Что, если бы он исцелился в Блэкпуле?

У двери она остановилась и повернулась к Дэлглишу:

– Думаю, по дороге автобус остановится здесь, чтобы остальные тоже могли с вами попрощаться.

В ее устах подобное предположение прозвучало словно обещание высокой чести. Дэлглиш поспешил заявить, что лучше сам пойдет с ней и попрощается со всеми в Тойнтон-Грэйндж. На одной из полок он обнаружил книгу Генри Каруардина и хотел бы вернуть ее. Кроме того, надо же отнести назад белье, да и на кухне осталось несколько невскрытых консервных банок – наверное, в приюте они еще пригодятся.

– Да бросьте, я сама потом заберу консервы. Просто оставьте их здесь. А белье можете вернуть когда угодно. Грэйндж никогда не запирается. И

Филби все равно скоро вернется. Он отвозит нас только до порта, помогает сесть на корабль, а потом возвращается, чтобы приглядывать за Джеффри, ну и, конечно, за курами. Теперь там сильно недостает помощи Грейс, хотя, пока она была жива, никто не думал, что от нее есть хоть какая-то польза. И не только с курами. Они никак не найдут ее «список друзей». Собственно говоря, Уилфред хотел, чтобы на этот раз Деннис остался дома. У него очередная мигрень, видок – краше в гроб кладут. Но Денниса никакими силами не заставишь пропустить паломничество.

Дэлглиш вместе с ней отправился в Грэйдж. У парадной двери стоял автобус, и пациенты уже загрузились. Вся компания выглядела разнородно, если не сказать пестро, но производила унылое впечатление напускной, натужной веселостью.

Одеты все были настолько по-разному, точно собирались на совершенно различные, не связанные меж собой мероприятия. Генри Каруардин в приталенном твидовом пальто и войлочной шляпе напоминал эдвардианского джентльмена по пути на тетеревиную охоту. Филби, несуразно-официальный в темном костюме с высоким воротничком и черном галстуке, казался подручным владельца похоронного бюро, собирающимся погрузить труп на дроги. Урсула Холлис вырядилась, точно пакистанская иммигрантка при полном параде – единственной ее уступкой английскому климату был плохо скроенный жакетик с отделкой из искусственного меха. Дженни Петрам, повязавшая голову широким синим платком, судя по всему, пыталась изобразить святую Бернадетту. Хелен Рейнер, одетая как на вчерашнем дознании, походила на тюремную докторицу, приглядывающую за группой непредсказуемых уголовников. Она уже заняла место у носилок Джорджи Аллана. Глаза юноши лихорадочно блестели, он непрестанно что-то говорил тонким, пронзительным голосом. Горло у него было обмотано полосатым сине-белым шарфом, а сам он крепко прижимал к себе огромного игрушечного медвежонка, на шее у которого на голубой ленточке висело нечто, что изумленному Дэлглишу показалось памятной медалькой за паломничество. Вся вместе эта компания слегка напоминала странновато подобранную команду болельщиков по дороге на футбольный матч – но на такой матч, как подумал командер, где их команда едва ли выиграет.

Уилфред суетливо хлопотал над остатками багажа. Он, Эрик Хьюсон и Деннис Лернер были одеты в сутаны. Деннис выглядел ужасно плохо: лицо напряжено от боли, глаза полуприкрыты, будто не могут вынести даже тусклого утреннего света. Дэлглиш услышал, как Эрик шепнул ему:

– Ради Бога, Деннис, бросьте, останьтесь дома! Мы прекрасно

справимся – ведь теперь инвалидных кресел на два меньше.

В резком голосе Денниса звучали истерические нотки.

– Со мной все будет в порядке. Вы же знаете, приступы никогда не длятся дольше двадцати четырех часов. Ради Бога, оставьте меня в покое!

Наконец благопристойно упакованные медицинские принадлежности были погружены в автобус, трап поднят, задняя дверца захлопнута – и паломники тронулись в путь. Дэлглиш помахал в ответ на лихорадочно вскинутые руки и некоторое время еще следил взглядом за удаляющимся ярко раскрашенным автобусом – на расстоянии он казался хрупким и ненастоящим, как детская игрушка. Дэлглиш удивился и даже огорчился тому, что испытывает такую жалость и сочувствие по отношению к людям, которых столь тщательно пытался не пускать в сердце. Он так и стоял, глядя им вслед, пока автобус не начал медленный спуск в долину и не исчез с глаз.

Мыс остался пуст и безлюден. Тойнтон-Грэйндж и коттеджи стояли под тяжелыми небесами неосвещенные, брошенные. За последние полчаса заметно потемнело. Еще до полудня следовало ждать ливня. Голова у Дэлглиша гудела от предчувствия грозы. Мыс лежал в мрачном выжидательном спокойствии поля, уже выбранного для битвы. Издали доносился рокот моря – скорее даже не шум, а вибрация в загустевшем воздухе, точно далекий и угрожающий отзвук оружейных залпов.

Томясь смутным беспокойством и каким-то извращенным нежеланием уезжать теперь, когда он наконец получил свободу, Дэлглиш прогулялся до ворот, чтобы забрать газету и письма, если окажутся. Автобус, судя по всему, останавливался здесь за почтой для Тойнтон-Грэйндж, так что в ящичке не оказалось ничего, кроме дневного выпуска «Тайме», какого-то официального с виду коричневого конверта для Джулиуса Корта и простенького белого – адресованного отцу Бэддли.

Сунув газету под мышку, Дэлглиш вскрыл плотный конверт побрел обратно, читая на ходу. Письмо было написано твердым и четким мужским почерком, напечатанный адрес принадлежал одному из приходов в центральных графствах. Автор выражал сожаление, что не ответил на послание отца Бэддли раньше – но его пришлось пересылать ему в Италию, где он замещал уехавшего на лето священника. Уже в конце, после обычных расспросов, методичного перечисления семейных и приходских дел, отрывочных и более чем предсказуемых комментариев по поводу различных злободневных вопросов, шел ответ на загадку отца Бэддли:

«Я сразу же отправился навестить вашего юного друга, Питера Боннингтона, но он, конечно же, умер несколько месяцев назад. Мне очень

жаль. В данных обстоятельствах казалось бессмысленным выяснить, был ли он счастлив в новом приюте и в самом ли деле хотел уехать из Дорсета. Надеюсь, что его друг из Тойнтон-Грэйндж сумел навестить мальчика до того, как он умер. По поводу второй вашей проблемы, боюсь, не могу толком ничего посоветовать. Опыт нашей епархии – а мы, как вы знаете, особо заинтересованы работой с молодыми правонарушителями – подсказывает, что организация местной опеки над бывшими заключенными, будь то приют или же нечто вроде самокупающегося молодежного общежития, как вы наметили, требует значительно большего капитала, нежели тот, которым вы располагаете. Возможно, даже по нынешним ценам вы бы могли купить маленький домик, однако на первоначальный период потребуется еще хотя бы два квалифицированных работника. Кроме того, придется еще оказывать такому заведению финансовую поддержку, пока оно не станет на ноги. Однако существует немало уже функционирующих общежитий и организаций, которые были бы весьма рады вашей помощи. Очевидно, лучшего вложения для ваших денег не придумаешь, коли уж вы так твердо решили, что они не должны доставаться Тойнтон-Грэйндж. По-моему, вы очень мудро поступили, что вызвали вашего друга из полиции. Уверен, он сумеет вам что-нибудь посоветовать лучше, чем я».

Дэлглиш чуть не рассмеялся вслух. Вот ироническое – и столь подходящее – завершение этого провального дела. Вот как все началось! За письмом отца Бэддли не крылось ничего зловещего, никакого заподозренного преступления, заговора, ловко скрытого убийства. Он – бедный, невинный, наивный старик – просто-напросто хотел профессионального совета, как бы купить, обустроить и материально обеспечить общежитие для юных правонарушителей на сумму в девятнадцать тысяч фунтов. Учитывая нынешнее состояние рынка и уровень инфляции, кто ему по-настоящему требовался, так это финансовый гений. Однако написал он полицейскому – вероятно, единственному, которого знал. Специалисту по насильственным смертям. А почему бы и нет? Для отца Бэддли все полицейские были более или менее одинаковы — доки по части преступлений и преступников, обученные не только расследовать, но и предотвращать. «А я-то, – горько подумал Дэлглиш, – не сумел ни того, ни другого». Отец Бэддли желал получить профессиональный совет не о том, как бороться со злом. Тут у него были иные непогрешимые наставники, здесь он был на своей территории. По каким-то причинам, почти наверняка связанным с переводом этого молодого неизвестного пациента, Питера Боннингтона, старый священник

разочаровался в Тойнтон-Грэйдж. И захотел посоветоваться, куда же вложить свои деньги. «Ну до чего же типичное для меня высокомерие, – размышлял Дэлглиш, – решить, будто я понадобился ему для чего-то большего».

Он сунул письмо в карман и зашагал дальше, скользя взглядом по сложенной газете. И тут же невольно обратил внимание на одно из объявлений, будто оно было выделено в тексте. Знакомые слова так и бросились в глаза.

Тойнтон-Грэйдж. Все наши друзья захотят узнать, что со дня нашего возвращения из октябрьского паломничества мы станем частью большой семьи «Риджуэл траст». Пожалуйста, продолжайте поминать нас в своих молитвах и в эти времена перемен. Поскольку, к несчастью, список наших друзей был безвозвратно утерян, пусть все, кто хочет и далее поддерживать с нами связь, срочно напишут мне.

Уилфред Энсти, смотритель.

Ну конечно же! «Список друзей Тойнтон-Грэйдж», непостижимым образом пропавший после смерти Грейс Уиллисон, эти шестьдесят восемь имен, которые она знала наизусть. Дэлглиш замер под низко нависшим, угрожающим небом и перечитал объявление еще раз. Его охватило азартное волнение – столь же остро ощущаемое, как внутренняя судорога, как внезапный прилив крови. Он знал, знал с мгновенной, ликующей уверенностью, что найден конец запутанного клубка. Потяни за один факт, и нитка чудесным образом начнет распутываться.

Если Грейс Уиллисон и правда убита, как Дэлглиш упорно верил, невзирая на результаты вскрытия, то произошло это из-за чего-то, что она знала. И это должно быть жизненно важной информацией, информацией, известной лишь ей одной. Никто не станет убивать только для того, чтобы заглушить интригующие, но совершенно никуда не ведущие подозрения насчет местопребывания отца Бэддли в день смерти Холройда. Он был в черной башне. Дэлглиш твердо знал это и мог доказать. Весьма вероятно, Грейс Уиллисон это тоже знала. Однако надорванная спичка и показания Грейс Уиллисон все равно ничего бы не дали. После смерти отца Бэддли самое большее, что мог сказать любой обвинитель: странно, как это старый священник не упомянул о том, что видел Джулиуса Корта на мысу. Дэлглиш отлично представлял себе презрительную, сардоническую усмешку Джулиуса. Больной, усталый старик, сидящий у окна с книгой. Кто теперь мог доподлинно знать, не спал ли он те несколько часов, что провел там перед тем, как отправиться обратно в Тойнтон-Грэйдж, даже не подозревая о спасательной группе на пляже внизу и о мрачном грузе,

который вытаскивали сейчас из воды? Бэддли мертв, он уже не даст показаний, и никакие силы полиции не могут открыть дело заново на основании свидетельств, полученных из вторых рук. Худшее, чем могла Грейс навредить себе, – это невольно выдать, что Дэлглиш приехал в Тойнтон не просто выздоравливать, что он подозревает какое-то злодеяние. Эти сведения могли сдвинуть для нее стрелку весов от жизни к смерти. Теперь Грейс становилась слишком опасна, чтобы позволить ей жить. Не потому, что знала, что отец Бэддли находился в черной башне днем двенадцатого сентября, а потому, что обладала более специфической и ценной информацией. В Тойнтон-Грэйндж имелся только один список рассылки, а она могла напечатать его наизусть. Она сама так сказала – причем в присутствии Джулиуса. Список можно было разорвать, сжечь, уничтожить самыми разными способами. Однако существовал лишь один способ стереть эти шестьдесят восемь имен из памяти слабой и больной женщины.

Дэлглиш ускорил шаг. Он вдруг поймал себя на том, что почти бежит в глубь мыса. Голова, к удивлению, перестала болеть, несмотря на низкое небо и плотный, предвещающий грозу воздух. Метафора, избитая, но проверенная временем, теперь вдруг вывернулась наизнанку. В нынешнем деле самым важным оказался не последний кусок головоломки, нет, – главную роль сыграл самый крошечный, неинтересный и незаметный кусочек. Именно он, встав на место, вдруг придал смысл разрозненным кускам. Изменчивые цвета, бесформенные и невнятные пятна вдруг сошлись вместе – и в них проявились первые узнаваемые очертания законченной картины.

И теперь, когда этот кусочек занял свое место, настало время двигать по доске остальные. Пока что – забыть доказательства, забыть отчеты по вскрытию и официозную определенность вынесенных вердиктов. Забыть гордыню, страх показаться смешным, нежелание ни во что вмешиваться. Вернуться к первейшему принципу, применяемому любым полицейским, впервые почувывшим запах преступления. *Cui bono?* [note\[9\]](#) Кто живет не по средствам? У кого денег больше, чем можно было ожидать? В Тойнтон-Грэйндж таких людей насчитывалось двое, и оба они были связаны смертью Холройда. Джулиус Корт и Деннис Лернер. Джулиус, сказавший, что его ответ черной башне – деньги и утехи, которые за наличные можно купить: красота, досуг, друзья, путешествия. Каким образом наследство в тридцать тысяч фунтов, пусть даже помещенное самым разумнейшим образом, могло обеспечивать ему тот уровень жизни, что он сейчас вел? Джулиус, помогавший Уилфреду вести бухгалтер и лучше иных знавший, как туго в

Тойнтон-Грэйндж с деньгами. Джулиус, никогда не ездивший в Лурд, потому что это не его амплуа, зато всегда поджидавший паломников, чтобы устроить им радостную встречу. Джулиус, который проявил столь нетипичное для него стремление помочь, когда автобус с паломниками попал в аварию, – немедленно примчался на место происшествия, взял все на себя, купил новый, специально оборудованный фургон, чтобы паломники более ни от кого не зависели. Джулиус, чьи показания очистили Денниса Лернера от любых подозрений в убийстве Холройда.

Дот обвинила Джулиуса в том, что тот использует Тойнтон-Грэйндж в своих интересах. Дэлглиш вспомнил сцену у смертного ложа Грейс: вспышку Дот, первый недоверчивый взгляд Джулиуса, мгновенную ответную злобу. Что, если он, использовал приют для целей куда более специфических, нежели просто потрафить своему тщеславию, выступая в дешевой роли опекуна и благодетеля? Использовал Тойнтон-Грэйндж. Использовал паломничества. И всеми силами старался сохранить их – ибо они были ему жизненно необходимы.

А что Деннис Лернер? Деннис, который работал в Тойнтон-Грэйндж по расценкам куда ниже среднего и тем не менее мог содержать мать в дорогом доме для престарелых. Деннис, решительно преодолевший страх, чтобы упражняться в альпинизме вместе с Джулиусом. Разве придумаешь более удобную возможность встречаться и разговаривать наедине, не возбуждая никаких подозрений? И как удобно вышло, что Уилфред испугался истершейся веревки и бросил этот спорт! Деннис, ни за что не пропускающий паломничества, даже если он, как сегодня, едва держался на ногах от головной боли. Деннис, ответственный за поставку и рассылку крема для рук и талька, сам же и запаковывающий большую часть посылок.

И смерть отца Бэддли это тоже объясняло. Дэлглишу с самого начала не верилось, будто его друга убили, только чтобы он не рассказал, что не видел Джулиуса на мысу в день смерти Холройда. В отсутствие точных доказательств того, что старый священник ни на миг не сомкнул глаз, все обвинения Корта во лжи были бы пусть и неприятны, однако по-настоящему не опасны. А что, если смерть Холройда – лишь часть большего и куда более мрачного заговора? Тогда злоумышленник вполне мог решить, что стоит избавиться – причем с какой легкостью! – от упрямого и умного наблюдателя, который всегда находился рядом и, раз почуяв зло, уже не успокоился бы. Отец Бэддли попал в больницу еще до того, как услышал о гибели Холройда. Зато когда преподобный услышал, сразу же в полной мере осознал всю значимость того, чего почему-то не видел. И предпринял определенные меры. Позвонил в Лондон по номеру,

который ему пришлось выяснять в телефонном справочнике. И назначил встречу своему убийце.

Дэлглиш быстро прошагал мимо коттеджа «Надежда» и почти безотчетно направился к Тойнтон-Грэйндж. Тяжелая парадная дверь открылась. Он снова ощутил чуть пугающий пряный запах, перебивающий ароматы более мрачные и неприятные. Было так темно, что ему пришлось сразу же включить свет. Холл ярко вспыхнул, точно опустевшая киношная декорация. Черные и белые клетки сверкали так, что резали глаз, – гигантская шахматная доска, ожидающая, пока расставят фигуры.

Дэлглиш шел по дому, включая на ходу свет. Комната за комнатой заливались сиянием. Он поймал себя на том, что мимолетно касается столов и стульев, будто желая подержаться за дерево на удачу, оглядывается по сторонам настороженным взглядом странника, тайком вернувшегося в опустевший дом. А в голове продолжали становиться на место куски головоломки. Покушения на Энсти, последний и самый опасный эпизод в черной башне. Сам Уилфред предполагал, будто это новая попытка запугать его, заставить продать поместье. Но предположим, цель была совсем иная – не закрыть Тойнтон-Грэйндж, а, наоборот, упрочить его будущее? А учитывая быстро оскудевающие ресурсы Энсти, не существовало иного пути, кроме как передать приют организации, более стабильной финансово и уже крепко стоящей на ногах. И Энсти не продал дом. Последнее, самое опасное покушение твердо убедило его, что виновник не принадлежит к числу пациентов, а значит, мечте Уилфреда ничего не грозит. Поэтому он с легким сердцем передал свое наследство в иные руки. А значит, Тойнтон-Грэйндж продолжает осуществлять свою миссию, паломничества не прекращались. Уж не этого ли с самого начала добивался тот, кто лучше всех знал плачевное финансовое положение приюта?

Поездка Холройда в Лондон. Он явно узнал во время этой поездки нечто важное, и это знание не давало ему покоя и в Тойнтон-Грэйндж, постоянно будоражило его. Не это ли знание стало для него роковым? Что, если после своего открытия он сделался опасен для злоумышленников? Сначала Дэлглиш предполагал, будто Холройду что-то рассказал его поверенный – вероятно, нечто относительно финансовых обстоятельств или же положения семейства Энсти. Но визит к поверенному не был главной целью поездки. Холройд с Хьюсонами заходили еще и в больницу Христа Спасителя, ту самую больницу, где когда-то лечился Энсти. И там, помимо посещения физиотерапевта с Холройдом, они зашли еще в архивный отдел, где хранятся истории болезней. Разве Мэгги не сказала

еще при первом же знакомстве с Дэлглишем: «Даже не удосужился вернуться в больницу Христа Спасителя в Лондоне, где его лечили, чтобы они могли засвидетельствовать чудо. А ведь это была бы знатная шуточка!»

Предположим, Холройд и впрямь что-то такое узнал. Однако узнал не прямо, а от Мэгги Хьюсон – к примеру, во время одной из долгих прогулок по обрыву. Дэлглишу вспомнились слова Мэгги Хьюсон: «Я же обещала, что не стану рассказывать, – и не рассказала. Но если ты так и будешь всю дорогу нить по этому поводу, я могу и передумать». А потом: «Ну а если я это и сделала? Сам знаешь, он ведь был не дурак. Прекрасно понимал, что происходит нечто необычное. Ну и , что плохого? Он же умер. Умер. Умер. Умер». Отец Бэддли умер. Но и Холройд тоже. И сама Мэгги. Существовали ли причины, по которым Мэгги Хьюсон тоже должна была умереть, причем именно тогда?

Однако пока рано делать выводы. Все пока оставалось на уровне домыслов и предположений. Правда, лишь эта теория объясняла абсолютно все факты. Но доказательств по-прежнему никаких. Дэлглиш также не располагал фактами, указывающими, что хотя бы одна из смертей на мысу Тойнтон являлась убийством. Несомненным казалось лишь одно: если Мэгги убита, то ее сумели уговорить каким-то образом самой поспособствовать своей смерти.

Он вдруг услышал слабое бульканье и различил доносящийся откуда-то со стороны кухни едкий запах жира и мыльного раствора. На самой кухне пахло, точно в викторианской прачечной. На старомодной газовой плите кипело ведро со скатертями. Должно быть, в предотъездной суматохе Дот Моксон забыла выключить газ. Серая ткань пузырилась над темной вонючей накипью, вся плита покрылась хлопьями засохшей пены. Дэлглиш выключил газ, и скатерти медленно опустились в темную воду. После прощального хлопка гаснущего огня в доме стало еще тише – как будто Дэлглиш погасил последние свидетельства того, что здесь жили люди.

Из кухни он отправился в мастерскую. Рабочие столы были покрыты пыльными чехлами. Дэлглиш различал очертания ряда пластиковых флакончиков и банок с тальком, ожидающих, пока их заполнят и отправят. Бюст Энсти работы Генри Каруардина все еще стоял на той же деревянной полочке. Только сейчас он был накрыт белым полиэтиленовым пакетом и перевязан на горле чем-то вроде старого галстука Каруардина. Эффект получился особо зловещим: расплывчатые черты под полупрозрачным саваном, пустые глазницы, торчащий под пластиком острый нос – казалось, стоит настоящая отрубленная голова.

В офисе в дальнем конце крыла под выходящим на север окном все так

же солидно и прочно стоял письменный стол Грейс Уиллисон. Пишущая машинка скрывалась под серым чехлом. Дэлглиш выдвинул ящики. Все, как он и ожидал, – чистота, аккуратность, стопки бумаги с адресом Тойнтон-Грэйндж, тщательно разложенные по размеру, запасные ленты для машинки, ручки, ластики, пачка копировальной бумаги, перфорированные листки наклеек, на которых Грейс печатала имена и адреса «друзей». Не хватало только списка имен – списка из шестидесяти восьми адресов, один из которых находился в Марселе. Именно там – в блокноте мисс Уиллисон и у нее в голове хранилась жизненно необходимая связь в цепи алчности и смерти.

Героин проделывал дальний путь перед тем, как попадал в Тойнтон-Грэйндж, где его запаковывали на дне коробочки с тальком. Дэлглиш мог без труда вообразить все этапы этого пути – как будто сам проделывал его вместе с наркотиком. Поля опийного мака на анатолийских плоскогорьях, миниатюрные бочоночки, сочащиеся белесым молочком. Тайная переработка сырого опия в морфин, еще до того, как опасный груз покинет холмы. Долгое путешествие по горной тропе на муле, потом по железной дороге, автостраде или по воздуху к Марселю, одному из крупнейших портов мира. Очистка до героина в какой-нибудь из дюжины мелких подпольных лабораторий. А потом – заранее условленная встреча среди лурдского многолюдья, скорее всего на мессе. Пакет быстро переходит из одних рук в другие. Дэлглиш вспомнил, как в первый проведенный здесь вечер вез Генри Каруардина через мыс и толстые резиновые ручки инвалидного кресла прокручивались под ладонями. Как просто: вывернуть одну из таких ручек и спрятать в полую трубку маленький сверток. Вся операция не займет и минуты. А возможностей к тому – масса. Филби не принимает участия в паломничествах, за кресла наверняка отвечает Деннис Лернер. Может ли контрабандист придумать способ преодолеть таможенную лучше, чем в составе хорошо известной и уважаемой группы паломников? И о последующих операциях договариваться так же удобно. Поставщики должны заранее знать даты паломничества, клиентам и распространителям требуется сообщить, когда ожидается очередная поставка. И что может быть проще, чем безобидная рассылка респектабельного благотворительного общества, рассылка, столь добросовестно и невинно распространяемая Грейс Уиллисон?

А показания Джулиуса во французском суде, его алиби для убийцы. Возможно, они объяснялись не необходимостью подчиниться шантажу, были не платой за оказанные услуги, а авансом за услуги ожидаемые? Или же, как предполагал осведомитель Билла Мориарти, Джулиус обеспечил

Миконнету алиби без иных мотивов, кроме извращенного удовольствия обвести вокруг пальца французскую полицию, оказать услугу могущественной семье и доставить вышестоящим максимум неприятностей? Кто знает. Может статься, Корт и не ожидал награды – но если ему ее предложили? Если ему деликатно дали понять, что готовы снабжать неким товаром в строго ограниченном количестве при условии, что он сумеет найти способ тайком провозить этот товар в Англию? Смог бы Корт устоять перед таким искушением, зная о регулярных паломничествах из Тойнтон-Грэйндж?

И все это было так просто, так легко, так надежно. И так невероятно выгодно. Сколько сейчас стоит героин на черном рынке? Около четырех тысяч фунтов за унцию. Чтобы обеспечить себе желаемый уровень жизни, Джулиусу не требовалось впутываться в сложные схемы распределения товара. Достаточно иметь одного-двух надежных и проверенных агентов. Десять унций раз в полгода позволили бы купить столько красоты и досуга, сколько душа желала. А после того как Тойнтон-Грэйндж перешел бы «Риджуэл траст», за будущее можно было не волноваться. Деннис Лернер оставался на прежнем месте, паломничества продолжались. Более того – открывалась возможность включить в общую схему иные приюты, иные паломничества. А Лернер находился всецело во власти Джулиуса. Даже если рассылку прекратили бы и приюту более не требовалось бы продавать крем и тальк, героин поступал бы по-прежнему: надежно, безопасно и регулярно. По сравнению с этой основной проблемой вопросы оповещения и поставки по стране – сущие пустяки.

Пока еще у Дэлглиша не было никаких доказательств. Но если повезет – и если он прав, – то уже через три дня они появятся. Можно сейчас же позвонить в местную полицию и предоставить им самим связаться с центральным отделом по борьбе с наркотиками. А еще лучше — договориться о встрече с инспектором Дэниелом по дороге в Лондон. Необходимо сохранить строжайшую секретность. Не должно возникать никаких подозрений. Достаточно одного телефонного звонка в Лурд, чтобы сорвать поставку и снова оставить Дэлглишу одни только полуоформившиеся подозрения, умопостроения, случайные совпадения и труднодоказуемые гипотезы.

Ближайший телефон, насколько он помнил, находился в столовой. Это была внешняя линия, сейчас переключенная на прием звонков. Но когда Дэлглиш поднял трубку, линия глухо молчала. На миг его охватило раздражение – как это инструмент, которым так привыкли пользоваться, что считают его само собой разумеющимся средством связи, вдруг

превратился в нелепую и бесполезную конструкцию из пластмассы и металла? Интересно, пронеслось в голове, почему это дом с неработающим телефоном кажется куда уединеннее и изолированнее, чем дом, в котором телефона просто нет? Уже то, что линия молчала, было весьма интересно, весьма примечательно. Однако сейчас не важно. Значит, придется ехать самому и надеяться, что инспектор Дэниел окажется на месте. На этой стадии, пока теория Дэлглиша не вышла за рамки догадок и предположений, ему не хотелось говорить ни с кем другим. Он опустил трубку. Холодный голос у дверей спросил:

– Какие-то проблемы, командер?

Должно быть, Джулиус Корт двигался по дому тихо, как кот. Он стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку и запустив обе руки в карманы. Ощущение легкости и небрежности было обманчивым. Тело его, чуть покачивающееся на напружиненных, как перед прыжком, ногах, буквально свело от напряжения. Лицо над высоким закатанным воротником свитера казалось вырезанным из мрамора, кожа туго обтягивала кости черепа. Взгляд немигающих, неестественно блестящих глаз был неотрывно устремлен на Дэлглиша с расчетливым вниманием игрока, следящего за крутящимся шариком.

– Кажется, телефон не работает, – хладнокровно ответил Дэлглиш. – Ну да не важно. Поставлю мою экономку перед фактом.

– Вы всегда вламываетесь в чужие дома, когда требуется позвонить? Главный телефон находится в конторе. Вы что, не знали?

– Боюсь, мне и там бы не повезло.

Они молча смотрели друг на друга. Тишина вокруг казалась еще глубже, еще непроницаемее. Дэлглиш читал и отслеживал мысленный процесс, идущий в голове его противника, так ясно, словно эти мысли тотчас же отображались в письменном виде – черное перо, очерчивающее принятие решения. Ни колебаний, ни внутренней борьбы – лишь сухая оценка вероятностей.

И когда Джулиус наконец вытащил руку из кармана, Дэлглиш почти с облегчением увидел направленное на него дуло «люгера». Жребий брошен. Возврата не будет – никакого притворства, никакой неопределенности.

– Ни с места, – тихо произнес Корт. – Я превосходный стрелок. Сядьте. Руки на стол. А теперь выкладывайте, как вы меня вычислили. Если нет, я крупно ошибся. Вы умрете, у меня будет куча лишних хлопот и неудобств, и обоим нам будет крайне досадно сознавать, что никакой необходимости во всем этом не было.

Дэлглиш левой рукой вынул из кармана письмо и кинул его через стол.

– Вам будет интересно прочесть. Оно пришло сегодня утром, на адрес отца Бэддли.

Серые глаза ни на долю секунды не оторвались от его лица.

– Прошу прощения. Уверен, что это увлекательнейшее чтение, и все же мне сейчас не до него. Прочтите сами.

– Тут сказано, почему он хотел увидаться со мной. Вы могли бы не трудиться, составляя анонимное письмо и уничтожая дневник. Его проблема не имела к вам ни малейшего отношения. Зачем было его убивать? Да, он находился в башне, когда погиб Холройд, он отлично знал, что не спал ни минуты и что вы не проходили через мыс. Но было ли это знание настолько опасным, чтобы убивать его?

– Было. Старик обладал потрясающими глубинным чутьем на то, что именовал злом. А значит, сильно подозревал меня. Особенно из-за того, что Деннис якобы находился под моим влиянием. О, мы с ним разыграли нашу маленькую комедию на уровне, который я считал недоступным методам столичной полиции. Конец мог быть только один. Преподобный позвонил мне в лондонскую квартиру из больницы за три дня до выписки и попросил прийти повидаться с ним в субботу, двадцать шестого сентября, после девяти вечера. Я пришел, хорошо подготовившись. Уехал из Лондона на машине и оставил «мерседес» в той лощинке за каменной стенкой в стороне от прибрежной дороги. Пока все обедали, позаимствовал из конторы одну из сутан. Потом пешком дошел до «Надежды». Если бы кто-нибудь увидел меня, пришлось бы менять план. Но меня никто не увидел. Он сидел один перед догорающим огнем и ждал. Думаю, уже через две минуты после того, как я вошел, отец Бэддли знал, что я собираюсь убить его. Когда я прижал к его лицу кусок полиэтилена, в глазах старика не промелькнуло ни искры удивления. Заметьте – полиэтилена. От него не остается предательских и красноречивых ниток или волокон в ноздрях и трахее. Хотя Хьюсон бы их все равно не заметил, бедный дурак. Дневник Бэддли лежал на столе, и я прихватил его с собой. Просто на всякий случай, вдруг он записал что-нибудь, что могло меня скомпрометировать. И правильно сделал. Как я обнаружил, за ним водилась скучнейшая привычка скрупулезно записывать, где и когда он был. Хотя бюро я не взламывал. Не было необходимости. Этот грешок на совести Уилфреда. Должно быть, ему не терпелось увидеть завещание старика. Кстати, я ведь и в глаза не видывал вашей открытки – и, полагаю, Уилфред тоже не лазил глубже, найдя завещание. Наверное, старикан её разорвал. Он не любил хранить всякие мелочи. Потом я вернулся обратно и провел довольно неудобную ночь в машине. На следующее утро выехал на лондонское шоссе и явился

сюда, когда все веселье уже закончилось. В дневнике я прочел, что он пригласил погостить некоего А.Д. и ждет гостя первого октября. Мне показалось это странноватым. У него же никогда не бывало гостей. Так что накануне вечером я подложил анонимное письмо, на случай если Бэддли успел намекнуть, будто его что-то тревожит. Должен сказать, меня довольно-таки обескуражило открытие, что пресловутый А.Д. – это вы, дорогой мой командер. Знай я заранее, придумал бы что-нибудь похитрее.

– А облачение? Он ведь был в облачении?

– Надо было его снять – так ведь всего не упомнишь. Понимаете, он не верил, что я выгораживаю Денниса, чтобы уберечь Уилфреда от потрясения или из добрых чувств к Деннису. Он слишком хорошо меня знал. Когда отец Бэддли обвинил меня в том, что я сбиваю Денниса с пути истинного и использую Тойнтон-Грэйндж для каких-то своих целей, я ответил, что расскажу ему правду и хочу исповедаться. Наверняка в глубине сердца он знал, что для него это смерть, что я просто развлекаюсь. И все же рисковать он не мог. Откажись он принять мои слова всерьез, значит, его жизнь была бы ложью. Он колебался не дольше секунды, а потом накинул епитрахиль.

– Не порадовал вас даже проблеском страха?

– О нет! Да и с какой бы стати? В одном мы с ним были схожи. Ни один из нас не боялся смерти. Не знаю уж, куда там надеялся попасть Бэддли, испуская, как говорится, последний верноподданный вздох, но он явно не видел там ничего такого, чего стоило бы бояться. Совсем как я. Я не хуже его знаю, что меня ждет после смерти. Аннигиляция. А какой смысл бояться забвения? Я не такой дурак. И как только перестаешь бояться смерти – совсем перестаешь, – сразу и остальные страхи кажутся такими незначительными. Ничто уже тебя не волнует. Необходимо одно – всегда иметь под рукой средство умереть. Тогда ты неуязвим. Вынужден извиниться за то, что в моем случае это будет револьвер. Понимаю, что выгляжу смешно и мелодраматично. Однако не могу представить, как убиваю себя иным способом. Утопиться? Этот напор душащей воды... Яд? Того и гляди какой-нибудь идиот вмешается и вытянет меня обратно. Кроме того, я боюсь сумеречной страны между жизнью и смертью. Нож? Слишком грязно, да и ненадежно. Здесь три пули, Дэлглиш. Одна для вас и две, если понадобится, для меня.

– Ну, раз торгуешь смертью, как вы, наверняка становишься с ней на короткой ноге.

– Все, кто принимает сильные наркотики, на самом деле хотят умереть. Вы знаете это не хуже меня. И они не могут сделать это с меньшим неудобством и с большей выгодой для всех остальных. Да к тому же

получают удовольствие – по крайней мере вначале.

– А Лернер? Полагаю, именно вы платите по счетам дому для престарелых, где живет его мать. Что вам каких-то двести фунтов в месяц? Вы получили его задешево. И все-таки он наверняка знает, что привозил.

– Привезет, через три дня. И продолжит привозить. Я сказал ему, что это гашиш, совершенно безвредный наркотик, Из числа тех, которые наше не в меру щепетильное правительство объявило вне закона, но к которым мои лондонские друзья питают большое пристрастие и за которые готовы хорошо платить. Он предпочитает мне верить. Знает правду, но не признается в ней даже самому себе. Это вполне понятно и разумно – необходимый самообман. Вот так мы и зарабатываем себе на жизнь. Вы вот, к примеру, наверняка знаете, что ваша работа – грязное занятие: одни мерзавцы ловят других, и что вы зря тратите на нее свои таланты. Но, признав сей факт, вы бы нанесли ущерб собственному душевному спокойствию. Так что если вы и уволитесь, то причиной назовете что-нибудь совсем другое. А вы, часом, не увольняетесь? Почему-то у меня сложилось такое впечатление.

– Что выдает определенную пронизательность. Я об этом подумывал. Но не сейчас.

Решение остаться на работе, появившееся неведомо откуда и неведомо когда, показалось Дэлглишу столь же иррациональным, как и прежнее решение уволиться. Оно не было знаком победы. Скорее даже – поражения. Впрочем, если он останется в живых, хватит времени проанализировать странности этого душевного конфликта. Подобно отцу Бэддли, человек живет и умирает как должно. Дэлглиш услышал насмешливый голос Джулиуса:

– Какая жалость. И поскольку, судя по всему, это ваше последнее дело, почему бы не рассказать, как вы меня вычислили.

– А у меня есть время? Не слишком-то улыбается провести последние пять минут, признаваясь в профессиональной некомпетентности и перечисляя свои промахи. Мне это никакой радости не доставит. Кроме того, не понимаю, с какой стати удовлетворять ваше любопытство.

– В общем-то, конечно, ни с какой. Но это скорее в ваших интересах, чем в моих. Разве вам не полагается тянуть время? Кроме того, если рассказ окажется достаточно занимательным, вдруг я расслаблюсь и предоставлю вам возможность прыгнуть, или швырнуть в меня стулом, или что вас там учат делать в подобных ситуациях. Или кто-нибудь войдет, или вдруг даже я передумаю.

– А вы передумаете?

– Нет.

– Тогда лучше вы удовлетворите мое любопытство. Про Грейс Уиллисон я, кажется, догадываюсь. Вы убили ее точно так же, как отца Бэддли, – сразу после того, как решили, что я слишком много подозреваю. Потому что она могла напечатать по памяти «список друзей», список, включавший ваших поставщиков. А вот Мэгги Хьюсон – ей-то почему пришлось умереть?

– Она слишком много знала. Разве вы не догадались? Я вас переоценил. Она знала, что чудо Уилфреда – ошибка. Я отвез Хьюсонов и Виктора в Лондон на консультацию в больнице. Эрик с Мэгги отправились в архив, где хранятся медицинские карты, чтобы взглянуть на историю болезни Уилфреда. Полагаю, им хотелось удовлетворить естественное профессиональное любопытство, раз уж они туда заехали. А там они вдруг обнаружили, что у него вовсе не было множественного рассеянного склероза – последние анализы показали, что допущена ошибка в диагнозе. Все, что стряслось с Уилфредом, объяснялось лишь истерическим параличом. Но я, должно быть, шокирую вас, дорогой мой командер. Вы ведь сторонник научного прогресса, верно? Вам трудно принять, что медицинские технологии могут ошибаться.

– Нет. Я вполне верю в возможность ошибок в диагнозе.

– А вот Уилфред, судя по всему, не разделял вашего здорового скептицизма. Он так и не удосужился вернуться в больницу для очередной проверки, а оттуда ему тоже никто не написал, что, мол, ошибочка вышла. Да и с чего им было писать? Хьюсоны, конечно, просто не могли держать такое потрясающее открытие при себе. Сначала рассказали мне, а потом Мэгги разболтала еще и Холройду. Он, наверное, еще на обратной дороге догадался – что-то произошло. Я пытался подкупить ее виски, чтобы она помалкивала. И Мэгги искренне верила, что я пекусь о дорогом Уилфреде. Это действовало, пока Уилфред не отстранил ее от возможности принимать решение по поводу будущего приюта. Она пришла в ярость. Сказала, что заявит туда в конце медитации и открыто объявит правду. Я не мог пойти на такой риск – вдруг из-за этого сорвалась бы передача приюта «Риджуэл траст». Тойнтон-Грэйндж и паломничеству ничто не должно было угрожать.

Ей не слишком хотелось присутствовать при скандале, который непременно там после этого разыграется, так что она с радостью ухватилась за мое предложение: высказав все, сразу же улизнуть со мной в город. Я еще посоветовал ей оставить намеренно многозначительную записку, которую можно было бы понять, как предсмертную. А потом она бы вернулась в Тойнтон-Грэйндж, когда бы сама захотела – и если бы

захотела, – чтобы посмотреть, как Эрик отреагировал на перспективу вдовства. Самый что ни на есть театральный поступок – как раз в духе нашей милой Мэгги. Избавиться от неприятной ситуации, доставить Эрику с Уилфредом максимум хлопот и неприятностей, да еще провести выходные у меня в Лондоне с перспективой развлечься на славу, когда – и если – она решит вернуться. Мэгги даже вызвалась сама стащить веревку. Мы сидели здесь и пили, пока она не набралась настолько, чтобы уже не подозревать меня, но еще быть в состоянии написать записку. Последние корявые строчки, упоминание о черной башне, разумеется, добавил я сам.

– Вот почему она приняла ванну и нарядилась.

– Разумеется. Расфуфырилась, чтобы с максимальным эффектом провести свой выход в Тойнтон-Грэйндж, а кроме того, льщу себя мыслью, чтобы произвести впечатление на меня. Я прямо-таки поразился оттого, что, оказывается, заслуживаю чистого белья и крашенных ногтей на ногах. Не знаю уж, какие, по ее мнению, у меня были планы на эти совместные выходные. Милая Мэгги всегда была не в ладу с действительностью. Противозачаточное в сумке свидетельствовало скорее об оптимизме, чем о предосторожности. И у нее, видно, существовали собственные идеи на будущее. Бедная девочка просто мечтала покинуть Тойнтон-Грэйндж. Уверю вас, она умерла счастливой.

– А перед уходом вы подали сигнал светом.

– Ну, мне же требовался какой-то предлог, чтобы потом зайти и обнаружить тело. Так что вполне благоразумно было добавить правдоподобия. Кто-нибудь в Грэйндж вполне мог случайно бросить взгляд в окно и потом подтвердить мой рассказ. Только не думал, что это окажется вы. Признаться, мне стало не по себе, когда я застал там вас за вашим бойскаутским занятием. А вы еще со столь примечательным упорством никак не оставляли тело в покое.

«Наверное, – подумал Дэлглиш, – тебе так же стало не по себе и когда ты нашел Уилфреда чуть не задохнувшимся насмерть». И тогда, и после смерти Мэгги Джулиус испытывал совершенно неподдельный ужас. Дэлглиш спросил:

– А Холройда столкнули с обрыва по той же причине – чтобы помешать ему говорить?

Джулиус расхохотался.

– Сейчас я вас насмешу. Восхитительная ирония. Я даже не знал, что Мэгги проболталась Холройду, пока прямо не обвинил ее в этом после его смерти. И Дэннис Лернер ничего не знал. Холройд принялся, по своему обыкновению, изводить Денниса. Тот более или менее привык к этому, так

что просто отодвинулся со своей книжкой подальше. Тогда Холройд перешел к более изощренной попытке. Начал орать на Денниса. Что, мол, скажет Уилфред, когда узнает, что его разлюбимые паломничества – сплошной обман, что сам Тойнтон-Грэйндж от начала и до конца основан на лжи. Велел Деннису лучше воспользоваться следующим паломничеством, потому что, мол, оно будет последним. Деннис запаниковал —решил, будто Холройд дознался про наркотики. Даже не помедлил, чтобы спросить себя: а откуда, черт возьми, Холройд мог про них узнать? Потом он говорил мне, что сам не помнит, как вскочил на ноги, снял кресло с тормозов и толкнул его. Но разумеется, именно это он и сделал. Больше там никого не было, а кресло не приземлилось бы так далеко, если бы его не спихнули с немалой силой. Я как раз проходил по пляжу внизу. Вот еще один досадный момент во всей этой истории: мне даже никто не выразил сочувствия за полученную мной психологическую травму, когда Холройд разбился насмерть в каких-то двадцати ярдах от меня. Надеюсь, хоть сейчас-то вы мне посочувствуете.

Дэлглиш осознал, что это убийство, должно быть, оказалось вдвойне выгодным для Джулиуса: оно убирало с дороги Холройда и окончательно отдавало Денниса во власть его нанимателя.

– А пока Лернер бегал за помощью, вы спрятали боковины кресла, да? – спросил он.

– Ярдах в пятидесяти оттуда, в глубокую расщелину между двумя камнями. Тогда это казалось весьма разумным шагом, способным осложнить расследование. Без тормозов никто не скажет точно, что это не несчастный случай. По здравом размышлении я все же пришел к выводу, что следовало ничего не трогать. Все решили бы, будто Холройд покончил с собой. В определенном смысле он именно так и поступил. Во всяком случае, я убедил в этом Денниса.

– И что вы собираетесь делать теперь? – поинтересовался Дэлглиш.

– Пустить вам пулю в голову, спрятать ваше тело в вашей же машине и избавиться от того и другого вместе. Тривиальный метод, но, насколько я понимаю, действенный.

Дэлглиш расхохотался. Он и сам удивился, что смех его; звучит так естественно.

– Вы предполагаете проехать около шестидесяти миль в легко опознаваемом автомобиле с убитым телом командера лондонской полиции в багажнике? Причем в его собственном багажнике. Немало моих знакомых в наиболее хорошо охраняемых отделениях Паркхерста и Дарема [note\[10\]](#) высоко оценят вашу отвагу, хотя вряд ли обрадуются

перспективе делить с вами общество. Они народ грубый и нецивилизованный. Не думаю, что вы найдете с ними общий язык.

– Придется рискнуть. Однако вы умрете.

– Безусловно. И вы в глобальном смысле тоже – в тот самый миг, как всадите в меня пулю, если, конечно, не считаете жизнью пожизненное заключение. Даже если вы попытаетесь подделать отпечатки на спусковом крючке, все равно полиция будет знать, что я убит. Я не из тех, кто кончает жизнь самоубийством или едет на машине в глушь леса, а затем пускает пулю в висок. Улик хватит, чтобы порадовать любую лабораторию.

– Если ваше тело найдут. Сколько пройдет времени, прежде чем вас вообще примутся искать? Три недели?

– Зато искать будут не за страх, а за совесть. Если вы можете придумать подходящее место, чтобы спрятать меня и машину, так они и подавно смогут. Не воображайте, будто полицейские ничегоне смыслят в топографических снимках. А как вы намерены вернуться обратно? На поезде из Борнмута или Честерфилда? Автостопом, взяв напрокат велосипед или пешком через ночь? Едва ли вам удастся приехать в Лондон на поезде и сделать вид, будто вы сели в Уорхэме. Станция маленькая, вас здесь хорошо знают. На пути туда или обратно – но вас заметят и запомнят.

– Вы, безусловно, правы, – задумчиво произнес Джулиус, – Значит – обрыв. Вас выудят из моря.

– С пулей в голове? Или вы ждете, что я сам шагну с обрыва, чтобы только вас порадовать? Конечно, можете попробовать столкнуть меня силком, но тогда вам придется подойти ко мне на опасное расстояние – достаточно близкое для драки. Мы примерно одних габаритов. Я так понимаю, в ваши планы не входит, чтобы я утащил вас с собой? Как только они найдут мое тело и пулю – с вами кончено. Помните, след начинается здесь. Меня последний раз видели живым, когда уезжал автобус, и на мысу не осталось никого, кроме нас двоих.

В этот момент они разом услышали стук входной двери. Он разорвал тишину, точно выстрел. А следом в холле раздались тяжелые и уверенные шаги.

III

– Только крикните, и я убью вас обоих, – быстро предупредил Джулиус. – Встаньте слева от двери.

Шаги доносились уже ближе, неестественно громкие в зловещей тишине. Оба противника затаили дыхание. В дверях показался Филби.

Он сразу же увидел револьвер. Глаза у него расширились, а потом часто-часто заморгали. Филби растерянно переводил взгляд с Джулиуса на Дэлглиша. А когда заговорил, голос его звучал хрипло и виновато. Обратился Филби непосредственно к Дэлглишу, словно извиняющийся за шалости ребенок.

– Уилфред отослал меня обратно пораньше. Дот боялась, не оставила ли включенным газ. – Он снова повернулся к Джулиусу. На этот раз в глазах у него появился неподдельный ужас. – О нет! – проговорил он, и в тот же миг Джулиус выстрелил.

Звук выстрела, хоть Дэлглиш и ждал его, показался оглушительным, почти невероятно громким. Тело Филби напряглось, пошатнулось и с грохотом рухнуло назад, как подрубленное дерево. Пуля попала точно между глаз несчастного. Дэлглиш знал: Джулиус именно этого и добивался, хотел использовать убийство для демонстрации того, как ловко умеет обращаться с револьвером. Он явно немало упражнялся в стрельбе по мишени.

– Подойдите к нему, – ровным голосом произнес Джулиус, снова наставляя оружие на Дэлглиша.

Коммандер нагнулся над телом. В глазах мертвеца еще стояло то последнее, удивленное и испуганное, выражение. На низком лбу виднелась рана – аккуратная дырочка, такая крохотная, что могла бы служить учебным пособием эффекта стрельбы с шести футов. Следов пороха не осталось, крови практически не было, лишь самая малость по краям отверстия. Маленькая, почти декоративная, дырочка, не дающая никакого представления о силе внутренних разрушений.

– Что ж, мы в расчете за мой разбитый мрамор, – промолвил Джулиус. – Выходное отверстие есть?

Дэлглиш бережно повернул тяжелую голову.

– Нет. Должно быть, пуля застряла в кости.

– Так я и хотел. Осталось еще две пули. И это неожиданный подарок судьбы, коммандер. Вы ошиблись насчет того, что последним вас видел

живым я. Я уеду, чтобы подтвердить алиби, а в глазах полиции последним, кто встретил вас, будет Филби, преступник со склонностями к насилию. Два тела в море, оба с пулевыми ранениями. Револьвер, сразу скажу – лицензионный, украден из моей тумбочки. Пусть полиция строит какие угодно теории, чтобы объяснить и увязать факты. Это будет нетрудно. Кровь есть?

– Еще нет. Будет. Но немного.

– Я запомню. Не так уж и трудно потом оттереть ее с линолеума. Снимите с каруардинового бюста тот пакет и завяжите его вокруг головы Филби. Воспользуйтесь его собственным галстуком. И поскорее. Я буду стоять в шести шагах сзади вас. И если начну нервничать, возможно, решу, что лучше все делать самому.

С головой, засунутой в полиэтиленовый пакет, так что рана под пленкой напоминала третий глаз, Филби превратился в форменное чучело. Крупное тело гротескно выпирало из-под щеголеватого костюма на пару размеров меньше, чем надо бы, галстук сдвинулся в сторону под клоунским лицом.

– Теперь притащите какое-нибудь кресло полегче, – велел Джулиус.

Выдерживая безопасное расстояние в шесть футов, он сопровождал Дэлглиша в мастерскую: У стены стояли три сложенных кресла. Дэлглиш раскрыл одно из них и повез обратно к телу. Конечно, на ручках останутся его отпечатки-пальцев – но что это докажет? Может, это то самое кресло, в котором он возил Грейс Уиллисон.

– Теперь усадите его туда.

Видя, что Дэлглиш колеблется, Корт произнес, подпустив в голос нотки тщательно рассчитанного нетерпения:

– Мне неохота одному возиться сразу с двумя трупами. Но если придется, я справлюсь. В ванной есть подъемник. Если не сможете поднять Филби сами, воспользуйтесь им.

Только я-то думал, полицейских учат всяким полезным приемчикам...

Дэлглиш умудрился обойтись без подъемника, хотя задача была не из легких. Даже на тормозе колеса кресла скользили по линолеуму, и прошло больше двух минут, прежде чем громоздкое инертное тело наконец плюхнулось на брезент. Пока Дэлглиш сумел выгадать некоторое время, правда, недешевой ценой – он терял силы. Он знал, что остается в живых только потому, что его мозг, опыт и физические силы могут пригодиться Джулиусу. Тому, конечно, было бы неудобно самому тащить два тела к обрыву – но такое вполне возможно. В Тойнтон-Грэйндж имелись всякие приспособления для транспортировки неподвижных тел. До поры до

времени живой Дэлглиш представлял собой меньшую обузу, чем Дэллглиш мертвый, однако пространство для маневра было крайне узко – и не стоило сужать его больше. Оптимальное время для действия еще придет – придет для них обоих. Оба они ждали этого момента: Дэлглиш – чтобы напасть, Джулиус – чтобы выстрелить. И оба знали цену ошибки в определении правильного момента. Осталось две пули, и нельзя допустить, чтобы хотя бы одна из них окончила путь в его теле. Пока Джулиус соблюдает дистанцию и держит револьвер, он неуязвим. Необходимо как-то приблизиться к нему на расстояние прыжка. Как-то его отвлечь. Пусть даже на долю секунды.

– А теперь прогуляемся до коттеджа Тойнтон, – сказал Джулиус.

Он все так же держался на безопасном расстоянии позади Дэлглиша, пока тот катил кресло с гротескной ношей вниз по пандусу у парадной двери и дальше через мыс. Небо над головой давило, как душное тяжелое одеяло. Воздух оставлял на языке резкий металлический привкус и пах гниющими водорослями. В сумрачном свете камешки на тропе мерцали, точно самоцветы.

На полдороге Дэлглиш услышал пронзительный недовольный вой и, оглянувшись, увидел, что за ними, хвост трубой, бежит Джеффри. Кот прошел за Джулиусом еще шагов пятьдесят, а потом так же неожиданно, как появился, повернул обратно. Джулиус, не сводивший немигающего взгляда со спины Дэлглиша, словно бы ничего не заметил. Шли молча. Голова Филби запрокинулась на брезентовую спинку кресла, прилипшая к полиэтилену рана, как глаз циклопа, таращилась на Дэлглиша с немым упреком. Тропа была сухой. Глядя вниз, Дэлглиш видел, что колеса оставляют на пожухшем дерне и пыльной земле едва заметные отпечатки. А за спиной раздавалось шарканье – это Джулиус на ходу стирал следы. Улик не останется.

Вот они уже стояли на каменном дворике, который почти дрожал у них под ногами от ударов волн – казалось, и море, и суша восторженно ждут надвигающуюся бурю. Однако сейчас был отлив, брызги не залетали за край обрыва. Дэлглиш знал: наступил самый опасный момент. Он снова заставил себя рассмеяться вслух, гадая, прозвучит ли для Джулиуса этот смех так же фальшиво и натужно, как для него самого.

– Что вас забавляет?

– Сразу видно, что обычно вы убиваете на расстоянии – простая коммерческая операция. Собираетесь скинуть нас в море у собственного же заднего крыльца – вполне недвусмысленный намек даже для самого тупого сельского констебля. А в этом деле тупых не будет. Ваша уборщица должна

прийти как раз сегодня, верно? Это ведь единственное место на побережье, где есть пляж. Я-то думал, вы хотите отсрочить обнаружение тел.

– Она сюда не выйдет. Никогда не выходит.

– Откуда вам знать, что она делает, когда вас нет дома? Может, вытряхивает половики над обрывом. Вдруг у нее такая привычка? Впрочем, поступайте как угодно. Я просто указываю, что единственная ваша надежда на успех – а я оцениваю ваши шансы не слишком высоко – это отсрочить момент, когда нас найдут. Никто не начнет искать Филби до возвращения паломников, то есть еще три дня. Если вы сумеете избавиться от моей машины, меня не начнут искать еще дольше. Это дает вам возможность избавиться от героина до начала охоты – если, конечно, вы еще хотите, чтобы Лернер его привозил. Впрочем, решайте сами, не позволяйте мне вмешиваться.

Рука Джулиуса на револьвере не дрогнула. Словно прикидывая, где лучше всего устроить пикник, он промолвил:

– Вы, конечно, правы. Вас надо скинуть в глубокую воду, и подальше отсюда. Самое лучшее место – у черной башни. Море там еще бьется о самые скалы. Отвезем его к башне.

– Как? Он весит, должно быть, больше двенадцати стоунов. Один я его туда не дотолкаю. От вас едва ли будет какая помощь, учитывая, что вы идете в шести шагах у меня за спиной с пистолетом. И как насчет отпечатков колес?

– Дождь их смоев. И нам вовсе не придется шагать в гору. Подъедем туда по прибрежной дороге, со стороны утесов, как когда спасали Энсти. Заперев вас с Филби в багажнике, я высмотрю в бинокль миссис Рейнольде. Она приезжает из Тойнтонна на велосипеде и всегда очень пунктуальна. Надо так рассчитать, чтобы встретить ее как раз за воротами. Я остановлюсь и скажу, что не вернусь к обеду. Минутка приятной и самой заурядной болтовни произведет впечатление на коронера, если ваши тела когда-нибудь попадут на дознание. И кстати, покончив с этой тягомотиной, я как раз успею в Дорчестер на ранний ленч.

– С инвалидным креслом и пластиковым мешком в багажнике?

– В запертом багажнике. Обеспечу себе алиби на целый день, а к вечеру вернусь в Тойнтон-Грэйндж. И не забуду помыть пакет перед тем, как класть его на место, протереть кресло, чтобы уничтожить ваши отпечатки, и проверить, нет ли на полу следов крови. Вы надеялись, я забуду? Не волнуйтесь, командер. Понимаю, что тогда уже придется обходиться без вашей неоценимой помощи, но благодаря вам у меня будет пара дней на проработку деталей. Меня вот привлекают еще несколько дополнительных

моментов. Все гадаю, нельзя ли как-нибудь приплести сюда разбитую статую? Может, она бы дала Филби мотив для нападения на вас?

– Я бы не стал усложнять.

– Пожалуй, вы правы. Первые мои два убийства были образцами простоты, и это только пошло им па пользу. Теперь запихните-ка его в багажник «мерседеса». Машина припаркована за домом. Только сначала пройдем через судомойню. Там в стиральной машине найдете две простыни. Возьмите верхнюю. Мне не нужны следы и отпечатки ботинок в багажнике.

– А миссис Рейнольде не заметит, что одной не хватает?

– Стирка и глажка у нее завтра. Женщина привыкла к строгому распорядку. А я сегодня вечером заменю. Не тратьте зря времени.

Должно быть, мозг Джулиуса отмечает каждую секунду, думал Дэлглиш. Однако в голосе убийцы не было и тени тревоги. Ни разу он не взглянул ни на наручные часы, ни даже на те, что висели на стене в кухне. И взгляд его, и дуло револьвера были неотрывно устремлены на жертву. Необходимо как-то нарушить эту жесткую концентрацию. А время истекало.

«Мерседес» стоял перед каменным гаражом. Подчиняясь указаниям Джулиуса, Дэлглиш поднял незапертую крышку и расстелил на дне багажника смятую простыню. Перевалить туда с кресла тело Филби оказалось легко. Дэлглиш сложил кресло и положил его сверху.

– Теперь залезайте сами, – приказал Дэлглиш.

Не это ли та самая лучшая, а может статья, и последняя возможность действовать? Здесь, перед коттеджем Джулиуса, когда в его машине лежит труп убитого им человека и полно ясных и недвусмысленных улик? Хотя кому ясных? Дэлглиш прекрасно понимал: если он сейчас бросится на врага, то не получит ничего, кроме секундного избавления от гнева и ощущения собственного бессилия – секундной передышки перед тем, как в него вонзится пуля. К черной башне отправятся два трупа, а не один, и оба рухнут на дно морское. Мысленным взором Дэлглиш видел, как Джулиус застыл в одиноком триумфе над обрывом, а револьвер, описав в воздухе кривую, пикирующей птицей разрезает торопливые волны, под которыми уже скрылись два тела, отданные на волю пучины. Все произойдет как задумано. Чуть муторнее, чуть дольше, учитывая, что тащить придется два тела, а не одно. И кто ему помешает? Уж явно не миссис Рейнольде, которая катит сейчас на велосипеде из деревни Тойнтон. А если она что-то заподозрит, если даже случайно упомянет, когда остановится по дороге поболтать с Джулиусом, что слышала какой-то звук, похожий на выстрел?

В револьвере останется еще пуля. Дэлглиш вовсе не был уверен, что Джулиус в своем уме.

Однако оставалось еще кое-что, что он мог сделать прямо сейчас, хотя успех и не был гарантирован. Командср надеялся, что, когда будет открывать багажник, крышка хоть на пару секунд загородит его от Джулиуса. Но тот встал прямо за машиной, так что пленник остался на виду. Правда, и в столь неотрывном наблюдении имелся хотя бы один плюс. Серые глаза ни на миг не отрывались – не смели оторваться – от лица Дэлглиша. Если действовать быстро и ловко, если повезет, быть может, фокус и удастся.

Дэлглиш словно невзначай положил руки на бедра и нащупал в заднем кармане брюк тонкий кожаный бумажник.

– Я сказал, забирайтесь сверху, – опасно тихим голосом повторил Джулиус. – Я не рискну вести машину, когда вы ближе.

Большой и указательный пальцы правой руки уже взялись за пуговицу кармана. Слава Богу, петля оказалась не тугой.

– Постарайтесь ехать побыстрее, если не хотите давать объяснения по поводу смерти отудушья.

– Пара ночей в море – и вам в легкие нальется столько воды, что такого диагноза уже никто не поставит.

Пуговица расстегнута. Дэлглиш осторожно просунул пальцы в карман и ухватил краешек бумажника. Теперь все зависело оттого, удастся ли незаметно вытащить его и уронить на землю за колесом автомобиля.

– Еще как поставят, – сказал он. – Патологоанатом в два счета поймет, что я умер прежде, чем коснулся воды.

– А вы и умрете прежде, с пульей-то в голове. Учитывая это, сомневаюсь, что кто-то станет искать следы удушья. Впрочем, благодарю за предупреждение. Поеду побыстрее. А теперь лезьте.

Дэлглиш пожал плечами и с неожиданным проворством, точно разом потеряв надежду, нагнулся, чтобы лезть в багажник.левой рукой он при этом оперся о бампер. По крайней мере останется отпечаток руки, происхождение которого объяснить будет нелегко. И тут командер вспомнил. Он уже опирался о бампер, когда клал в багажник посох, метлу и мешки. Не бог весть какое разочарование – однако на него оно подействовало угнетающе. Дэлглиш свесил правую руку, бумажник выскользнул из разжатых пальцев и упал под правое колесо. Никаких окриков или обманчиво-тихих приказаний не последовало. Джулиус ничего не сказал, не двинулся с места – а Дэлглиш был все еще жив. Если повезет, он останется жив и к тому моменту, как они доедут до черной башни. Адам

улыбнулся. Какая ирония – всей душой так радоваться дару, который еще какой-то месяц назад он принимал неохотно и вяло.

Хлопнула крышка багажника. Дэлглиш съежился в крошечной темноте и полной тишине. На секунду накатила паника, непреодолимое желание распрямиться, заколотить кулаками о металл. Машина не тронулась с места. Теперь Джулиус мог спокойно выверять время отъезда. К боку Дэлглиша тяжело прижималось мертвое тело. В ноздри "ударял густой запах, исходящий от Филби, как будто тот еще не умер. Своеобразный сплав грязи, нафталина и пота – тесное пространство багажника все пропиталось этой удушливой вонью. На миг на Дэлглиша навалились угрызения совести: он жив, а Филби мертв. Могли он спасти его, крикнув, предупредив? Едва ли. Тогда сейчас были бы мертвы уже оба. Филби все равно зашел бы в комнату, наверняка зашел бы. А даже если бы повернулся и попытался бежать, Джулиус догнал бы его и убил. Однако сейчас, когда холодная влажная плоть мертвеца касалась Дэлглиша, а жесткие волоски на безвольно откинувшемся запястье кололи ему кожу, он с особенной остротой чувствовал свою вину.

Машина тихо качнулась и поехала.

Дэлглиш не знал, не мог знать, заметил ли Джулиус бумажник, подобрал ли его, но надеялся, что вряд ли. Однако найдет ли его миссис Рейнольде? Скорее всего она подъезжает на велосипеде к самому гаражу. Дэлглиш почти не сомневался в том, что если она обнаружит бумажник, то не успокоится, пока не вернет его владельцу. Он вспомнил миссис Мак, вдову лондонского констебля, которая убиралась у него и время от времени готовила. Вспомнил ее порой даже чрезмерную честность, скрупулезнейшую заботу об имуществе своего хозяина, постоянные объяснительные записки по поводу потерянных в стирке мелочей, увеличившихся цен на те или иные продукты, куда-то задевавшихся запонок. Нет, найдя бумажник, миссис Рейнольде разволнуется и ни за что не оставит этого просто так. Во время прошлой поездки в Дорчестер Дэлглиш получил деньги по чеку, так что теперь в бумажнике лежали три десятифунтовых банкноты, несколько кредитных карточек и полицейское удостоверение. Миссис Рейнольде будет из-за чего волноваться. Наверное, она потратит понапрасну некоторое время на то, чтобы дойти до «Надежды». Там командера не окажется – и что дальше? Он надеялся, что она позвонит в местную полицию, страшась, что Дэлглиш хватится пропажи раньше, чем она успеет о ней сообщить. А что полиция? Если ему повезет, полицейским покажется странным, что бумажник так заботливо оказался прямо на дороге у миссис Рейнольде. И вне зависимости оттого,

начнут ли полисмены что-то подозревать, возможно, они попытаются поскорее связаться с ним. Может, даже решат позвонить в Тойнтон-Грэйндж, поскольку в коттедже отца Бэддли телефона нет. Обнаружат, что телефон по неведомой причине не работает. А потом – шанс пусть и небольшой, но все же есть – на всякий случай вышлют патрульную машину. И если какая-нибудь из них как раз окажется неподалеку, то приедет довольно быстро. По логике вещей каждый следующий шаг вытекал из предыдущего. И кое в чем Дэлглишу уже повезло. Миссис Рейнольде, насколько он помнил, была вдовой деревенского констебля. По крайней мере она не боится телефона и будет точно знать, кому звонить. Теперь жизнь Дэлглиша зависела оттого, заметит ли она бумажник. Небольшой квадратик коричневой кожи на мощеном дворе. А ведь на улице темно, тучи нависали все ниже и ниже.

Даже по ухабистому проселку Джулиус ехал очень быстро. Автомобиль остановился. Должно быть, Джулиус открывал ворота. Еще несколько секунд езды – и снова остановка. Теперь он, наверное, повстречал миссис Рейнольде и притормозил, чтобы поболтать с ней. Снова поехали, уже по ровной дороге.

Дэлглиш мог сделать еще кое-что. Подсунув левую руку под щеку, он впился зубами в большой палец. Кровь была теплой и чуть сладковатой. Он размазал ее по крышке багажника и, отвернув простыню, прижал палец к коврику. Группа АБ, резус отрицательный. Редкая группа. И если повезет, Джулиус не заметит эти мелкие, но такие многозначительные отпечатки. Только бы полицейские оказались внимательнее...

Становилось душно, в голове зашумело. Дэлглиш твердил себе, что воздуха на самом деле сколько угодно, что это давление на грудь – не более чем психологический эффект. А потом машина тихо качнулась, и он понял – Джулиус съехал с дороги в лощинку за каменной стенкой, что отгораживала мыс от дороги. Удобное место для остановки. Даже если тут, что весьма сомнительно, проедет какая-нибудь другая машина, «мерседеса» не будет видно. Доехали. Начинается последний этап путешествия.

До обрыва, над которым незыблемо и угрожающе возвышалась черная башня, было около ста пятидесяти ярдов усыпанного камнями и кочками дерна. Дэлглиш знал, что Джулиус предпочтет сделать всего одну ходку – захочет как можно скорее оказаться за пределами видимости с дороги. А что еще важнее, ему нельзя допускать физического контакта со своими жертвами. Когда разбухшие, изуродованные тела достанут из моря, на их одежде ничего обнаружить будет невозможно; но Джулиус наверняка знает,

как трудно уничтожить, не отдавая в стирку – что само по себе повод подозревать неладное, – мельчайшие следы крови, волос или ниток со своей собственной одежды. До сих пор он оставался совершенно чист. И это сыграет на руку Дэлглишу. Ему будет дарована жизнь до тех пор, пока они не окажутся под прикрытием башни. Коммандер был достаточно уверен в этом, чтобы позволить себе потянуть время, усаживая тело Филби в кресло и закрепляя его. Закончив, он склонился над ручками, тяжело дыша, изображая большую усталость, чем испытывал на самом деле. Необходимо любыми способами сохранить силы, несмотря на то что придется толкать кресло по бездорожью. Джулиус захлопнул крышку багажника.

– Пошевеливайтесь. Вот-вот начнется гроза.

Однако он ни на миг не перевел взгляда на небо, да этого и не требовалось. В посвежевшем воздухе отчетливо пахло дождем.

Хотя колеса кресла оказались хорошо смазаны, дорога далась Дэлглишу нелегко. Ладони скользили на резиновых ручках. Тело Филби, привязанного, точно непоседливый ребенок, моталось во все стороны и подпрыгивало, когда под колеса попадался очередной камень или травяная кочка. Пот заливал глаза. Это позволило Дэлглишу сделать то, что он давно хотел, – избавиться от куртки. Когда дойдет до последней схватки, более легко одетый боец получит преимущество. Он перестал толкать и выпрямился, лоя ртом воздух. Шаги у него за спиной тоже смолкли.

Возможно, теперь-то все и случится. И Дэлглиш никак не мог этому помешать. Утешала только мысль, что он все равно ничего не узнает. Одно движение пальца Джулиуса – и мозг, который сейчас лихорадочно строит планы, перестанет работать. Дэлглишу вспомнились слова Джулиуса: «Я не хуже его знаю, что меня ждет после смерти. Аннигиляция. А какой смысл бояться забвения?» Ах, если бы все было так просто! Но Джулиус не выстрелил. Все тот же опасно тихий голос произнес:

– Ну?

– Жарко. Можно, я сниму куртку?

– Почему бы и нет. Киньте ее на колени Филби. Я швырну ее в море после вас. Все равно волны ее сорвут.

Дэлглиш стянул куртку и положил на колени мертвецу. Не оборачиваясь, заметил:

– С вашей стороны весьма неосмотрительно убивать меня сзади. Филби умер мгновенно. Все должно выглядеть так, будто он сначала выстрелил в меня, но лишь ранил, после чего я вырвал у него оружие и прикончил. Когда револьвер всего один, схватка никак не может

закончиться двумя мгновенными смертями, причем с раной в затылке у одного убитого.

– Знаю. В отличие от вас я, может, и не слишком опытен в симуляции таких преступлений, но не дурак и прекрасно разбираюсь в огнестрельном оружии. Идите.

Они двинулись вперед, тщательно соблюдая все ту же дистанцию. Дэлглиш вез мертвого пассажира и слышал за спиной тихий шорох ног. Почему-то вдруг на ум пришел Питер Боннингтон. Именно из-за того, что этот неизвестный юноша, уже давно мертвый, переехал из Тойнтон-Грэйндж в другой приют, он, Адам Дэлглиш, сейчас шел через мыс под дулом револьвера. Отец Бэддли верил, что все в мире сплетено в единый узор. Тогда выходит, что сложности и хитросплетения человеческих судеб – не более чем упражнения в небесной геометрии.

Внезапно Джулиус заговорил, будто считал необходимым хоть как-то скрасить своей жертве последнюю утомительную прогулку, хоть как-то попытаться восстановить справедливость.

– Не могу снова стать бедным. Деньги мне нужны как кислород. Непросто вдоволь — больше чем вдоволь. Гораздо больше. Нищета убивает. Я не боюсь смерти, зато боюсь этого медленного и разъедающего умирания. Вы ведь мне не поверили? Ну, той истории про родителей?

– Не совсем. А должен был верить?

– Ну, это по крайней мере правда. Я мог бы свозить вас в какой-нибудь паб в Вестминстере – о Господи, да вы, верно, и сами их знаете, – познакомить с теми, кого я боюсь. С жалкими старушками, которые едва ухитряются сводить концы с концами на свою пенсию. Или не ухитряются. Хотя они, бедолаги, даже не привыкли иметь деньги. А я привык. И не стыжусь своих привычек. Коли я вообще живу, то должен жить в богатстве. Неужели вы и вправду ожидали, что я позволю больному старому глупцу и умирающей женщине встать на моем пути?

Дэлглиш не ответил на вопрос. Вместо этого он сменил тему:

– Полагаю, вы именно здесь и шли, когда подожгли башню?

– Ну разумеется. Поступил как и сейчас: доехал до ложбинки, а дальше пошел пешком. Я знал, когда Уилфред, раб привычек, скорее всего должен прийти в башню, и выследил его, наблюдая в бинокль. Ключи и сутану добыть было несложно. Я заранее подготовился. Любой, кто хорошо знает Тойнтон-Грэйндж, может передвигаться по нему совершенно незамеченным. А даже если бы меня и увидели – я ведь член семьи. Мне нечего объяснять свое присутствие. Поэтому и Грейс Уиллисон убить было так просто. Я вернулся домой и лег уже в начале первого, отделавшись

сущими пустяками: ноги замерзли да заснуть удалось не так быстро, как обычно. Кстати, должен вам сообщить на случай, если вы вдруг сомневаетесь: Уилфред и знать не знает ни о каких наркотиках. Если бы сейчас умереть предстояло мне, а вам выжить, вы бы испытали немалое удовольствие, сообщив ему все эти новости. Обе новости. Его чудо – обман, а его обитель любви – перевалочный пункт смерти. О, я бы многое дал, чтобы увидеть его лицо! До черной башни оставалось лишь несколько шагов. Не меняя направления в целом, Дэлглиш постарался подвезти кресло как можно ближе к крыльцу. Ветер постепенно усиливался, протяжно стонал над травой. Но ведь по этому каменистому выступу всегда гулял ветер.

Внезапно Дэлглиш остановился и, сжимая кресло левой рукой, сгруппировавшись, полуобернулся к Джулиусу. Сейчас или никогда.

– Что еще? – резко спросил Джулиус.

Время остановилось. Секунды застыли в вечности. В эту краткую, лишенную времени паузу страх и напряжение внезапно покинули Дэлглиша, освободили разум. Он отрешился и от прошлого, и от будущего, воспринимая все сразу – себя, своего противника, звук, цвет и запах моря, скал и неба. Копившийся все это время гнев из-за смерти отца Бэддли, разочарование, недовольство собой и миром, нерешительность последних недель, напряжение последнего часа – все утихло в этот миг. Дэлглиш заговорил – надтреснутым, высоким голосом, изображая ужас. Однако даже его собственному слуху этот ужас казался пугающе реальным.

– Башня! Там кто-то есть!

И – как он и надеялся – тот самый звук раздался снова: скрежет костей, пронзительный, неприятный, пугающий. Дэлглиш скорее почувствовал, чем услышал, за спиной, как Джулиус резко вобрал в себя воздух. Потом время снова пошло, – и в эту секунду Дэлглиш прыгнул.

Когда они рухнули на землю – Джулиус снизу, Дэлглиш сверху, – Адам ощутил сильный удар в правое плечо, внезапное онемение, липкое тепло, успокоительным бальзамом просачивающееся под рубашку. Звук выстрела эхом отразился от черной башни, и мыс ожил. С утесов поднялась туча кричащих чаек. Небо и скалы превратились в столпотворение бешено бьющих крыльев. А потом, точно нависавшие тучи только и ждали этого сигнала, небеса с треском рвущегося брезента разверзлись и хлынул дождь.

Они сражались, как голодные звери, мертвой хваткой вцепившиеся в добычу, – неумело и беспощадно, нечего не видя из-за слепящего глаза дождя, неотрывно связанные окоченением ненависти.

Опрокинув врага, Дэлглиш почувствовал, что силы его иссякают. Надо

покончить с противником сейчас, пока он еще сидит сверху и может пользоваться здоровым левым плечом. Он вжал запястье Джулиуса в вязкую землю и упорно давил на бьющийся ..под рукой пульс. Жаркое, дыхание Джулиуса опаляло ему лицо. Они лежали щека к щеке жуткой пародией на двух утомленных любовников. А револьвер все также не покидал заостренных пальцев. Медленно, болезненными рывками Джулиус сгибал правую руку к голове Дэлглиша. А потом раздался выстрел. Дэлглиш почувствовал, как пуля пролетела мимо его волос и, не причинив никакого вреда, исчезла в завесе дождя. . . —

Противники медленно покатались к краю обрыва. Слабея, Адам цеплялся за Джулиуса, точно ища опоры. Дождь острым копьем хлестал по глазам. Потом Дэлглиш уткнулся носом в насквозь промокшую землю. Перегной. Знакомый, успокаивающий последний запах. Скользя, Дэлглиш бессильно хватался за дерн, и тот распадался вязкими комками у него в руках. Внезапно Джулиус оказался сверху, обеими руками сжал горло командера, запрокидывая его голову за край обрыва. Небо, море, яростный дождь – все слилось в одну белую пелену, в один оглушительный рев в ушах. Залитое водой лицо Джулиуса было слишком далеко, не дотянуться, негнущиеся руки все сильнее смыкали кольцо. Надо подобраться к этому лицу. Дэлглиш нарочно обмяк, ослабил и так слабеющую хватку на плечах Джулиуса. Уловка сработала. Джулиус тоже чуть разжал хватку и инстинктивно наклонился взглянуть в лицо Дэлглишу. А в следующий миг пронзительно закричал, когда в глаза ему впились пальцы врага. Сплетение тел распалось. Дэлглиш вскочил на ноги и, пошатываясь, бросился вверх по склону, чтобы спрятаться за креслом.

Он сжался за ним, тяжело опираясь на прогибающийся брезент и глядя, как Джулиус бежит к нему: волосы развеваются, глаза безумные, сильные руки вытянуты вперед для последней схватки. Позади истекала черной кровью башня. Струи дождя барабанили по камням как град, рассыпаясь тончайшим туманом, эти звуки сливались с натужным дыханием Дэлглиша. Мучительный ритм раздирал его грудь, наполнял уши шумом, подобным агонизирующим стонам какого-то гигантского зверя. Внезапно Дэлглиш снял кресло с тормозов и из последних сил толкнул его вперед. Увидел изумленные, отчаянные глаза своего противника. На миг ему показалось, что Джулиус бросится к креслу, однако в последнюю секунду тот отскочил в сторону, и кресло вместе со своей ужасной ношей перевалило за край обрыва.

– Поди-ка объясни это, когда его выловят!

Дэлглиш так и не узнал: сказал он это лишь сам себе или прокричал

вслух. А в следующее мгновение уже налетел Джулиус.

Это был конец. Дэлглиш и не сопротивлялся, лишь позволял волочь себя вниз, навстречу гибели. Надежды не оставалось – разве что утащить Джулиуса с собой. В ушах стояли хриплые, визгливые крики, множество голосов. И все звали Дэлглиша. Весь мир кричал. Мыс наполнился голосами, фигурами. Внезапно тяжесть, прижимавшая грудь командера к земле, куда-то исчезла. Он был свободен.

– О нет! – потрясенно прошептал рядом Джулиус.

Дэлглиш слышал печальный, тоскливый протест так отчетливо, точно сам произнес эти слова. И это не было последним, исполненным ужаса криком вконец отчаявшегося человека—в тихом возгласе звучали огорчение и насмешка. А потом перед глазами Дэлглиша на миг потемнело – черная фигура, похожая на огромную птицу с распростертыми крылами, пролетела над ним, точно в замедленной съемке. Мир начал вращаться. Прокричала одинокая чайка. Земля задрожала. Над Дэлглишем нависло кольцо белых расплывчатых пятен. Но дерн, на котором он лежал, был таким мягким, таким неотразимо мягким. И Адам не мешал сознанию утекать в эту удобную перину.

IV

Дежурный хирург вышел из палаты Дэлглиша в коридор, где толпилась группа широкоплечих здоровяков.

– Он будет в состоянии отвечать на вопросы примерно через полчаса, – сказал врач. – Мы вынули пулю. А я передал ее тому вашему приятелю. Пациенту поставили капельницу, однако пусть вас это не смущает. Крови он потерял изрядно, и все же жизненно важных повреждений нет. Теперь можете заходить.

– Он в сознании? – спросил Дэниел.

– Не совсем. Ваш приятель говорит, что он цитировал «Короля Лира». Во всяком случае, бормотал нечто про Корделию. И все переживал, что не поблагодарил вас за цветы.

– На этот раз цветы ему, слава Богу, не понадобятся, – заметил Дэниел. – Пусть благодарит зоркие глаза и здравомыслие миссис Рейнольде. Ну и дождь, конечно. Однако дело едва не кончилось плохо. Не подберись мы совсем близко, прежде чем Корт нас заметил, он бы сбросил его с утеса. Ладно, если вы считаете, что все в порядке, мы и правда зайдем.

В коридоре показался констебль в мундире, со шлемом под мышкой.

– Что?

– Начальник полиции уже выехал, сэр. А из моря вытащили тело Филби, привязанное к инвалидному креслу.

– А Корта?

– Еще нет, сэр. Его, наверное, отнесло.

Дэлглиш открыл глаза. Кровать со всех сторон обступали люди в белом и черном, то приближающиеся, то отступающие, как в ритуальном танце. Чепцы сиделок скользили над расплывчатыми лицами, точно лишенные тела крылья, не знающие, куда им приткнуться. Потом картинка прояснилась, и он увидел круг полужнакомых лиц. Разумеется, тут была медсестра. И консультант, вернувшийся со свадьбы пораньше, уже без розы. Одновременно все лица расплылись в усталых улыбках. Дэлглиш заставил себя улыбнуться в ответ. Так все же это не острая лейкемия – и вообще не лейкемия. Он поправится. А как только снимут плотную повязку, которой почему-то стянули правую руку, он сможет выписаться и вернуться на работу.

Ошибка там в диагнозе или не ошибка, сквозь сон подумал Адам,

глядя на улыбающиеся лица, а с их стороны чертовски мило радоваться тому, что он, оказывается, все же не умрет.

notes

Примечания

1

Перевод Г. Кружкова.

Перевод К. Чуковского.

Греховное зачатие, мучительное рождение, тягостная жизнь, неизбежная смерть (лат.).

«Ритуальные памятники англиканской церкви» (лат.).

У. Шекспир. «Мера за меру»; перевод Т. Щепкиной-Куперник.

6

при параде (фр.).

7

Решительный, смертельный удар, «удар милосердия» (фр.).

Ср.: «Дай мне кинжалы; спящий...» (У. Шекспир, «Макбет»; перевод С. Соловьева).

9

Кому выгодно? (лат.)

Известные английские тюрьмы.